

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЕР. ЗАГАДКА ПРЕДСКАЗАНИЯ МАЙЯ!

СТИВ АЛЬТЕН

ЗАВЕЩАНИЕ МАЙЯ

Annotation

21 декабря 2012 года наступит конец света — так гласит предсказание древних майя.

Каким он будет? Есть ли шанс спастись? Археолог Юлиус Гэбриэл посвятил всю свою жизнь разгадке этой тайны и умер от сердечного приступа на кафедре университета, осмеянный коллегами, которые не поверили ни единому слову ученого. Его сын Мик знает, что делать, ему во что бы то ни стало нужно попасть в древний город майя Чичен-Ицу, но есть одна проблема: вот уже одиннадцать лет он находится в психиатрической клинике под усиленным надзором. Надежда на побег появляется у Мика, когда с ним начинает работу интерн Доминика Вазкез, девушка, в жилах которой течет майяская кровь.

-
- [Стив Альтен](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Благодарности автора](#)
 - [ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА](#)
 - [3](#)
 - [ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА](#)
 - [4](#)
 - [ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА](#)
- [18](#)
- [ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА](#)
- [19](#)
- [ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА](#)
- [22](#)
- [ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [ЭПИЛОГ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

Стив Альтен

«Завещание майя»

*Посвящается Кену Этчитти,
менеджеру, наставнику, другу...*

*Я шел сквозь жизни, запоминая их течение
И превращая в свой их опыт.*

Томас Харди

Ощущение тайны — самое прекрасное из доступных нам переживаний. Именно это чувство стоит у колыбели истинного искусства и настоящей науки.

Альберт Эйнштейн

Страх и религия. Религия и страх. Эти два понятия исторически связаны и являются катализатором для самых ужасных зверств, совершенных человечеством.

Страх перед злом питает религию, религия питает ненависть, ненависть питает зло, а зло нагнетает страх меж человеческими массами. Все мы танцуем в этом замкнутом кругу под дудочку дьявола.

Юлиус Гэбриэл

Предисловие

Роман Стива Альтена «Завещание майя» удивительным образом сочетает в себе интереснейшие сведения из раннего периода истории человечества и трезвый взгляд на современную политику. Отношения между героями романа, обычными людьми, стоит им попасть в необычные обстоятельства, развиваются совершенно неожиданно. Роман будет интересен как любителям научной фантастики, истории и мифологии, так и тем, кто увлекается психологией отношений.

Автор лихо закручивает сюжет вокруг вечных вопросов и проблем, которые среди забот повседневности часто отступают на второй план. Все мы, современные образованные люди, привыкли скептически усмехаться в ответ на предупреждения о скором Апокалипсисе, забывая, что наш мир давно находится на пороховой — то есть ядерной — бочке. Стив Альтен заверяет нас: фитиль короток, а факел к нему могут поднести амбициозные политики.

Мы считаем, что наследие древних цивилизаций интересно лишь археологам и историкам; привыкли скептически относиться к сенсациям и открытиям, ведь желтая пресса разучила нас доверять. Герой романа Юлиус Гэбриэл, археолог, сделал действительно сенсационное открытие, связанное с предсказанием древних майя. Но как заставить поверить ему коллег и широкую общественность? Ведь амбиции ученых, как и амбиции политиков, безграничны.

Джордано Бруно, Галилей, Дарвин... Их открытия опередили время и были признаны только после жарких дискуссий. Что же делать обычному человеку, не супергерою, не сверходаренному, если он вдруг понимает, что весь наш мир, такой большой и в то же время такой маленький, стоит на краю гибели? А спасение человечества зависит только от него самого...

Автор приглашает читателя в удивительное путешествие сквозь время — от истоков пророчества майя к зловещему Судному дню. Он не пугает и не предупреждает — он приглашает задуматься над тем, что действительно ценно и важно: о доверии и способности мыслить не по шаблону, о свободе от стереотипов и понимании, что

ответственность за судьбу мира начинается с ответственности за свои поступки.

И наконец, несколько слов об авторе «Завещания майя». Стив Альтен родился 21 августа 1959 года в Филадельфии. Долгое время профессионально занимался спортом и работал тренером в школах и университетах. Ему прекрасно известно, что такое воля к победе и преодоление препятствий. Широкую известность ему принес цикл романов «Мег», в которых он рассказывает о доживших до наших дней гигантских доисторических акулах — мегалодонах. Первая книга серии была экранизирована в 2001 году и в нашем кинопрокате шла под названием «Охотник на акул». По роману «Завещание майя» автор сам написал сценарий, и эта экранизация демонстрировалась на канале «Природа».

Бестселлеры Стива Альтена о мегалодонах помогли американским подросткам отвлечься от комиксов и компьютеров и начать читать книги. Впрочем, «Завещание майя» рассчитано на более серьезную аудиторию.

Читателю предстоит проделать удивительный путь сквозь пространство и время — от древнего города Чичен-Ица, колыбели майяской цивилизации, Стоунхенджа, великих пирамид Гизы, храмов Ангкора в Камбодже и рисунков в пустыне Наска к Белому дому, от времен динозавров — к последним месяцам 2012 года...

Благодарности автора

С большой гордостью и признательностью я хотел бы поблагодарить тех, что помог мне закончить «Завещание майя».

В первую очередь я благодарю своего литагента, Кена Этчители и его команду «Этчители эдиториал/энтертеймент интернэшнл», за их тяжелую работу и за настойчивость. Bravo редактору Майклу Мичману (ЭЭИ) за его виденье текста и Эду Стакеру из «Стакер эдиториал» за великолепные комментарии.

Благодарю Тома Догерти и чудесных людей из «Тор Букс», редактора Боба Глисона, Братана Кэллагана, а также Мэттью Снайдера из «Креатив Арт Эдженси» в Лос-Анджелесе и Дэнни Бэрора из Бэрор Интернэшнл. Благодарю Боба и Сару Швангер за техническое редактирование.

Также спасибо всем тем, чей личный опыт я использовал при написании «Завещания майя»: Гэри Томпсону, доктору Роберту Читвуду и жуткому персоналу исследовательско-лечебного центра Южной Флориды, рабби Ричарду Эклеру, Барбаре Эсмедине, Джеффри Мо, Лу Маккеллан, Джиму Кимбаллу, Шону Койну и доктору Брюсу Вишнову. А также авторам Грэхэму Хэнкоку, Джону-старшему Дженкинсу и Эриху фон Дэникену, чьи труды немало повлияли на мою историю.

Особую благодарность выражаю Биллу и Лори Макдональд из «Аргонавт-грей вулф продакшн» www.AlienUFOart.com, которые помогали в редактировании и предоставили удивительные иллюстрации, использованные в этом романе, а также Мэтту Херрманну из «Виллейндизайн» за его графические работы и фотографии.

Я очень признателен Роберту Марлину из «Марлин интерактив дизайн» за его бесценный труд по созданию и поддержке моего интернет-сайта.

И наконец — моим читателям: спасибо вам за ваши письма. Ваши комментарии всегда великолепны, а ваши предложения очень много для меня значат.

Стив Алътен

ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА

Я стою перед огромной пустошью, и меня терзает то же чувство всеобъемлющего одиночества, которое наверняка испытывал ее создатель многие тысячелетия назад. Передо мной лежат ответы на вопросы — решение загадки, которое ясно и определенно даст понять, будет ли существовать наш биологический вид. *Будущее человеческой расы* — что может быть важнее? Да, я стою здесь один — путешествие, предпринятое для понимания прошлого, привело меня в это чистилище из камня и песка. Осталось сделать лишь решающий шаг.

Годы взяли свое. И я превратился в сущую развалину. Когда-то известный археолог, теперь я стал посмешищем для бывших коллег. Муж, любовник — сейчас для меня это лишь смутные воспоминания. Отец? Едва ли. Скорее, эгоистичный наставник, ничтожество, переложившее тяжкую ношу на плечи собственного сына. Каждый шаг по каменистой пустыне болью отдается в суставах, а в мозгу звучит одна и та же сводящая с ума мантра, напоминающая о Судном дне. Какие высшие силы выбрали именно мою семью из тысяч прочих, чтобы обречь ее на мучения? Почему именно нам достались глаза, способные видеть знамения судьбы и смерти, в то время как другие люди остаются блаженно слепыми?

Сошел ли я с ума? Эта мысль никогда меня не покидает. Каждый день я снова и снова перечитываю свой дневник, хроники своих исследований, с единственной целью — напомнить себе, что прежде всего я ученый, и не просто ученый, я археолог — исследователь прошлого, человек, ищущий истину.

Но что хорошего в истине, если ее нельзя принять? Коллеги, без сомнения, считают меня деревенским дурачком, который кричит пассажирам «Титаника» об опасности, смерти и айсбергах, когда непотопляемый корабль отходит от берега.

Суждено ли мне спасти человечество или я погибну, не успев развенчать образ деревенского дурачка? А может, я положил жизнь на возню с ошибочной теорией?

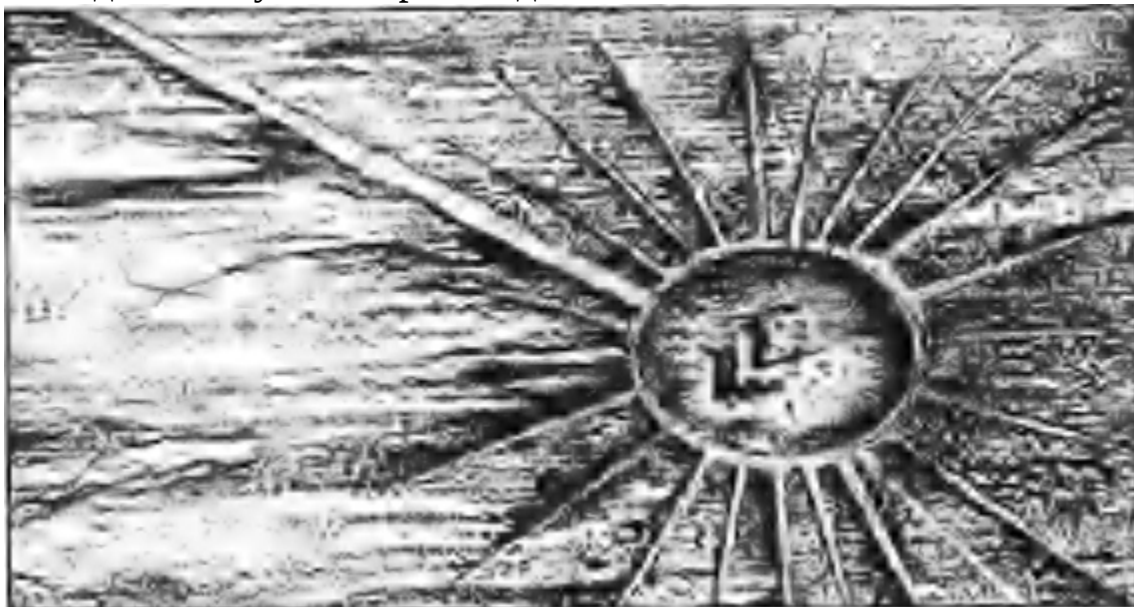
Хруст песка и камня под ногами прерывает эту исповедь дурака.

Это мой сын. Пятнадцать лет назад моя любимая жена назвала его в честь архангела Михаила.

Майкл. Он кивает мне, и черную дыру, образовавшуюся на месте моего сердца, заполняет отцовская любовь. Именно ради Майкла я продолжаю жить, именно он — та причина, по которой я еще не прервал своего жалкого существования. Моя безумная затея лишила его детства, но хуже всего было то, что много лет назад я совершил по собственной воле. Я продал бы душу за то, чтобы вернуться назад и изменить его судьбу.

Господи, позволь моему истерзанному сердцу протянуть достаточно долго, чтобы я успел достигнуть цели.

Майкл указывает вперед, туда, где нас ждет очередной фрагмент огромной мозаики. Осторожно ступая, чтобы не повредить поверхность пампы, мы приближаемся к тому, что я считаю началом оставленного три тысячи лет назад сообщения. В самом центре плато Наска, покрытого загадочными линиями и гигантскими зооморфными фигурами, находится он — идеальный круг, выложенный рядами покрытых патиной черных камней. От этого круга, словно солнечные лучи на детском рисунке, расходятся двадцать три линии. Все они, кроме одной, тянутся метров на двести.

Одна линия соответствует солнцестоянию, другая равноденствию — это вкуче со множеством других данных позволяет делать предположения об их связи со многими древними конструкциями.

Больше всего меня интригует двадцать третья линия, идеально ровная борозда на поверхности пампы, которая тянется по каменистой поверхности на двадцать три мили!

Я слышу возглас Майкла: он с металлоискателем обнаружил то, ради чего мы пришли к центру рисунка. *Что-то спрятано под верхним слоем грунта!* Воодушевленные, мы начинаем копать с новыми силами, снимая верхнюю корку из гипса и камня, чтобы добраться до скрытой под ними желтой почвы. Да, этот акт вандализма тяжким грехом ложится на плечи археолога, но я заверил себя, что наша цель оправдывает средства.

Наконец оно у нас в руках — сияет под палящим солнцем. Гладкий белый полый контейнер из какого-то пока неизвестного металла, не более уместный в пустыне Наска, чем моя скромная персона с лопатой в руках. На одном боку изображено нечто, напоминающее канделябр. Мое больное сердце затрепетало, когда я понял, что за символ находится в моих руках. *Трезубец Паракаса*, личная подпись нашего космического учителя. Похожий геоглиф около двухсот метров в длину и немногим более пятидесяти метров в ширину находится на склоне горы неподалеку.

Майкл достает камеру, а я открываю контейнер. Дрожащими руками я достаю его содержимое — кусок древней ткани, на которой что-то изображено, но я не успеваю рассмотреть рисунок: артефакт, соприкоснувшись с воздухом, начинает рассыпаться.

Мы нашли древнюю карту мира, аналогичную той, которую пятьсот лет назад обнаружил турецкий адмирал Пири Рей (есть даже теория, согласно которой именно этой картой воспользовался Колумб, когда отправился в свою экспедицию в тысяча четыреста девяносто втором году). До сих пор карта четырнадцатого века остается загадкой, ведь на ней изображена еще не открытая к тому времени Антарктида, а ее береговая линия соответствует реальной форме континента, скрытой под тоннами льда. Только с помощью спутника современным ученым удалось установить, насколько потрясающе точны данные карты Пири Рея, и теперь они ломают головы над тем, как без применения воздухоплавательных аппаратов была создана эта карта.

Возможно, именно эта технология помогла нашим предкам создать удивительные рисунки на плато Наска.

Как и карта Пири Рея, пергамент в моих ладонях изображал поразительно точную картину мира, свидетельствуя о том, что создатель карты обладал великолепными познаниями в области тригонометрии. Был ли неизвестный картограф великим учителем человечества? В этом я не сомневаюсь. Вопрос в другом: *зачем* он оставил нам столь подробную карту?

Майкл успел сделать несколько поляроидных снимков, прежде чем древний документ рассыпался, уйдя пылью сквозь пальцы. И всю информацию о нем мы узнаем лишь благодаря этим моментальным снимкам. Изучая их, мы нашли объект, которому картограф явно придавал огромное значение, — небольшой кружок в водах Мексиканского залива к северо-западу от полуострова Юкатан.

Месторасположение этой отметки ошеломило меня. Определенно это был *не* древний город, а нечто совершенно иное. Я почувствовал, как холодный пот выступил на коже и левая рука привычно занемела.

Майкл заметил в моих глазах признаки приближающейся смерти и, обыскав мои карманы, быстро нашел нужное лекарство и положил таблетку мне под язык.

Пульс замедлился, онемение отступило. Я коснулся его щеки и знаком велел сыну возвращаться к работе, а потом с гордостью наблюдал, как он исследует металлический контейнер, как сияют его умные черные глаза. Ничто не могло укрыться от глаз моего сына. Ничто.

Несколько минут спустя он поделился со мной открытием, которое, возможно, объясняло значок на карте, расположенный в Мексиканском заливе. Металлодетектор имел приспособление для проведения спектрального анализа, и он определил молекулярный состав сплава, из которого был сделан найденный нами контейнер.

Древний цилиндр состоял из иридия. Чистейшего иридия.

*Выдержка из дневника профессора Юлиуса
Гэбриэла*

от 14 июля 1990 года

ПРОЛОГ

Шестьдесят пять миллионов лет назад

Галактика Млечного Пути

Спиральная галактика — один из ста миллиардов звездных островов, движущихся сквозь темную материю мироздания. Воронка галактики, включающая около двухсот миллиардов звезд и бесчисленное количество других космических тел, вращается, как сияющий космический водоворот.

Рассмотрим строение галактики поближе. Если взглянуть на нее в системе трех измерений, то первым, на чем остановится наш взгляд, будет ядро галактики, состоящее из миллионов красных и оранжевых звезд, вращающихся в облаках космической пыли. Диаметр ядра составляет пятнадцать тысяч световых лет (световой год приблизительно равен шести триллионам миль). Вокруг этого своеобразного центра, напоминающего по форме линзу, располагается плоский диск галактики двух тысяч световых лет шириной и ста двадцати тысяч световых лет в диаметре. Именно здесь сконцентрирована основная масса галактических тел. От диска отходят спиральные рукава галактики, дом самых ярких звезд и сияющих облаков газа и пыли, — это космические инкубаторы, в которых зарождаются новые звезды. Диск окружен гало, в котором изредка встречаются шаровидные скопления звезд — самые крупные представители галактического семейства.

Отсюда мы двинемся дальше, к сердцу галактики, участку сложной структуры, окруженному вращающимися облаками газа и пыли. В центре этого скопления скрывается истинная движущая сила нашей галактики, огромная черная дыра — плотная вращающаяся воронка гравитационной энергии, масса которой в три миллиона раз превышает массу нашего Солнца. Она алчно поглощает все, до чего может дотянуться силой своего притяжения: звезды, планеты, материю

и даже свет. В результате этого процесса и происходит вращение нашей галактики.

Теперь давайте посмотрим на нашу спиральную галактику под другим углом — с точки зрения четвертого измерения, объединяющего время и пространство. Невидимые потоки энергии пронизывают тело галактики, словно артерии, вены и капилляры. Некоторые потоки настолько сильны, что могут увлекать за собой звезды, а другие больше похожи на тонкие микроскопические струны. Все они питаются гравитационными силами черной дыры, расположенной в центре галактики. Войдя в один из таких потоков, вы попадете на своеобразное скоростное шоссе четвертого измерения, способное доставить вас сквозь любые преграды в любую точку пространства-времени. Если, конечно, ваше средство передвижения выдержит такую поездку.

Галактика вращается вокруг своего чудовищного центра, поэтому эти змееобразные каналы энергии вращаются вместе с ней, пронизывая ее, словно спицы гигантского колеса.

Словно песчинка, подхваченная могучим потоком гравитационных сил, объект размером с астероид мчался сквозь ткань четвертого измерения, войдя в портал пространства-времени, расположенный в рукаве созвездия Ориона. Овальный объект, в диаметре достигающий семи миль, от разрушительных воздействий защищало изумрудно-зеленое антигравитационное силовое поле. Но космический путешественник был не один. Под прикрытием остаточного магнитного поля большого объекта следовал еще один корабль — маленький, обтекаемый заостренный корпус которого был покрыт мерцающими золотистыми солнечными панелями.

По космическому шоссе сквозь четвертое измерение пространства-времени странники достигли внутренней части рукава Ориона. В отдалении возникла Солнечная система — девять планет, вращающихся вокруг одинокой желтой звезды. Огромный иридиевый корабль, попав в гравитационное поле, быстро приближался к своей цели — Венере, второй от Солнца планете, к скоплению невыносимого жара, к миру, окутанному кислотными облаками с наполненной углекислотой атмосферой.

Меньший корабль приблизился к нему сзади, выдав врагу свое присутствие, тогда иридиевый гигант моментально изменил курс и,

увеличив скорость, попал в поле притяжения третьей планеты: большая часть ее поверхности была покрыта водой, а в атмосфере преобладал кислород.

С ослепительной вспышкой меньший корабль выпустил из расположенной над кормой похожей на плавник антенны раскаленный заряд энергии, который устремился сквозь ионный поток защитного поля, словно молния, притягиваемая металлом. Достигнув иридиевого корпуса противника, заряд раскалил его, отчего тот запылал всеми цветами радуги. Возникло короткое замыкание в системе навигации большего корабля, и он сбился с курса. Несколько мгновений спустя поверженный гигант уже находился в гравитационном поле голубой планеты.

Потеряв управление, огромный корабль устремился к Земле. С мощнейшим звуковым ударом пришелец вошел в атмосферу. Внешняя оболочка пошла трещинами и ослепительно вспыхнула, превращая корабль в гигантский огненный шар, падающий в тропическое море. При столкновении с водой он замедлился лишь на долю секунды и с такой силой врезался в морское дно, что на месте его падения образовался огромный кратер. Наносекунду спустя с ослепительной вспышкой в атмосферу выплеснулось сто миллионов мегатонн энергии.

Чудовищный взрыв встряхнул всю планету, температура в эпицентре достигла тридцати двух тысяч градусов — это выше температуры на поверхности Солнца. Одновременно возникли два раскаленных газовых шара: первый в виде облака горячей каменной пыли и иридия — того, что раньше покрывал уничтоженную при столкновении оболочку корабля; второй последовал за ним лавиной раскаленного пара и углекислого газа — результат столкновения с известняковым морским дном и толщей потревоженной воды.

Раскаленная пыль и выброшенные при испарении газы взмыли в атмосферу, отмечая путь гигантского объекта. Колоссальной высоты волны всколыхнули море: внушающее ужас цунами поднялось на сотню метров, дойдя до мелководья, и устремилось к суше.

* * *

Южное побережье Северной Америки

В оглушающей тишине стая велоцирапторов окружала свою добычу — десятиметровую самку коритозавра. Почувствовав опасность, утконосая рептилия выпрямилась во весь свой впечатляющий рост и втянула воздух, вычлняя среди сотен ароматов запах приближающейся стаи. Трубным воплем сообщив остальным о приближении опасности, она сквозь джунгли галопом понеслась к морю.

Внезапно вспышка света ослепила утконосую рептилию. Та, пошатываясь, сделала несколько шагов и замотала огромной головой, пытаясь вернуть себе способность видеть. Придя в себя, она заметила двух рапторов: они выскочили из джунглей ей наперерез, блокируя пути к отступлению. Остальная стая набросилась на коритозавра и принялась терзать ее спину бритвенно-острыми зубами. Один из охотников вцепился в горло добычи, остальные рвали на куски брюхо более крупного динозавра. Захлебнувшись кровью в предсмертном крике, лишенная возможности двигаться самка коритозавра упала на землю, мелкие хищники придавили ее к песку пляжа, острыми клыками терзали ее глаза, рвали беззащитную плоть на части.

Через несколько минут все было кончено. Хищники рычали, вырывая из пастей более удачливых сородичей куски мяса, разрывали все еще дрожащую плоть добычи в клочья. Занятые едой велоцирапторы не заметили, как под ними задрожала земля.

Темная тень нависла над их головами. Похожие на птиц динозавры все как один посмотрели вверх; с их челюстей капала кровь. Над ними вздымалась огромная стена воды.

Волна высотой в двадцать два этажа взметнулась и обрушилась, с сокрушительной силой впечатывая охотников в прибрежный песок. Цунами, движимое кинетической энергией, рвануло на север, уничтожая все на своем пути.

Тысячи миль побережья были уничтожены в смертоносном водовороте. Растительность, живые существа, верхние слои почвы тропического леса — все было сметено с лица земли. Те жалкие остатки леса, которые уцелели после цунами, запылали от раскаленного ударной волной воздуха. Пара птеранодонов попытались вырваться из разверзнувшегося ада, но не успели они подняться над

деревьями, как обжигающий ветер испепелил перепонки их кожистых крыльев.

Выброшенные ударной волной высоко в небо куски иридиевой обшивки корабля и осколков каменистого морского дна горели в атмосфере и, устремленные назад на землю, рассыпались тысячами метеоров. Несколько часов спустя вся планета была окутана густым облаком пыли, дыма и пепла.

Лесные пожары бушевали в течение нескольких месяцев. Почти год ни один луч солнца не мог пробиться сквозь почерневшее небо к тому, что раньше было тропическими лесами. Из-за временного прекращения фотосинтеза погибли тысячи видов растений и животных на суше и в море. Вместо привычной смены сезонов наступила многолетняя ядерная зима.

Так секундный катаклизм уничтожил обитель динозавров, царствовавших на Земле сто сорок миллионов лет.

* * *

Несколько дней золотистый обтекаемый кораблик оставался на орбите уничтоженного мира, а его датчики внимательно следили за активностью в месте столкновения с поверхностью планеты. Дорога домой, пролежавшая сквозь четвертое измерение, давно исчезла. Вращение галактики унесло точку входа в червоточину.

На седьмой день изумрудно-зеленый свет пробился из глубин морского дна. Секундой позже мощный радиосигнал, сообщающий об аварии, улетел в открытый космос.

Инопланетная команда зависшего на орбите корабля попыталась заглушить сигнал, но было уже поздно.

Зло пустило корни в новом космическом саду. И пробуждение стало лишь вопросом времени.

Золотистый космический корабль сменил орбиту, зависнув прямо над своим врагом. Солнечные панели внутренней системы излучателей заблокировали и отсеки все входящие и исходящие сигналы. Затем корабль погрузился в летаргию, подавая энергию лишь в камеры жизнеобеспечения.

Для обитателей корабля время остановилось.

Начался отсчет времени для планеты Земля...

8 сентября 2012 года

Майами, штат Флорида

Исследовательско-лечебный центр Южной Флориды располагался в семиэтажном здании из белого бетона за оградой из аккуратно подстриженного вечнозеленого кустарника. Здание находилось на выезде из этнического района к западу от города. Как и у большинства деловых строений, крыша этого здания была увенчана кольцами колючей проволоки. Но в данном случае она предназначалась не для того, чтобы удерживать любопытствующих снаружи, а для того, чтобы не выпустить из здания его обитателей.

Доминика Вазкез, тридцати одного года от роду, громко ругаясь, лавировала в плотном потоке машин, чтобы вырваться на шоссе 441. Первый день ее интернатуры, а она уже опоздала. Увернувшись от подростка на мотоскейте, который вырвался не на ту полосу дороги, она загнала машину на парковку для гостей, заглушила мотор и поспешила к зданию, на ходу собирая угольно-черные, достающие до плеч волосы в пучок на затылке.

Двери на фотоэлементах распахнулись, пропуская ее в прохладный от работающих кондиционеров вестибюль.

За столом регистратуры сидела испанка, давно разменявшая пятый десяток, и читала утренние новости с тоненького монитора размером с папку для бумаг. Не поднимая глаз, она поинтересовалась:

— Я могу вам чем-то помочь?

— Да. У меня назначена встреча с Маргарет Рейнке.

— Назначена она явно не сегодня и не на сегодня. Доктор Рейнке здесь больше не работает. — Женщина нажала кнопку прокрутки, выводя на монитор следующую порцию новостей.

— Я не понимаю. Я говорила с доктором Рейнке две недели назад.

Служащая наконец подняла глаза от монитора.

— А кто вы?

— Вазкез, Доминика Вазкез. Я из Университета Флориды, прибыла для прохождения годичной последипломной интернатуры. Доктор Рейнке должна быть моим куратором.

Служащая сняла телефонную трубку и набрала внутренний номер.

— Доктор Фолетта, здесь девушка по имени Домино Васс...

— Вазкез. Доминика Вазкез.

— Прошу прощения. Доминика Вазкез. Нет, сэр, она внизу, в вестибюле, утверждает, что она — интерн доктора Рейнке. Да, сэр. — И повесила трубку. — Можете присесть вон там. Доктор Фолетта спустится через несколько минут и поговорит с вами. — Женщина повернулась спиной к Доминике, снова уткнувшись в новостной дайджест.

Прошло десять минут, прежде чем в коридоре появился крепко сбитый мужчина на вид лет шестидесяти.

Энтони Фолетта выглядел так, будто ему самим Провидением отведено место тренера или вратаря на футбольном поле, но никак не в коридоре штатного приюта для неменяемых преступников. Густые седые волосы были зачесаны на затылок огромной головы, которая, казалось, росла прямо из плеч — такой короткой была его шея. Голубые глаза мигали из крошечных щелей между опухшими веками и пухлыми щеками. Несмотря на лишний вес, он был скорее накачанным, чем толстым, а живот лишь слегка выдавался под расстегнутым белым халатом.

Ей достались натянутая улыбка и протянутая толстая ладонь.

— Энтони Фолетта, новый шеф отделения психиатрии. — Голос у него оказался глубоким и скрипучим, как старая газонокосилка.

— Что случилось с доктором Рейнке?

— Личные обстоятельства. По слухам, у ее мужа обнаружили скоротечную форму рака. Думаю, она решила пораньше уйти на пенсию. Рейнке говорила мне о вашем приезде. Если у вас нет никаких возражений, я буду вашим куратором.

— Никаких возражений.

— Хорошо. — Он развернулся и зашагал по коридору обратно, Доминика догнала его и пристроилась рядом.

— Доктор Фолетта, как давно вы работаете в этом центре?

— Десять дней. Я перевелся сюда из клиники в Массачусетсе. — Они приблизились к дежурному на первом посту внутренней охраны. — Передайте охраннику ваши водительские права.

Доминика порылась в сумочке и протянула мужчине ламинированную карточку, взамен которой тот выдал ей временный пропуск.

— Пока что воспользуйтесь этим, — сказал Фолетта. — В конце дня, перед уходом, отдадите его обратно. Ваш значок интерна будет готов к концу этой недели.

Она прикрепила пропуск к лацкану блузки и последовала за доктором к лифту.

Фолетта показал три пальца камере слежения, вмонтированной над его головой. Дверь закрылась.

— Вы бывали здесь раньше? Знаете планировку?

— Нет. Мы с доктором Рейнке общались только по телефону.

— Здесь семь этажей. Администрация и главный пост охраны располагаются на первом. Главный пост контролирует передвижение персонала и внутренние лифты для пациентов. На втором этаже расположен небольшой медицинский пункт для престарелых и хронических больных. На третьем этаже вас ждут столовая и комнаты отдыха. Кроме того, там же есть переходы в бельэтаж, во двор и палаты пациентов. На четвертом, пятом, шестом и седьмом квартируют наши постоянные обитатели. — Фолетта хохотнул. — Доктор Блэквелл называет их «клиентами». Интересный эвфемизм, не находите, учитывая, что сюда они прибывают в наручниках?

Они вышли из лифта и миновали пост охраны, аналогичный тому, что встретил их на первом этаже. Фолетта махнул рукой, и они проследовали по короткому коридору в его кабинет, заставленный картонными коробками, в которые были свалены документы, оправленные в рамки дипломы и личные вещи.

— Прошу прощения за беспорядок, я все еще обустройстваюсь. — Фолетта убрал со стула принтер, жестом пригласил Доминику садиться и, неуклюже пробравшись сквозь завалы к кожаному креслу, расположился в нем, откинувшись на спинку, чтобы дать простор своему выдающемуся животу.

Он открыл ее личное дело.

— Хм. Понятно, получили докторскую степень во Флориде. Много футбольных матчей посетили?

— Не очень. — *Пользуйся возможностью!* — Похоже, вы раньше и сами играли в футбол.

Фраза прозвучала как отличный пароль: пухлое лицо Фолетты словно засветилось изнутри.

— «Файтинг блю хенс»^[1] из Делауэра, выпуск семьдесят девятого года. Начинал атакующим таклом.^[2] Рейтинг 1-АА. Мне светило место в нижнем круге Национальной футбольной лиги, если бы я не повредил колено об Лехая.

— А что вас привело в судебную психиатрию?

— Мой старший брат страдал навязчивыми идеями. И всегда был в конфликте с законом. Его психотерапевт, который в свое время окончил Делауэр, был большим любителем футбола. Он часто приходил к нам в раздевалку после матчей. Когда я повредил колено, он воспользовался своими связями и помог мне поступить в высшую школу. — Фолетта подался вперед, положив личное дело Доминики на стол. — Но давайте поговорим о вас. Меня кое-что интересует. Вы из Университета Флориды. Существует множество учреждений, которые расположены гораздо ближе к месту вашей учебы. Что привело вас именно сюда?

Доминика прочистила горло.

— Мои родители живут на Санибеле. Это всего в двух часах езды от Майами. Но я не часто бываю дома.

Фолетта вел толстым пальцем по строчкам ее личного дела.

— Здесь сказано, что вы родом из Гватемалы.

— Да.

— И как вы оказались во Флориде?

— Мои родители — мои настоящие родители — умерли, когда мне было шесть. И меня с двоюродным братом отправили в Тампу.

— Но ненадолго?

— Это важно?

Фолетта поднял на нее глаза. Они больше не казались сонными.

— Я не особо люблю сюрпризы, интерн Вазкез. Прежде чем разбираться со здешними обитателями, я хотел бы разобраться с психологией собственно персонала. Большинство здешних резидентов не создают особых проблем, тем не менее, важно помнить, что иногда

мы имеем дело с крайне жестокими индивидуумами. Для меня безопасность превыше всего. Что с вами произошло в Тампе? Каким образом вы оказались в детском приюте?

— Достаточно сказать, что с моим двоюродным братом правила безопасности не сработали.

— Он изнасиловал вас?

Доминика решила ответить прямою на прямую:

— Если вам так важно это знать, то да. Мне тогда было всего десять.

— Вы наблюдались у психиатра?

Она уставилась на него. *Держи себя в руках, он проверяет тебя.*

— Да, до семнадцати лет.

— Вам неприятно об этом говорить?

— Это случилось. Это в прошлом. Да, я уверена, что это повлияло на выбор карьеры, если вы к этому клоните.

— И на ваши интересы тоже. Здесь сказано, что у вас черный пояс второй степени по тхэквондо. Случалось пользоваться достижениями на практике?

— Только на соревнованиях.

Его веки раздвинулись шире, голубые глаза впились в нее изучающим взглядом.

— Скажите, интерн Вазкез, вы представляли себе лицо своего двоюродного брата, когда били своих соперников?

— Иногда. — Она убрала с глаз упавшую прядь волос. — А кого представляли вы, когда играли в футбол в составе этих ваших «Файтинг блю хенс»?

— *Туше.* — Он снова уставился в личное дело. — Часто бегаєте на свидания?

— Моя личная жизнь вас тоже интересует?

Фолетта выпрямился в кресле.

— Травмирующий сексуальный опыт, подобный вашему, часто приводит к расстройствам на сексуальной почве. А я, как уже говорил, хочу узнать, с кем мне придется работать.

— У меня нет отвращения к сексу, если вы спрашиваете об этом. Но у меня *есть* вполне здоровая подозрительность к сексуально озабоченным мужчинам.

— Это не «дом на полпути»,^[3] интерн Вазкез. Вам понадобится по-настоящему дубленая шкура вместо нежной кожицы, если вы собираетесь работать с психически неуравновешенными преступниками. Для таких, как они, прелестные выпускницы колледжа являются лакомым кусочком, на котором можно заработать определенную репутацию. Вы приехали из Флориды и, думаю, должны быть благодарны за такое предупреждение.

Доминика глубоко вздохнула, расслабляя закаменевшие от напряжения мускулы. *Черт тебя дери, засунь свое эго подальше и прислушайся к его словам.*

— Вы правы, доктор. Прошу прощения.

Фолетта закрыл папку с документами.

— Дело в том, что я запланировал для вас специальное задание, но мне нужно было удостовериться в том, что вы справитесь с ним.

Доминика снова приободрилась.

— Испытайте меня.

Фолетта достал из ящика стола толстую коричневую папку.

— Как вам уже известно, на этом государственном объекте работа построена на вере в мультидисциплинарный командный подход. Каждый резидент находится под наблюдением отдельного психиатра, клинического психолога, социального работника, сиделки и ответственного за реабилитацию терапевта. Первой моей реакцией, когда я только прибыл сюда, было ощущение, что все это как-то чересчур, но с результатами их работы не поспоришь, особенно когда дело касается таких вещей, как жестокое обращение с пациентами и подготовка их к участию в последующих судебных разбирательствах.

— Но не в этом деле?

— Нет. Я хочу, чтобы этого резидента вы рассматривали как моего пациента из больницы, в которой я работал штатным психологом.

— Я не понимаю. Вы привезли его с собой?

— Шесть месяцев назад наша клиника лишилась финансирования. Он определенно не может вернуться в общество, поэтому его нужно было куда-то перевести. Я знаю историю его болезни как никто другой и поэтому подумал, что для всех заинтересованных лиц меньшим из зол будет оставить его под моей опекой.

— Кто он такой?

— Вы когда-нибудь слышали о профессоре Юлиусе Гэбриэле?

— Гэбриэл? — Это имя показалось ей знакомым. — Подождите-ка, это не тот археолог, который несколько лет назад неожиданно скончался прямо посреди лекции в Гарварде?

— Двенадцать лет назад, — улыбнулся Фолетта. — После трех десятков грантов на проведение исследовательских работ Юлиус Гэбриэл вернулся в Штаты и заявил своим коллегам, что древние египтяне и майя построили свои пирамиды с помощью инопланетян и что все эти постройки предназначены для спасения человечества от тотального уничтожения. Можете себе представить? Смехом аудитории его сдуло со сцены. Возможно, он умер от унижения. — Щеки Фолетты тряслись, когда он хихикал. — Юлиус Гэбриэл просто просится на плакат с подписью «параноидальная шизофрения».

— Так кто такой этот пациент?

— Его сын. — Фолетта открыл папку с документами. — Майкл Гэбриэл, тридцать шесть лет. Предпочитает, чтобы его называли Мик. Первые двадцать пять лет жизни провел, работая бок о бок с родителями на археологических раскопках, чего, по-моему, любому ребенку будет достаточно для нарушения психики.

— За что его взяли под стражу?

— Мик сломался во время отцовской лекции. Суд выявил у него параноидальную шизофрению и приговорил к пребыванию в приюте для умалишенных штата Массачусетс, где я стал его клиническим психиатром, каковым и оставался даже после того, как в две тысячи шестом стал там директором.

— У него то же расстройство, что было у его отца?

— Конечно. Сын, как и отец, уверен в том, что какая-то ужасная катастрофа сотрет человечество с лица земли. Кроме того, у Мика стандартная для параноиков мания преследования, в основном порожденная смертью отца и его собственным заключением. Он жалуется, что секретные правительственные службы держат его под замком столько лет. По уверениям Мика Гэбриэла, он является искупительной жертвой, невинным человеком, который призван спасти наш мир, в чем ему мешают безнравственные амбиции самовлюбленных политиканов.

— Простите, но смысл последней фразы от меня ускользнул.

Фолетта пролистал документы, вытащив пачку поляроидных снимков из коричневого конверта.

— Вот тот человек, на которого он напал. Хорошенько рассмотрите эти фотографии, интерн. Убедитесь, что при случае он не пробьет вашу защиту.

На снимках было запечатлено лицо зверски избитого человека. Правую глазницу залила кровь.

— Мик сорвал со сцены микрофон и избил им жертву до потери сознания. В результате бедняга потерял глаз. Думаю, имя жертвы вам знакомо. Пьер Борджия.

— Борджия? Вы шутите? Государственный секретарь?

— Это случилось примерно одиннадцать лет назад, до того как Борджия стал делегатом Объединенных Наций. В то время он претендовал на пост сенатора. Это нападение определенным образом сыграло ему на руку на выборах. До того как политическая машина вытолкнула его наверх, Пьер был довольно неплохим ученым. Вместе с Юлиусом Гэбриэлом он проходил докторантуру в Кембридже. Хотите верьте хотите нет, но эти двое начали работать бок о бок сразу после выпуска из университета и до той крупной ссоры пять или шесть лет вместе исследовали древние руины. В конце концов семья Борджия заставила его вернуться в Штаты и заняться политикой, однако давняя вражда так и не остыла.

Судя по всему, именно Борджия заявил Юлиуса в качестве главного докладчика в тот день. Должно быть, Пьер сказал что-то, чего не должен был говорить, и это заранее настроило публику. У Юлиуса Гэбриэла было больное сердце. После того как он свалился за сценой с инфарктом, Мик сорвался. Понадобилось шесть полицейских, чтобы скрутить его. Все это есть в документах.

— Но это похоже на внезапный нервный срыв, спровоцированный...

— Интерн, такую ярость можно накопить только за долгие годы. Майкл Гэбриэл был вулканом, ждущим извержения. Мы имеем дело с ребенком, которого двое выдающихся археологов растили в самых безлюдных областях планеты. Он никогда не ходил в школу, у него не было возможности социализироваться в общении с другими детьми, что в результате привело к крайней степени антисоциализации личности. Черт, да у Мика наверняка не было ни одного нормального

свидания. Все, чему он научился в жизни, было передано ему его единственными спутниками — родителями, из которых по крайней мере один был неменяемым.

Фолетта протянул ей папку.

— А что случилось с его матерью?

— Умерла от рака поджелудочной железы, когда их семья жила в Перу. По какой-то непонятной причине мысли о ее смерти до сих пор преследуют его. Пару раз в месяц он просыпается с криками. По ночам его мучат жуткие кошмары.

— А сколько лет было Мику, когда она умерла?

— Двенадцать.

— Как вы думаете, почему ее смерть до сих пор так травмирует его?

— Не знаю. Мик отказывается говорить об этом. — Фолетта поерзал, но при его габаритах устроиться с комфортом на таком маленьком кресле было непросто. — По правде говоря, интерн Вазкез, Майкл Гэбриэл не особо меня любит.

— Невроз переноса?^[4]

— Нет. У нас с Миком никогда не было стандартных отношений врача и пациента. Я с самого начала превратился для него в тюремщика, в часть его паранойи. Наверняка такое отношение связано с тем, как прошли первые несколько лет его пребывания в клинике. Мик очень тяжело привыкал к заключению. На шестом месяце пребывания здесь он сорвался на одного из охранников, сломал ему обе руки и намеренно отбил мошонку. Яички несчастному пришлось удалять хирургическим путем. Где-то в папке есть фотографии, если желаете...

— Нет, спасибо.

— В качестве наказания за это нападение Мик провел почти все десять лет в одиночном заключении.

— Это немного жестоко, вы не находите?

— Не там, откуда мы прибыли. Мик гораздо умнее тех людей, которых мы наняли для его охраны. Для всех заинтересованных будет лучше, если он останется в изоляции.

— А ему позволят участвовать в сеансах групповой терапии?

— Здесь очень строгие правила для большинства пациентов, но в данном случае ответ — нет.

Доминика снова взглянула на поляроидные снимки.

— И насколько мне следует беспокоиться о том, что он может на меня напасть?

— В нашем деле, интерн, вам всегда следует быть настороже. Есть ли вероятность, что Мик Гэбриэл на вас нападет? Есть всегда. Думаю ли я, что он обязательно это сделает? Сомневаюсь. Последние десять лет нелегко ему дались.

— А у него есть шанс когда-нибудь вернуться в общество?

Фолетта покачал головой.

— Никогда. Это последняя остановка на жизненном пути Мика Гэбриэла. Он никогда не сможет приспособиться к жизни в обществе. Мик боится.

— Чего боится?

— Своей собственной шизофренией. Мик утверждает, что чувствует чье-то присутствие, которое становится сильнее, подпитываясь человеческой ненавистью и жестокостью. Его фобия выходит на новый виток каждый раз, когда очередной злобный подросток хватается за папин пистолет и устраивает в школе стрельбу. Такие вещи действительно выбивают его из колеи.

— Меня тоже.

— Но не до такой степени. Мик становится настоящим зверем.

— Его держат на препаратах?

— Мы даем ему «зипрексу»^[5] дважды в день. Это значительно снижает его агрессию.

— И каких действий вы ожидаете от меня?

— Закон штата требует, чтобы его лечили. Пользуйтесь возможностью получить немного опыта.

Он что-то скрывает.

— Я благодарна вам за предоставленную возможность, доктор. Но почему именно я?

Фолетта оттолкнулся от стола и встал, мебель заскрипела от его веса.

— Поскольку я директор этой клиники, я прекрасно понимаю, что может возникнуть конфликт интересов, если пациента буду вести только я.

— Но почему не собрать команду...

— Нет. — Похоже, Фолетта начал терять терпение. — Майкл Гэбриэл остается моим пациентом, и я решаю, какой вид терапии лучше всего подходит ему, — я, а не совет попечителей. Скоро вам самой выпадет шанс убедиться, что Мик хитрит, — он очень умный, он хорошо соображает и тонко чувствует многие вещи. Его IQ около 160.

— Довольно необычно для шизофреника, вы не находите?

— Необычно, не невероятно. Я считаю, что он просто играет с социальным работником и реабилитационным терапевтом. И нужен кто-то с вашим уровнем подготовки, чтобы оценить его уловки.

— Так когда я смогу его увидеть?

— Прямо сейчас. Его поместили в изолированную камеру, где я смогу наблюдать за вашей первой встречей. Сегодня утром я рассказал ему о вас. И он ждет возможности с вами поговорить. Просто будьте осторожны.

* * *

На каждом из четырех верхних этажей клиники, которые персонал называл отделениями Исследовательско-лечебного центра, содержалось по сорок восемь резидентов. Каждое отделение имело северное и южное крыло, в каждом крыле располагалось по три подотдела — маленькие комнаты отдыха с диванами и телевизорами. Вокруг каждой такой комнаты располагалось по восемь одиночных палат. На всех этажах находились посты охраны и медицинского персонала. Окон на этажах не было.

Фолетта и Доминика воспользовались лифтом для персонала, чтобы попасть на седьмой этаж. Охранник-афроамериканец разговаривал с одной из сиделок на главном посту медперсонала. Одиночная палата, в которую они направлялись, находилась по левую руку от охранника.

Директор поздоровался с охранником и представил ему нового интерна. Марвису Джонсу уже минуло сорок, и в его добрых карих глазах светилась уверенность, которую мог дать лишь богатый опыт. Доминика заметила, что охранник не вооружен. Фолетта объяснил, что ношение оружия на верхних этажах клиники запрещено.

Марвис отвел их через центральный пост охраны в изолированную камеру, одна из стен которой почти полностью состояла из защитного стекла, прозрачного только с одной стороны.

Майкл Гэбриэл сидел на полу лицом к затененному стеклу, прислонившись к дальней стене камеры. На нем была белая футболка и такие же штаны. Он оказался на удивление хорошо сложен: с пропорционально развитым мускулистым телом, ростом под два метра весил он чуть больше девяноста килограмм. Темно-каштановые волосы спадали до плеч, завиваясь на концах. Лицо пациента оказалось привлекательным и чисто выбритым, лишь по правой щеке шел шестисантиметровый шрам от подбородка и вдоль челюсти до уха. Глаз он не поднимал.

— А он симпатичный.

— Как и Тед Банди,^[6] — парировал Фолетта. — Я буду наблюдать за вами отсюда. Уверен, что Мик будет самым очарованием, пытаюсь произвести на вас впечатление. Когда я решу, что достаточно, я пришлю сюда сиделку с его дозой медикаментов на сегодня.

— Хорошо. — Ее голос дрогнул. *Расслабься, черт тебя подери.*

Фолетта улыбнулся.

— Вы нервничаете?

— Нет, просто немного волнуюсь.

Она вышла из комнаты наблюдения, сделав знак Марвису, что камеру можно открывать. Дверь распахнулась, и ей показалось, словно десяток бабочек испуганно вспорхнули в ее животе. Она медлила, но ровно столько, сколько понадобилось, чтобы успокоиться; затем вошла внутрь и, услышав двойной щелчок закрывшейся за спиной двери, вздрогнула.

В камере два на три метра прямо перед ней оказалась привинченная к полу и стене железная кровать, накрытая тонким матрасом из мягкого материала, а рядом с ней один стул, также привинченный к полу. Затемненное стекло, сквозь которое за комнатой наблюдали, находилось за ее спиной — его ничто не прикрывало и не загораживало. В комнате витал запах лекарств.

Мик Гэбриэл стоял, слегка наклонив голову, поэтому Доминика не могла видеть его глаз. Она с натянутой улыбкой протянула ему руку.

— Доминика Вазкез.

Мик поднял на нее глаза — немного дикие и настолько темные, что невозможно было различить, где заканчивается радужка и начинается зрачок.

— Доминика Вазкез. Доминика Вазкез. — Каждый слог он произносил очень отчетливо, словно стараясь впечатать их в память. — Очень приятно с вами...

Внезапно улыбка исчезла с его лица.

В ушах Доминики загрохотал пульс. *Сохраняй спокойствие. Не двигайся.*

Мик прикрыл глаза. С ним что-то происходило. Доминика видела, как заиграли желваки, четче проступил шрам, ноздри раздулись, словно у животного, вынюхивающего добычу.

— Разрешите подойти к вам поближе? — Он произнес эти слова очень тихо, практически прошептал, но ей передалась буря эмоций, скрытая за этим нарочито спокойным тоном.

Доминика поборола желание броситься к затемненному стеклу.

Он снова открыл глаза.

— Клянусь душой своей матери, я не причиню вам вреда.

Следи за его руками. Будь готова ударить коленом, если он бросится.

— Можете подойти, только не делайте резких движений, хорошо? Доктор Фолетта наблюдает за нами.

Мик сделал два шага вперед и остановился перед ней чуть ближе, чем на расстоянии вытянутой руки, затем наклонился, приблизив лицо, закрыл глаза и втянул носом воздух — так, словно она была бутылкой коллекционного вина.

От близости этого мужчины тонкие волоски на ее руках встали дыбом. Заметив, как расслабляются его мускулы, она поняла, что сейчас его сознание где-то далеко от этой комнаты. Глаза Мика увлажнились, и слезы, пробившись из-под прикрытых век, потекли по щекам.

Проснувшийся вдруг материнский инстинкт чуть было не заставил ее позабыть об осторожности. *Неужели это игра на публику?* Ее мускулы напряглись.

Мик открыл глаза, теперь казавшиеся темными озерами. От отрешенности во взгляде не осталось и следа.

— Благодарю вас. Думаю, моя мать пользовалась тем же парфюмом, что и вы.

Она отступила на шаг.

— Это. «Кельвин Кляйн». Этот запах разбудил приятные воспоминания?

— И плохие тоже.

Очарование момента ушло. Мик жестом указал на койку.

— Предпочитаете стул или кровать?

— Стул подойдет.

Он подождал, пока она сядет, затем устроился на койке, прислонившись к стене. Мик двигался как атлет.

— Похоже, вам удастся поддерживать форму.

— Жизнь в одиночке дает такую возможность любому здравомыслящему человеку. Я ежедневно делаю по тысяче приседаний и отжиманий. — Она почувствовала, как его взгляд скользнул по ее телу. — А вы, видимо, тоже уделяете этому немало внимания.

— Пытаюсь.

— Вазкез. Фамилия пишется с буквой «с» или буквой «з»?

— «З».

— Пуэрто-Рико?

— Да. Мой... биологический отец вырос в Аресибо.

— Там находится самый большой в мире радиотелескоп. Но ваш акцент больше характерен для Гватемалы.

— Там я выросла. — *Он контролирует наш разговор.* — Как я поняла, вы выросли в Центральной Америке?

— Я бывал во многих местах. — Мик скрестил ноги, сев в позу лотоса. — Значит, вы выросли в Гватемале. А как вы оказались в нашей Стране великих возможностей?

— Мои родители умерли, когда я была еще ребенком, и меня отправили к кузену во Флориду. А теперь давайте поговорим о вас.

— Вы сказали — ваш биологический отец. Значит, ощущаете потребность отделить его от себя данным понятием. Кого, в таком случае, вы считаете своим настоящим отцом?

— Изадора Акслера. Он и его жена удочерили меня. Я провела некоторое время в детском приюте после того, как уехала от двоюродного брата. Из и Эдит Акслер прекрасные люди. Они морские биологи, работают на станции SOSUS на острове Санибел.

— SOSUS?

— Это подводная система звуковых локаторов, глобальная сеть подводных морских микрофонов. Во времена холодной войны ее создал военно-морской флот, чтобы отслеживать вражеские подводные лодки. А теперь ею пользуются биологи для прослушивания жизни морских глубин. Чувствительность микрофонов позволяет слышать пение китов на расстоянии в сотни миль...

Его пронизывающий взгляд заставил Доминику замолчать.

— Почему вы уехали от своего кузена? С вами должно было произойти нечто ужасное, если вы оказались в сиротском приюте.

Он еще хуже Фолетты.

— Мик, я здесь для того, чтобы поговорить о вас.

— Да, но есть вероятность, что в моем детстве тоже произошло нечто травмирующее. Возможно, ваша история поможет мне его переосмыслить.

— Сомневаюсь. Все закончилось как нельзя лучше. Акслеры вернули мне мое детство, и я...

— Но не вернули невинность.

Доминика почувствовала, как от лица отхлынула кровь.

— Ладно, я поняла, что вы быстро соображаете. Давайте теперь посмотрим, сможете ли вы применить свой удивительный IQ к собственной персоне.

— То есть вы все же попытаетесь мне помочь?

— Давайте попытаемся помочь друг другу.

— Вы еще не читали материалов моего дела, не так ли?

— Еще нет.

— Вы знаете, почему доктор Фолетта поручил меня вам?

— Почему бы вам не просветить меня?

Мик уставился на свои ладони, явно обдумывая ответ.

— Там есть заключение Розенхана. Вы его не читали?

— Нет.

— Но вы прочитаете его перед нашей новой встречей? Я уверен, доктор Фолетта сохранил копию в одной из своих картонных коробок, которые называет личным архивом.

Она улыбнулась.

— Если это для вас так важно, я прочитаю.

— Благодарю вас. — Он подался вперед. — Вы мне нравитесь, Доминика. Знаете, почему вы мне нравитесь?

— Нет. — Свет флуоресцентных ламп отражался в его глазах лунным отблеском.

— Вы нравитесь мне потому, что вас еще не загнали в рамки клинических правил. Вы словно чистый лист, а это для меня важно, поскольку я действительно хотел бы довериться вам, но не могу. По крайней мере, не здесь — под наблюдением Фолетты. К тому же я считаю, что вы могли бы помочь мне с некоторыми моими проблемами. Я о многом хотел бы поговорить с вами, о многих важных вещах. Как вы думаете, сможем ли мы в следующий раз поговорить наедине? Возможно, во дворе?

— Я спрошу у доктора Фолетты.

— Когда будете спрашивать, напомните ему о правилах этой клиники. И попросите у него дневник моего отца. Если вы станете моим лечащим врачом, то думаю, вам будет просто необходимо его прочитать. Вы не против оказать мне эту услугу?

— Я с удовольствием его прочту.

— Благодарю вас. Будете читать его на днях, возможно, в выходные? Я бы не нагружал вас домашними заданиями, тем более в первый день, если бы это не было жизненно необходимо. Ознакомьтесь с записями моего отца.

Открылась дверь, и в комнате появилась санитарка. Охранник ждал снаружи, наблюдая за дверью.

— Время принимать лекарства, мистер Гэбриэл. — Она протянула ему бумажный стаканчик с водой и белую таблетку.

— Мик, мне пора идти. Было приятно с вами познакомиться. Я постараюсь закончить свое домашнее задание к понедельнику, хорошо? — Она встала и повернулась к выходу.

Мик смотрел на таблетку.

— Доминика, ваши родственники по материнской линии... Они принадлежали к киче, народности майя, не так ли?

— Майя? Я... Я не знаю. — *А он знает, что ты лжешь.* — То есть это вполне возможно. Мои родители умерли, когда мне было всего...

Он пристально посмотрел на нее, и Доминика осеклась.

— Четыре Ахау три Канкин. Вы ведь знаете, что это за дата, правда, Доминика?

Ох, черт...

— Я... Я прощаюсь с вами до следующей встречи. — Доминика выскочила из комнаты мимо охранника.

Майкл Гэбриэл аккуратно положил таблетку в рот, запил ее водой и смял бумажный стаканчик в левом кулаке. Он открыл рот, позволяя санитарке при помощи шпателя для отодвигания языка и карандашного фонарика убедиться, что он проглотил лекарство.

— Благодарю, мистер Гэбриэл. Через несколько минут охранник проводит вас в вашу палату.

Мик неподвижно сидел на койке, ожидая, когда за санитаркой закроется дверь. Затем встал, отвернулся к стене, спиной к окну. Указательным пальцем левой руки он словно случайно скользнул по смятому бумажному стаканчику, вытаскивая из него белую таблетку и пряча ее в кулаке, и снова сел на пол в позу лотоса, бросив смятый стаканчик на кровать и незаметно спрятав в ботинок белую таблетку.

В своей камере он отправит хваленую «зипрексу» в унитаз.

8 сентября 2012 года

Белый дом

Государственный секретарь Пьер Роберт Борджия изучал свое отражение в зеркале туалета. Он поправил скрывавшую правую глазницу черную повязку, пригладил короткие седеющие баки, обрамлявшие его лицо с двух сторон, — больше волос на его лысой голове не было. Черный костюм и подобранный в тон галстук, как всегда, были безукоризненны.

Борджия вышел из туалета для руководства, повернул направо и направился к Овальному кабинету, приветствуя кивком штатных сотрудников, попадавшихся ему в коридоре.

Пэтси Гудмен подняла глаза от клавиатуры:

— Входите. Он ждет вас.

Борджия кивнул, проходя внутрь.

На бледном худощавом лице Марка Меллера лежал отпечаток тяжелого груза, который ему приходилось нести: он был президентом уже четыре года. Угольно-черные волосы сильно поседели на висках, под глазами залегли темные тени и резче выделились морщины вокруг век. Пятидесятидвухлетний физик, за последнее время потерявший несколько килограммов, все еще был на взводе.

Борджия сказал, что тот выглядит заметно похудевшим.

Меллер скорчил гримасу.

— Это называется стрессовой диетой имени Виктора Грозного. Читал утренний отчет ЦРУ о брифинге?

— Еще нет. И что опять натворил президент России?

— Созывает саммит военных лидеров Китая, Северной Кореи, Ирана и Индии.

— По какому поводу?

— Собирается руководить программой по обмену опытом касательно ядерной угрозы. Таков его ответ на наши последние

испытания противоракетного щита.

— Грозный снова набирает политический вес. И он все еще злится, что Международный валютный фонд отказал ему в ссуде на двадцать миллиардов долларов.

— Какими бы ни были его мотивы, но в Азии он добился успеха в разжигании истерики по поводу ядерного оружия.

— Марко, заседание Совета безопасности состоится сегодня вечером, и я прекрасно понимаю, что ты позвал меня не для того, чтобы обсуждать горячие новости из-за рубежа.

Меллер кивнул, затем осушил третью за сегодня чашку кофе.

— Джеб решил уйти с поста вице-президента. Не спрашивай. Будем считать, что он сделал это по личным причинам.

Сердце Борджия пропустило удар.

— Господи, до выборов осталось меньше двух месяцев...

— Я уже провел неофициальную встречу с заинтересованными сторонами. Гонка пойдет между тобой и Эннисом Чейни.

Господи...

— А с ним ты уже говорил?

— Нет. Подумал, что сначала я должен поставить в известность тебя.

Борджия пожал плечами и нервно улыбнулся.

— Сенатор Чейни неплохой человек, но когда дело касается международных отношений, он мне не соперник. Да и влияние моей семьи...

— ...не настолько велико, как ты думаешь, да и опросы свидетельствуют, что большинство американцев не заинтересованы в китайской военной технике. Они предпочитают продолжать развитие программы противоракетного щита, полагая, что это последняя и окончательная возможность избежать ядерной войны.

— Тогда позвольте мне высказаться прямо, сэр. Неужели общенациональный комитет республиканцев и в самом деле считает, что страна готова принять афроамериканца на посту вице-президента?

— Выборы будут ускоренными. Чейни принесет нам столь необходимую поддержку Пенсильвании и Юга. Расслабься, Пьер. В ближайшие тридцать пять — сорок пять дней ни одно судьбоносное решение принято не будет.

— Это разумно. У прессы не останется времени к нам попридраться.

— А у тебя в шкафу есть скелеты, которые ты очень хотел бы скрыть?

— Уверен, что пока мы тут с тобой разговариваем, твои люди активно роются в моих шкафах. Марк, ответь мне честно, каких сюрпризов можно ожидать от Чейни?

— По мнению аналитиков, популярность Чейни основывается на расовых и партийных вопросах. Он нравится людям. Публика ему доверяет.

— Но не стоит путать доверие с квалифицированностью. — Борджия встал и нервно зашагал по комнате. — Аналитики, помимо всего прочего, говорят, что американцев интересует ситуация с коллапсом российской экономики и тем, как это повлияет на европейский рынок.

— Пьер, расслабься. За сорок пять дней может произойти многое.

Борджия набрал полные легкие воздуха и резко выдохнул.

— Простите, мистер президент. Любое ваше решение я приму с честью. Слушай, лучше я пойду: мне нужно поговорить с генералом Фекондо до начала брифинга.

Борджия пожал другу руку и направился к спрятанной за фальшивой панелью двери. На пороге он обернулся:

— Марко, советы будут?

Президент вздохнул.

— Не знаю. Я поговорил с Хейди за завтраком. Ты никогда не думал о том, чтобы заказать себе глазной протез?

* * *

Доминика вышла из клиники, и знойный летний воздух Южной Флориды обжег ей лицо. Далекая вспышка молнии раскрыла хмурое вечернее небо. Переложив блокнот в кожаном переплете из правой руки в левую, она прижала большой палец к дверце своего «пронто-спайдера» последней модели. У старых автомобилей здесь располагался замок; новым моделям ключи были не нужны. Этот черный автомобиль с откидным верхом Эдди и Из подарили ей к

защите диплома. Положив дневник на пассажирское сиденье, Доминика пристегнула ремень безопасности и прижала большой палец к сенсору зажигания, слегка поморщившись от едва ощутимого укола.

Инструментальная панель ожила, высветив сообщение:

АКТИВАЦИЯ СИСТЕМЫ ЗАЖИГАНИЯ
ЗАВЕРШЕНА. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОДТВЕРЖДЕНА.
ПРОТИВОУГОННАЯ СИСТЕМА ДЕЗАКТИВИРОВАНА.

Она почувствовала, как с уже знакомым двойным щелчком снялась блокировка осей.

ИДЕТ ПРОВЕРКА УРОВНЯ АЛКОГОЛЯ В КРОВИ.
ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОЖДИТЕ...

Доминика откинулась на спинку кожаного сиденья, наблюдая, как первые тяжелые капли дождя падают на полиэтиленово-терефталатовый пластик крыши автомобиля. Терпение было необходимым условием пользования новой системой безопасного зажигания, но Доминика знала, что потраченные три минуты того стоят. Вождение в нетрезвом виде стало одной из основных причин смертности в США. К осени следующего года все транспортные средства будут оснащены приборами для проверки уровня алкоголя в крови в обязательном порядке.

Включилось зажигание.

УРОВЕНЬ АЛКОГОЛЯ В КРОВИ НЕ ПРЕВЫШАЕТ
ДОПУСТИМОЙ НОРМЫ. ПРИЯТНОГО ПУТИ.

Доминика включила кондиционер и нажала на кнопку цифрового CD-компилятора. Встроенный компьютер реагировал как на прикосновение, так и на голосовые команды и, в зависимости от настроения водителя, выбирал из сотен вложенных в его память файлов самый подходящий.

Из динамиков загремели тяжелые басы композиции «Past our Prime» из последнего альбома «Роллинг стоунз», и она выехала с парковки для посетителей, прикидывая, что дорога домой займет около сорока пяти минут.

* * *

Уговорить доктора Фолетту отдать ей дневник Юлиуса Гэбриэла оказалось непросто. Главным его аргументом было то, что последние работы известного археолога финансировались Гарвардом и Кембриджем, поэтому, действуя по закону, сначала необходимо получить письменные разрешения от обоих департаментов, прежде чем давать Доминике доступ к документации по исследованиям. Доминика рассчитывала, что эти записи не только облегчат ей работу, но и помогут войти в доверие к Мику Гэбриэлу. Остаток дня ушел на звонки руководству Гарварда и Кембриджа, в результате чего она получила заверения, что дневник является скорее мемуарами, чем научным документом, а значит, она может пользоваться записями по своему усмотрению, но с нее взяли обещание не разглашать полученную информацию. В итоге Фолетта сдался и достал переплетенный в кожу томик пяти сантиметров толщиной, но отдал его лишь после того, как Доминика расписалась на четырех страницах подписки о неразглашении.

* * *

Когда Доминика заезжала в темный гараж под высотным зданием на Голливуд-бич, начался дождь. Заглушив мотор, она уставилась на мутное изображение дисплея системы индикации, выведенное на лобовое стекло. Инфракрасная камера, вмонтированная в переднюю стенку радиатора, сообщала, что гараж пуст.

Доминика улыбнулась собственной паранойе. Доехав до пятого этажа на старомодном лифте, она придержала дверь, пропуская миссис Дженкинс с белым карликовым пуделем.

Одна спальня в этом кондоминиуме — та, что в конце коридора, — принадлежала ее приемным родителям. Доминика ввела защитный код, и дверь распахнулась.

— Доминика... Ну и как прошел твой первый день на работе?

Ребе Ричард Штейнберг приветствовал ее теплой улыбкой из-под сидящей рыжей бороды. Штейнберг и его жена Минди были

близкими друзьями ее родителей. Доминика знала эту семью уже почти двадцать лет, с того самого дня, как ее удочерили.

— Эмоционально выматывающее. Думаю, что пропущу обед, поваляюсь в горячей ванне.

— Слушай, Минди и я хотим пригласить тебя на обед на следующей неделе. Вторник тебя устроит?

— Наверное. Спасибо.

— Хорошо, хорошо. Слушай, я вчера разговаривал с Изом. Ты уже знаешь, что они с твоей матерью планируют приехать сюда на пасхальные праздники?

— Нет, я не...

— Ладно, мне пора бежать, я не могу опоздать на Шаббат. Созвонимся на следующей неделе.

Она помахала рукой и проводила его взглядом. Доминике нравились Штейнберг и его жена, она считала их милыми и честными. К тому же она знала, что Из попросил их опекать ее в отсутствие родителей.

Доминика открыла балконную дверь, позволяя океанскому бризу вытеснить из комнаты застоявшийся воздух и принести слабый запах свежести и морской соли. Послеполуденный дождь прогнал с пляжа отдыхающих, и теперь последние лучи солнца, пробиваясь сквозь тучи, ложились алой полосой на морскую гладь.

Это было ее любимое время суток, время для уединения. Доминика хотела было побродить по пляжу, но передумала. Налив себе бокал вина из стоявшей в холодильнике откупоренной бутылки, она сбросила туфли, вернулась на балкон и поставила бокал на пластиковый столик рядом с переплетенным в кожу дневником. Затем легла на шезлонг, с удовольствием ощущая, как расслабляется на мягких подушках ее тело.

Магия пульсирующего приборя быстро справилась со своей задачей. Доминика отпила вина, закрыла глаза, и ее мысли снова вернулись к сегодняшнему разговору с Майклом Гэбриэлом.

Четыре Ахау три Канкин. Доминика не слышала этих слов с раннего детства.

Она не заметила, как задремала. Ей снова было шесть лет, и снова она находилась в горах Гватемалы, рядом со своей бабушкой по материнской линии. Под горячим полуденным солнцем они возились с

луковыми грядками, стоя на коленях. Девочка ловила каждое слово, которое скрежещущим голосом произносила старая женщина.

Этот календарь достался нам от наших предков, ольмеков,^[7] чья мудрость была дарована нашим учителем, Кукульканом.^[8]

Задолго до того как в наши земли пришли испанцы, наш великий учитель оставил нам предостережение о том, что грядут черные дни. Четыре Ахау три Канкин, последний день календаря майя. Бойся этого дня, деточка. Когда настанет время, ты должна будешь вернуться домой. В книге «Пополь Вух» говорится, что только здесь, в этом месте, мы сможем сохранить жизнь.

Доминика открыла глаза и посмотрела на темный океан. Алебастровые гребешки пены сияли, отражая почти незаметный из-за туч лунный свет.

Четыре Ахау три Канкин — двадцать первое декабря 2012 года.
Предсказанный человечеству Судный день.

ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА

24 августа, 2001 год

Я профессор Юлиус Гэбриэл.

Я археолог, ученый, работающий с реликвиями прошлого, пытаюсь понять древние цивилизации. Я использую оставленные нашими предшественниками факты для построения гипотез и формулирования теорий. В поисках зернышка правды я просеиваю многочисленные мифы и ложные истины, создававшиеся тысячелетиями.

Во все века такие ученые, как я, сталкивались с яростным сопротивлением человеческого страха истине. Ярлык ереси — вот излюбленное оружие, помогающее Церкви и государству, судье и присяжным расправляться с теми, кто провоцирует их боязнь принять новую реальность.

Я ученый. Я не политик. Меня не привлекает перспектива годами излагать неподтвержденные фактами теории перед аудиторией самозванцев, которые голосованием решают, может ли высказанная мысль о судьбе человечества иметь право на существование или нет. Истина же по своей природе не имеет ничего общего с процессом демократического голосования. Как добросовестный исследователь, я интересуюсь лишь тем, что происходило на самом деле, и тем, что еще может произойти. И если истина окажется настолько невероятной, что на меня навесят ярлык еретика, то так тому и быть.

В конце концов, я окажусь в хорошей компании. Дарвин был еретиком. А до него — Галилей. Четыре века назад Джордано Бруно был сожжен на костре, поскольку настаивал на том, что мы не одиноки во Вселенной.

Как и Бруно, я умру задолго до трагического конца самого человечества. *Здесь покоится Юлиус Гэбриэл, жертва отказавшего сердца.* Мой врач пытается заставить меня заботиться о сердце, предупреждает, что этот орган не что иное, как бомба с часовым механизмом, готовая взорваться в любой момент. Пусть взрывается,

отвечаю ему я. Этот бесполезный орган, мое сердце, приносит мне лишь горе, потому что одиннадцать лет назад, после смерти моей возлюбленной, оно разбилось.

* * *

Здесь записаны мои воспоминания, история моей жизни и результат тридцати двух лет работы. У моего желания свести всю информацию воедино есть две причины. Во-первых, само мое исследование настолько спорно, а его результат настолько ужасающ, что я полностью отдаю себе отчет, что научное сообщество все силы направит на то, чтобы задуть, утаить и отказаться признать правду о судьбе человечества. Во-вторых, я знаю, что среди людей есть и такие, как мой сын, те, кто предпочитает драться, а не сидеть закрыв глаза в ожидании конца света. Вам, моим «*воинам спасения*», я и оставляю этот дневник, передаю своеобразную эстафетную палочку надежды. За этим текстом стоят десятилетия тяжелого труда и лишений — я записал лишь краткий срез человеческой истории, который мне удалось добыть из тысячелетних наслоений известняка. Теперь судьба нашего вида находится в руках моего сына — и, возможно, в ваших руках. Как минимум, вы выйдете из того большинства, которое Майкл называет «*блаженными несведущими*». Помолитесь, чтобы такие люди, как мой сын, смогли разгадать загадку майя.

А затем помолитесь о себе.

Говорят, что страх смерти страшнее самой смерти. Я уверен, что смерть дорогого человека еще страшнее. Испытать, как родная душа ускользает прочь у тебя на глазах, ощущать, как остывает тело любимой на твоих руках, — страшное испытание для одного сердца. Иногда я даже радуюсь тому, что умираю, поскольку я не могу даже представить, что стану свидетелем уничтожения всего человечества во время грядущего планетарного холокоста.

Тех из вас, кто готов посмеяться над моими словами, я предупреждаю: предсказанный день близок, и попытки игнорировать угрозу ничего не изменят.

* * *

Сейчас я сижу за кулисами сцены в Гарварде, ожидая своей очереди выступить, и пытаюсь привести в порядок записи. От моей речи зависит многое — от нее зависят тысячи жизней. Больше всего меня волнует тот факт, что самомнение моих коллег помешает им беспристрастно выслушать мои выкладки. Если мне представится шанс подкрепить свою речь фактами, я знаю, что смогу достучаться до их разума, ведь они ученые. Больше всего я боюсь, что в этом шансе мне откажут.

Страх. Уверен, что сейчас именно он движет мной, но в тот судьбоносный день в мае 1969 года, когда я начал свои исследования, мной руководил не страх, а жажда славы и признания. Тогда я был молод и считал себя бессмертным, обладал отвратительным характером вкупе с юношеской злостью; у меня была только что полученная докторская степень и признание моих заслуг Кембриджским университетом. Мои ровесники протестовали против войны во Вьетнаме, занимались любовью, боролись за равенство полов, а я, получив отцовское наследство, собрался в путешествие с двумя компаньонами — моим (бывшим) лучшим другом Пьером Борджией и великолепной Марией Розен. Нашей целью было разгадать тайну календаря майя и их пророчества об апокалипсисе, которые существовали уже две с половиной тысячи лет.

Вы никогда не слышали о пророчестве календаря майя? Я не удивлен. Разве станет кто-нибудь в наши дни тратить время на то, чтобы узнать об оракуле, пророчившем смерть, из какой-то там древней цивилизации Центральной Америки?

Через одиннадцать лет, когда вы и ваши близкие будете корчиться в предсмертной агонии, борясь за последний в вашей жизни глоток воздуха, вы, возможно, пожалеете, что не нашли времени.

Я могу назвать даже дату вашей смерти — двадцать первое декабря две тысячи двенадцатого года.

Итак, теперь вы официально предупреждены. И можете либо действовать, либо, как страус, спрятав голову в песок, пребывать в неведеньи, как поступило большинство моих коллег.

Конечно, для рационально мыслящих людей вполне нормально отмахнуться от пророчеств календаря майя как от глупого суеверия. И я до сих пор помню реакцию моего профессора, когда он узнал, на чем я собрался сфокусировать свое исследование. «Ты попусту тратишь

время, Юлиус. Майя были язычниками, группой дикарей, живших в джунглях и веривших в важность человеческих жертвоприношений. Господи прости, да они даже до изобретения колеса не додумались...»

Мой профессор был и прав и не прав одновременно — в этом заключается парадокс. Древние майя на самом деле не понимали значения колеса, зато они *смогли* на вполне достойном уровне овладеть астрономией, архитектурой и математикой, причем уровень этот зачастую сравним, а порой и превосходит наши нынешние знания. Если воспользоваться аналогией, то майя можно сравнить с четырехлетним ребенком, который научился играть пятую симфонию Бетховена, хотя еще не может дотянуться до клавиш пианино.

Я знаю, что вам, как и большинству самопровозглашенных «образованных» людей, сложно в это поверить. Но доказательства неопровержимы. Именно это заставило меня отправиться в путешествие, поскольку игнорировать пророчество невероятно точного календаря лишь потому, что сложно представить себе апокалипсис, — это все равно что отрицать теорию относительности на основании того, что Эйнштейн придумал ее, будучи младшим клерком.

Так что же такое календарь майя?

Попробую объяснить вкратце.

Если я попрошу вас перечислить функции календаря, вы наверняка начнете с описания его как предмета, который помогает вам ориентироваться в днях недели и месяца. Отталкиваясь от этого в чем-то ограниченного предположения, давайте посмотрим, чем на самом деле является календарь. Календарь — это приспособление, предназначенное для определения (по возможности точного) положения Земли относительно Солнца.

Наш современный западный календарь впервые появился в Европе в 1582 году. Он построен на григорианском календаре, в основе которого лежит предположение, что оборот Земли вокруг Солнца составляет 365,25 дней. В этом подсчете заключена очень маленькая, но все же погрешность — 0,0003 дня в год, что довольно точно для ученых шестнадцатого века.

Майя получили свой календарь в наследство от предков — ольмеков — таинственного народа, который прекратил существование около трех тысяч лет назад. Представьте себе на миг, что вы живете

тысячи лет назад. Нет еще ни телевидения, ни радио, ни телефонов, ни часов, и перед вами стоит задача составить звездную карту и определить период времени, за который наша планета совершает один оборот вокруг Солнца. Каким-то образом ольмеки без точных инструментов смогли подсчитать, что солнечный год длится 365,2420 дня. В этом подсчете содержится еще меньшая погрешность — 0,0002 дня.

Позвольте мне переформулировать фразу, чтобы вам было проще уловить суть: календарь майя, составленный три тысячи лет назад, в десять тысяч раз точнее того календаря, которым мы пользуемся сегодня!

Более того, солнечный календарь майя — это всего лишь часть их тройной календарной системы. Второй календарь, «гражданский», использовался параллельно с первым и содержал двадцать месяцев по тринадцать дней. Третья часть календарной системы, «календарь Венеры», или «длинного счета», составлялся на основе движения планеты Венера. Совмещение трех календарей позволяло майя предсказывать астрономические события на огромные промежутки времени — не на тысячи, а на *миллионы* лет вперед. (Например, один из сохранившихся месоамериканских монументов описывает период времени, датированный четырьмястами миллионами лет.)

Все еще не впечатлены?

Майя верили в Великие циклы — периоды времени, которыми отмечены начала и окончания минувших эпох, зарождения и крушения мира. В календаре указаны пять Великих циклов, или Солнц, нашей Земли. Текущий, и последний, цикл начался четыре Ахау восемь Кумку, то есть 13 августа 3114 года до нашей эры: майя считали этот день датой рождения Венеры. Последний Великий цикл должен завершиться уничтожением всего человечества четыре Ахау три Канкин, что соответствует нашей дате 21 декабря 2012 — в день зимнего солнцестояния.

День мертвых.

Насколько сильна была вера майя в правдивость этого пророчества? После ухода их великого учителя Кукулькана они начали практиковать варварские ритуалы, в том числе человеческие жертвоприношения, вырезая сердца у тысяч мужчин, женщин и детей.

Так они понимали наивысшую жертву ради того, чтобы предотвратить конец всего человечества.

Я не прошу вас искать панацею, я лишь прошу вас открыть свое сознание. То, чего вы не знаете, может вам повредить, то, что вы отказываетесь видеть, может убить вас. Нас окружают тайны, которые мы не в силах разгадать, не в силах даже осмыслить — но мы должны их понять! Пирамиды в Гизе и Теотиуакане, храмы Ангкора в Камбодже, Стоунхендж, послание в пустыне Наска и как апофеоз — пирамида Кукулькана в Чичен-Ице, — эти древние места, все их величие, все их необъяснимые чудеса предназначены не для того, чтобы привлекать туристов, это фрагменты огромной мозаики, призванной предотвратить уничтожение нашего вида.

Мой жизненный путь почти окончен. Я оставляю эти записи, воспоминания об ошеломляющих доказательствах, собранных мною за три десятилетия, моему сыну Майклу и всем тем, кто доведет мою работу *ad finem* — до конца. Я представляю доказательства своего предположения в том порядке, в котором находил их, попутно пытаюсь описать историю создания этих доказательств, — в том порядке, в котором они появлялись в истории человечества.

Должен признать, что я не испытываю ни малейшего удовольствия от того, что мое предположение подтвердилось. И должен признать: я молю Бога о том, чтобы это было ошибкой.

Но я не ошибаюсь...

Выдержка из дневника профессора Юлиуса Гэбриэла.

Источник: каталог Ю. Г. 1969–1970, страницы 12–28.

11 сентября 2012 года

Майами, Флорида

Майклу Гэбриэлу снился сон. Он снова находился за кулисами знакомой аудитории, на полу, голова отца покоилась у него на груди — они ждали приезда «скорой помощи». Юлиус знаком попросил его нагнуться пониже, чтобы передать сыну секрет, который хранил одиннадцать лет, со дня смерти своей жены.

— Майкл... центральный камень...

— Пап, не пытайся говорить. «Скорая» уже едет.

— Слушай меня, Майкл! Центральный камень, главный ориентир... я вернул его.

— Я не понимаю. Какой камень?

— Чичен-Ица.

Водянистые глаза отца расфокусировались, и тело мертвым грузом придавило грудь Мика.

— Пап... Папа!

Мик проснулся в липком поту.

* * *

Утро, 8:45

Доминика, приветственно помахав служащей за справочным столом, направилась к главному посту охраны. Мускулистый охранник с улыбкой наблюдал за ней, отчего рыжеватая полоска его усов приподнялась и растянулась над верхней губой, открывая желтые зубы.

— Ну, доброе утро, солнышко. Я Раймонд, а ты, насколько я понимаю, наш новый интерн.

— Доминика Вазкез. — Она пожала его грубую ладонь, заметив капельки пота на толстом веснушчатом запястье.

— Прости, я только что из спортзала. — Раймонд вытер руки полотенцем, нарочито поигрывая мышцами. — Я собираюсь участвовать в конкурсе «Мистер Флорида» в ноябре. Как думаешь, у меня есть шанс?

— О, конечно. — *Господи, пусть он только не начнет заигрывать...*

— Может, придешь посмотреть на меня, оказать, так сказать, моральную поддержку? — Светло-карие глаза в обрамлении коротких белесых ресниц невинно расширились.

Будь вежливой.

— А туда придет много народу?

— Не очень, но я могу устроить тебе местечко недалеко от сцены. Пойдем, солнышко, мне надо оформить пропуск и сделать термальний снимок твоего лица. — Раймонд открыл стальную решетчатую дверь и придержал ее для Доминики, поигрывая трицепсами. Проходя мимо, Доминика чувствовала, как скользит по ней его взгляд.

— Садись туда, давай для начала сделаем тебе пропуск. Мне понадобятся твои водительские права.

Она отдала ему права, села на стул с прямой спинкой перед черным аппаратом размером с холодильник. Раймонд вставил карточку в боковую щель и ввел ее данные в компьютер.

— Улыбочку.

Вспышка сверкнула перед ее глазами, оставив назойливые темные пятнышки.

— К концу твоей смены пропуск будет готов. — Он вернул ей водительские права. — О'кей, теперь садись перед вот этой инфракрасной камерой. Видела когда-нибудь тепловую карту своего лица?

А ты когда-нибудь спину сам себе брил?

— Нет, ни разу.

— Инфракрасная камера создаст уникальное изображение твоего лица, реагируя на тепло кровеносных сосудов под кожей. Даже близнецы под инфракрасным излучением выглядят по-разному, к тому

же рисунок сосудов никогда не меняется. Компьютер фиксирует тысячу девятьсот разных термических точек. При сканировании зрачка учитывается только двести шестьдесят шесть отличительных характеристик, а у отпечатков пальцев их только сорок...

— Рэй, это, конечно, очень интересно — но нужно ли? Я никогда не видела, чтобы кого-то проверяли инфракрасным сканером.

— Это потому, что ты не бывала здесь ночью. Магнитная лента на твоей идентификационной карточке — это все, что требуется для того, чтобы войти и выйти отсюда в течение дня. Но после половины восьмого вечера тебе понадобится вводить личный пароль, а затем становиться под инфракрасный сканер, чтобы провести идентификацию. Тогда компьютер сопоставит термальные отпечатки с теми, которые я введу в твой личный файл. Без предварительного сканирования выйти из этого здания ночью невозможно, да и сканер невозможно обмануть. Улыбнись.

Доминика угрюмо уставилась в круглый зрачок камеры, спрятанный за толстым стеклом. Она чувствовала себя глупо.

— О'кей, теперь повернись налево. Хорошо. Теперь направо. Теперь посмотри вниз. Готово. Эй, солнышко, тебе нравится итальянская кухня?

Приехали.

— Иногда.

— Я знаю отличный ресторанчик неподалеку. В котором часу ты освобождаешься?

— Я сегодня вообще-то не могу...

— А когда можешь?

— Рэй, честно говоря, в мои правила входит обязательный пункт — не встречаться с персоналом.

— А кто говорил о свидании? Я говорил об ужине.

— Если это будет просто ужин, то да, как-нибудь я с удовольствием составила бы тебе компанию, но сегодня я действительно не могу. Мне нужно несколько недель, чтобы тут освоиться. — *И придумать следующие отговорки.* Она мило улыбнулась, надеясь смягчить этим свой отказ. — Кстати, если сейчас ты тренируешься, тебе следует быть поосторожней с итальянской кухней.

— Ладно, солнышко, но помни о моем предложении. — Лучезарная широкая улыбка. — И запомни, если тебе что-нибудь понадобится, не стесняйся, проси.

— Запомню. Но мне действительно пора идти, доктор Фолетта ждет...

— Фолетта не появится до позднего вечера. У него ежемесячное собрание управленцев. Эй, я слышал, что он приписал тебя к одному из своих пациентов. Как его зовут?

— Майкл Гэбриэл. Что ты о нем знаешь?

— Немного. Фолетта притащил его с собой из Массачусетса. Я знаю, что начальство и персонал изрядно взбесились из-за этого. Фолетте наверняка пришлось нажать не на одну кнопку, чтобы их успокоить.

— Что ты имеешь в виду?

Раймонд отвел глаза, избегая ее взгляда.

— Да так, ничего.

— Перестань. Ответь мне.

— Нет. Мне придется научиться помалкивать. Фолетта твой босс. Я не хочу говорить ничего такого...

— Это останется строго между нами.

Вошли еще два охранника, поприветствовав Раймонда.

— О'кей, я скажу тебе, но не здесь. Слишком много ушей и болтливых ртов. Давай поговорим за ужином. Я освобождаюсь в шесть. — Желтые зубы обнажились в торжествующей усмешке.

Раймонд снова открыл и придержал перед ней дверь. *Молодец, солнышко. Ты еще за милю должна была заметить, к чему я все это веду.*

* * *

Марвис Джонс наблюдал на внутреннем мониторе охраны, как Доминика выходит из лифта.

— Доброе утро, интерн. Если вы пришли повидаться с резидентом Гэбриэлом, он возвращен в свою палату.

— Я могу его увидеть?

Охранник взглянул на нее, лишь на мгновение оторвавшись от заполнения документов.

— Возможно, вам лучше подождать возвращения директора.

— Нет. Я хочу поговорить с ним сейчас. И не в камере для допросов.

Марвису это явно не нравилось.

— Я решительно против этого. За этим человеком тянется хвост насилия и...

— Я не уверена, что судить о его поведении следует на основании историй одиннадцатилетней давности.

Их взгляды встретились. Марвис понял, что Доминика не отступит.

— Ладно, мисс, под вашу ответственность. Джейсон, проводи интерна Вазкез в палату 714. Отдайте ей свой коммуникатор и закройте дверь.

Доминика проследовала за охранником по короткому коридору и вошла в холл, соединявший три палаты восточного крыла. Он был совершенно пуст.

Охранник остановился у палаты номер 714 и нажал кнопку внутренней связи.

— Резидент, оставайтесь на койке, чтобы я мог вас видеть.

Отперев дверь, он протянул Доминике нечто похожее на толстую ручку.

— Если я вам понадоблюсь, просто дважды щелкните кнопкой ручки.

Он показал, как это сделать, и на его поясе завибрировал пейджер.

— Просто будьте осторожны. Не позволяйте ему подобраться к вам слишком близко.

— Благодарю, — сказала она и вошла в палату.

В комнате три с половиной на четыре метра, без окон, вдоль одной из стен вертикально шли толстые лампы дневного света в серебристых пластиковых чехлах. Железная кровать, привинченная к полу, стол и несколько пуфиков возле нее. Стальная раковина и унитаз справа располагались под таким углом, чтобы их невозможно было увидеть из коридора сквозь дверной глазок — это давало пациенту иллюзию уединенности.

Кровать была застелена, и комната, казалось, сверкала чистотой. Майкл Гэбриэл сидел на краю тоненького матраса. Он поднялся, приветствуя ее теплой улыбкой.

— Доброе утро, Доминика. Вижу, доктор Фолетта еще не вернулся. Какая удача.

— С чего вы взяли?

— Мы разговариваем в моей камере, а не в комнате для допросов. Прощу, садитесь на кровать, мне будет удобно и на полу. Или вы предпочитаете унитаз?

Она ответила ему улыбкой, устраиваясь на краешке матраса.

Мик прислонился к стене слева от нее. В его темных глазах отражался свет флуоресцентных ламп.

Он не стал медлить с расспросами.

— Как прошел ваш уикенд? Прочитали дневник моего отца?

— Простите. Я успела прочитать только первые десять страниц. Зато я прочла заключение Розенхана.

— Оно о пребывании психически здоровых людей в сумасшедшем доме. Поделитесь вашими выводами по этому поводу?

— Заключение показалось мне довольно интересным, даже немного удивительным. Его людям понадобилось довольно много времени, чтобы разобраться и определить, где настоящие пациенты, а где участники эксперимента. Почему вы хотели, чтобы я это прочитала?

— А как вы думаете? — На мгновение ей показалось, что на нее смотрит какой-то умный зверь.

— Совершенно ясно, что вы хотели заставить меня задуматься о вероятности того, что вы не сумасшедший.

— Совершенно ясно.

Он выпрямился и снова сел в позу лотоса.

— Давайте сыграем с вами в игру? Давайте представим, что одиннадцать лет назад вы были мной, Майклом Гэбриэлом, сыном археолога Юлиуса Гэбриэла, который вскоре будет обесчещен и мертв. Вы стоите за кулисами сцены в Гарвардском университете, в аудитории полно народу, и слушаете, как ваш отец делится результатом труда всей своей жизни с величайшими умами научного сообщества. Ваше сердце гонит по венам волны адреналина, поскольку вы работали бок о бок с отцом почти с самого рождения и знаете,

насколько важно это выступление, важно не только для него, но и для всего человечества. Десять минут длится его лекция, и вот вы видите, как Немезида вашего отца несется по сцене ко второй трибуне — это Пьер Борджия, щедрый сынок из политической династии, решил, что неплохо стать оппонентом моего отца прямо во время выступления. Стало ясно, что эта лекция с самого начала была ловушкой, подстроенной для Борджия, чтобы он имел возможность втянуть моего отца в дебаты и уничтожить любое доверие к его доводам. По крайней мере десяток людей в той аудитории были участниками дешевого розыгрыша. Десять минут спустя голос Юлиуса потонул в хохоте его коллег.

Мик замолчал, заново переживая свои воспоминания.

— Мой отец был умным, бескорыстным человеком, который положил всю свою жизнь на поиски истины. И вот посреди самого главного, решающего выступления у него выбили почву из-под ног, растоптали его гордость, труд всей его жизни, которым он занимался тридцать два года, — все во мгновение ока превратилось в прах. Можете представить то унижение, которому он подвергся?

— И что произошло потом?

— Он еле дошел до кулис и упал мне на руки, хватаясь за грудь. У него было больное сердце. Собрав остаток сил, он прошептал мне несколько советов и умер у меня на руках.

— И после этого вы напали на Борджию?

— Этот ублюдок все еще вещал с кафедры, извергая ненависть. Думаю, вам уже наговорили обо мне достаточно, но я вовсе не жестокий человек. — Его зрачки расширились. — Однако в тот момент я хотел затолкать этот проклятый микрофон ему в глотку. Я помню, как взобрался на сцену, помню, что мир вокруг меня словно замедлился. Я мог слышать только свое дыхание, мог видеть только Борджию, но мне казалось, что я смотрю на него сквозь какой-то туннель. В следующий момент я осознал, что он лежит на полу, а я бью его микрофоном по голове.

Доминика скрестила ноги, пытаясь унять дрожь.

— Тело моего отца отправили в окружной морг, где кремировали без погребальных обрядов. Борджия три недели провел в палате частной клиники, а его семья тем временем развернула кампанию по продвижению его на пост сенатора, заказав то, что пресса потом

назвала «беспрецедентной победой новичка». Я же гнил в тюремной камере, без друзей и без семьи с политическими связями, ждал приговора за нанесение тяжких телесных повреждений, который, как мне казалось, станет завершением той истории. Но у Борджии были другие планы на этот счет. Используя политические связи своей семьи, он манипулировал системой, договорившись с окружным прокурором и адвокатом, которого мне предоставил штат. Потом я узнал, что меня объявили умалишенным, и судья отправил меня в психлечебницу в Массачусетсе — в место, где Борджия хоть одним глазом, но мог приглядывать за мной. Простите за каламбур.

— Бы сказали, что Борджия манипулировал законами и системой. Как?

— Так же, как он манипулирует Фолеттой, которого штат назначил моим надзирателем. Пьер Борджия награждает за верность, но боже вас упаси попасть в его черный список. Судья, который вынес мне приговор, стал членом Федерального верховного суда, и это произошло всего через три месяца после его решения о признании меня неменяемым в отношении совершенного преступления. Наш добрый доктор вскоре стал директором этой клиники, каким-то образом умудрившись обскакать больше дюжины куда более квалифицированных кандидатов.

Казалось, эти темные глаза смотрят ей прямо в душу, читая ее мысли.

— Я могу сказать, о чем вы сейчас думаете, Доминика. Вы думаете, что я одержимый манией шизофреник с параноидальным психозом.

— Я этого не говорила. А что со вторым инцидентом? Вы же не станете отрицать, что жестоко расправились с охранником?

Мик поднял на нее глаза, отчего она сразу потеряла уверенность.

— Роберт Григгс был больше садистом, чем гомосексуалистом, и собирался совершить то, что вы диагностировали как акт изнасилования, продиктованный маниакальной страстью к жестокости. Фолетта специально назначил его в ночную смену за месяц до первой экспертизы относительно моей вменяемости. Старина Григгси обычно делал обход во втором часу ночи.

Доминика почувствовала, как участился ее пульс.

— Под наблюдением содержалось тридцать пациентов, каждый из которых спал, прикованный за запястье и лодыжку к центру кровати. Однажды Григгс явился на смену пьяным. Он искал именно меня. Думаю, он решил, что я могу стать неплохим дополнением к его гарему. Для начала он решил слегка разработать меня, засунув ручку метлы...

— Прекратите! А где были другие охранники?

— Охранником был Григгс. Поскольку я ничего не мог сделать, я начал уговаривать его, убеждать, что он получит куда больше удовольствия, если обе мои ноги будут свободны. Этот тупой ублюдок растянул цепь на моей лодыжке. Я не буду утомлять вас деталями того, что произошло потом...

— Я слышала: вы раздавили ему яйца. Просто продолжайте.

— Я мог убить его, но не сделал этого. Я не убийца.

— И за это вас приговорили к пожизненному пребыванию в клинике?

Мик кивнул.

— Одиннадцать лет в объятых железобетонной мамочки. Здесь жестко и холодно, зато мамочка всегда рядом. Теперь ваша очередь рассказывать. Сколько вам было лет, когда кузен изнасиловал вас?

— Простите, но мне непросто обсуждать с вами эту тему.

— Поскольку вы психиатр, а я псих?

— Нет, то есть да. Потому что я ваш врач, а вы мой пациент.

— А разве между нами такая уж большая разница? Думаете, ассистенты Розенхана смогли бы без колебаний определить, кому из нас надлежит находиться в этой камере?

Он снова привалился спиной к стене.

— Могу я называть вас Дом?

— Да.

— Дом, заключение в одиночной камере не может не повлиять на человека. Я отдаю себе отчет в том, что у меня сенсорное голодание и я могу даже немного пугать вас, но я так же нормален, как вы, Фолетта или тот охранник, что стоит на посту у двери. Что мне сделать, чтобы убедить вас в этом?

— Вам нужно убеждать не меня, а доктора Фолетту.

— Я уже сказал вам, Фолетта работает на Борджию, а Борджия никогда не позволит мне выйти отсюда.

— Я могу поговорить с ним. Убедить его предоставить вам те же права и привилегии, что и остальным пациентам. Со временем я могу даже...

— Господи, да я прямо слышу слова Фолетты: «Очнитесь, интерн Вазкез. Вы попали под воздействие знаменитой способности Мика Гэбриэла убеждать и морочить голову». Наверняка он попытался убедить вас, что я — второй Тед Банди.

— Вовсе нет. Мик, я стала психотерапевтом, чтобы помогать таким людям, как...

— Таким людям, как я. Психам?

— Позвольте мне договорить. Вы не сумасшедший, но я думаю, что вам нужна помощь. И для начала я попытаюсь убедить Фолетту подписать разрешение на командный подход...

— Нет. Фолетта этого не позволит, а если и позволит, у нас все равно слишком мало времени.

— Почему у нас мало времени?

— Новая экспертиза моего психического здоровья и пересмотр дела в суде состоятся через шесть дней. Разве вы еще не поняли, почему Фолетта приписал вас ко мне? Вы студентка, вами легко манипулировать. «Пациент демонстрирует определенные признаки улучшения, интерн Вазкез, но он все еще не готов к возвращению в общество». Ваши наблюдения совпадают с его диагнозом, а большего экспертной комиссии и не надо.

Фолетта прав, он очень умен. Впрочем, может, он не будет так умен в этой игре, если утратит инициативу в построении нашей беседы.

— Мик, давайте поговорим о работе вашего отца? В пятницу вы упомянули четыре Ахау три Канкин...

— Предсказанный человечеству Судный день. Я знал, что вам знакома эта дата.

— Это просто легенда майя.

— Во многих легендах таится правда.

— И вы верите, что все мы умрем меньше чем через четыре месяца? — Мик уставился в пол, качая головой. — Для ответа достаточно всего лишь сказать «да» или «нет».

— Не играйте со мной в психологические игры, Доминика.

— А разве я играю в психологические игры?

— Вы прекрасно знаете, что ваш вопрос относится к категории стандартных уловок, предназначенных выявить параноидальную шизофрению и манию...

— Мик, это же просто вопрос. — *А он расстроен. Это хорошо.*

— Вы втягиваете меня в соревнование интеллектов, чтобы выяснить мои слабые места. Не стоит. Это не очень-то эффективно, к тому же вы проиграете, а это будет означать, что проиграли мы все.

— Вы просите меня оценить вашу способность вернуться в общество. Как я могу это сделать, не задавая вопросов?

— Задавайте вопросы, но не загоняйте меня в ловушку. Я бы с удовольствием обсудил с вами теории моего отца, но лишь в том случае, если это будет вам действительно интересно. Если же вы просто хотите посмотреть, к чему меня можно подтолкнуть психологическими трюками, то просто принесите с собой тесты Росшарха или тематический апперцептивный тест, на чем мы с вами и закончим.

— И каким же образом я загоняю вас в ловушку?

Мик поднялся на ноги, шагнул к ней. Доминика почувствовала, как участился пульс, и крепче сжала ручку.

— Сама суть вашего вопроса заранее осуждает меня. Это все равно что спросить у священника, знает ли его жена, что он мастурбирует. Как бы он ни ответил, он все равно будет плохо выглядеть. Если я отвечу, что не верю в пророчество о конце света, мне придется придумывать оправдания тому, что я ни с того ни с сего изменил точку зрения, которой придерживался одиннадцать лет. Фолетта объяснит это тем, что я притворяюсь, чтобы произвести впечатление на экспертную комиссию. Если я отвечу вам «да», вы решите, что я просто еще один псих, уверенный, что небо падает ему на голову.

— Тогда как вы предлагаете мне оценить вашу вменяемость? Я же не могу, опуская факты, делать выводы лишь из оставшихся.

— Нет, но по крайней мере вы можете беспристрастно исследовать открывшиеся факты и делать выводы не под влиянием минутного настроения. Некоторых величайших ученых древности тоже считали сумасшедшими, пока не оказывалось, что они были правы.

Мик сел на край кровати рядом. Доминика почувствовала, как по коже пробежали мурашки, и напряглась. Она не могла решить, взволнована она или напугана — возможно, и то и другое, — поэтому сместила центр тяжести, расслабив скрещенные ноги, и перестала судорожно сжимать в руке спасительную ручку. *Он достаточно близко, чтобы напасть на меня, но если бы мы сидели в баре, я бы подумала, что расстояние вполне достаточное для флирта...*

— Доминика, это очень важно, очень-очень важно. Нам нужно научиться доверять друг другу. Мне нужна ваша помощь, а вам нужна моя, просто вы еще этого не знаете. Я клянусь душой своей матери, что никогда не солгу вам, но вам придется пообещать, что вы выслушаете меня без предубеждения.

— Хорошо, я буду объективна. Но вы все еще не ответили на вопрос. Вы верите в то, что человечеству придет конец двадцать первого декабря?

Мик наклонился вперед, оперся локтями о колени и устался в пол, потирая переносицу указательными пальцами.

— Я так понимаю, вы католичка?

— Я родилась в семье католиков, но с тринадцати лет меня растили евреи. А как насчет вас?

— Моя мать была иудейкой, отец принадлежал к епископальной церкви. Вы считаете себя истинно верующей?

— Вообще-то нет.

— Вы верите в Бога?

— Да.

— А вы верите во зло?

— Зло? — Вопрос поставил ее в тупик. — Это довольно широкое понятие. Вы не могли бы уточнить, что именно имеете в виду?

— Я не говорю о людях, которые совершают жестокие убийства. Я говорю о самобытной сущности, части материи нашего существования. — Мик поднял голову, посмотрел ей в глаза. — Для примера можно упомянуть веру юдо-христиан в то, что персонализированное зло впервые проявило себя в Эдемском саду, приняв облик змея, искусившего Еву попробовать яблоко.

— Как психиатр я не верю в то, что каждый из нас является на свет либо злым, либо добрым. Я верю в то, что люди способны

совершать и зло и добро одновременно. Свобода позволяет нам выбирать.

— А что, если... если нечто влияет на вашу свободу выбора, а вы этого не замечаете?

— Что вы имеете в виду?

— Некоторые люди верят в то, что существует некая злобная сила, которая является частью природы. В то, что некий злобный разум существует на нашей планете с первых шагов человечества.

— Вы меня запутали. Какое отношение это имеет к пророчеству о конце света?

— Как рационально мыслящий человек вы спросили, верю ли я в то, что человечество движется к своему концу. Как рационально мыслящий человек я прошу вас объяснить мне, почему в любой достаточно развитой древней цивилизации существует предсказание конца света. Как рационально мыслящий человек я прошу вас ответить мне, почему в любой основной религии упоминается апокалипсис и ожидается приход мессии, который может избавить мир от зла.

— Я не могу вам ответить. Как и большинство людей, я просто не знаю ответа.

— Мой отец точно так же не знал ответа. Но он был здравомыслящим ученым и хотел найти ответ на этот вопрос. Этим поискам он посвятил свою жизнь, пожертвовал счастьем своей семьи ради правды. Он десятилетиями исследовал древние руины в поисках зацепок. И то, к чему в результате привели его поиски, было настолько непостижимым, что практически толкнуло его на грань безумия.

— Что он нашел?

Мик закрыл глаза, его голос потеплел.

— Доказательство. Доказательство, хорошо продуманное и старательно оформленное теми, кто оставил его нам. Доказательство того, что существует сила, которую можно назвать Злом — сила настолько жестокая, что вознесение ее приведет к уничтожению человечества.

— Я снова вас не поняла.

— Я не могу этого объяснить, я лишь каким-то образом знаю, что эта злобная сила постоянно возрастает.

Он пытается оставаться рациональным. Заставь его продолжать разговор.

— Вы сказали, что эта сила, присутствие которой вы ощущаете, жестока. Откуда вы знаете?

— Просто знаю.

— Но вы не дали мне полной картины для анализа. И календарь майя — это не то, что я назвала бы доказательством...

— Календарь — это всего лишь вершина айсберга. Существуют экстраординарные, необъяснимые объекты, рассеянные по всей планете, астрономически ориентированные чудеса, которые являются кусочками единой гигантской мозаики. Даже величайшие скептики этого мира не могут отрицать их существования. Пирамиды Гизы и Чичен-Ицы. Пирамида Луны в Теотиуакане, Стоунхендж, карты Пири Рея, рисунки в пустыне Наска. Потребовались десятилетия напряженного труда, чтобы возвести эти древние чудеса, а технология их создания даже сейчас остается для нас загадкой. Мой отец выяснил, что за созданием этих чудес стоит единый разум, тот, который ответствен за создание календаря майя. Но гораздо важнее то, что каждый из этих объектов ссылается на другие, и все они объединены предназначением, о котором человечество позабыло за минувшие тысячелетия.

— И что же это за предназначение?

— Спасение человечества.

Фолетта прав. Он действительно в это верит.

— Давайте проверим, правильно ли я вас поняла. Ваш отец верил в то, что каждое из этих древних сооружений предназначено для спасения человечества. Но как пирамида или рисунки в пустыне могут спасти нас? И от чего спасти? От злобного присутствия?

Темные глаза, казалось, смотрели прямо ей в душу.

— Да, но от чего-то ужасного — чего-то, что прибудет для уничтожения человечества двадцать первого декабря. Мы с отцом были в шаге от разгадки этой тайны, нам не хватило лишь нескольких жизненно важных кусочков мозаики. Если бы только древние рукописи майя не были уничтожены...

— А кто их уничтожил?

Мик покачал головой, явно разочарованно.

— Вы даже не знаете истории своих предков? Создатель великого календаря апокалипсиса, великий учитель Кукулькан, оставил жизненно важную информацию — те самые древние рукописи майя.

Через четыреста лет после его ухода испанцы ворвались на Юкатан. Кортес был белым человеком с бородой. Майя ошиблись, приняв его за Кукулькана, ацтеки перепутали его с Кетцалькоатлем. Обе цивилизации склонились перед ним, позволив себя покорить, поскольку считали, что «белокожий мессия» вернулся к ним, чтобы спасти человечество. Католические священники получили доступ к их рукописям. Наверняка эти дураки испугались прочитанного, поскольку тут же сожгли все книги, по сути дела, приговорив нас всех к смерти.

Он начинает волноваться.

— Я не знаю, Мик. Вероятно, эти инструкции по спасению человечества были слишком важными, чтобы оставить их лишь кучке индейцев в Центральной Америке. Если Кукулькан был таким мудрым, почему он не оставил информацию где-нибудь еще?

— Благодарю вас.

— За что?

— За то, что вы задумались. За то, что воспользовались левым полушарием своего мозга, отвечающим за логику. Информация *и была* слишком важной, поэтому оставить ее древней уязвимой культуре майя, да и любой другой тоже, если уж на то пошло, было опасно. В пустыне Наска, в Перу, сохранилось наглядное символическое послание, вырезанное на плато — невероятно точные геоглифы диаметром сто шестьдесят метров. Мы с отцом практически расшифровали это послание перед его смертью.

Она незаметно покосилась на часы. Мик вскочил на ноги молниеносно, словно дикая кошка, схватил ее за плечи, не давая пошевелиться.

— Прекратите относиться к этому как к части ваших обязанностей и слушайте, что я вам говорю. Время играет против нас...

Она смотрела ему в глаза, слушая его сбивчивый рассказ; между их лицами осталось всего несколько сантиметров.

— Мик, отпустите.

Она нажала кнопку ручки.

— Послушайте меня, вы спросили, верю ли я в то, что человечество будет уничтожено через четыре месяца. И я отвечаю вам: да, если мне не удастся завершить дело моего отца. Если я не успею, действительно мы все погибнем.

Доминика снова и снова нажимала кнопку ручки, пульс грохотал в ее ушах, а сознание затопил страх.

— Доминика, пожалуйста... Мне нужно, чтобы вы помогли мне выбраться из этого каменного мешка, выбраться до осеннего равноденствия.

— Почему?

Постарайся его заговорить...

— До равноденствия осталось две недели. Его наступление отмечено во всех источниках, о которых я упоминал. Пирамида Кукулькана в Чичен-Ице отметит направление, когда тень северной лестницы станет тенью змеи. В этот момент Земля окажется в очень редком галактическом сегменте. В центре темного участка Млечного Пути начнет открываться портал, и это станет началом конца для всего человечества.

Он бредит... Вспомнив фотографию одноглазого Борджия, она сгруппировалась, приготовившись ударить коленом.

— Доминика, я не сумасшедший. Мне нужно, чтобы вы поняли серьезность того...

— Вы делаете мне больно.

— Простите. Простите меня... — Он отпустил ее плечи. — Поймите, для меня это вопрос жизни и смерти. Мой отец верил, что восстание зла можно предотвратить. Мне нужна ваша помощь... Вы должны вытащить меня отсюда до равноденствия...

Мик обернулся, уклонившись от кулака Марвиса, направленного ему в лицо, и тут же был парализован струей из газового баллончика.

— Нет! Нет, нет, нет...

Слишком взволнованная, чтобы говорить, Доминика оттолкнула охранника и выбежала из палаты. Только в холле она остановилась, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Марвис закрыл палату 714 и лишь после этого открыл ей дверь в коридор.

Майкл продолжал колотить по двери и звать ее, его крики больше напоминали вопль раненого животного.

ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА

Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал... В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим и они стали рождать им. Это сильные, издревле славные люди.

Бытие: 6

Библия. Священное Писание иудеев и христиан. Для археолога, ищущего правду, этот античный документ — кладезь важнейших подсказок, способных заполнить пробелы в истории эволюции человечества.

Бытие:6 — должно быть, самая непонятная часть Библии, однако, возможно, самая изобличительная. Ведь получается, что до того, как Бог говорил с Ноем, он отправил на землю *сынов Божиих*, а также *исполинов*, название которых, Нефилим, переводится как «павшие» или «те, кто в огне упал с небес».

Так кем же были эти «павшие», эти «издревле славные люди»? Важную подсказку можно обнаружить в апокрифической Книге Бытия, древней рукописи, обнаруженной в районе Мертвого моря. В первом же отрывке Ламех, отец Ноя, задает своей жене множество вопросов, поскольку подозревает, что его сын рожден в результате измены с кем-то из ангелов или их потомков, исполинов.

Текла ли в жилах Ноя смешанная кровь? Концепция «павших» ангелов, или «издревле славных людей», которые смешали кровь с человеческими женщинами, выглядит неправдоподобно, однако в ней наверняка есть крупица истины, ведь легенды, подобные истории о Ное и Всемирном потопе, повторяются во многих культурах и религиях по всему миру.

Как уже упоминал, я посвятил свою жизнь исследованиям загадок и тайн чудес света — великолепных строений, сохранившихся на нашей планете вопреки разрушительному влиянию времени. Я верю,

что их создали те самые «сильные, издревле славные люди» с единственной целью — спасти наш вид от уничтожения.

Возможно, мы так никогда и не узнаем, кем были исполины, но существуют доказательства, полученные в результате геологических исследований, которые позволяют определить, когда именно они появились на Земле. Дело в том, что Всемирный потоп действительно был. Причиной его стал последний ледниковый период Земли — событие, произошедшее около ста пятнадцати тысяч лет назад. В то время огромные ледники, покрывавшие Северный и Южный полюса, начали разрастаться и двигаться, достигнув своего максимума около семнадцати тысяч лет назад. Большая часть Европы была погребена под коркой льда толщиной до двух миль. Ледники Северной Америки достигли на юге долины Миссисипи, до тридцать седьмой параллели.

Это была эра *Homo sapiens neanderthalensis*, неандертальцев. И это было время, когда в историю наших предков вошли «павшие».

Думаю, кланы ранних *Homo sapiens* ничем не могли впечатлить издревле славных людей. Возможно, исполины решили, что будет лучше, если древние люди вернуться к истокам зарождения жизни на Земле. Каким бы ни было решение исполинов, сейчас нам известно лишь одно: совершенно внезапно, по какой-то необъяснимой причине корка льда, покрывшая наш мир, начала таять.

Процесс, который спровоцировали неизвестные катастрофические причины, происходил с невероятной скоростью. Миллионы кубических метров льда, нараставшие в течение сорока тысяч лет, растаяли менее чем за два тысячелетия. Уровень моря поднялся с девяноста до ста двадцати метров, поглотив сушу. Области земной поверхности, ранее придавленные биллионами тонн льда, начали подниматься, что послужило причиной беспрецедентных землетрясений. Извергались вулканы, выбрасывая в атмосферу невероятное количество углекислого газа, который лишь усиливал эффект глобального потепления. Гигантские волны прибоя выкорчевывали джунгли, смывали животных и опустошали землю.

Планета стала очень неудобным местом.

С 13 000 до 11 000 года до нашей эры большая часть льда растаяла, и климат стабилизировался. Из водоворота цунами и грязи возник новый подвид — *homo sapiens sapiens* — нынешний человек.

Эволюция или библейский акт творения — что из них истина о возникновении современного человеческого вида? Как ученый, я вынужден верить в теорию Дарвина, но как археолог понимаю, что довольно часто истина скрыта в мифах, пришедших к нам сквозь тысячелетия. Пророчество, заложенное в календаре майя, относится к той же категории. Как я уже упоминал ранее, календарь являет собой точный научный инструмент, который использует основные принципы астрономии и математики для получения определенных данных. В то же время источником создания этого календаря послужила основополагающая легенда истории майя — «Пополь Вух», книга майя о сотворении мира.

«Пополь Вух» — своего рода Библия для месоамериканских индейцев. Согласно тексту «Пополь Вух», написанному через сотни лет после ухода Кукулькана, наш мир делится на Верхний (небеса). Средний (землю) и Нижний (вместилище зла, которое они называли Ши-баль-ба). Глядя в ночное небо, древние майя увидели темный участок Млечного Пути, который они представляли как черную змею, или Черную дорогу (Шибальба Бе), ведущую в Нижний мир. Располагался он неподалеку от трех ярких звезд Пояса Ориона. Майя называли эти звезды тремя камнями творения.

Календарь майя разделен на пять великих циклов, первый из которых начался 25 800 лет назад. Это не произвольный отрезок времени, это конкретное количество лет, за которые Земля завершает один цикл прецессии — медленного смещения оси вращения нашей планеты. (Подробнее об этом позже.)

История творения, описанная в «Пополь Вух», начинается около 25 800 лет назад, во времена, когда большую часть земной поверхности покрывал лед. Главным героем истории является Хун (Первый) Хун-Ахпу, позже названный майя Первоотцом. Первый Хун-Ахпу обожал древнюю игру с мячом, которая называлась тлатчли. Однажды правители Нижнего мира при помощи Шибальба Бе (Черной дороги) пригласили Первого Хун-Ахпу и его брата сыграть с ними в эту игру. Первый Хун-Ахпу согласился и вошел в портал, ведущий к Черной дороге, который в легендах майя описан как рот гигантской змеи.

Впрочем, правители Нижнего мира не собирались играть в игры. Хитростью они победили братьев и обезглавили их, затем насадили

голову Первого Хун-Ахпу на крюк и подвесили на тыквенном дереве. Властители Зла запретили кому бы то ни было приближаться к этому дереву.

Долгие годы спустя смелая молодая женщина по имени Кровавая Луна отправилась по Черной дороге, чтобы выяснить, правдива ли легенда. Приблизившись к дереву, она сорвала несколько фруктов и вдруг с ужасом заметила висящую в ветвях голову Первого Хун-Ахпу. Голова упала ей в руки, магическим образом оплодотворив женщину. Она бросилась наутек, и правители Нижнего мира не смогли уничтожить ее.

Кровавая Луна (известная также как Праматерь) родила двоих близнецов. Прошли годы, мальчики выросли и стали сильными воинами. Когда они достигли совершеннолетия, зов крови заставил их отправиться по Черной дороге в Шибальба, чтобы вызвать Зло на поединок и отомстить за смерть отца. Правители Нижнего мира снова прибегли к хитрости, но на этот раз близнецы оказались проворнее: победив, они изгнали зло и воскресили своего отца.

Какие выводы мы можем сделать, анализируя этот миф о сотворении мира? Имя Хан, или Один, Первый Хун-Ахпу, соответствует календарному названию дня один Ахау, которое, в свою очередь, означает Первое солнце. Первое солнце нового года — это декабрьское солнцестояние. Предсказанный Судный день настанет во время зимнего солнцестояния две тысячи двенадцатого года — ровно через 25 800 лет текущего цикла, в тот же день, с которого начался отсчет календаря майя.

Используя компьютерную программу, которая позволяет определять расположение планет в конкретно заданный день, я вычислил астрономическую карту 2012 года. Начиная с осеннего равноденствия планеты Солнечной системы и наша галактика займут уникальное, невероятно редкое астрономическое положение. Темный участок Млечного Пути появится на горизонте, а Солнце пройдет через его центр. Орбиты их движения пересекутся в день зимнего солнцестояния, в день, названный древними культурами Днем мертвых. В этот день, впервые за 25 800 лет, Солнце выйдет к точке пересечения Млечного Пути и эклиптики Стрельца и, пройдя через галактический экватор, окажется в центре нашей галактики.

Каким-то образом календарь майя зафиксировал это космическое явление еще 3000 лет назад. Интерпретируя миф о создании мира, можно сказать, что галактическое расположение планет приведет к тому, что снова откроется портал, соединяющий нашу планету с майяским Нижним миром, Шибальбой.

Вы можете называть это вымыслом, вы можете называть это фактом, но каким-то образом этот интергалактический акт завершится смертью каждого мужчины, каждой женщины, каждого ребенка нашей планеты.

Выдержка из дневника профессора Юлиуса Гэбриэла.

Источник: каталог 1978–1979, страницы 43–52.

Источник: каталог 1998–1999, страницы 11–75.

11 сентября 2012 года

Майами, Флорида

— Очнитесь, интерн Вазкез. Вы попали под воздействие знаменитой способности Мика Гэбриэла — умения убеждать и морочить голову.

— Я не согласна. — Доминика обожгла Фолетту холодным взглядом. — Нет ни малейшей причины, почему Мик Гэбриэл не должен пользоваться услугами персонала клиники.

Фолетта откинулся на спинку вращающегося стула, и пружины жалобно застонали под его весом.

— А теперь давайте успокоимся на минутку. Посмотрите на себя: вы только два раза поговорили с пациентом и уже ставите ему диагноз. Я считаю, что вы действуете под влиянием эмоций, о чем предупреждал вас в пятницу. Именно поэтому я советовал коллегии воздержаться от командной работы с данным пациентом.

— Сэр, я уверяю вас, мои действия продиктованы не эмоциями. Просто мне кажется, что в данном случае выводы были сделаны несколько поспешно. Да, я согласна с тем, что он страдает от навязчивых идей, но это вполне может быть следствием одиннадцатилетнего одиночного заключения. Что же касается жестокости, в истории болезни Мика нет подтверждения тому, что тот приступ не был единичным случаем, результатом нервного потрясения.

— А как насчет нападения на охранника?

— Мик сказал, что охранник хотел изнасиловать его.

Фолетта потер переносицу толстыми пальцами и с милой улыбочкой покачал массивной головой.

— Он вас подставил, интерн Вазкез. Я вам говорил, что он умен.

Доминика почувствовала, как сжался ее желудок.

— Вы хотите сказать, что Мик мне соврал?

— Конечно. Он пытался пробудить в вас материнский инстинкт, и ему это прекрасно удалось.

Доминика, ошарашенная этими словами, уставилась на свои колени. Неужели Мик солгал? Неужели она оказалась такой доверчивой? *Идиотка! Ты хотела ему поверить. Ты сама себя загнала в ловушку.*

— Интерн, вы не добьетесь больших успехов в терапии, если будете верить всему, что говорят вам пациенты. В следующий раз он может убедить вас, что конец света и в самом деле приближается.

Доминика, чувствуя себя невероятно глупо, снова выпрямилась на стуле.

Фолетта заметил выражение ее лица и громко рассмеялся, отчего на его пухлых покрасневших щеках обозначились ямочки. Он шумно выдохнул и вытер выступившие на глазах слезы, затем потянулся к картонной коробке, стоявшей на полу у ножки стола, и достал бутылку скотча и две кофейные чашечки.

Одним глотком она осушила содержимое своей чашки и ощутила, как жидкость обжигаящим клубком катится по пищеводу в желудок.

— Пришли в себя? — в этих словах, прозвучавших грубо, она уловила нотки искренней отцовской заботы.

Доминика кивнула.

— Здорово он вам наплел, интерн. Но все же Мик мне симпатичен. Я тоже не в восторге от того, что вынужден содержать его в одиночке.

Зазвонил телефон. Фолетта ответил, не сводя с нее глаз.

— Это один из охранников. Говорит, что ждет вас внизу.

Дерьмо.

— А вы не могли бы ему сказать, что меня вызвали на важное совещание? Скажите, что сегодня я занята.

Фолетта передал ее слова и повесил трубку.

— Доктор, а что скажете о комиссии по оценке состояния Мика? О ней он тоже солгал?

— Нет, это правда. К тому же я как раз хотел поговорить с вами на эту тему. Я знаю, что это немного необычно, но я хотел бы, чтобы вы тоже подписали подготовленные документы.

— А что вы порекомендуете?

— Это будет зависеть от вас. Если сейчас вы сможете остаться объективной, я буду рекомендовать вас на должность штатного психотерапевта этой клинике.

— Мик страдает от сенсорной депривации. Я бы хотела, чтобы у него, как и у остальных здешних пациентов, было разрешение на прогулки во дворе.

— Он только что напал на вас...

— Он этого не делал. Просто он немного разволновался, а я запаниковала.

Фолетта откинулся на спинку кресла и уставился в потолок, словно взвешивая важность этого решения.

— Хорошо, интерн, считайте, что мы договорились. Вы подпишете документы, которые я подготовил для комиссии, а я предоставлю ему все права пациента клиники. Если это себя оправдает, к январю с Миком будет работать полная команда специалистов. Годится?

Доминика улыбнулась.

— Годится.

* * *

22 сентября 2012 года

Майами, Флорида

Двор Центра обследования и лечения Южной Флориды представлял собой прямоугольную лужайку, закрытую с четырех сторон. Г-образное здание ограждало двор с юга и востока, северную и западную стороны закрывали белые цельнолитые железобетонные блоки, увитые километрами колючей проволоки.

Дверей во двор не было. Чтобы выйти на покрытый травой атриум, нужно подняться на три пролета по бетонной лестнице к открытому переходу вдоль южной стены клиники, а оттуда можно попасть в гимнастический зал третьего этажа, в комнаты групповой

терапии, в центр прикладного искусства, компьютерный зал и внутренний кинотеатр.

Когда ветер пригнал с востока тяжелые серые тучи, Доминика укрылась под алюминиевым козырьком, защищавшим от дождя переход на третий этаж. Два десятка пациентов ушли со двора при первых же каплях вечернего дождя, быстро перешедшего в ливень.

Во дворе остался лишь один.

Мик Гэбриэл продолжал шагать по периметру двора, засунув руки глубоко в карманы. Он, похоже, наслаждался запахом грозы, видом того, как ветер гонит по небу грозовые тучи, любовался струями воды, падающими с небес. Всего за несколько секунд его белая униформа промокла до нитки, плотно облепив мускулистое тело.

Он продолжал шагать; промокшие теннисные туфли тонули в мягкой траве, вода залилась в обувь и промочила носки. С каждым шагом он последовательно повторял названия годов из календаря мая. Это упражнение помогало ему очистить сознание, чтобы сохранить чистоту мыслей. *Три Икс, четыре Кауак, пять Канн, шесть Мулук...*

Темные глаза изучали бетонную стену, искали трещины в ней, а мозг яростно перебирал возможные варианты действий.

* * *

Доминика наблюдала за ним сквозь пелену дождя и мучилась угрызениями совести. *Ты подвела его. Он доверял тебе. А теперь он думает, что ты его предала.*

Появился Фолетта. Помахал рукой нескольким особо буйным пациентам, потом подошел к ней.

— Он все еще отказывается говорить с вами?

Доминика кивнула.

— Уже почти две недели. Каждый день одно и то же. Он съедает завтрак, а потом встречается со мной и целый час тарашится в пол. Выходя во двор, он бродит по периметру до обеда. Никогда не общается с другими пациентами и вообще не произносит ни слова. Он просто шагает.

— А вы думаете, что он должен быть вам благодарен, поскольку именно благодаря вам он обрел свою нынешнюю свободу.

— Это не свобода.

— Нет, но это огромный шаг вперед по сравнению с одиннадцатью годами заключения в одиночке.

— Я думаю, он и вправду верил, что я помогу ему выбраться отсюда.

Выражение лица Фолетты выдало его с головой.

— Что, доктор? Он был прав? Я действительно могла...

— Эй, потише, интерн. Мик Гэбриэл никуда не пойдет, по крайней мере, не сейчас. Вы сами видите, что он нестабилен и представляет угрозу как для самого себя, так и для окружающих. Продолжайте с ним работать, уговорите его принять участие в его собственном курсе лечения. Все может случиться. Мы ведь договорились о январе, если он будет хорошо себя вести. Вам стоило сказать ему об этом.

— Я пыталась. — Она смотрела, как Мик проходит у ступенек прямо под ними. — Но он мне больше не верит.

Фолетта похлопал ее по спине.

— Не переживайте.

— Я ничем не могу ему помочь. Возможно, здесь нужен кто-то более опытный.

— Глупости. Я скажу его санитарам, что ему запрещено покидать свою палату до тех пор, пока он не начнет активно участвовать в сеансах терапии.

— Насильно заставляя его говорить? Это не поможет.

— Здесь не деревенский клуб, интерн. У нас есть правила. Если пациент отказывается сотрудничать, он лишается своих привилегий. Я уже видел подобное. Если вы не начнете действовать, Мик заблудится в своем помутненном сознании, и мы потеряем его навсегда. — Фолетта подал сигнал санитару. — Джозеф, выведите мистера Гэбриэла из-под дождя. Мы не можем позволить пациенту простудиться из-за нашей небрежности.

— Нет, подождите. Он мой пациент. Я сама приведу его. — Доминика затянула волосы в узел на затылке, сняла обувь и спустилась во двор. Когда она догнала Мика, она успела полностью промокнуть.

— Эй, незнакомец, не возражаете против компании?

Он проигнорировал ее.

Доминика приноровилась к темпу его шагов; дождь заливал ее лицо.

— Ну же, Мик, поговорите со мной. Я извинялась целую неделю. Что еще я должна была сделать? Мне пришлось подписать отчет Фолетты.

Вместо ответа ей достался тяжелый взгляд.

Дождь пошел сильнее, ей пришлось почти кричать.

— Мик, помедленней.

Он продолжал идти.

Она обежала его и приняла боевую стойку, вскинув руки и загородив ему путь.

— Ладно, приятель, не заставляй меня драться с тобой.

Мик остановился. Поднял лицо, позволяя дождю омыwać его худое лицо.

— Вы предали меня.

— Простите, — прошептала она, опуская руки. — Но почему вы солгали мне о нападении на охранника?

Его лицо исказилось, как от боли.

— Значит, теперь вы решаете, что правда, а что нет, советуясь не с сердцем, а со своими амбициями? Я думал, что мы с вами друзья.

В ее горле образовался комок, отчего она не могла сказать ни слова.

— Я хотела стать вашим другом, но я еще и ваш психотерапевт. Я сделала то, что считала правильным.

— Доминика, даю вам слово, что я не соврал вам. — Он повернул голову, показывая длинный шрам под челюстью. — Прежде чем Григгс попытался изнасиловать меня, он угрожал перерезать мне глотку.

Будь ты проклят, Фолетта.

— Мик, господи, простите меня. Во время нашей последней встречи вы бросились на меня...

— Да, я виноват. Я слишком разволновался. Я так давно сидел взаперти... иногда... что ж, иногда мне очень сложно оставаться спокойным. Я плохо разбираюсь, как нужно вести себя в обществе, но я никогда бы не причинил вам вреда.

В его глазах появились слезы.

— Знаете, эти прогулки действительно помогли. Заставили меня о многом задуматься... о моем эгоизме, в частности. О моем детстве, о

стиле жизни, при котором я рос... я бы многое изменил, если бы мог. Я любил-своих родителей, но я впервые понял, что ненавижу то, что они со мной сделали. Я ненавижу то, что они не дали мне шанса...

— Мы не можем выбирать родителей, Мик. Важно помнить, что мы не можем винить себя за это. Не мы раздаем эти карты, и не мы выбираем, садиться ли за игровой стол. Но мы несем полную ответственность за то, как разыграть свою раздачу. Думаю, я могу помочь вам справиться с этим.

Он шагнул ближе; струи дождя стекали по его лицу.

— Могу я задать вам личный вопрос?

— Да.

— Вы верите в судьбу?

— В судьбу?

— В то, что наши жизни, наше будущее, было... ладно, не обращайтесь внимания.

— В то, что все происходящее было обусловлено заранее?

— Да.

— Я думаю, что у нас есть выбор. Я думаю, что мы сами можем решить, какой станет наша судьба.

— Вы когда-нибудь влюблялись?

Она смотрела в его исполненные почти щенячьей беспомощности глаза.

— Несколько раз почти влюбилась. Но ничего не вышло. — Она улыбнулась. — Думаю, они просто не были частью моей судьбы.

— А если бы я не был... заключенным. Если бы мы встретились при других обстоятельствах... Думаете, вы могли бы полюбить меня?

Ох, дерьмо...

Она с трудом сглотнула, чувствуя, как пульсирует вена на шее.

— Мик, давайте спрячемся от дождя. Пойдемте...

— В вас есть нечто необычное. Это не просто физическая привлекательность, это чувство, будто я знаком с вами или мы знали друг друга в прошлой жизни.

— Мик...

— Иногда у меня бывают такие предчувствия. Я почувствовал нечто особое в тот миг, когда впервые увидел вас.

— Вы сказали, что это был просто запах духов.

— Было нечто большее. Я не могу этого объяснить. Я просто чувствую, что неравнодушен к вам, и эти эмоции сбивают меня с толку.

— Мик, я польщена, я действительно тронута, но думаю, вы правы. Ваши эмоции сбивают вас с толку и...

Он грустно улыбнулся, не обращая внимания на ее слова.

— Вы так красивы.

Приблизившись, он коснулся рукой ее щеки, затем потянулся и расслабил узел ее темных волос. Доминика закрыла глаза, чувствуя, как волосы рассыпаются по плечам и тяжелеют под ливнем. *Прекрати! Он твой пациент, господи, к тому же психически больной.*

— Мик, прошу вас. Фолетта смотрит. Вы не могли бы зайти в здание? Давайте поговорим внутри...

Он смотрел на нее, и в его черных непостижимо прекрасных глазах застыла безнадежность измученной души.

— «О, ярче факела ее краса ночные осияла небеса! Она горит алмазною серьгою, для брэнной жизни слишком дорогою, у чернокожей ночи на щеке».^[9]

— Что вы сказали? — Сердце Доминики заколотилось.

— «Ромео и Джульетта». Я часто читал это матери, когда она болела. — Он взял ее ладонь и поднес к губам. — «Коснусь ее, голубки средь ворон, красою подлинною озарен. Любило ль сердце до сих пор? О нет! Я лишь теперь узрел блаженный свет».

Дождь начал стихать. Она заметила, что к ним идут два санитары.

— Мик, послушайте. Я заставила Фолетту подписать разрешение на групповую терапию. Вы можете выйти отсюда через шесть месяцев.

Мик покачал головой.

— До этого дня мы просто не доживем, дорогая. Завтра осеннее равноденствие... — Он развернулся, явно недовольный близким соседством людей в белых халатах. — Прочитайте дневник моего отца. Нашему миру суждено пересечься с другим мирозданием, и тогда человечество окажется на вершине списка видов, которым грозит уничтожение.

Санитары схватили его за руки.

— Эй, полегче с ним!

Мик обернулся к ней; вода потоками стекала по его телу.

— «В ночи влюбленных голоса серебряною музыкой сладчайшей звучат»... Вы завоевали мое сердце, Доминика. Судьба свела нас. Я чувствую это. Я это чувствую...

ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА

Прежде чем продолжить наше путешествие по истории человечества, позвольте мне представить вам термин, неизвестный широкой аудитории, — запрещенная археология. Похоже, каждый раз, когда речь заходит об истоках человеческой культуры и античности, научное сообщество становится невероятно упрямым, если найденные факты противоречат уже существующей модели эволюции. Иными словами, они просто игнорируют факты, которые не могут интерпретировать в рамках уже сложившихся теорий.

Хорошо, что Колумб воспользовался картами Пири Рея вместо общепринятой европейской их версии, иначе он приплыл бы к концу света.

Когда же человек уверен, что все знает, он отказывается учиться. Этот прискорбный факт приводит к запрету многих действительно важных исследований. Поскольку у нас нет возможности издать свои труды без утверждения их известным университетом, то оспорить существующие на сегодняшний момент теории становится практически невозможно. Я не раз видел, как мои коллеги-ученые пытались это сделать, но подвергались остракизму: репутация, карьера — все уничтожалось, даже если свою точку зрения смельчак подкреплял неопровержимыми доказательствами.

В этих вопросах египтологи яростнее всех сопротивляются исследованиям ученых, которые рискнули бросить вызов общеизвестным теориям создания древних строений. Египтологи особо злобно встречают иностранных исследователей, которые осмеливаются задавать вопросы о возрасте и происхождении пирамид.

Таким образом мы подошли к вопросу о способах датировки, самому спорному аспекту археологии. Радиоуглеродный анализ при определении возраста костей и остатков древесного угля — это быстрый и достаточно точный метод, но такую технику невозможно применить к камню. Поэтому археологи обычно определяют возраст древних строений по другим, более поддающимся анализу реликтам, которые находятся поблизости от раскопа, а если таковых не

находится, датировка проводится на основании предположений и догадок, что, естественно, дает широкий простор для ошибок.

Теперь, когда мы это выяснили, вернемся к нашему путешествию по историческим местам и периодам.

* * *

Спустя некоторое время после Всемирного потопа по всему миру начали зарождаться цивилизации. Если исходить из признанной современными учеными «правдивой» теории, наша история началась в Месопотамии, в долине Тигра и Евфрата, около 4000 года до нашей эры. Самые древние городские руины обнаружены в Иерихоне и датированы 7000 годом до нашей эры. Однако есть доказательства существования и других цивилизаций, куда более развитых, возникших задолго до этой даты на берегах Нила. Это действительно была древняя культура, мудрые лидеры которой оставили нам первые загадки и чудеса, способные помочь спасти человечество от уничтожения.

Египетский ландшафт изобилует храмами, пирамидами и памятниками, но ничто не может сравниться с огромными монументами, возведенными в Гизе. Именно здесь, на западном берегу Нила, находилась строительная площадка, на которой были созданы Сфинкс, два его храма и три величайших пирамиды Египта.

Почему я вдруг заговорил о великих пирамидах Гизы? Какая связь между этими древними монументами, календарем мая и культурой Месопотамии? Ведь они расположены в разных частях света.

После трех десятков лет исследований я наконец понял, что если действительно хочу разгадать эту загадку, мне следует отбросить привычные трактовки времени, расстояния, культурных особенностей и руководствоваться только интуицией при анализе древних осколков мозаики, которая в итоге должна сложиться в ответ на величайшую загадку человеческой истории.

Позвольте мне немного поразмышлять.

Величайшие и самые необъяснимые здания, когда-либо возведенные человечеством, — это пирамиды Гизы, храмы Ангкора в джунглях Камбоджи, пирамиды древних месоамериканских индейцев

в городе Теотиуакан (также известные как «места богов»), Стоунхендж, рисунки на плато Наска, руины Тиахуанако и пирамида Кукулькана в Чичен-Ице. Каждое из этих древних строений, созданных разными культурами в разных частях света и определенно в разные времена человеческой истории, — все они без сомнения связаны с пророчеством о Судном дне из календаря майя. Архитекторы и инженеры, создававшие эти города, обладали ныне утраченными познаниями в астрономии и математике, уровень которых значительно опережал их время. Кроме того, расположение каждой постройки явно соответствует солнцестояниям и равноденствиям и, как ни странно это звучит, они взаимосвязаны, словно кто-то решил определенным образом расчертить поверхность нашей планеты, расставив на ней ключевые точки — упомянутые строения.

Но мы не можем увидеть связь между этими вечными монолитными зданиями, поскольку она относится к математическим расчетам разума, во много раз превосходящего наш, разума, который в совершенстве владел знанием прецессии.

И снова краткое объяснение.

Совершая виток вокруг Солнца, наша планета вращается вокруг своей оси, причем на каждый оборот уходит двадцать четыре часа. Поскольку Земля вращается, гравитационное поле Луны заставляет ее отклоняться от вертикального положения приблизительно на $23,5^\circ$. Добавьте к этому силу притяжения Солнца, которая действует на экваториальный пояс нашей планеты, и вы получите колебание земной горизонтальной оси, соответствующее отклонению по вертикали. Это колебание и называется прецессией. Один раз в 25 800 лет движения осей совершают полный круг, и полюса мира меняют свое расположение, отчего изменяются даты равноденствий. Это постепенное отклонение к западу приводит к тому, что знаки зодиака перестают соответствовать своим созвездиям.

Греческий астроном и математик Гиппарх, согласно официально утвержденной версии, открыл явление прецессии в 127 году нашей эры. Сегодня мы знаем, что египтяне, майя и индусы знали о прецессии на сотни, а то и тысячи лет раньше.

В начале девяностых годов двадцатого века архео-астроном Джейн Селлерс обнаружила, что миф древних египтян об Осирисе является закодированным значением цифр, которыми египтяне

пользовались для вычисления угла наклона земной прецессии. Согласно ее исследованию среди этих расчетов было и число 4320.

Более чем за тысячу лет до рождения Гиппарха и египтяне и майя каким-то образом смогли подсчитать значение числа π — отношение длины окружности, сферы или полушария к диаметру. 146,6 м, высота Великой пирамиды, умноженная на 2π , равна периметру основания. Так же невероятно, но факт — периметр пирамиды с точностью до шести метров равен диаметру Земли в соотношении 1:43200. Эти цифры являются математическим кодом прецессии. Используя то же соотношение, полярный радиус Земли равен высоте пирамиды.

Таким образом. Великая пирамида является геодезическим маркером, расположенным непосредственно на тридцатой параллели. Если спроецировать размеры пирамиды на плоскость (где Северный полюс — точка, являющаяся вершиной пирамиды, а экватор обозначает периметр), то мы получим модель Северного полушария все в том же масштабе 1:43200.

Известно, что во время прецессии Солнцу нужно пройти два зодиакальных созвездия, чтобы рисунок нашего звездного неба сместился на 60° , и на это потребуется 4320 лет. К тому же в майяском календаре длинного счета 43 200 дней, то есть шесть *катунов* — ключевых единиц для их измерения времени. Именно такими единицами майя пользовались для своего вычисления прецессии. Полный цикл прецессии составляет 25 800 лет. Если сложить все годы пяти циклов, описанных в «Пополь Вух», мы получим период времени, равный одному прецессионному кругу.

В джунглях Кампучии, в Камбодже, спрятаны великолепные индуистские храмы Ангкора. Барельефы и статуи, в изобилии представленные в этом комплексе строений, изображают пророческие символы, наиболее популярным из которых является гигантская змея (*Нага*), обвивающая священную гору в молочном океане, или же — Млечном Пути. Концы змеиного тела в мифологическом контексте рассматриваются как концы каната, который перетягивают две силы: одна из них представляет свет и добро, другая — тьму и зло. Движение «каната», в центре которого находится Млечный Путь, демонстрирует интерпретацию пророчества в индуизме. Пураны,^[10] священные тексты индусов, упоминают четыре эпохи существования нашей Земли, которые называются югами. Мы живем в эпоху *Кали Юги*,

продолжительность которой составляет 432 000 смертных лет. Ее завершение станет концом всего человечества.

Древние египтяне, майя, индусы — три разные культуры из разных частей света, существовавшие в разные периоды времени. Три культуры, объединенные общим знанием науки, космологии и математики, использовавшие свою мудрость для создания загадочных архитектурных шедевров, каждый из которых преследовал единую цель.

Древнейшими сооружениями являются великие пирамиды Гизы и их бессменный хранитель Сфинкс. Известняковая фигура льва с человеческой головой, одна из самых больших скульптур на земле — высотой с шестиэтажный дом и длиной семьдесят три метра — расположена с северо-западной стороны Дома Осириса. Сам по себе мифический зверь является космическим ориентиром: его взгляд направлен строго на восток, словно он ожидает восхода солнца.

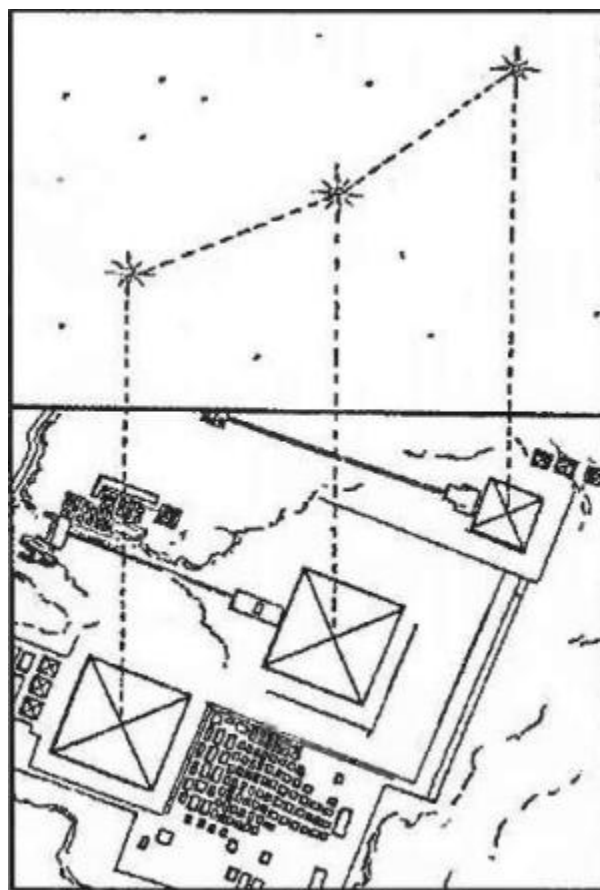
Сколько же лет архитектурному ансамблю Гизы? Египтологи заверяют, что он был возведен 2475 лет до нашей эры (этот период времени выбран ими потому, что перекликается с фактами египетского фольклора). Долгое время оспорить эту дату было невозможно, поскольку никаких поддающихся идентификации подсказок возле Сфинкса и пирамид обнаружить не удавалось.

Так, по крайней мере, все считали раньше.

Затем появился американский ученый Джон Энтони Вест, который обнаружил, что поверхность Сфинкса и окружающая его канава несут глубокие — до семи метров — следы эрозии. Дальнейшие исследования группы геологов показали, что причиной этой эрозии были не ветер и песок, а длительное воздействие дождя.

В последний раз долина Нила подвергалась продолжительному воздействию осадков около 13 000 лет назад, во время Великого потопа в конце последнего ледникового периода. В 10 450 году до нашей эры Гиза цвела и зеленела, а на востоке небо украшал прообраз легендарного Сфинкса — созвездие Льва.

Роберт Бьювел, бельгийский инженер и исследователь, установил, что три пирамиды Гизы (если взглянуть на них сверху), расположены в строгом соответствии с тремя ярчайшими звездами Пояса Ориона.

Используя сложную компьютерную программу для расчета карты звездного неба в любом месте на планете в заданный отрезок времени, Бьювел обнаружил, что если в 2475 году до нашей эры расположение пирамид Гизы и трех звезд Пояса Ориона совпадали приблизительно, то в 10 450 году до нашей эры это совпадение было более точным. В этот временной отрезок темный участок Млечного Пути не только находился над Гизой, но и совпадал с меридиональным направлением реки Нил.

Как уже говорилось ранее, древние майя считали Млечный Путь космической змеей, а его темный промежуток — Шибальба Бе, Черной дорогой в Нижний мир. И календарь майя, и «Пополь Вух» соотносят акты творения и уничтожения человечества с этим космическим каналом.

Почему три пирамиды Гизы были построены в соответствии с расположением звезд Пояса Ориона? Какое еще значение может иметь число прецессии 4320? Каков был истинный мотив наших древних предков, возводивших монументальные строения Гизы, пирамиды Теотиуакана, храмы Ангкора?

Какое отношение эти три объекта имеют к майяскому пророчеству о конце света?

Выдержка из дневника профессора Юлиуса Гэбриэла.

Источник: каталог 1993–1994, страницы 3–108.

Магнитный диск 4: имя файла: «ОРИОН-12».

23 сентября 2012 года

Майами, Флорида

3:30 по Гринвичу

Сон Майкла Гэбриэла внезапно перешел в кошмар. Хуже того, этот кошмар был жестокой шуткой его подсознания, периодически повторяющейся, возвращавшей его к болезненно печальным моментам прошлого, которое никак не желало отпустить.

Он снова в Перу, он снова мальчик, ему еще нет двенадцати. Он смотрит в окно своей спальни на дремлющую деревню Инхенио, слушая приглушенное бормотание, доносящееся из соседней комнаты. Он слышит, как его отец говорит по-испански с терапевтом. Слышит, как его отец всхлипывает.

Смежная дверь открывается.

— Майкл, зайди, пожалуйста.

Мик ощущает запах. Это прогорклая вонь, вонь пропитанных потом простыней и лекарств из капельниц, вонь рвоты, боли — это запах человеческих страданий.

Его мать лежит на кровати, ее лицо болезненно-желтого цвета. Она смотрит на него запавшими глазами и слабо сжимает его ладонь.

— Майкл, доктор научит тебя, как вводить матери лекарства. Очень важно, чтобы ты был внимательным и запомнил все правильно.

Седоволосый врач оглядывает его с ног до головы.

— Он слишком молод. Сеньор...

— Покажите ему.

Врач отбрасывает простыню, открывая вшитый в забинтованное правое плечо матери постоянный подкожный порт для инъекций.

Мик видит трубку катетера и замирает от страха.

— Папа, пожалуйста, а не может сиделка...

— Мы больше не можем позволить себе нанимать сиделку, мне нужно закончить работу в Наска. Мы говорили об этом, сын. Ты сможешь. Я буду дома каждый вечер. А теперь сконцентрируйся, сфокусируйся на том, что тебе покажет доктор.

Мик стоит у кровати и смотрит на врача, пока тот наполняет шприц морфином. Он запоминает дозировку, затем чувствует, как скручивается узлом его желудок, когда игла входит в катетер и глаза матери закатываются под лоб...

— Нет! Нет! Нет!

Крик Майкла Гэбриэла будит всех пациентов на этаже.

* * *

Глубокий космос

Маленький «Плутон-Койпер экспресс» мчался сквозь пространство уже восемь лет десять месяцев и тринадцать дней. До цели его путешествия — планеты Плутон и ее спутника Харона — оставалось приблизительно пятьдесят восемь дней и одиннадцать часов пути. «Начинка» зонда работала как мощнейшая спутниковая тарелка, передавая кодированный сигнал на Землю при помощи полутораметровой направленной антенны.

Совершенно внезапно огромный заряд радиоэнергии пронесся в вакууме со скоростью света, низкочастотная часть гиперволны омыла спутник и отсекала его высокочастотную передачу. Наносекунду спустя монолитная сверхвысокочастотная интегральная схема (ММІС) сгорела дотла.

* * *

НАСА: Управление дальней космической связи

14:06 по Гринвичу

Джонатан Лунин, руководитель группы ученых, занятых в проекте «Плутон-Койпер экспресс», стоял, прислонившись к пульта управления миссией, и вполуха слушал, как доктор Джереми Арменторт, главный инженер, инструктирует новых членов команды.

— Сверхсильная направленная антенна «ПКЭ»^[11] непрерывно передает один из трех возможных сигналов. Эти сигналы расшифровываются как «все в порядке», «данные готовы к пересылке на наземную станцию» или же «возникла серьезная проблема, которая требует немедленного вмешательства». За последние восемь лет эти сигналы отображались на...

Лунин подавил зевок. Он отработал три восемнадцатичасовые смены, и все его мысли были заняты грядущим уикендом. *Еще час в зале совещаний, потом домой, отсыпаться. А завтра играют «Реднеки» против «Иглз», этот матч стоит посмотреть...*

— Джон, можно вас на минутку? — Из-за пульта управления поднялся техник, нервно махнув рукой. Лунин заметил, что по лицу техника струится пот, а операторы за обоими рядами пультов вдруг стали лихорадочно нажимать на кнопки.

— Что случилось?

— Мы потеряли связь с «ПКЭ».

— Солнечный ветер?

— Не в этот раз. Мой монитор показал сильнейшее энергетическое завихрение, которое задело систему распределения сигнала, систему связи и оба бортовых компьютера. Сенсоры, электроника, двигательный отсек — все отрубилось. Я задал полный системный анализ, но одному лишь Богу известно, как все это повлияло на траекторию «ПКЭ».

Лунин подал знак доктору Арменторту, подзывая его поближе.

— Сэр, управление полетом потеряло связь с «ПКЭ».

— Резервные системы?

— Все уничтожено.

— Черт. — Арменторт потер висок. — В первую очередь, естественно, попытайтесь восстановить связь и постарайтесь определить местонахождение зонда, чтобы не потерять его из виду, иначе станет слишком поздно и мы попросту не найдем его в космосе.

— У вас есть какие-нибудь предложения?

— Помните лето девяносто восьмого, когда мы на месяц потеряли связь с «СОХО»? До восстановления контакта мы смогли обнаружить местонахождение «СОХО» при помощи направленных радиосигналов большого телескопа в Аресибо, а затем вели наблюдение уже с телескопа НАСА в Калифорнии.

— Я свяжусь с Аресибо.

* * *

Национальный центр астрономии и ионосферы

Аресибо, Пуэрто-Рико

— Понятно, Джон. — Роберт Паскаль, начальник станции Аресибо, повесил трубку, в очередной раз прочистил нос и только после этого связался со своим помощником. — Артур, зайди ко мне, пожалуйста.

Астрофизик Артур Кравитц вошел в кабинет директора.

— Господи, Боб, ну и видок у тебя.

— Это все чертов насморк. Первый день осени, а у меня уже голова раскалывается. Русские уже закончили возиться с главной тарелкой?

— Десять минут назад. А что?

— Срочный звонок из НАСА. Похоже, они потеряли связь с «Плутон-Койпер экспрессом», и теперь им нужна наша помощь. Пока мы говорили, они сбросили в наш компьютер последние координаты зонда, хотят, чтобы наша тарелочка прочесала радиосигналом тот

участок. Если нам повезет, мы поймем сигнал, а потом НАСА своим радиотелескопом в Голдстоуне перехватит его.

— Я готов. Кстати, как насчет SETI?^[12] Кении Вонг хотел бы испытать в этом деле приемники «СЕРЕНДИП».^[13] Как думаешь, НАСА не будет против...

— Господи, Артур, да мне все равно. Если этот парень хочет потратить свою жизнь на поиски И-ти,^[14] это его проблемы, и я не буду совать в них свой сопливый нос. Если я тебе понадобится, я буду у себя накачиваться «судафедом».^[15]

* * *

Когда в Корнельском университете возникла идея постройки самого мощного в мире радиотелескопа, первые годы были потрачены на поиски места, природные геологические характеристики которого позволили бы разместить гигантскую тарелку с рефлектором. Места, которое находилось бы под юрисдикцией США, как можно ближе к экватору, чтобы Луна и планеты проходили практически над отражающей поверхностью телескопа. Поиски привели их к естественному карстовому кратеру на севере Пуэрто-Рико, в местности, покрытой буйной растительностью, окруженной природными холмами, которые могли бы экранировать телескоп от поверхностных радиопомех.

Строительство закончили в 1963 году, а в 1974, 1997 и 2010 проводилась модернизация, в результате чего телескоп Аресибо превратился в огромную, почти инопланетную конструкцию из бетона и стали. Диаметр зеркала рефлектора составил 304,8 м, а само зеркало, сконструированное из 40 000 перфорированных алюминиевых панелей, полностью заняло природный кратер, словно гигантская салатница глубиной 50,9 м. Над центром тарелки на высоте 150 м находится подвешенный на тросах облучатель и огромный куполообразный «григорианский» фокус, а также второстепенные и третьестепенные тарелки. Этот подвижный шестисоттонный стальной паук подвешен на двенадцати тросах, прикрепленных к трем главным опорным башням и множеству блоков-якорей, размещенных по периметру долины.

Лаборатория Аресибо — многоэтажное здание, в котором располагаются компьютеры и техническое оборудование, необходимое для эксплуатации и обслуживания телескопа, — находится на известняковом склоне горы, чуть выше тарелки. К основному зданию прилегает четырехэтажное общежитие со столовой, библиотекой, а также крытым бассейном и теннисным кортом.

Огромный телескоп Аресибо создавался учеными для работы по четырем направлениям исследований. Радиоастрономы использовали тарелку для исследования природных радиоволн, которые излучают галактики, пульсары и другие космические тела, находящиеся на расстоянии в десятки миллионов световых лет от Земли. Радиоастрономы прибыли в Аресибо, чтобы посылать мощнейшие радиосигналы за пределы Солнечной системы, а затем записывать полученное в ответ эхо. Исследователи атмосферы и астрономы используют телескоп для изучения ионосферы Земли, анализа атмосферы и динамики перемещения воздушных масс.

Последний вид исследований относится к программе SETI, цель которой — найти обитаемые миры с развитой цивилизацией и установить с инопланетным разумом контакт. Во-первых, они посылают радиосигналы с предложением мира в глубокий космос, надеясь на то, что в один прекрасный день какой-нибудь из них достигнет развитого инопланетного разума. Во-вторых, используют «григорианский» фокус и две маленьких тарелки для получения входящих радиоволн из глубокого космоса, пытаясь выделить из общего шума связное послание, доказывающее, что мы не одни во Вселенной.

Однако попытки астрономов получить сигнал из глубин космоса равносильны поиску иголки в стоге сена. Чтобы облегчить задачу, профессор Френк Дрейк и его коллеги по проекту «Озма», изобретатели программы SETI, решили, что любая разумная цивилизация, достаточно развитая, чтобы отправлять сигналы в космос, будет отправлять эти сигналы (по логике вещей) на частоте, которая ассоциируется с водой. Астрономы пришли к выводу, что из всей полосы радиочастот самой перспективной для контакта будет 1420 МГц — частота колебаний атомов водорода. Дрейк распространил сведения об этом канале, и с тех пор эта частота стала эксклюзивной зоной охоты за внеземными радиосигналами.

Как дополнение к программе SETI существует проект «СЕРЕНДИП», или проект поиска внеземного радиоизлучения от соседних развитых цивилизаций. Поскольку время работы телескопа стоит слишком дорого, исследования по проекту «СЕРЕНДИП» ведутся в «сопутствующем режиме», то есть когда на телескопе осуществляются какие-либо радиоастрономические программы, участники проекта анализируют нужную им частоту. Основное ограничение SETI заключается в том, что они не выбирают цель своего прослушивания: направление заказывает тот, кто оплачивает работу телескопа.

* * *

Кенни Вонг стоял на балконе у огромного панорамного окна лаборатории. Выпускник Принстонского университета не в самом лучшем расположении духа исподлобья пялился на металлические скобы и тросы, удерживающие огромную конструкцию над сердцем тарелки телескопа.

Чертово НАСА. Мало того что урезали нам финансирование, так теперь еще и время работы телескопа придется тратить на поиск их гребаного зонда...

— Эй, Кенни...

А сопутствующий режим — пустая трата времени, если тарелка не настроена на прием нужных волн. С тем же успехом я мог бы сейчас жариться на пляже. Какого черта я тут торчу...

— Кенни, а ну тащи свою задницу сюда, у меня от твоей электроники голова раскалывается.

— Чего?

Студент вернулся в лабораторию, чувствуя, как в ушах с бешеной скоростью стучит кровь.

— Этот твой чертов компьютер пищит как ненормальный вот уже минут пять. — Артур Кравитц снял очки и злобно взглянул на него. — Выключи эту пицалку, иначе я с ума от нее сойду.

Кенни протиснулся мимо него к компьютеру и начал быстро вводить запуск команды поиска и идентификации сигнала. Сама программа «СЕРЕНДИП-IV» могла одновременно обрабатывать сто

шестьдесят восемь миллионов частотных каналов за одну целую семь десятых секунды.

Через несколько секунд на мониторе высветился результат поиска, отчего Кенни затаил дыхание.

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ СИГНАЛ: ОБНАРУЖЕН.

— О, черт тебя подери...

Кенни запустил спектральный анализ, не слыша ничего из-за шума крови в ушах, чтобы убедиться, что аналоговый сигнал записан и переведен в цифровой формат.

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ СИГНАЛ: ПРЕДНАМЕРЕННЫЙ.

— Господи Иисусе, это самый настоящий гребаный сигнал! О черт, Артур, я должен кому-то позвонить, я должен зафиксировать его, пока он не исчез!

Артур нервно расхохотался.

— Кенни, это потерянный плутонский зонд. НАСА наверняка возобновили с ним связь.

— Что? О черт. — Кенни резко опустил на стул, переводя дыхание. — Боже, я на секунду поверил, что...

— Ты на секунду стал похож на Керли из «Трех помощников».^[16] Вот теперь сиди там и успокаивайся, а я пока что звякну НАСА за подтверждением, о'кей?

— О'кей.

Физик ввел первичный код в видеокоммуникатор, подключая его напрямую к линии НАСА. Лицо доктора Арменторта появилось на мониторе.

— Артур, рад тебя видеть. Эй, спасибо, что решил нам помочь.

— За что спасибо? Вы ведь уже наладили контакт с «ПКЭ»?

— Нет, у нас все еще глухо как в танке. А с чего ты взял, что связь восстановлена?

Кенни вмешался в разговор.

— НАСА, это Кенни Вонг из SETI. У нас здесь идет радиопередача из глубокого космоса. Мы думали, что это «ПКЭ».

— От нас это не зависит, но не стоит забывать, что зонд пользуется незакодированным каналом. А шутников всегда было достаточно. Кому это знать, как не вам, ребятам из SETI. На какой частоте подается сигнал?

— Подождите. — Кенни вернулся к компьютеру и ввел еще несколько команд. — О боже, он сейчас на 4320 МГц. Черт его раздери, Артур, эти микроволны слишком сильны для наземного передатчика, да и для спутника, пожалуй, тоже. Подождите, я выведу сигнал на динамики, и мы все его услышим.

— Кенни, подожди...

Пронизывающий высокий скрип рванулся из колонок, отчего очки Артура разлетелись на осколки, а стекла в окнах угрожающе завибрировали.

Кенни отключил звук, безуспешно пытаясь прочистить уши от противного звона.

Артур уставился на осколки стекла на ладони.

— Невероятно. Настолько сильный сигнал? Откуда он может исходить?

— Я вычисляю источник, но мощность сигнала просто за пределами нашей шкалы. Эта трансляция в тысячи раз сильнее, чем то, что мы можем выжать из Аресибо. — По спине Кенни пробежала дрожь. — Черт возьми, Артур, это... эта штука — настоящая!

— Ты успокойся на минутку. И прежде чем строить из себя комика нового тысячелетия, давай-ка садись за комп и начинай собирать подтверждения сигнала. Начни с VLA^[17] в Нью-Мексико. А я свяжусь со штатом Огайо...

— Артур...

Кравитц повернулся к видеоэкрану.

— Слушаю, Джереми.

Вокруг побледневшего доктора Арменторта стояло шесть техников.

— Артур, мы только что получили подтверждение сигнала.

— Вы получили... — у Кравитца закружилась голова, он чувствовал себя как во сне. — Вы засекали источник?

— Работаем над этим. Нужно отсеять помехи, чтобы...

— Артур, у меня есть предварительная траектория! — Кенни от волнения снова вскочил на ноги. — Сигнал передается из созвездия

Орион. Источник находится в Поясе Ориона!

* * *

Чичен-Ица, Полуостров Юкатан

16:00

Древний город майя в Чичен-Ице, что в низинах полуострова Юкатан, является одним из самых известных археологических чудес мира. Несколько сотен строений, окруженных джунглями, существуют уже двадцать столетий, и среди них — несколько храмов и гробниц, украшенных самыми загадочными из когда-либо находимых в Центральной Америке барельефов.

Датой постройки города, известного как Чичен, считается 435 год нашей эры. После долгого периода забвения этот город обнаружили итца, майязычное племя, которое заселяло весь этот регион до конца восьмого столетия, когда тольтеки мигрировали к востоку от Теотиуакана. Под предводительством и опекой великого учителя Кукулькана две культуры объединились, и город превратился в процветающий культурный, обрядовый и религиозный центр. Уход Кукулькана в одиннадцатом веке привел город к упадку, люди из него исчезли, а безнравственность правителей перешла на новый виток, завершившись массовыми человеческими жертвоприношениями. К шестнадцатому веку от культуры итца осталось ничтожно мало, поэтому испанцы без труда покорили их.

Чичен-Ица спорит за титул самой удивительной постройки Месоамерики с пирамидой Кукулькана. Испанцы называли этот массивный, обрамленный девятью террасами зиккурат Эль-Кастилло. Высота пирамиды составляет 30 м, само строение окружено покрытым короткой травой газоном.

Храм Кукулькана — это гораздо больше, чем просто пирамида, это каменный календарь. Длина каждой из четырех граней пирамиды — девяносто один шаг. Для того чтобы обойти подножие, потребуется 365 шагов — столько, сколько дней в году.

Для археологов и ученых когда-то залитая кровью пирамида остается загадкой, ведь эта конструкция свидетельствует о знании ее строителями астрономии и математики, уровень которого значительно превышает современный. Строение ориентировано по сторонам света таким образом, чтобы дважды в год, во время весеннего и осеннего равноденствий, северная балюстрада отбрасывала странные тени. Когда закатное солнце падает на одну из лестниц, на ней появляется гигантская тень пернатой змеи, которая сползает вниз, к скульптурному изображению головы змеи у подножия пирамиды. (Весной змея спускается по лестнице, осенью поднимается вверх.)

На вершине пирамиды расположен четырехугольный храм, который изначально предназначался для молитв, и только после ухода Кукулькана использовался для человеческих жертвоприношений. По общему мнению, пирамида Кукулькана возведена в 830 году нашей эры, однако под ней находится куда более древнее строение, попасть к остаткам которого можно лишь через огражденный вход под северной лестницей. Узкий и тесный проход ведет к наклонной лестнице, известняковые ступени которой стали скользкими от постоянной влажности. По этой лестнице можно попасть в две небольшие внутренние комнаты. В первой находится Чак-Мооль — жертвенная фигура майя, которая позже предназначалась для поддержания блюда, на которое клали вырезанные сердца жертв. За ширмой во второй комнате был установлен трон красного ягуара, нефритовые глаза которого сверкают зеленым цветом.

* * *

Брент Накамура убрал штатив, подхватил свою видеокамеру и зашагал вдоль моря изнемогающей от зноя толпы. *Господи, да тут не меньше ста тысяч народу. Я на несколько часов застряну в толпе.*

Жители Сан-Франциско направляли камеры на северную лестницу, увеличивая и записывая то, как «хвост змеи» совершает свой 202-минутный путь по известняковой грани пирамиды, которой вот уже двадцать сотен лет.

Отвратительный запах человеческого пота висел в вечернем воздухе. Накамура заснял семью канадцев, которые спорили со

смотрителями памятника, затем направил объектив в сторону немецких туристов, пытавшихся протолкаться мимо него поближе.

Взглянув на часы, Накамура решил, что неплохо было бы сделать несколько снимков древних гробниц, пока солнце не зашло и свет позволяет не беспокоиться о качестве. Обойдя толпу собравшихся на пикник, он направился на север по древней сакбе, мощеной дороге, которая начиналась у северной грани пирамиды Кукулькана. Только по ней можно было пробраться сквозь джунгли ко второй святыне Чичен-Ицы, — священному пресному колодцу, *сеноту*, которому майя приносили жертвы.

Пятиминутная прогулка привела его к водоему шестьдесят метров шириной, с уходящими вниз известняковыми ступенями. Когда-то здесь были принесены в жертву тысячи девственниц. Он взглянул вниз. В двадцати метрах под ним была темная застоявшаяся вода с гниющими водорослями.

Отдаленный звук грома заставил его посмотреть вверх.

Странно, на небе ни единой тучки. Может, это самолет?

Звук нарастал. Несколько сотен туристов обеспокоенно переглядывались. Закричали женщины.

Накамура почувствовал, как дрожит его тело. Он посмотрел вниз, в колодец. По прежде спокойной поверхности воды теперь расходились широкие круги.

Черт подери, да это же землетрясение!

Улыбаясь от радости, Накамура направил камеру в центр водоема. Чтобы удивить сан-францисского психа, который выжил после большого землетрясения в две тысячи пятом, нужно кое-что посильнее нескольких подземных толчков. Толпа отпрянула назад, когда толчки усилились. Кто-то поспешил обратно, к выходу из парка. Кто-то кричал, когда земля под ногами завибрировала, как поверхность барабана.

Накамура перестал улыбаться.

Какого черта?

Вода в сеноте превратилась в небольшой водоворот. Но землетрясение прекратилось так же внезапно, как началось.

В синагоге было полно людей, поскольку сегодня был Йом Киппур, самый торжественный день еврейского календаря.

Доминика сидела между своими приемными родителями, Эдди и Изом Акслерами. Ребе Штейнберг стоял за кафедрой, слушая ангельский голос кантора, исполнявшего для паствы проникновенную молитву.

Доминика чувствовала голод, в последний раз она ела двадцать четыре часа назад — постилась в честь праздника. К тому же у нее начался ПМС. Возможно, именно поэтому она была так взволнована, что не могла сосредоточиться, в мыслях постоянно возвращаясь к Мику Гэбриэлу.

Ребе снова начал читать:

— В Рош Ашан мы размышляли. В Йом Киппур мы решили. Кто будет жить во имя других? Кто, умирая, оставит нам в наследство жизнь? Кто будет сожжен в огне скупости? Кто утонет в водах отчаянья? Кто будет желать добра? Кто станет стремиться к правосудию и жаждать справедливости? Кто будет заражен чумой боязни мира? Кто задохнется от отсутствия друзей? Кто будет спокойно отдыхать в конце дня? Кто будет бессонно метаться на ложе боли?

Доминика вздрогнула от яркого образа: Мик лежит в своей палате.
Прекрати...

— Чей язык будет острым мечом? Чьи слова приведут нас к миру? Кто будет двигаться вперед в поисках правды? Кто будет заперт в тюрьме самого себя?

В ее воображении снова всплыла картинка: Мик ходит по двору клиники, и закат в день осеннего равноденствия окрашивает бетонные стены кровавым заревом.

— «...Несутся ангелы, объятые страхом и трепетом, и возглашают: “Наступил час суда Его!” Дабы и ангельское воинство привести на суд, ибо и они не безгрешны пред Тобою».

Плотину эмоций прорвало, и горячие слезы хлынули из глаз, отчего у Доминики потекла тушь. Она смутилась, пробралась мимо Иза и бросилась по проходу прочь из храма.

23 сентября 2012 года

Вашингтон, округ Колумбия

Эннис Чейни устал.

Два года назад сенатор Пенсильвании похоронил свою мать, но он все еще горевал по ней. Ему не хватало встреч с матерью в частной лечебнице, куда он уже привык возить собственноручно приготовленную свинину, ему не хватало материнской улыбки. Скучал он и по сестре, которая умерла через одиннадцать месяцев после матери, и по младшему брату, которого рак отнял у него месяц назад.

Он крепко сжал кулаки, когда его младшая дочь подошла размять ему сведенные от напряжения плечи. Четыре долгих дня прошло с того полуночного звонка. Четыре дня, как его лучший друг Джим умер от обширного инфаркта.

Из окна столовой он видел лимузин и машины охранников. *Нет времени отдохнуть, нет времени на горе.* Он обнял жену и троих дочерей, еще раз обнял вдову Джима и вышел из дома в сопровождении двух телохранителей, вытирая слезы. Под его глубоко посаженными глазами залегли темные тени, отчего последнее время лицо сенатора стало напоминать маску енота. Глаза Чейни были зеркалом его души. В них светилась сила уверенного в себе мужчины и мудрость лидера. А если кто-то становился у него на пути, эти глаза превращались в немигающие прицелы.

Однако в последние дни его глаза были красными от частых слез.

Сенатор неохотно забрался в ожидавший его лимузин, охранники сели в другой автомобиль. Чейни ненавидел лимузины, он ненавидел все, что привлекало к нему излишнее внимание или же являлось подтверждением того, что намекало на привилегированность положения. Он уставился в окно, размышляя о своей жизни, думая, не собирается ли он совершить большую ошибку.

Эннис Чейни родился шестьдесят семь лет назад в беднейшем черном районе Джексонвилля, штат Флорида. Его растила мать, зарабатывая на жизнь уборкой в домах белых парней, и тетя, которую он привык называть мамой. Он никогда не знал своего настоящего отца — тот исчез через пару месяцев после его рождения. Когда ему исполнилось два года, мама снова вышла замуж, и отчим перевез семью в Нью-Джерси. Здесь Эннис вырос. Именно здесь сложились его задатки лидера.

Игровое поле было единственным местом, где Чейни чувствовал себя как дома, местом, где цвет кожи не имел значения. Он был ниже своих ровесников, однако никогда не позволял себя запугать. После школы он часами тренировался, направляя свою агрессию на совершенствование навыков игры, обучаясь по ходу тренировок самоконтролю и дисциплине. В старших классах он стал старостой, заслужил признание города в качестве лучшего квотербэка и добился звания лучшего баскетболиста штата. Немногие нападающие решались бросить вызов низкорослому задиристому защитнику, который скорее сломает противнику локоть, чем позволит отобрать у него мяч, но вне игровой площадки он считался весьма приятным молодым человеком.

Его баскетбольная карьера завершилась после того, как на первом курсе колледжа он порвал подколенное сухожилие. Он предпочел бы работу тренера, но все же прислушался к словам матери, женщины, выросшей во времена законов Джима Кроу,^[18] и сделал выбор в пользу карьеры политика. Он и сам испытал достаточно проблем, сталкиваясь с расизмом, чтобы понять, что политика — вот основная арена, где нужные изменения воплощаются в жизнь.

У его отчима были связи с демократической партией Филадельфии. Полагаясь на собственные силы — ту же страстность натуры и способность работать на износ, — что так помогали ему на игровом поле, Чейни быстро шагал по ступенькам партии «синих воротничков», никогда не боялся говорить что думает и всегда был готов помочь тем, кто действительно нуждается в помощи.

Чейни заметно выделялся на фоне своих политических соратников, отличавшихся ленью и недостатком самодисциплины, — он был как глоток свежего воздуха для партии, и очень скоро стал своеобразной легендой Филадельфии. Помощник мэра Чейни вскоре стал мэром Чейни. Через несколько лет он уже баллотировался в сенат

штата Пенсильвания и выиграл с подавляющим большинством голосов.

А теперь, когда до ноября 2012 года и назначенных выборов осталось менее двух месяцев, президент Соединенных Штатов звонит ему и предлагает принять участие в предвыборной гонке со своим старым другом. Эннис Чейни, грязный пацаненок из семьи бедняков Джексонвилля, вполне возможно, всего в одном шаге от мощнейшего силового аппарата мира.

* * *

Он смотрел в окно, когда лимузин сворачивал на окружную — Кэпитал Белтвей. Смерть пугала Энниса Чейни. От нее не было спасения, ей не было никаких объяснений. Она не давала ответов, лишь порождала новые вопросы и замешательство, слезы и панегирики — чертово множество панегириков. Как можно выразить любовь к дорогому тебе человеку за двадцать минут? Как может кто-то ожидать, что он выразит свои чувства простыми словами?

Вице-президент. Чейни покачал головой, отмечая мысли о будущем.

Будущее не стоило того, чтобы променять свою семью на горячку предвыборной гонки. Стать сенатором — это одно, но стать первым афроамериканским кандидатом на пост вице-президента — совсем другое. Единственным чернокожим, который имел реальный шанс войти в Белый дом на законных основаниях, был Колин Пауэлл, но даже генерал отказался от должности, выбрав семью. Если выиграет Меллер, Чейни станет фаворитом выборов 2016. Как и Пауэлл, он знал, что его популярность может разбиться о стену расовой неприязни. Впрочем, он знал, что всегда есть часть населения, которую, как и Смерть, не интересуют доводы разума.

А он и так провел свою семью через многое.

Чейни знал, что Пьер Борджия жаждет этой должности, поэтому часто размышлял над тем, как далеко готов зайти государственный секретарь для достижения цели. Борджия имел все то, чего так не хватало Чейни: наглость, самовлюбленность, заинтересованность в

политических играх, эгоизм, — а еще он был неженатым, американским ястребом и — белым.

Мысли Чейни снова вернулись к его лучшему другу и его семье. Он громко всхлипнул, ничуть не беспокоясь, что водитель может его услышать.

Эннис Чейни никогда не скрывал своих эмоций — этому он тоже научился у своей матери много лет назад. Внутренняя сила и стойкость ни к чему хорошему не приведут, если человек запретит себе чувствовать, поэтому Чейни чувствовал все, а Пьер Борджия не чувствовал ничего. Государственный секретарь США, выросший среди богачей, смотрел на мир однобоко, никогда не задумываясь о том, какие чувства вызывает у других. И это казалось сенатору очень странным. Мир становился весьма опасным и сложным. В Азии нагнеталась ядерная паранойя, а значит, Борджия был последним в списке людей, которым сенатор доверил бы управление страной во время подобного кризиса.

— Вы там в порядке, сенатор?

— Черт, нет, конечно. Что за идиотские вопросы? — Голос Чейни подозрительно скрипел, но он хотя бы не сорвался на крик, что в последнее время часто с ним случалось.

— Простите, сэр.

— Заткнись и веди эту чертову машину.

Шофер улыбнулся. Дин Дисангро работал у сенатора Чейни уже шестнадцать лет и любил этого человека, как родного отца.

— Дин, какого такого чертовски важного хрена НАСА вытащило меня в воскресенье в «Годдард»?

— Понятия не имею. Вы же сенатор, а я просто низкооплачиваемая рабочая сила...

— Заткнись. Обо всем, что происходит, ты обычно знаешь побольше тех идиотов, что заседают в конгрессе.

— НАСА вас любит. Раз уж они решились испортить вам выходные, значит, у них действительно случилось что-то серьезное.

— Спасибо, Шерлок. У тебя там новости на монитор еще не вылезли?

Шофер передал ему тоненькое устройство, уже настроенное на «Вашингтон пост». Чейни пробежал глазами заголовки, посвященные в основном противоядерной подготовке в связи с испытаниями нового

оружия в Азии. Грозный назначил испытания за неделю до Рождества. Умный ход. Наверняка рассчитывает испортить нам праздничное настроение.

Чейни бросил монитор на сиденье.

— Как там твоя жена? Ей ведь рожать скоро?

— Через две недели.

— Прекрасно. — Чейни улыбнулся, стерев слезу из уголка покрасневшего глаза.

* * *

НАСА: Центр космических полетов имени Годдарда

Гринбелт, Мэриленд

Сенатор Чейни чувствовал, что на него направлены нетерпеливые взгляды из НАСА, SETI, Аресибо и бог знает кого еще. Он закончил изучать двадцатистраничный отчет, потом прочистил горло, заставив всех присутствовавших в комнате замолчать.

— А вы уверены, что этот радиосигнал транслируется из глубокого космоса?

— Да, сенатор, — подтвердил Брайан Доддс, исполнительный директор НАСА, почти извиняющимся тоном.

— Но вы не смогли определить местонахождение источника этого сигнала?

— Нет, сэр, еще нет. Но мы абсолютно уверены в том, что источник находится в рукаве Ориона, во внутреннем кольце нашей галактики. Сигнал прошел через туманность Ориона и подвергся влиянию множества факторов, так что сложно установить, как долго этот сигнал мог путешествовать в космосе. Отталкиваясь от того, что он исходит от одной из планет Пояса Ориона, мы ищем источник на расстоянии приблизительно 1500–1800 световых лет от Земли.

— И этот сигнал длился три часа?

— Три часа и двадцать две минуты, если быть точным, сенатор. — Кенни Вонг вскочил на ноги и застыл в ожидании следующего

вопроса.

Чейни жестом предложил ему садиться.

— И не было никаких других сигналов, мистер Доддс?

— Нет, сэр, но мы продолжаем круглосуточно отслеживать частоту и направление полученного сигнала.

— Хорошо, сойдемся на том, что сигнал был настоящим. Какие последствия это может иметь?

— Сэр, самым важным выводом является то, что мы только получили доказательство — мы не одиноки во Вселенной, и как минимум одна высокоразвитая форма жизни существует в одной галактике с нами. Следующим шагом станет определение алгоритма, по которому составлен полученный сигнал, и расшифровка скрытого в нем послания.

— Думаете, сигнал может содержать нечто вроде попытки завязать общение?

— Мы предполагаем, что это возможно. Сенатор, это был не просто сигнал, промчавшийся через космос. Этот луч был определенно направлен в нашу Солнечную систему. Так что внеземная цивилизация подозревает о нашем существовании. Направив сигнал в сторону Земли, они дали нам знать, что они тоже существуют.

— Нечто вроде соседского «как поживаете»?

Директор НАСА улыбнулся.

— Да, сэр.

— И когда ваши люди закончат анализ?

— Сложно сказать. Если инопланетный алгоритм и существует, то я уверен, что наши программисты, математики и шифровальщики вычислят его. Впрочем, могут уйти месяцы, годы или же целая вечность на то, чтобы понять его. Разве может земной человек понять, как мыслит инопланетянин? Это так необычно и так ново для нас.

— Это ведь не вся правда, мистер Доддс? — Сенатор буравил директора покрасневшими глазами. — Мы с вами прекрасно знаем, что SETI использовала большую тарелку Аресибо для того, чтобы время от времени передавать в космос собственные послания.

— Точно так же, как средства связи и телевидения непрерывно посылают в космос сигналы со скоростью света. Это началось в тот самый момент, когда впервые передали «Я люблю Люси».

— Не играйте со мной в эти игры, мистер Доддс. Я не астроном, но знаю достаточно: телевизионные сигналы слишком слабы и не могут достичь Ориона. Если эти данные будут обнародованы, появится множество очень злых, насмерть испуганных людей, которые будут обвинять SETI в том, что навлекло на нас неведомую угрозу.

Доддс махнул рукой, пресекая возражения ассистентов.

— Вы правы, сенатор. SETI передает куда более сильные сигналы, чем телевидение, и они куда лучше направлены, то есть не рассеиваются в космосе в разные стороны. Однако из этих двух типов передач именно телевизионные сигналы, а вовсе не узкий луч Аресибо с куда большей вероятностью могут быть приняты неизвестным получателем. Не забывайте о том, что сила полученного нами сигнала исходила от внеземного передатчика и во много раз превышала наши возможности трансляций. Мы должны признать, что разум, стоящий за этим сигналом, наверняка имеет приемники, которые способны поймать самые слабые наши излучения.

— К сожалению, мистер Доддс, в данном случае мы рискуем оказаться в ситуации, когда миллионы не столь образованных людей проснутся завтра перепуганными до смерти и будут ждать, что маленькие зеленые человечки ворвутся в их дома, изнасилуют их жен и украдут их детей. Если не разобраться в этой ситуации деликатно, мы с вами получим гранату без чеки.

Директор НАСА кивнул.

— Именно поэтому мы позвали вас, сенатор.

Взгляд глубоко посаженных глаз Чейни немного потеплел.

— Ладно, давайте поговорим о новом телескопе, который вы предлагаете. — Чейни постучал по распечатке. — Здесь говорится о тарелке тридцать миль в диаметре, и что сам телескоп вы хотите расположить на темной стороне Луны. Это само по себе означает уйму денег. За каким чертом вам понадобилось вести строительство именно на Луне?

— По причинам, которые начались еще с «Хаббл». От Земли исходит слишком много радиопомех. Дальняя сторона Луны всегда повернута в противоположную от Земли сторону, что дает нам природную зону, свободную от радиосигналов. Идея такова: построить тарелку на дне большого кратера по тому же принципу, по которому создавался телескоп Аресибо, вот только кратер и тарелка будут в

тысячу раз больше. Мы уже выбрали место — кратер Саха всего в трех градусах от экватора на темной стороне Луны. Лунный телескоп позволит нам связаться с цивилизацией, которая вышла на контакт с нами.

— И с какой стати нам следует этого хотеть? — Голос Чейни заполнял конференц-зал, утрачивая скрипучие нотки. — Мистер Доддс, этот радиосигнал может стать самым важным открытием в истории человечества, но то, что предлагает НАСА, приведет ко всемирной панике. А что, если американцы ответят «нет»? Что, если они не согласятся потратить несколько миллиардов долларов на контакт с инопланетянами? Это слишком большая финансовая пилюля, и конгресс может отказаться ее глотать.

Брайан Доддс знал Энниса Чейни, знал, что сейчас этот человек проверяет его решимость.

— Сенатор, вы правы. Это открытие испугает многих. Но позвольте сказать, что напугает всех еще больше. Каждый раз, просматривая на мониторах дневные сводки новостей, мы читаем о развертывании ядерного вооружения в Иране, о проблеме голода в России или о том, что в Китае строятся все новые стратегические объекты, а значит, вскоре еще одна страна будет способна уничтожить наш мир. Похоже, сейчас все нации находятся в глубоком политическом и экономическом кризисе, а потому вооружаются до зубов. Сенатор Чейни, *вот* реальность куда более пугающая, чем радиосигнал, пришедший к нам откуда-то через тысячу восемьсот световых лет.

Доддс поднялся. Два метра роста и внушительные полтора центнера веса делали его больше похожим на борца, чем на ученого.

— Публике нужно понять, что мы имеем дело с цивилизацией, развитие которой намного опережает наше собственное, цивилизацией, которая первой вышла на контакт с нами. Кем бы они ни были, где бы они ни были, но они находятся слишком далеко, чтобы нагрянуть к нам с визитом. Построив радиотелескоп, мы получим возможность общаться с этими существами. Более того, есть вероятность, что мы сможем учиться у них, делиться технологиями, многое узнать о строении нашей Вселенной и даже, возможно, о происхождении нас как вида. Это открытие может объединить все человечество, — проект может стать катализатором, который увлечет

человечество на новый виток развития и спасет от ядерного самоуничтожения.

Доддс посмотрел прямо в глаза Чейни.

— Сенатор, инопланетяне с нами поздоровались, и теперь жизненно важно ответить на их приветствие.

26 сентября 2012

Майами, Флорида

В отделении, называвшемся 7-С, собрались пять пациентов. Двое сидели на полу и играли в то, что считали шахматами, один спал на диване. Четвертый стоял у двери, ожидая терапевта, который должен был проводить его на утренние процедуры.

Последний из пациентов в отделении 7-С неподвижно стоял перед телевизором, закрепленным на потолке кронштейном, и слушал, как президент Меллер расхваливает работу сотрудников НАСА и SETI. Слышал, как президент взволнованно говорит о мире и сотрудничестве, об интернациональной космической программе и ее влиянии на будущее человечества. *Мы стоим на пороге новой эры, вещал он. Мы теперь не одиноки.*

В отличие от миллионов людей, слушавших сейчас обращение президента, Майкл Гэбриэл не испытал удивления, он был расстроен. С начала трансляции он замер перед экраном с немигающим взглядом. Бесстрастное выражение лица не изменилось даже в тот миг, когда слева за спиной президента возник Пьер Борджия. Сложно было понять, дышит ли Мик вообще.

Доминика вошла в комнату, постояла с минуту, наблюдая за своим пациентом, смотревшим специальный выпуск новостей, затем, убедившись, что диктофон под футболкой включен и надежно скрыт белым медицинским халатом, подошла к Мику.

Теперь уже два человека плечом к плечу неподвижно стояли перед телевизором, ее рука в его руке.

Их пальцы переплелись.

— Мик, вы хотите досмотреть выпуск или мы можем поговорить?

— В моей комнате. — И он повел ее по коридору в палату 714.

Вдруг он начал метаться по комнате, как зверь по клетке, пытаясь привести в порядок тысячи мыслей.

Доминика присела на край кровати, наблюдая за ним.

— Вы ведь знали, что это произойдет, не так ли? Откуда? Откуда вы могли знать? Мик...

— Я не знал, *что* произойдет, я просто знал, что это *будет*.

— Но вы знали, что случится нечто судьбоносное, связанное с равноденствием. Мик, вы не могли бы остановиться? Мне трудно вести беседу в таких условиях. Идите сюда. Сядьте рядом.

Он замер, затем сел рядом с ней. Доминика видела, как дрожат его руки.

— Поговорите со мной.

— Я могу это чувствовать, Дом.

— Что именно чувствовать?

— Я не знаю... Я не могу этого описать. Что-то давит... чье-то присутствие. Оно все еще далеко, но каким-то образом приближается. Я чувствовал это и раньше, но никогда ощущения не были так сильны, как сейчас.

Она провела рукой по его голове, ощущая кончиками пальцев упругость каштановых кудрей, спадающих на плечи.

— Попробуйте расслабиться. Давайте поговорим об этом сигнале из глубокого космоса. Я хочу, чтобы вы рассказали мне, как вы предугадали событие, которое изменит судьбу всего человечества.

Он посмотрел на нее исполненным ужаса взглядом.

— Это пустяк. Это только начало последнего акта. Судьбоносное событие произойдет двадцать первого декабря, когда умрут миллиарды людей.

— А откуда вы это знаете? Я знаю, о чем гласит календарь майя, но вы слишком образованный человек, чтобы полагаться на пророчество, которому три тысячи лет, если оно не подтверждено ни одним научным фактом. Расскажите мне об этих фактах, Мик. Без майяского фольклора, только доказательства.

Он покачал головой.

— Именно поэтому я просил вас прочитать дневник моего отца.

— Я начала читать, но было бы лучше, если бы вы сами объяснили мне. Во время нашего последнего разговора вы предупреждали меня, что в день осеннего равноденствия Земля окажется в каком-то редком галактическом положении. Объясните мне это.

Мик закрыл глаза и задышал медленнее, словно пытаюсь справиться с приливом адреналина и хоть немного расслабить напряженные мышцы.

Доминика слышала, как шелестит пленка диктофона, поэтому решила прочистить горло, чтобы заглушить этот звук.

Когда он снова открыл глаза, его взгляд потеплел.

— Вы знакомы с текстом «Пополь Вух»?

— Я знаю, что это книга майя о создании мира, аналог нашей Библии.

Он кивнул.

— Майя верили в пять Солнц, или в пять Великих циклов творения, пятый и последний из которых закончится 21 декабря, в день зимнего солнцестояния. Согласно «Пополь Вух» наш мир делится на Верхний мир. Срединный мир и Нижний мир. Верхний мир является аналогом нашего рая. Срединный — Землей. Нижний мир майя называли Шибальба — это темное, опасное место, которым правит Хуракан, бог смерти. Легенды майя гласят, что их великий учитель, Кукулькан, вступил в долгую космическую битву с Хураканом и повел за собой все силы добра и света, чтобы сразиться со злом и тьмой. Там сказано, что четвертый цикл закончился, когда Хуракан вызвал Великий потоп, поглотивший Землю. Слово «ураган», которым мы пользуемся, на самом деле происходит от майяского Хуракан. Майя верили в демоническую энергию, которая прячется в злобном шторме. У ацтеков была похожая легенда, только в их версии великого учителя звали Кетцалькоатль, мир мертвых назывался Тескатлипока, что в переводе означает «мутное зеркало».

— Мик, подождите, просто остановитесь на минутку. Забудьте о мифологии майя. Мне нужно, чтобы вы сосредоточились на фактах, касающихся календаря, и на том, какое отношение они имеют к сигналу из космоса.

Темные глаза сверкнули, как два агатовых лазера, и она непроизвольно отвела взгляд.

— Я не могу обсуждать с вами научное сопровождение пророчества о конце мира без объяснения мифа о его создании. Все взаимосвязано. В этом и заключается парадокс, связанный с майя. Большинство людей считают их всего лишь племенем дикарей, обитавшим в джунглях и построивших несколько пирамидок. Но

правда заключается в том, что майя были блестящими астрономами и математиками, они смогли прийти к пониманию того, как наша планета взаимодействует с галактикой. Это и было знание, позволившее им предсказать расположение космических объектов, благодаря которому мы получили вчерашний сигнал.

— Я не понимаю...

Мик поерзал на кровати, потом не выдержал, вскочил и снова зашагал по комнате.

— У нас есть доказательство того, что майя, как и их предшественники, ольмеки, использовали галактику Млечного Пути как космический маркер для вычислений, необходимых для построения своего календаря. Млечный Путь — это спиральная галактика, диаметр которой примерно равен ста тысячам световых лет. В ней насчитывается около двухсот миллиардов звезд. Наше Солнце расположено в одном из спиральных рукавов — в рукаве Ориона, — и от центра галактики его отделяют тридцать пять тысяч световых лет. Центром галактики астрономы считают гигантскую черную дыру в созвездии Стрельца. Этот центр выполняет роль своего рода магнита, который заставляет Млечный Путь вращаться в медленном водовороте. Пока мы с вами разговариваем, наша Солнечная система вращается вокруг центральной точки галактики со скоростью двести двадцать километров в секунду. Но несмотря на такую скорость, нашему Солнцу требуется двести двадцать шесть миллионов лет на то, чтобы совершить полный оборот вокруг центра галактики.

У тебя скоро закончится пленка.

— Мик, о сигнале...

— Потерпите. Наша Солнечная система, двигаясь по галактике, проходит пояс эклиптики, ширина которого составляет примерно 14° . Эклиптика пересекает Млечный Путь таким образом, что периодически Солнечная система оказывается вблизи от центральной точки галактики. Когда майя смотрели в ночное небо, они видели темный участок Млечного Пути, темное скопление пылевых туманностей, которое начинается там, где Млечный Путь пересекается с созвездием Стрельца. Миф из «Пополь Вух» о сотворении мира называет это скопление Черной дорогой, или Шибальба Бе, — черным путем, изогнутым, как огромная змея, соединяющим жизнь и смерть, землю и мир мертвых.

— Это, конечно, очень интересно, но какое отношение все это имеет к радиосигналу из космоса?

Мик замер.

— Доминика, этот радиосигнал был не просто случайной передачей, посланной сквозь Вселенную, он был направлен именно на нашу Солнечную систему. С технологической точки зрения, никто не стал бы посылать такой сильный радиолуч через полгалактики, надеясь на то, что рано или поздно он достигнет специфического комочка звездной пыли, которым, по сути, является наша Земля. Чем большее расстояние проходит этот сигнал, тем больше посторонних сигналов вмешиваются в его трансляцию, и тем слабее он становится. Радиопередача, которую засекли SETI, была мощнейшей, к тому же это был явно направленный и сконцентрированный луч. Для меня это означает, что кто бы или что бы ни послало сигнал в четко обозначенный сегмент галактики, эта передача должна была идти по некоему космическому коридору, соединяющему отправителя и нашу планету. То есть я полагаю, что сигнал следовал по заранее обозначенному пути. Я не могу объяснить почему, я не могу объяснить как, но *чувствую*, что космический портал — вход в этот коридор — начал открываться.

* * *

Доминика видела страх в его глазах.

— Вы чувствуете, что он открывается? И на что похоже это чувство?

— Довольно болезненное ощущение, словно чьи-то ледяные пальцы перебирают мои внутренности.

— И вы верите, что этот космический коридор открылся уже настолько, что смог пропустить к нам радиосигнал?

— Да, и с каждым днем портал становится все шире. Ко дню зимнего солнцестояния он откроется полностью.

— Декабрьское солнцестояние — это предсказанный майя день апокалипсиса?

— Именно. Астрономы давно знают, что наше Солнце окажется прямо над центром галактики двадцать первого декабря 2012 года, в

последний день пятого цикла. В это же время темный участок Млечного Пути окажется на нашем восточном горизонте, он появится прямо над майяским городом Чичен-Ица в полночь солнцестояния. Такая комбинация галактических явлений появляется один раз в 25 800 лет, однако майя смогли каким-то образом ее предсказать.

— А сигнал из глубокого космоса — в чем его предназначение?

— Я не знаю, но он предвещает смерть.

Не забывай, что у него шизофрения. По вине его родителей.

— Мик, мне кажется, что, если отвлечься от единичного проявления агрессии, вы страдаете от своей фанатичной веры в апокалипсис, веры, которую разделяют с вами десятки миллионов людей. Когда вы говорите, что человечество движется к своему уничтожению, я слышу не ваши убеждения, а то, чем вас закармливали с самого детства. Разве не может оказаться, что ваши родители...

— Мои родители не были религиозными фанатиками или миллениалистами. Они не тратили свое время на постройку подземных бункеров. Они не вооружались до зубов и не делали запасов провизии на случай Судного дня. Они не верили во второе пришествие Иисуса, или Мессии, или кого-то там еще и не считали каждого деспотичного политического лидера воплощением Антихриста. Они были археологами, Доминика, учеными, и их уровень образования не мог позволить им игнорировать доказательства существования угрозы, которая может уничтожить наш мир. Назовите эту угрозу Армагеддоном, назовите апокалипсисом, назовите пророчеством майя, — как вам будет угодно. Просто позвольте мне выбраться отсюда к чертовой матери, чтобы я мог хоть как-нибудь этому помешать!

— Мик, успокойтесь. Я знаю, что вы расстроены, я пытаюсь помочь вам и делаю больше, чем вам кажется. Я попытаюсь добиться вашего освобождения, назначив новую комиссию для оценки вашего состояния.

— И когда это может произойти?

— Я не знаю.

— Господи... — Он зашагал быстрее.

— Давайте предположим, что вас завтра выпустят. Что вы станете делать? Куда вы отправитесь?

— В Чичен-Ицу. Единственный наш шанс на спасение спрятан в пирамиде Кукулькана.

— А что там, в этой пирамиде?

— Я не знаю. Никто не знает. Вход туда до сих пор не найден.

— Тогда почему...

— Потому что я чувствую: там что-то есть. И не спрашивайте меня как, я просто чувствую это. Точно так же, как вы, прогуливаясь по улице, можете почувствовать, что за вами кто-то следит.

— Комиссии понадобится что-то более убедительное, чем ваши предчувствия.

Мик снова остановился, чтобы наградить ее раздраженным взглядом.

— Именно поэтому я просил вас прочитать дневник моего отца. В Чичен-Ице находятся две постройки, которые могут стать нашим спасением. Первая, большая площадка для игры в мяч — практически зеркальное отображение Шибальба Бе, темного участка Млечного Пути, каким мы увидим его четыре Ахау три Канкин. Вторая — это пирамида Кукулькана, главный ключ к пониманию пророчества. В каждое равноденствие на северной лестнице пирамиды появляется тень пернатого змея. Мой отец верил, что эту астрономическую аномалию нам оставил Кукулькан, чтобы предупредить человечество о приходе зла.

Эта тень растет в течение трех часов и двадцати двух минут — ровно столько времени мы принимали радиосигнал из космоса.

— Вы в этом уверены? — *Убедись, что можешь упомянуть эти факты в своем отчете.*

— Так же, как уверен в том, что стою в этой комнате, и в том, что гнию в психушке. — Он снова зашагал.

Доминика услышала щелчок: диктофон выключился, когда закончилась пленка.

— Дом, по Си-эн-эн передавали еще одну сводку новостей, но я попал лишь к окончанию программы. Что-то о землетрясении на полуострове Юкатан. Мне нужно знать, что именно там произошло. И нужно знать, возникло ли это землетрясение в Чичен-Ице или оно произошло в Мексиканском заливе.

— А при чем здесь залив?

— Вы не дочитали дневник даже до упоминания о картах Пири Рея?

— Простите. Я была немного занята.

— Господи, Дом, были бы вы моим интерном, я бы вас уже выгнал. Пири Рэй, известный турецкий адмирал, жил в четырнадцатом столетии. Он каким-то образом наткнулся на совершенно необычные землеописания и, пользуясь ими, составил свою собственную карту мира, которой, как сейчас предполагают историки, воспользовался Колумб во время своего путешествия через Атлантику.

— Постойте, так эти карты действительно существуют?

— Конечно, существуют. Кроме того, они содержат топографические детали, которые можно определить только при помощи современного сейсмического зондирования. Кстати, побережье Антарктиды там представлено в таком виде, словно кто-то смог заглянуть под его ледяную шапку.

— Ну и что в этом такого значительного?

— Дом, этим картам 500 лет. Антарктиду открыли только в 1818 году.

Она смотрела на него, не зная, стоит ли ему верить.

— Если сомневаетесь, свяжитесь с Центром исследований военно-морских сил США. Именно их аналитики сообщили о поразительной точности древней картографии.

— А какое отношение эта карта имеет к Мексиканскому заливу и пророчеству апокалипсиса?

— Пятнадцать лет назад мы с отцом обнаружили подобную карту, но она была настоящей, ей было около тысячи лет и во многом она совпадала с картами, которые в свое время нашел Пири Рей. Она была захоронена на плато Наска в контейнере из иридия. Я успел сделать снимок поляроидом, прежде чем пергамент рассыпался. Это фото вклеено на последних страницах дневника отца. Посмотрите на него, там в Мексиканском заливе, к северу от полуострова Юкатан, находится область, заштрихованная красным.

— И что должна означать эта отметка?

— Я не знаю.

Закругляйся.

— Мик, я не сомневаюсь в правдивости ваших слов, но что, если... в общем, что, если трансляция сигнала из космоса не имеет

ничего общего с пророчеством майя? НАСА сообщает, что сигнал исходит из отдаленной точки, до которой тысяча восемьсот световых лет. Это ведь должно вас немного успокоить, верно? То есть я хочу сказать: подумайте. — Она улыбнулась. — Маловероятно, что через шестьдесят дней к нам явятся инопланетяне из Пояса Ориона, ведь им до нас еще лететь и лететь.

Темные глаза Мика неправдоподобно расширились. Он отступил на шаг, охватив руками плечи.

О черт, он теряет контроль. Ты зашла слишком далеко.

— Мик, что случилось? Вы в порядке?

Мик поднял палец, призывая ее помолчать и не подходить к нему.

Доминика смотрела, как он опускается на пол, как вращаются его широко раскрытые темные глаза, в которых мечутся тысячи непонятных выражений в минуту. *Возможно, ты ошиблась в нем. Возможно, он действительно невменяемый.*

Прошла целая вечность, пока Мик поднял голову. Он определенно был напутан.

— Вы правы, Доминика, вы абсолютно правы, — прошептал он. — Что бы ни было призвано уничтожить человечество, оно явится к нам не из открытого космоса. Оно в Мексиканском заливе. Оно уже здесь.

ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА

Для того чтобы лучше понять и полностью осмыслить тайны, которыми окутаны знания о календаре майя и заключенном в нем пророчестве, следует хорошо разобраться в истоках культур, существовавших на возвышенностях Юкатана.

Первыми месоамериканцами были племена кочевников, появившиеся в Центральной Америке около 4000 лет до нашей эры. По каким-то причинам кочующие племена стали оседлыми: они превратились в земледельцев, выращивали зерно, гибриды диких растений, а также авокадо, помидоры и тыкву.

А приблизительно в 2500 году до нашей эры появился Он.

Он был белокожим человеком с вытянутым лицом и развевающимися длинными светлыми волосами и бородой. Согласно легенде он появился из моря, со стороны Мексиканского залива, чтобы принести народам этого региона великую мудрость и знания.

Теперь мы знаем, что народ, который он обучал, назывался ольмеки (что означает «люди с земли резиновых деревьев») и что они очень быстро стали «матерью культур» всей Месоамерики, первого сообщества в обеих Америках. Под влиянием «бородатого» ольмеки освоили весь регион залива, их достижения в области астрономии, математики и архитектуры оказали влияние на запотеков, майя, тольтеков и ацтеков, чьи культуры заняли видное место среди древнейших культур мира за последующие несколько тысяч лет.

Эти кочующие по джунглям племена, лишь недавно освоившие земледелие, очень быстро возводили комплексы зданий и церемониальные центры, используя сложнейшие инженерные технологии. Именно ольмеки придумали древнюю игру в мяч, так же как и способ записывать свою историю. Из монолитного базальта они вырезали огромные, до тридцати тонн, головы около семи метров в окружности и до двух с половиной метров в высоту. До сих пор непонятно, каким образом ольмеки транспортировали их.

Более важно другое: это была первая цивилизация Месоамерики, которая начала строить пирамиды, используя знание астрономии и математики. В этих строениях, соответствующих расположению

созвездий, заложено ольмекское понимание прецессии — открытие, которое позже нашло отображение в «Пополь Вух», в мифе о сотворении мира.

Таким образом, именно ольмеки, а не майя использовали свой не объяснимый нынешней наукой уровень знания астрономии, чтобы создать календарь длинного счета и пророчество апокалипсиса.

В основе календаря с пророчеством лежит миф о сотворении мира, о битве добра и света с силами зла и тьмы. Герой описанной в «Пополь Вух» истории, Хун-Ахпу, был воином, сумевшим добраться до Черной дороги (Шибальба Бе). Для месоамериканских индейцев Шибальба Бе была аналогом темного участка Млечного Пути. Портал Шибальба Бе у ольмеков и майя изображался в виде рта гигантской змеи.

В представлении древних ольмеков темный путь в ночном небе — это извивающееся тело огромной змеи. Около 100 лет до нашей эры по неизвестным причинам ольмеки решили покинуть свои города и, разделившись на два лагеря, отправились осваивать новые земли. Те, кто двинулся на запад, в Центральную Мексику, стали называться тольтеками. Те, кто отправился на восток, через джунгли Юкатана в Белиз и Гватемалу, назвали себя майя. Воссоединение двух цивилизаций произошло в 900 году нашей эры под влиянием великого учителя Кукулькана в чудесном городе Чичен-Ица.

Но я забегаю вперед.

* * *

Кембридж, 1969 год. Именно здесь я и мои коллеги решились взяться за разгадывание загадок майяского пророчества. Мы единогласно решили, что первой остановкой на нашем пути будет ольмекский город Ла Вента, поскольку именно здесь двадцатью годами раньше американский археолог Мэттью Стирлинг совершил самое захватывающее открытие. Он обнаружил огромное сооружение ольмеков — стену из шестисот базальтовых колонн, каждая из которых весила около двух тонн. Неподалеку от этой стены исследователь и его команда нашли великолепную скалу, покрытую выгравированными сложными изображениями ольмекской культуры. После двух дней

интенсивной работы Стирлингу и его людям удалось расчистить гигантскую скульптуру около пяти метров в высоту, два метра в ширину и почти метр толщиной. Хотя некоторые изображения пострадали под воздействием времени и эрозии, одну фигуру все же можно было различить: огромная статуя европеоидного мужчины с вытянутыми чертами лица, высокой переносицей и развевающейся белой бородой.

Представьте себе шок моего коллеги-археолога, который нашел барельеф возрастом две тысячи лет, изображающий европеоида. Ведь этот артефакт был создан за 1500 лет до того, как европейцы впервые ступили на земли Америки! Точно таким же ошеломляющим открытием было то, что статую бородача создали ольмеки, хотя генетические исследования показали, что у чистокровных американских индейцев *не могли* расти бороды. Поскольку любые художественные изображения всегда имеют хоть какое-то фактическое объяснение, идентификация бородатого белокожего человека была очередной загадкой, ожидающей решения.

Для себя я сразу же решил, что европеоидом мог быть великий учитель майя Кукулькан.

О нем известно немного, также как и о том, почему у каждого месоамериканского племени существовало предание о мужчине, подходившем под это описание. У майя это был Кукулькан, у ацтеков Кетцалькоатль — легендарный бородатый белый мудрец, который принес мир, процветание и великую мудрость их народу. Источники свидетельствуют, что примерно в 1000 году нашей эры Кукулькан-Кетцалькоатль был вынужден покинуть Чичен-Ицу. Легенды говорят о том, что перед уходом этот загадочный мудрец пообещал своему народу обязательно вернуться и избавить мир от зла.

После исчезновения Кукулькана зло быстро распространилось по всей земле. И майя, и ацтеки вернулись к практике человеческих жертвоприношений — жестоким убийствам десятков тысяч мужчин, женщин и детей ради призрачной надежды вернуть почитаемого вождя-бога, чтобы предотвратить предсказанный конец человечества.

В 1519 году испанский конкистадор Эрнан Кортес вторгся на Юкатан. Ему с легкостью удалось покорить месоамериканских индейцев, которые приняли Кортеса (бородатого белого мужчину) за Кукулькана-Кетцалькоатля и сложили оружие. С Кортесом прибыли

испанские священники, вызвавшие обратиться дикарей в христианство. Они были шокированы, узнав об обычае приносить человеческие жертвы и о другом, не менее диком для них ритуале: майяские матери при помощи специальных деревянных колодок фиксировали черепа своих новорожденных детей, что вызывало деформации при росте. Такое вытягивание черепа должно было сделать майя более «богоподобными», более похожими на их великого учителя, Кукулькана.

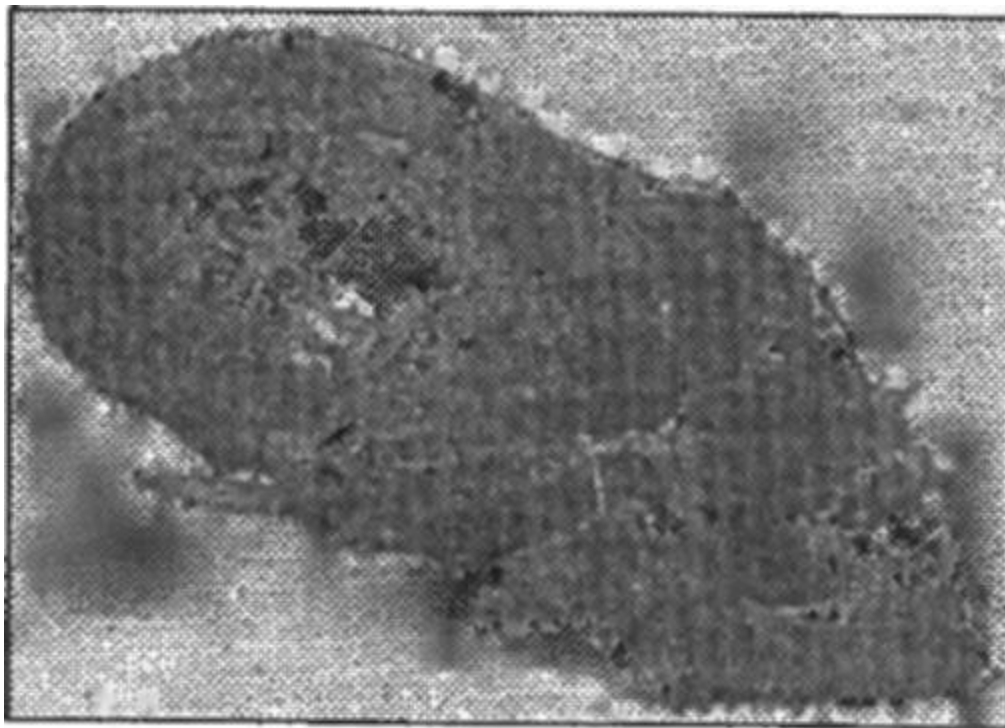
Провозгласив ритуалы майя происками дьявола, испанские священники приказали сжечь шаманов, а простых индейцев под угрозой смерти стали обращать в христианство. Эти предубежденные глупцы шаг за шагом уничтожали все записи майя, которые им удавалось достать: тексты о предсказанном в пророчестве дне гибели, без сомнения, содержавшие жизненно важные инструкции, оставленные нам Кукульканом. Тексты, предназначенные спасти нас от уничтожения, были сожжены фанатиками.

Вышло так, что избранный церковью путь спасения наших душ от дьявола приговорил все человечество к смерти еще 500 лет назад.

* * *

Пока мы с Борджией спорили о происхождении изображения бородатого мужчины на барельефе ольмеков, наша коллега, прекрасная Мария Розен, нашла то, что заставило нас отправиться из Центральной Америки в совершенно иные места.

При раскопках ольмекского поселения в Ла Вента Мария обнаружила древнюю королевскую гробницу, в которой лежали скелеты с вытянутыми черепами. Это была не первая находка странных, словно инопланетных черепов в Месоамерике, которые, по всей видимости, были связаны с происхождением ольмеков из «Змеиного города».

Впрочем, когда Мария решила подарить эти черепа Музею антропологии в Мериде, во время разговора с куратором она узнала, к огромному нашему удивлению, что черепа подобной формы обнаружены в захоронениях на плато Наска в Перу.

Была ли связь между цивилизациями инков и майя?

И вот мы трое очутились на своеобразном археологическом перекрестке. Стоило ли нам отправляться в Чичен-Ицу, древний, посвященный пророчеству город майя, или из Мексики отправиться в Перу?

Интуиция Марии привела нас в Южную Америку, потому что она верила: календарь майя был лишь частью огромной мозаики апокалипсиса. Так мы и оказались в самолете, несущем нас к Наска, даже не представляя, к чему приведет это путешествие.

Когда мы пролетали над Атлантикой, я размышлял о том, что сказал мне медик в Мериде. Во время исследования вытянутых черепов этот человек с безупречной репутацией, настоящий мастер своего дела, был ошеломлен тем, что характер вытянутости черепов не подходил ни к одному возможному способу деформации человеческой головы. Кроме того, когда он обратился за консультацией к дантисту, занимавшемуся осмотром сохранившихся остатков зубов, результат оказался еще более непредсказуемым.

На нижней челюсти взрослого человека, как известно, насчитывается четырнадцать зубов. У вытянутых черепов этих зубов оказалось только десять.

Выдержка из дневника профессора Юлиуса Гэбриэла.

Источник: каталог 1969–1973, страницы 13–347.

Фотоальбом на магнитном диске № 4, название файла: «ОЛЬМЕКИ 1–7»

9 октября 2012 года

Вашингтон, округ Колумбия

Президент Марк Меллер вошел в Овальный кабинет через боковую дверь и занял место за столом. Перед ним расположились министры. По непонятной причине отсутствовали только вице-президент и секретарь штата.

— Хорошо, коллеги, давайте начнем. И начнем с обсуждения итогов предвыборной кампании на пост вице-президента. Кэти?

Глава администрации Кэтрин Глисон начала читать с экрана ноутбука:

— Вот результат опроса общественного мнения, проведенного в минувший вторник. На вопрос, за кого из кандидатов избиратели отдадут свой голос, ответы разделились следующим образом: 53 % в пользу Энниса Чейни, 39 % в пользу Пьера Борджия. Похоже, основным мотивирующим фактором является вопрос доверия. Однако при ответе на вопрос, что именно они считают самым главным, зависящим от результатов выборов, 89 % опрошенных назвали рост стратегического вооружения России и Китая, и только 34 % отдали голос за возможную постройку радиотелескопа на Луне. Кратко говоря, Чейни побеждает на выборах, мы фокусируем кампанию на стабилизации отношений с Россией и Китаем, и вы не поддерживаете идею строительства радиотелескопа, по крайней мере, до перевыборов.

— Согласен. Есть ли новости от НАСА?

— Да, сэр, — ответил Сэм Блумнер, начальник президентской команды финансовых аналитиков, один из доверенных советников Меллера. — Я получил от НАСА предварительный бюджет постройки этой новомодной штуки на Луне.

— И насколько все плохо?

— Позвольте мне высказаться честно, мистер президент. У вас есть два шанса скормить эту идею конгрессу: маленький и очень маленький. Маленький шанс только что покинул город вместе с вашим бывшим вице-президентом.

— Я думал, НАСА будет ссылаться на проект лунной базы, который уже получил «добро» на ассигнования.

— Они пытались. К сожалению, *та* лунная база спроектирована для постройки на светлой стороне Луны, неподалеку от полярного региона, где были обнаружены залежи льда, а не на темной стороне. Вы уж простите за каламбур, но солнечные батареи — не выход там, куда солнце не светит.

Кэти Глисон несогласно покачала головой.

— Сэм, американцы так настроены против этого строительства потому, что считают этот проект интернациональной проблемой. Радиосигнал не был направлен на Соединенные Штаты, он предназначался всей планете.

— Иными словами, Америка и без того оплачивает кучу чужих счетов.

Кэл Каликсте, пресс-секретарь президента, поднял руку.

— Мистер президент, я считаю, что постройка радиотелескопа позволит нам сделать новые вложения фондов в экономику России, а в свете того, что Международный валютный фонд снова сократил им финансирование, это может стать предпосылкой для нового договора типа «СТАРТ-5».

— То же самое говорилось об Интернациональной космической станции, — вмешался Блумнер. — Эта здоровенная елочная игрушка обошлась Америке в двадцать миллиардов, не считая тех, что ушли на займ русским, чтобы они могли справиться с задержками в проекте. И все равно русские затягивают подготовку проекта как только могут. У них все так же проблемы с топливом и операциями с дозаправкой на орбите, и НАСА пришлось чуть ли не силой заставлять их работать с сервисным модулем.

— Сэм, перестань смотреть на все с экономической точки зрения, — остановила его Кэти. — Тут замешано больше политических интересов, и это не просто космическая программа. Защита русской демократии стоит дороже, чем какой-то телескоп.

— Демократии? Какой демократии? — Блумнер ослабил узел галстука. — Вот тебе краткий урок государственности, Кэти. То, что мы создали, называется экономикой вымогательства, при этом русские богачи продолжают наращивать капиталы, а бедняки умирают от голода, но всем на это наплевать, пока мы считаем данное положение вещей демократией. МВФ и Соединенные Штаты скормили России миллиарды долларов. И куда ушли эти деньги? С финансовой точки зрения моя трехлетняя дочка куда более разумный финансист, чем Ельцин и Грозный.

Блумнер с раскрасневшимся лицом повернулся к президенту.

— Прежде чем мы начнем отдавать в долг миллиарды, давайте подумаем о том, что этот космический сигнал мог быть простой случайностью. Насколько я понял, в НАСА еще не разобрались с полученным образцом и не нашли в нем подтекста, который дал бы понять, действительно ли с нами пытаются наладить контакт. И почему мы ничего не слышали о повторном сигнале?

Кэл покачал головой.

— Ты уходишь от темы. У Грозного люди голодают. Гражданское неповиновение растет с пугающей скоростью. Мы не можем так просто отказаться от финансирования отчаявшейся страны, ядерного арсенала которой хватит на дюжину апокалипсисов.

— Для меня это все равно вымогательство, — возразил Блумнер. — Мы создаем фиктивный проект и готовы платить неуравновешенной сверхсиле и ее коррумпированным лидерам миллиарды долларов лишь за то, что они, может быть, не развяжут ядерную войну, хотя они сами прекрасно понимают, что при любом раскладе им не выиграть.

Президент поднял руку, прерывая перепалку.

— Я думаю, что предложение Кэла напоминает медвежью услугу. Если МВФ ясно дал понять, что не станет занимать России деньги, пока не удостоверится, что займы идут на развитие технологий или на восстановление их разрушенной экономики. Даже если этот радиосигнал окажется случайностью, радиотелескоп станет реальным шансом для наших ученых заняться тщательным исследованием глубокого космоса.

— А русским больше помогло бы, если б мы открыли у них несколько тысяч «Макдональдсов» и раздавали еду бесплатно.

Меллер проигнорировал реплику Блюмнера.

— «Большая девятка» собирается через три недели. Я хочу, чтобы вы с Джойс подготовили предварительный план использования радиотелескопа в качестве канала инвестирования России. Даже в самом худшем случае нам удастся этим отвлечь их от грядущих ядерных испытаний в Азии. — Президент поднялся. — Кэл, на какое время назначена пресс-конференция?

— На девять.

— Хорошо. Я поговорю с нашим новым вице-президентом через час, а затем вы кратко введете его в курс дела относительно перевыборов. И скажите ему, чтоб собирал чемоданы. Я хочу, чтобы Чейни вступил на пост вице-президента с сегодняшнего дня.

* * *

Университет штата Флорида

Доминика сидела, сторбившись на неудобной деревянной скамье в коридоре возле кабинета своего куратора. Когда дверь наконец открылась, она с трудом поборолла желание сбежать в туалет.

Доктор Марджори Оуэн, не отрывая мобильный телефон от уха, жестом пригласила ее садиться. Доминика вошла в святая святых декана и присела на стул, ожидая, когда куратор закончит разговор.

Марджори Оуэн преподавала клиническую психиатрию уже двадцать семь лет. Незамужняя и непривлекательная худощавая пятидесятисемилетняя женщина поддерживала форму, в свободное время занимаясь альпинизмом. В общем, ее уважали коллеги, побаивались внештатные сотрудники, а суровый характер этой дамы был притчей во языцех для всех студентов, в особенности ее выпускников.

Меньше всего на свете Доминика хотела попасть в ее «черный список».

Доктор Оуэн отключила телефон, провела рукой по коротким седым волосам, заправив прядь за ухо, и произнесла:

— Итак, юная леди, я прослушала вашу кассету и прочитала ваш рапорт о Майкле Гэбриэле.

— И?

— Что «и»? Он параноидальный шизофреник с необычно высоким IQ, — она улыбнулась, — и, должна добавить, очаровательный обманщик — так наверняка его охарактеризовал доктор Фолетта.

— Но разве держать его в одиночке не слишком жестоко? Почему он провел там одиннадцать лет, хотя нет ни единого доказательства его криминального поведения?

— Согласно документам, которые вы мне предоставили, доктор Фолетта недавно провел оценку его психического состояния, а вы подписали ее результаты. Если у вас есть определенные возражения, обсудите это с Фолеттой.

— Теперь я это понимаю. Но может быть, у вас будут какие-то рекомендации по поводу того, как мне оспорить диагноз, поставленный Фолеттой?

— Вы хотите оспорить выводы вашего поручителя? На каком основании?

Приехали...

— Основываясь на моей личной уверенности в том... ну, в том, что некоторые утверждения этого пациента могут быть не лишены смысла.

Доктор Оуэн наградила Доминику своим фирменным «пронизывающим» взглядом, который не одного студента лишил надежды на получение диплома.

— Юная леди, вы пытаетесь сказать мне, что мистер Гэбриэл уже успел убедить вас в приближающемся конце света?

Господи, ну я и попалась...

— Нет, и согласно записи на кассете он вовсе не уверен в том, что именно произойдет, он говорит лишь о возможности события, связанного с солнцестоянием.

Доминика чувствовала, как взмокли подмышки, а куратор молча продолжала испепелять ее взглядом.

— Доктор Оуэн, я лишь хочу, чтобы мой пациент получил всю возможную помощь, и в то же время я думаю, что... ну, прежде всего нужно провести повторную оценку его психического состояния.

— Понятно. Итак, давайте говорить откровенно. Вы проработали с этим пациентом почти месяц... — Оуэн сверилась со своими

записями. — Нет, подождите, я ошиблась, на самом деле прошло больше месяца. Прошло целых пять недель, надо же. — Подойдя к двери кабинета, доктор Оуэн закрыла ее. — Пять полных недель работы, и вы не только беспокоитесь о минувших одиннадцати годах лечения этого пациента, но уже готовы спорить с директором клиники в надежде освободить мистера Гэбриэла и вернуть его обществу.

— Я понимаю, что всего лишь интерн, но вижу, что что-то идет не так. Разве у меня нет морального и профессионального права сообщить об этом?

— Хорошо. Значит, основываясь на вашем огромном опыте практической работы, вы чувствуете, что доктор Энтони Фолетта, всеми уважаемый клинический психиатр, не может диагностировать состояние своего пациента. Я правильно поняла?

Не отвечай. Прикуси язык.

— Нечего сидеть и кусать губы. Отвечайте.

— Да, мадам.

Оуэн присела на край стола, глядя сверху вниз на свою подопечную.

— Позвольте мне высказать свое мнение на этот счет, юная леди. Я думаю, что вы утратили ориентиры. Я думаю, что вы сделали ошибку, позволив себе эмоциональную связь с пациентом.

— Нет, мадам, я...

— Он определенно очень умен. Рассказывая молоденькой новенькой женщине-психиатру о том, что он подвергся сексуальному насилию в тюрьме, он рассчитывал попасть в болевую точку. И парню это прекрасно удалось. Очнитесь, Доминика. Разве вы не видите, что произошло? Ваша эмоциональная тяга к пациенту основана на психологической травме, полученной вами в детстве. Но ведь двоюродный брат мистера Гэбриэла не насильничал его на протяжении трех лет, не так ли? И его не забили практически до смерти...

Заткнись, вот просто заткнись...

— Многие женщины, прошедшие через те же испытания, что и вы, обычно справляются с пост-травматическими симптомами, вступая в феминистические движения или же отправляясь на курсы самообороны, как сделали и вы. Если вы считаете, что можете заниматься альтернативной терапией, заменяя лечение эмоциями, значит, вы ошиблись при выборе профессии, и клиническая

психиатрия не для вас. Как вы собираетесь помогать пациентам, если позволяете себе руководствоваться только эмоциями?

— Я знаю, о чем вы говорите, но...

— Никаких «но». — Оуэн покачала головой. — Я считаю, что вы утратили объективность. Господи, Доминика, да ведь этот псих чуть не убедил вас в том, что весь мир погибнет через десять недель.

Доминика вытерла слезы с глаз и нервно рассмеялась. Это правда. Мик использовал ее эмоциональную травму, она больше не могла отвлекать и смешить его, что было частью терапии, и позволила себе проникнуться его манией о Судном дне.

— Я чувствую себя совершенно сбитой с толку.

— Так и должно быть. Вы жалели мистера Гэбриэла, вы разрушили динамику развития отношений доктор — пациент. Поэтому я вынуждена была связаться с доктором Фолеттой и вмешаться в дело мистера Гэбриэла.

Вот дерьмо.

— И что вы собираетесь делать?

— Я собираюсь попросить Фолетту приписать вас к другому пациенту. Немедленно.

* * *

Майами, Флорида

Мик Гэбриэл шагал по двору уже шестой час.

Он двигался как на автопилоте, рядом с умственно неполноценными и неменяемыми преступниками его мозг сосредоточенно работал, перебирая кусочки мозаики, из которых складывалось пророчество Судного дня.

Радиосигнал и снисхождение пернатого змея. Темный участок и Шибальба. Не ошибись, складывая все эти факты. Отдели причину от следствия, смерть от спасения, зло от добра. В майском пророчестве задействованы две сущности: добро и зло, плохое и хорошее. Что здесь хорошего? Предупреждения. Календарь мая, рисунки на

плато Наска и тень змеи на пирамиде Кукулькана в дни равноденствия — это предупреждение. Каждое предупреждение, оставленное нам бородатым европеоидным мудрецом, говорит о приходе зла. Но зло уже здесь, оно всегда было здесь. Я ощущал его и раньше, но никогда еще чувство не было настолько сильным. Мог ли сигнал из космоса каким-то образом пробудить его? Как-то усилить? И если так, то где оно?

Он остановился, подставив лицо лучам вечернего солнца.

Шибальба — мир мертвых. Я чувствую, как Черная дорога, ведущая к нему, набирает силу. «Пополь Вух» утверждает, что правители Шибальбы — это и есть то зло, которое влияет на мир. Но это невозможно... Разве эта злобная сила не присутствовала на Земле с начала времен?

Мик открыл глаза.

А что, если не присутствовала? Что, если она прибыла на Землю давно, очень давно, еще до начала эволюции человечества? Лежала там, как бомба замедленного действия, и ждала этой трансляции из космоса, чтобы запустить таймер?

Динамик пропищал, сообщая о том, что уже пять часов. Этот звук разбудил почти забытое воспоминание. Мик стоял в пустыне Наска с металлодетектором в руках и исследовал плоское плато. Электрическое жужжание металлодетектора заставило его приняться копать теплый желтый песок. Его больной отец стоял рядом.

В воображении он снова достал иридиевый сосуд и вытащил из него древнюю карту. Сосредоточился на красной отметке... глядя на загадочное место в Мексиканском заливе.

Мексиканский залив... сосуд... из иридия! Его глаза расширились от волнения.

— Черт тебя дерь, Гэбриэл, как ты мог быть настолько слеп?

Мик помчался по лестничным пролетам к переходу на третий этаж, побежал в зону комнат терапии. Растволкав пациентов, он вошел в

компьютерный зал.

Женщина средних лет поднялась ему навстречу.

— Здравствуйте. Меня зовут Дороти, и я...

— Мне нужен один из ваших компьютеров!

Она повернулась к своему ноутбуку.

— А ваше имя?

— Гэбриэл, Майкл Гэбриэл. Посмотрите в списках Фолетты. —

Мик двинулся к свободному терминалу, быстро сел за стол и только потом заметил, что голосовая система активации не работает. Воспользовавшись мышкой, он вызвал меню подключения к Интернету.

— Подождите-ка минутку, мистер Гэбриэл. У нас есть некоторые правила. Нельзя вот так прыгать за компьютер. У вас должно быть разрешение от вашего...

В ДОСТУПЕ ОТКАЗАНО.
ПОЖАЛУЙСТА, ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ.

— Мне нужен пароль, Дороти. Я всего лишь на минутку. Пожалуйста, вы не могли бы сказать мне пароль?

— Нет, мистер Гэбриэл, никаких паролей. Перед вами в очереди три пациента, и мне придется поговорить о вашем поведении с лечащим врачом. Тогда, возможно, мне удастся...

Мик присмотрелся к ее идентификационной карточке, прикрепленной к карману халата: ДОРОТИ ХИГГИНС, G45927. Он начал вводить пароли.

— ...подписать вам доступ в будущем. Вы слушаете меня, мистер Гэбриэл? Что вы делаете? Эй, прекратите...

Десяток паролей не подошел.

— Дороти, у вас прекрасное имя. Вашим родителям нравился «Волшебник страны Оз», правда, Дороти?

Ее ошеломленный взгляд сказал ему, что догадка верна. Мик набрал на клавиатуре: OZG45927.

НЕВЕРНЫЙ ПАРОЛЬ.

— Сейчас же прекратите это безобразие, мистер Гэбриэл, иначе я позову охрану.

— Злобная ведьма, железный дровосек и огородное пугало... а как у нас насчет разговора с волшебником? — Он набрал WIZG45927.

СОЕДИНЕНИЕ С ИНТЕРНЕТОМ.

— Ну все, я вызываю охрану!

Но Мик не слушал ее, он запустил поиск по ключевому «Кратер Чикшулуб» и теперь вспоминал фразу, которую сказал Доминике: «Величайшее событие случится двадцать первого декабря, и это будет день нашей общей гибели». Это не совсем правда, как он теперь понял. Величайшим событием в истории, по крайней мере на данный момент, является то, что произошло шестьдесят пять миллионов лет назад в Мексиканском заливе.

Первый нужный файл появился на экране. Не тратя времени на чтение, Мик нажал «Печатать все».

Он слышал, как по коридору приближаются охранники. *Ну давай же, давай...*

Схватив три листа распечатки, Мик сунул их в карман брюк за секунду до того, как в комнату вошло несколько охранников.

— Я три раза просила его уйти. Но он умудрился даже украсть мой пароль.

— Мы с этим разберемся, мадам. — Мускулистый рыжеватый блондин кивнул двум своим спутникам, и те тут же схватили Мика за руки.

Мик не оказал ни малейшего сопротивления, когда блондин шагнул ближе и наклонился к его лицу.

— Пациент, вас попросили очистить помещение. В чем проблема?

Краем глаза Мик заметил вошедшего в помещение Фолетту и, взглянув на карточку с именем охранника, улыбнулся блондину.

— Знаете, Раймонд, вся эта гора мускулов ничто по сравнению со зловонием из вашего рта.

Фолетта шагнул к ним.

— Раймонд, не надо...

Апперкот в солнечное сплетение выбил весь воздух из легких Мика. Он повис на руках державших его охранников, наклонившись вперед.

— Черт побери, Раймонд, я же сказал тебе подождать...

— Простите, сэр. Я думал, вы...

Мик поджал ноги, выгнув спину, подтянул колени к груди и изо всех сил выпрямил ноги так, что носки теннисных туфель врезались в лицо блондину, разбивая в кровь нос и верхнюю губу.

Раймонд упал на колени.

Фолетта склонился над едва не потерявшим от боли сознание охранником, заглядывая ему в лицо.

— В этом не было нужды, Мик.

— Око за око, а, доктор?

Вошли еще двое санитаров, сжимая пистолеты с транквилизатором наготове. Фолетта покачал головой.

— Проводите мистера Гэбриэла в его палату и позовите сюда врача, который позаботится об этом идиоте.

* * *

Было уже довольно поздно, когда Доминика загнала черный «пронто-спайдер» на парковку у клиники. В фойе она вытащила свой магнитный пропуск, чтобы пройти первый контрольный пункт охраны.

— Не сработает, солнышко.

Голос был слабым и слегка шепелявым.

— Раймонд, это вы? — Доминика не сразу заметила рыжеватого блондина из-за решетки на пункте охраны.

— Тепловой сканер.

Она ввела свой код, затем прижалась лицом к резиновой поверхности сканера, чтобы инфракрасный луч смог считать ее данные.

Дверь пункта охраны открылась.

Раймонд полулежал, откинувшись на спинку кресла. Его голову стягивала тугая повязка, закрывавшая нос. Глаза, украшенные синяками, заплыли.

— Господи, Рэй, что с вами такое случилось?

— Этот твой придурочный пациент ворвался в компьютерный зал и расквасил мне лицо. Сломал нос, ублюдок, и выбил два зуба.

— Это Мик вас так отделал? Почему?

— Да кой хрен знает? Он же псих. Посмотри на меня, Доминика. Как я теперь стану мистером Флорида, если у меня вместо лица один сплошной синяк? Богом клянусь, я доберусь до этого сукина сына, даже если это будет последним, что я сделаю в этом мире...

— Нет, вы этого не сделаете. Вы ничего ему не сделаете. Если с ним что-нибудь случится, я ни минуты не медля подам на вас в суд.

Раймонд угрожающе наклонился к ней.

— Так вот какие у нас с тобой отношения! Сначала ты меня отшиваешь, потом угрожаешь судом?

— Эй, я вас не отшивала. Я действительно была на совещании у Фолетты. А вы сами напросились на дежурства в ночную смену. Что же касается Майкла Гэбриэла, то он мой пациент, и я не позволю..

— Уже нет. Фолетта сегодня вечером говорил по телефону с твоим научным руководителем. Похоже, этот пациент с сегодняшнего дня уже не твой.

Проклятье, Оуэн, вот надо тебе все время быть такой пунктуальной.

— Фолетта еще здесь?

— В такое время? Шутишь, что ли?

— Рэй, послушайте, я знаю, что вы злитесь на Мика, но я... Я предлагаю вам... тебе сделку. Ты держишься от него подальше, а я помогу тебе подготовиться к конкурсу бодибилдеров. Я даже могу загримировать все твои синяки, так что судьи их даже не заметят.

Раймонд скрестил руки на мощной груди.

— Не пойдет. Ты мне задолжала свидание. — Он сверкнул желтыми зубами в усмешке. — И я говорю не о простом ужине в итальянской забегаловке. Я хочу развлечься, понимаешь, немного потанцевать, немного пофлиртовать...

— Одно свидание и все, поскольку меня флирт не интересует.

— Дай мне шанс, солнышко. Моему обаянию трудно сопротивляться.

Кожному грибку тоже.

— Одно свидание, и ты оставляешь Гэбриэла в покое.

— Согласен.

Она прошла мимо поста охраны к лифту.

Раймонд смотрел ей вслед, и в его глазах сверкнула хищная похоть, когда он задержал взгляд на ее ягодицах.

На седьмом этаже сидел только один охранник, и все его внимание было посвящено трансляции очередного матча Национальной лиги чемпионов.

— Привет, Марвис. Кто выигрывает?

Марвис Джонс оторвался от телевизора.

— «Кабс» поднялись на два места, теперь у них есть шанс попасть в восьмерку. А ты что тут делаешь в такое время?

— Пришла проведать своего пациента.

Марвис обеспокоенно нахмурился.

— Не знаю, Дом. Уже довольно поздно... — Рев трибун заставил его снова повернуться к экрану. — Черт, Фили слил мяч.

— Да ладно тебе, Марвис.

Марвис взглянул на часы.

— Вот что. Я закрою тебя с ним на пятнадцать минут, а когда придет сиделка с лекарствами, ты уйдешь.

— Договорились.

Охранник провел ее к палате 714, передал ей ручку-коммуникатор и показал на свой пейджер.

— Это тебе не помешает. Он в последнее время какой-то бешеный.

— Да нет, все будет в порядке.

— Бери ручку, Доминика, или я тебя не впущу.

Она прекрасно знала, что спорить с Марвисом бесполезно: его добродушность всегда соседствовала с упрямством, поэтому Доминика послушно положила ручку в карман.

Марвис нажал кнопку интеркома.

— Пациент, к вам посетитель. Я позволю ей войти, когда вы будете полностью одеты и сядете на край кровати. — Марвис заглянул в глазок. — О'кей, он готов. Прошу.

Он пропустил ее внутрь и закрыл за ней дверь.

Свет в комнате был приглушенным. Доминика видела лишь темную фигуру на краешке кровати.

— Мик, это Дом. Вы в порядке?

Мик прислонился спиной к стене. Доминика шагнула вперед и разглядела его лицо, распухшую левую щеку, заплывший глаз.

Ее сердце часто застучало.

— О господи, что они с вами сделали? — Она схватила полотенце, намочила его в холодной воде и прижала к его лицу.

— Ой.

— Простите. Вот, прижимайте это к глазу. Что случилось?

— Согласно официальной версии я поскользнулся в душе. — Он взглянул на нее с полуулыбкой, которая явно причиняла ему боль. — Я скучал по вас. Как дела в университете?

— Плохо. Мой куратор думает, что я не справляюсь со своими профессиональными обязанностями.

— Он считает, что я намеренно вызвал у вас эмоциональную привязанность, верно?

— Это она. Да, она именно так и считает. Так что с завтрашнего дня я буду заниматься другим пациентом. Простите, Мик.

Он взял ее ладонь и прижал ее руку к своему сердцу.

— Если это имеет для вас хоть какое-то значение, — прошептал он, — вы единственный человек, которого я подпустил к себе так близко.

Она сглотнула застрявший в горле комок. *Держи себя в руках, хоть сегодня.*

— А что случилось, пока меня не было? Я видела, что вы сделали с Раймондом.

— Он первый напал на меня.

— Говорят, вы не хотели уходить из компьютерного зала.

— Мне нужен был доступ к Интернету. — Он отпустил ее ладонь и достал из кармана несколько скомканных листов с распечатанным текстом. — Сегодня я получил основной кусочек мозаики пророчества. Настолько невероятный, что я должен был проверить факты, прежде чем принять это новое знание.

Она взяла распечатку из его рук и начала читать.

* * *

Кратер Чикишуб

В 1980 году лауреат Нобелевской премии Луи Альварес предположил, что причиной вымирания динозавров шестьдесят пять миллионов лет назад было космическое явление, которое стало причиной резкого изменения климата и эволюции на Земле. Теория была построена на результатах исследований тонкого слоя глины, который под всей поверхностью земного шара отмечает смену периодов на границе К/Т (критского (мелового) / третичного периодов). В этом тонком слое глины Альварес нашел аномально высокую концентрацию иридия, редкого металла, который содержится обычно в более глубоких слоях коры земного шара. Иридий — это единственный металл, способный не плавиться при температуре 4000 градусов по Фаренгейту,^[19] он не вступает в реакцию с кислотами, даже с самыми сильными. Тот факт, что столь высокая концентрация иридия обычно встречается в местах падения метеоритов, позволил Альваресу предположить, что иридий в глиняной прослойке на границе мезозоя и кайнозоя является результатом пылевой тучи, возникшей при столкновении огромного (диаметром около 10 км) астероида с поверхностью Земли, которое произошло 65 миллионов лет назад. Для доказательства своей теории Альваресу понадобилось лишь найти соответствующее место.

В 1978 году пилот вертолета, он же известный геофизик Глен Пенфилд, летел над Мексиканским заливом, заканчивая аэросъемку, необходимую для определения небольших колебаний магнитного поля Земли, обычно указывающих на залежи нефти. Неподалеку от северо-западного побережья полуострова Юкатан Пенфилд засек

симметричное кольцо залежей материала, обладающего сильными магнитными свойствами, которое расходилось на сотни миль вокруг и располагалось на глубине одной мили под поверхностью воды. Позже, при анализе этого огромного круглого участка, было обнаружено, что на самом деле он является кратером, возникшим в результате столкновения с Землей гигантского астероида и названным в честь городка между Прогрессо и Меридой Чикшулуб. Это было самое большое столкновение за миллионы лет существования Земли. Приблизительные координаты центра этого кратера, скрытого под водой, — $21,4^\circ$ северной широты и $89,6^\circ$ западной долготы, сам центр находится под трехсот — девятисотметровой толщиной известняка. Кратер огромен, диаметром около ста восьмидесяти — двухсот километров, его площадь охватывает северо-западное побережье полуострова Юкатан и весь Мексиканский залив. Наземная поверхность кратера окружена кольцом пресноводных источников. Коренные мексиканцы называют эти источники сенотами. По мнению ученых, подобные географические формирования Юкатана являются результатом смещения земной коры, вызванного столкновением с метеоритом. Шестьдесят пять миллионов лет назад большая часть Центральной Америки находилась под водой.

* * *

Доминика подняла от распечатки слегка раздраженный взгляд.

— Я не понимаю. Что в этом важного?

— Карта Пири Рея, та, которую я обнаружил на плато Наска. Она была заключена в иридиевый сосуд. И на ней отмечено месторасположение кратера Чикшулуб. Чичен-Ица расположена на наружной части корки этого кольца. Если провести линию от пирамиды Кукулькана к центру кратера, образованного метеоритом, она ляжет под углом $23,5^\circ$, — это угол наклона земной оси при вращении, который отвечает за смену времен года.

Снова та же песня.

— Хорошо, и что же все это значит?

— Что это значит? — Мик вскочил на ноги. — Это значит, что пирамида Кукулькана была преднамеренно размещена на полуострове

Юкатан, чтобы отметить расположение кратера Чикшулуб. Здесь нет никакой ошибки, Доминика. Возле места столкновения с астероидом нет больше ни одного древнего строения, а значение угла не может быть простым совпадением.

— Но откуда древние майя могли знать о столкновении с астероидом, которое произошло шестьдесят пять миллионов лет назад? Посмотрите, сколько современным людям понадобилось времени, чтобы обнаружить это.

— Я не знаю. Возможно, они использовали те же технологии, при помощи которых составлены карты Пири Рея, где береговая линия Антарктиды показана без учета ледяного покрова.

— И что вы думаете — что двадцать первого декабря человечество будет уничтожено огромным астероидом?

Мик опустил на корточки у ее ног, его лицо исказилось от боли.

— Человечеству угрожает не астероид. Повторное столкновение с подобным астероидом маловероятно, о подобном астрономическом казусе можно даже не думать. К тому же в пророчестве майя говорится о темном участке Млечного Пути, а не о космическом снаряде.

Он коснулся лбом ее колена. Доминика погладила его по затылку, пропуская сквозь пальцы каштановые волосы, грязные и липкие от пота.

— Может, вам лучше немного отдохнуть?

— Я не могу, мой мозг не позволит мне заснуть. — Он встал, прижимая компресс к пострадавшему глазу. — Что-то в расположении пирамиды Кукулькана всегда меня тревожило. Она не похожа на опорные точки Египта, Камбоджи и Теотиуакана. Эта пирамида всегда казалась мне стоящей не на своем месте, — словно самодовольный франт, который сторонится своих братьев и сестер без причины и вне общего замысла, ведь все ее сестры-пирамиды по всей Земле расположены практически на одном и том же расстоянии друг от друга. Теперь, думаю, я понял, в чем дело.

— Что поняли?

— Добро и зло, Доминика, добро и зло. Где-то в пирамиде Кукулькана спрятано добро — ключ к нашему спасению. А где-то в кратере Чикшулуб затаилась злобная сущность, которая набирает силу по мере приближения солнцестояния.

— Откуда вы знаете... простите, я забыла, что вы просто чувствуете это.

— Дом, мне нужна ваша помощь. Вы должны помочь мне выбраться отсюда.

— Я пыталась...

— Забудьте про апелляции, у нас нет времени. Мне нужно выбраться отсюда!

Он теряет контроль.

Мик схватил ее за запястье.

— Помогите мне сбежать. Мне нужно попасть в Чичен-Ицу...

— Отпустите меня! — Свободной рукой она вытащила ручку из кармана.

— Нет, подожди, не зови охрану...

— Тогда отпусти, ты пугаешь меня.

— Прости. Прости. — Он разжал пальцы. — Просто выслушай меня, хорошо? Я не знаю, что именно грозит человечеству, но знаю, какую роль в этом сыграл космический сигнал.

— Продолжай.

— Этот сигнал был чем-то вроде звонка будильника, посланного по космическому коридору, по Черной дороге, и должен разбудить то, что спрятано на дне залива.

Фолетта был прав. Его паранойя прогрессирует.

— Мик, успокойся. Здесь ничего не...

— Ты ошибаешься! Я чувствую это точно так же, как чувствую, что Черная дорога в Шибальбу открывается все шире. Эта тропа становится более четкой...

Он уже кричит...

— Я чувствую, как она расширяется, я не знаю, как это получается, но я клянусь в этом! И есть еще кое-что...

Она увидела, что в его глазах блестят слезы — слезы отчаянья или страха?

— Я чувствую чье-то присутствие на другом конце Черной дороги. И тот, кто стоит там, тоже меня чувствует!

Вошла сиделка в сопровождении огромных санитаров.

— Добрый вечер, мистер Гэбриэл. Пришло время принимать лекарства.

Мик посмотрел на шприц.

— Это не «зипрекса»!

Два санитары схватили его за руки, третий удерживал его ноги. Доминика беспомощно смотрела, как его скручивают.

— Сестра, что здесь происходит?

— Мистеру Гэбриэлу назначены три укола «торазина» в день.

— Три?

— Фолетта хочет превратить меня в овощ! Дом, не позволяй им... — Мик дико извивался на кровати, но санитары не давали ему двигаться. — Не позволяй им. Доминика, прошу...

— Сестра, я лечащий врач мистера Гэбриэла, и я...

— Уже нет. Доктор Фолетта отдал приказ. Можете поговорить с ним утром. — Сиделка протерла спиртом предплечье Мика. — Держите его крепче.

— Мы пытаемся. Делай уже укол...

Мик поднял голову, на шее вздулись вены.

— Дом, да сделайте же что-нибудь! Кратер Чикшулуб... Время же уходит, время уходит...

Доминика видела, как закатились его темные глаза, как голова бессильно упала на подушку.

— Вот так-то лучше, — проворковала сиделка, вынимая иглу. — А вам пора идти, интерн Вазкез. Ваши услуги мистеру Гэбриэлу уже не понадобятся.

21 октября 2012 года

Пентагон, Арлингтон, Вирджиния

Пьер Борджия вошел в зал совещаний и занял свое место за овальным столом — между министром обороны Диком Пристасом и начальником штаба американской армии генералом Джеймсом Адамсом. Прямо напротив него оказался директор ЦРУ Патрик Харли, министр воздушной обороны генерал Арне Коэн и министр военно-морского флота Джеффри Гордон — двухметровый здоровяк, начальник военно-морских операций, приветствовал Борджию быстрым кивком.

Генерал Большой Мик-Костоло, комендант морской пехоты, пришедший вместе с Борджией, занял место справа от Гордона.

Во главе стола сидел генерал Джозеф Фекондо, глава объединенного комитета начальников штабов и ветеран войн во Вьетнаме и Персидском заливе. Он провел загорелой рукой с отличным маникюром по коротко стриженным сидящим волосам и недовольно покосился на Борджию и Костоло.

— Ну, теперь, когда мы все наконец-то собрались, думаю, можно и начать. Командующий Харли?

Патрик Харли включил проектор, стоящий на кафедре для выступлений. Свет в комнате погас, и на огромном экране справа от начальника ЦРУ появилось черно-белое изображение со спутника.

Борджия сразу догадался о происхождении снимка по качеству. Это цифровое фото наверняка было получено при помощи тепловизионной камеры, вмонтированной на сверхсекретный летательный аппарат военно-воздушных сил «Даркстар». Хитроумный беспилотный летательный аппарат (БЛА), плоский, по форме напоминавший раковину, был оснащен непропорционально огромными крыльями. «Даркстар» поднимался на высоту двадцать

тысяч метров, откуда мог делать снимки крупного плана при любых погодных условиях в любое время суток.

На изображении возник красный прямоугольник. Харли направил его на нужный участок, затем увеличил выделенный сегмент изображения. На экране появилась школа, возле которой находилась парковка, огороженная практически глухой стеной.

Начальник ЦРУ прочистил горло.

— Те фотоснимки, которые вы сейчас увидите, были сделаны над северо-восточным пригородом Пхеньяна, города на западном побережье Северной Кореи. На поверхности этот объект ничем не отличается от обычной начальной школы. Но на глубине один и три десятых километра под парковкой находится подземный комплекс ядерных установок Ким Йонг Ила, точно такой же, как тот, что Северная Корея использовала для испытания первой баллистической ракеты дальнего радиуса действия. Мы подозреваем, что в этом комплексе могут находиться две новые ракеты «Тэпходон-2» — межконтинентальные баллистические ракеты радиусом поражения до четырех тысяч километров, которые могут нести несколько ядерных боеголовок.

Харли сменил фото на экране.

— «Даркстар» вел съемку этого комплекса на протяжении последних двух недель. Фотографии, которые я покажу вам, сделаны вчера вечером, между одиннадцатью и тринадцатью часами по времени Сеула.

Харли увеличил изображение, сфокусировав его на фигурах двух человек, стоящих у черного «мерседес-бенц».

— Джентльмен справа — это президент Ирана Али Шамхани. Джентльмен слева — это новый лидер Коммунистической партии Китая, бывший главнокомандующий их военных сил, генерал Ли Ксилианг. Пьер может рассказать вам, насколько этот человек предан идее коммунизма.

Харли пролистал еще несколько изображений, остановившись на фото человека, одетого в черное кожаное пальто. Тот смотрел вверх, словно зная, что в этот момент его снимают.

— Господи, — прошептал Борджия. — Это же Виктор Грозный.

— Который выглядит так, словно смотрит прямо в объектив, — добавил генерал Коэн.

— Шоу еще не закончено. — Начальник ЦРУ сменил изображение. — И звезда нашего вечера...

Борджия почувствовал, как участился его пульс.

— Ким Йонг Ил.

Харли включил свет и снова занял свое место за столом совещаний.

— Саммит Виктора Грозного, посвященный сдерживанию ядерной войны, состоялся несколько недель назад. Так что же заставило лидеров четырех стран, которые представляют в сумме тридцать восемь процентов ядерного оружия на планете, выбрать для своей встречи вполне определенное место в рамках строгой секретности?

Министр обороны Дик Пристас откинулся на спинку стула и отбросил со лба седую прядь.

— Адмирал Гордон, вы не поделитесь с остальными информацией, которую я сообщил вам чуть раньше?

Долговязый генерал ввел код в свой ноутбук.

— По последним данным со спутника, в Иране наращивают количество военных баз на побережье Персидского залива. Вдобавок к мобильным зенитно-ракетным и гаубичным установкам Иран недавно приобрел у Китая 46 патрульных крейсеров класса «Хадонг». Каждое судно оснащено китайскими противокорабельными ракетами класса С-802. Помимо этого, Иран, несмотря на протесты ООН, удвоил в своем арсенале количество ракет «Шелкопряд»^[20] и систем их наведения, а также продолжает наращивать производство ракетных батарей класса «земля — воздух» и «земля — земля» на островах Кешм, Абу-Муса и Сирри. Если говорить по существу, Иран планирует закрыть все подходы к Хормузскому проливу, а это площадь около пятидесяти километров.

— Иранцы заявляют, что эта гонка вооружений связана с намеченными на декабрь военными учениями Грозного, — заявил министр обороны Пристас. — Конечно, при таком раскладе, если начнутся военные действия на Ближнем Востоке, иранцы не позволят нашему флоту войти в Персидский залив.

— Не хочу нагнетать обстановку, но что насчет ядерного оружия? — Генерал Мик Костоло, комендант морской пехоты, оттолкнулся руками от стола. — Израиль обвиняет Грозного в том, что

он продал иранцам самонаводящиеся ракеты с ядерными боеголовками, когда помогал вести переговоры по Средневосточному мирному договору в две тысячи седьмом году.

Адмирал Гордон повернулся к Костоло.

— У Ирана есть возможность, как военная, так и географическая, занять новые территории, если на Ближнем Востоке начнется война. Но если война начнется, России придется признать его господство на Ближнем Востоке, а она на это не пойдет.

— Но Грозный определенно выглядит так, словно готовится к атомной войне.

— Пьер, Россия готовится к атомной войне на протяжении последних шестидесяти лет, — вмешался генерал Фекондо. — Давайте не забывать о том, что именно наш противоракетный щит спровоцировал обострение их паранойи.

— Здесь могут быть задействованы и иные скрытые мотивы, о которых стоит подумать, генерал, — заметил начальник ЦРУ — Управление национальной безопасности перехватило разговоры премьер-министра России Макашова и министра обороны Китая. Темой разговора был какой-то новый вид стратегического оружия.

— Какой именно тип? — спросил Пристас.

— Упоминалось слово «синтез», но больше ничего.

* * *

Остров Санибел,

Западное побережье Флориды

Доминика сбавила газ; послушный «пронто-спайдер» зашуршал на скорости пятьдесят миль в час, когда она проезжала в ворота моста, ведущего к острову Санибел. Электронные сенсоры зафиксировали номерную табличку и идентификационный номер автомобиля, информация тут же улетела в министерство транспортных средств, которое добавит стоимость горючего к ее ежемесячным счетам. Доминика проехала с той же скоростью еще пару километров, зная,

что до сих пор находится в зоне действия направленного радара, а затем погнала «спайдер» через мост, соединяющий острова Санибел и Каптив, жилую и курортную зоны на крошечном острове в северной части Мексиканского залива и побережье Флориды. Она ехала на север по темной однополосной трассе, затем повернула на восток, проехав мимо нескольких больших отелей, и лишь тогда оказалась в зоне жилых построек.

Эдит и Изадор Акслеры жили в двухэтажном доме, расположенном на полуакре земли, выступавшем в Мексиканский залив. Красные резные панели, покрывающие дом, придавали ему вид большого праздничного фонарика, причем ночью эта иллюзия усиливалась. Однако на самом деле эта обшивка предохраняла дом от ураганов, создавая эффект «дома в доме».

Южное крыло дома Акслеров было переделано в сложную акустическую лабораторию, одну из трех в этом проливе, связанных с SOSUS, системой гидроакустического наблюдения, созданной военно-морскими силами США. Сеть подводных микрофонов, предназначенная для отслеживания вражеских подлодок, появилась по инициативе федерального правительства во времена холодной войны и обошлась флоту в 16 миллиардов долларов. На глобальную сеть между морскими базами ушло около 30 000 миль кабеля.

В начале девяностых военная потребность в SOSUS начала угасать, а ученые, университеты и частные предприятия успешно выпросили эту сеть для исследования подводного мира. Теперь ученые могли слышать сверхнизкие частоты, с которыми ломались айсберги, колебания морского дна и извержения подводных вулканов — звуки, которые в обычных обстоятельствах находятся за пределами человеческого слуха.

Для морского биолога, каким был и Из Акслер, SOSUS стала новым способом изучения одной самых разумных форм жизни на планете: китовых. При помощи национальной службы по управлению водными ресурсами и дикой природой США дом Акслера превратился в акустическую станцию SOSUS, которая занималась наблюдением исключительно за китовыми, обитающими в Мексиканском заливе. Используя SOSUS, Акслер мог записывать и анализировать записи голосов китов, идентифицировать особи, подсчитывать популяции и даже наблюдать объекты по всему Северному полушарию.

Доминика свернула налево, развернулась в тупике, потом выехала направо, к нужному подъезду. Знакомый звук гальки, хрустящей под весом автомобиля, успокоил ее.

Эдит Акслер обняла девушку, как только откидной верх автомобиля со щелчком закрылся за ней. Эдди — статная седоволосая женщина, ей уже исполнилось семьдесят; ее карие глаза светились мудростью учительницы, а теплая улыбка была воплощением материнской любви.

— Привет, куколка. Как поездка?

— Нормально. — Доминика крепко обняла свою приемную мать.

— Что-то случилось? — Эдит шагнула назад и заметила слезы на ее лице.

— Ничего, я просто очень рада вернуться домой.

— Не считай меня марзматишной бабушкой. Это все твой пациент, верно? Как его там... Мик?

Доминика кивнула.

— Мой бывший пациент.

— Давай поговорим, пока Из не пришел. — Эдит провела ее по выходящему на залив коридору на южную сторону их участка. Возле бетонного причала покачивались две лодки: та, что поменьше — десятиметровый рыбацкий катер, — принадлежала Акслерам.

Они присели рядом, рука в руке, на деревянную скамейку, развернутую к заливу.

Доминика смотрела на серовато-белого пеликана, который устроился на столбе причала.

— Я помню, что когда была маленькой, какие бы неприятности со мной ни произошли, ты всегда приводила меня сюда.

Эдди кивнула.

— Это место всегда было моим любимым убежищем.

— Ты говорила: «Не так уж все и плохо, если можно любоваться таким прекрасным видом». — Доминика указала на грубоватый пятнадцатиметровый траулер, покачивающийся на волнах рядом с катером Акслеров. — Чья это лодка?

— Принадлежит Клубу охотников за сокровищами Санибела. Помнишь Рекса и Дори Симпсонов? Из оплатил им это место. Видишь брезентовый чехол на палубе? Под ним маленькая субмарина,

рассчитанная на двоих человек. Если хочешь. Из завтра тебя на ней покатает.

— На мини-субмарине? Это было бы здорово.

Эдди сжала ладонь дочери.

— Хорошо, а теперь расскажи мне про Мика. Почему ты так расстроена?

Доминика вытерла слезы.

— С тех пор как этот толстозадый урод Фолетта снял меня с должности, он держит Мика на больших дозах «торазина». Боже, Эд, это так жестоко, а я не могу... я даже смотреть на него теперь не могу. Он такой... Он просто сидит там, примотанный к инвалидному креслу, словно «овощ» на колесиках. Фолетта каждый вечер вывозит его во двор и просто оставляет там или в зале для занятий прикладным искусством, словно Мик какой-то слабоумный пациент дома престарелых.

— Дом, я знаю, что забота о Мике очень много для тебя значит, но помни, что ты всего лишь человек. И ты не можешь спасти весь мир.

— Что? Что ты сказала?

— Я имела в виду, что ты как психиатр не можешь ожидать от себя возможности спасти всех пациентов, с которыми тебя сводит работа. Ты работала с Миком около месяца. Но нравится тебе или нет, от тебя ничего не зависело. Нужно знать, когда отступить.

— Ты слишком хорошо меня знаешь. И я не могу просто отступить, когда с кем-то жестоко обращаются.

Эдди снова сжала ладонь дочери. Они помолчали, глядя на пеликана, хлопающего крыльями, пытаясь сохранить равновесие на вершине столба.

Не могу отступить, когда с кем-то жестоко обращаются. Это были ее собственные слова, и теперь, когда Эдди снова их услышала, она вспомнила, как в ее жизни появилась испуганная маленькая девочка из Гватемалы. Тогда Эдди работала на полставки школьной медсестрой и психологом. Десятилетнюю девочку привели к ней с жалобами на боль в животе. Эдит держала ее за руку, пока боль не прошла. Это простое проявление материнской заботы навсегда привязало Доминику к женщине, чье сердце разбилось, когда она узнала, что эта маленькая девочка подверглась сексуальному насилию со стороны старшего кузена. Эдди тут же подала рапорт и стала

опекуном девочки. Шесть месяцев спустя они с Изом удочерили Доминику.

— Ладно, куколка, расскажи мне, что мы можем сделать, чтобы помочь Мику.

— Есть только один выход. Нужно забрать его оттуда.

— Под словом «забрать» ты подразумеваешь перевод его в другую клинику?

— Нет, я имею в виду именно забрать его. Вообще.

— Устроить ему побег?

— Ну, вообще-то да. Мик, может, немного и запутался, но он не сумасшедший. И ему не место в психиатрической лечебнице.

— Ты уверена? Я спрашиваю, потому что не слышу уверенности в твоём голосе. Разве не ты говорила мне, что Мик уверен, будто мир приближается к своему концу?

— Не мир, а человечество, и да, он в это верит. Он просто немного параноик, но это, скорее всего, результат одиннадцатилетнего одиночного заключения.

Эдди смотрела, как Доминика ерзает на скамейке.

— Ты мне чего-то недоговариваешь.

Доминика повернулась к ней лицом.

— Это прозвучит глупо, но, похоже, многие маниакальные заявления Мика оказались правдой. Вся его теория о конце света построена на пророчестве майя, сделанном три тысячи лет назад. Я сейчас читаю дневник его отца, и некоторые его открытия просто потрясают. Мик практически предсказал тот радиосигнал из космоса, принятый в день осеннего равноденствия. Эд, когда я жила в Гватемале, моя бабушка много рассказывала мне о предках нашего народа. И то, что она рассказывала, меня пугало.

Эд улыбнулась.

— А теперь ты начинаешь пугать меня.

— Ой, да знаю я, что это просто предрассудки и глупости, но чувствую, что ради Мика я должна хотя бы проверить некоторые факты. Это поможет ему справиться со своими страхами.

— Какие факты?

— Мик уверен, что та штука, которая собирается уничтожить человечество, спрятана на дне Мексиканского залива.

Доминика достала из кармана несколько сложенных страниц и протянула их Эдди. Та взглянула на распечатку.

— Кратер Чикшулуб? Ну и как место, скрытое под милей морского дна и поверхностью воды, может уничтожить человечество?

— Я не знаю, и Мик не знает, но я надеялась...

— Ты надеялась, что Из сможет проверить это место при помощи SOSUS.

Доминика улыбнулась.

— И это поможет *мне* почувствовать себя гораздо лучше.

Эдди обняла дочь.

— Пойдем. Из до сих пор сидит в лаборатории.

* * *

Профессор Изадор Акслер, надев наушники, сидел на станции SOSUS. Его лицо, покрытое возрастными пятнами, было спокойным и безмятежным, когда он, закрыв глаза, вслушивался в охотничьи песни китов.

Доминика похлопала его по плечу. Из открыл глаза; в его тонкой седой бороде сверкнула улыбка, когда он снимал наушники.

— Горбатые киты.

— Это так мы теперь здороваемся? Киты-горбачи?

Из поднялся и обнял ее.

— Выглядишь усталой, детка.

— Я в порядке.

Эдди шагнула к ним.

— Из, Доминика хотела попросить тебя об услуге.

— Что, еще об одной?

— А когда я в последний раз что-то просила?

— Когда тебе было шестнадцать. И просила ты купить машину.

Самая страшная ночь в моей жизни. — Из погладил ее по щеке. — Говори.

Она протянула ему распечатку о кратере Чикшулуб.

— Мне нужно, чтобы ты воспользовался SOSUS и сказал мне, что там слышно.

— А к чему именно мне стоит прислушиваться?

— Не знаю. Ко всему необычному, наверное.

Из посмотрел на нее со своим фирменным «хватит тратить мое время» выражением лица и нахмурился.

— Из, хватит на нее тарашиться, просто сделай то, о чем она просит, — скомандовала Эдди.

Почтенный биолог снова уселся на стул, бормоча:

— Ко всему необычному, а? Да неужто мы наконец услышим, как киты пукают?

Он ввел координаты в компьютер, переключил наушники в другое гнездо.

Доминика обняла его сзади, поцеловала в щеку.

— Ладно, ладно, хватит нежностей. Слушай, детка, я не знаю, что ты там ищешь, но этот кратер занимает огромную площадь. Я сейчас настроюсь на его центральную точку, она должна находиться где-то возле шельфа Кампече, к юго-востоку от рифа Алакан. Я запрограммирую компьютер на низкочастотный поиск. Начнем от 1 до 50 Гц, потом постепенно расширим поле. Проблема в том, что мы фокусируемся на территории, заполненной нефтяными и газовыми полями. Под заливом сплошной известняк и песчаник, в котором тысячи геологических ям. Нефть и газ периодически вырываются из трещин в морском дне, и SOSUS будет реагировать на все подобные утечки.

— Так что ты предлагаешь?

— Я предлагаю пойти пообедать. — Из закончил вводить программу в компьютер. — Система автоматически настроится на любые акустические волнения в той местности.

— А как ты думаешь, сколько времени понадобится SOSUS, чтобы что-нибудь найти? — Эта фраза подарила Доминике еще один пламенный взгляд.

— Я тебе что, господь боженька? Несколько часов, дней, недель, а то и вечность. Какая тебе разница? В конце концов, мы наверняка получим только бесполезный шум общего фона.

* * *

Вашингтон, округ Колумбия

Метрдотель включил свою фирменную улыбку, когда во французский ресторан вошел четвертый из самых влиятельных людей США.

— *Bon-soir, monsieur Борджия.*

— *Bon-soir, Филуне.* Думаю, меня ожидают.

— *Oui, certainement.* Разумеется. Следуйте за мной. — Метрдотель провел его мимо столиков со свечами в канделябрах в отдельный кабинет рядом с баром. Дважды постучав в двустворчатые двери, он повернулся к Борджии. — Ваши друзья ждут.

— *Merci.* — Борджия сунул двадцатку в затянутую перчаткой руку, когда дверь открылась изнутри.

— Пьер, входи. — Соучредитель Республиканской партии Чарли Майерс пожал ему руку и хлопнул по плечу. — Опять опоздал. Мы уже пропустили пару кругов без тебя. Что будешь — «Кровавую Мэри»?

— Да, с удовольствием. — Кабинет был обит ореховыми панелями, как и остальные залы ресторана. В этой звуконепроницаемой комнате стояли полдюжины столов с белыми скатертями. За центральным сидели двое мужчин. Старший, седоволосый джентльмен, — Джозеф Х. Рэндольф-старший, тexasский миллиардер, который заменял Пьеру отца и брата вот уже больше двадцати лет. Сидящего напротив него крепко сбитого мужчину Борджия не узнал.

Рэндольф поднялся и обнял его.

— Счастливчик Пьер, рад тебя видеть. Дай-ка на тебя посмотреть... Потяжелел на несколько фунтов, да?

Борджия покраснел.

— Совсем немного.

— Присоединяйся к клубу. — Тяжеловесный мужчина поднялся, протягивая толстую ладонь. — Пит Мабус, «Мабус Энтрерпрайз», город Мобил, Алабама.

Борджия знал это имя — главный поставщик министерства обороны.

— Рад знакомству.

— Взаимно. Садись с нами, сейчас будет новая раздача.

Чарли Майерс принес Борджии коктейль.

— Джентльмены, простите, но природа зовет меня в комнату для мальчиков.

Рэндольф подождал, пока Майерс выйдет из комнаты.

— Пьер, я видел твоих ребят в Реобете, в Мэриленде. Мы все очень расстроены тем, что не ты стал новым вице-президентом. Меллер оказал нашей партии медвежью услугу.

Борджия кивнул.

— Президент сейчас думает о перевыборах. Аналитики утверждают, что Чейни принесет ему необходимую поддержку партий Юга.

— Меллер не видит дальше своего носа. — Мабус поднял пухлый указательный палец. — Что стране действительно нужно, так это сильный лидер, а не божий голубочек типа Чейни и его подручных.

— Я совершенно согласен, но лучше об этом молчать.

Рэндольф придвинулся ближе.

— Может, пока что и лучше, сынок, но через четыре года у тебя появится возможность высказаться. Я уже поговорил с некоторыми влиятельными людьми, и есть довольно большой шанс, что ты возглавишь партию в две тысячи шестнадцатом.

Борджия сдержал улыбку.

— Джо, я искренне рад это слышать, но четыре года — долгий срок.

Мабус покачал головой.

— Тебе нужно готовиться уже сейчас, сынок. Приближающиеся русско-китайские военные маневры разозлили чертову кучу народу, и из этой злости может вырасти новый кандидат на президентский пост.

— Пит прав, Пьер. То, как публика воспримет действия твоей команды на протяжении этих нескольких месяцев, может предопределить результат следующих выборов. Публике нужна властная рука, свой парень, который не позволит этим проклятым русским и грязным ниггерам диктовать нам, как нужно править страной. Черт, у нас не было сильной руки в Белом доме с тех пор, как Буш сложил полномочия.

Мабус наклонился к нему так близко, что Борджия мог по запаху определить, что тот ел на обед.

— Пьер, этот конфликт дает нам прекрасную возможность показать народу силу твоего характера.

Борджия отодвинулся.

— Понятно.

— Хорошо-хорошо. А теперь нужно прояснить еще одно дельце. Определенный скелет из твоего шкафа.

Рэндольф закурил.

— Этот парень, Гэбриэл, которого засадили в психушку за нападение на тебя. Как только твоя кандидатура будет выдвинута на пост президента, пресса тут же начнет рыть землю носом. И довольно скоро они поймут, что именно ты сотворил в Массачусетсе. После чего начнутся грязные разборки.

Борджия густо покраснел.

— Посмотрите на этот глаз, мистер Мабус. Этот свихнутый сукин сын лишил меня глаза. А теперь вы хотите, чтобы я выпустил его на свободу?

— Пьер, слушал бы ты внимательнее. Пит не сказал ни слова о том, чтобы его отпустить. Просто избавься от лишнего груза перед кампанией. У всех нас есть свои скелеты в шкафу. Мы лишь хотим, чтобы ты вытащил свои и закопал их поглубже... мистер президент.

Борджия глубоко вздохнул и кивнул.

— Я понимаю, к чему вы клоните, джентльмены, и благодарен за вашу поддержку. Думаю, что знаю, как следует поступить.

Мабус протянул руку для рукопожатия.

— Мы вам тоже благодарны, мистер секретарь штата. И верим в то, что, когда придет время, вы не забудете своих друзей.

Борджия пожал потную ладонь Мабуса.

— Скажите честно, джентльмены, если не брать в расчет политический вес моей семьи... Насколько тот факт, что сенатор Чейни родился черным, повлиял на выбор моей кандидатуры?

Рэндольф сверкнул знакомой усмешкой.

— Скажем так, сынок, некоторые люди хотят, чтобы Белый дом был белым не только по названию.

ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА

Плато Наска на юге Перу — это бесплодная пустыня длиной сорок миль и шесть миль в ширину. Безлюдная суровая равнина, мертвая зона у подножия Анд. Уникальной геологической особенностью этого места является высокое содержание в почве такого натурального связывающего материала, как гипс. Каждое утро его увлажняет роса, от взаимодействия с которой гипс буквально фиксирует камни, содержащие железо и кремнезем, — они и образуют поверхность пустыни. Эти черные булыжники нагреваются на солнце, горячий воздух поднимается вверх, создавая над плато защитный покров, который практически нейтрализует воздействие ветра. Благодаря этому эффекту плато является одним из самых засушливых мест на земле, где норма осадков составляет меньше трех сантиметров в декаду.

Для художника, желающего достичь вечного величия, плато Наска является прекрасным полотном, поскольку любой рисунок, сделанный на его поверхности, останется неизменным. Однако до 1947 года ни древний художник, ни его творения были неизвестны, и лишь когда первый пилот пролетел над этим плато, современные люди узнали о существовании загадочных рисунков и геометрических фигур, вырезанных в перуанский ландшафт тысячи лет назад.

Пустыню Наска пересекают около тринадцати тысяч линий. Некоторые рисунки по размеру достигают пяти и больше миль, однако проведенные по неровной поверхности линии каким-то чудом остаются прямыми. Кому-то нравится верить, что эти линии представляют собой доисторические посадочные полосы для древних астронавтов, поскольку теперь известно, что они астрономически выверены и связаны с зимним солнцестоянием, равноденствиями, созвездием Ориона и, возможно, небесными телами, которые человечество до сих пор не открыло.

Еще более странными кажутся сотни изображений животных. С земли эти колоссальные зооморфные рисунки кажутся всего лишь случайным набором борозд и линий в местах, где тонны черных вулканических камней были сдвинуты в сторону, обнажая желтую

гипсовую почву. Но с высоты рисунки Наска «оживают», открывая уникальный художественно-инженерный ансамбль, остававшийся неизменным на протяжении тысячелетий.

Рисунки на плато Наска создавались в течение двух разных периодов времени. К тому же странно, при нашем понимании эволюции, что более ранние рисунки являются куда более совершенными. Это изображения обезьяны, паука, пирамиды и змеи. Удивительна не только точность изображения, но и сами фигуры, каждая из которых по размерам превышает футбольное поле. При этом все они созданы из неразрывных линий.

Кем были загадочные художники, создавшие эти изображения в пустыне? Как им удалось добиться такой исключительной точности при таких масштабах? И самое главное: что и зачем заставило их создать эти рисунки на плато?

* * *

Летом 1972 года я, Мария и Пьер впервые ступили на землю этой проклятой южноамериканской пустыни.

В то время мы интересовались рисунками: нашей целью было установить, какое отношение могут иметь вытянутые черепа Месоамерики к тем, что были найдены в Наска. Я до сих пор не забыл первой недели своей работы на этом плато — я буквально купался в поту, а перуанское солнце, которое превратилось в ежедневную пытку, жгло мое лицо и руки. Если бы вы сказали мне тогда, что я когда-нибудь по своей воле вернусь в это чистилище из песка и камня, чтобы прожить здесь остаток своих дней, я назвал бы вас сумасшедшими.

Сумасшествие.

Даже написать это проклятое слово для меня проблематично. До сих пор вы наверняка не раз задавались вопросом, что же именно вы читаете — труды ученого или записки сумасшедшего. Должен признаться, ни дня не проходит, чтобы я сам не задавался этим вопросом. Если я действительно сошел с ума, то это произошло по вине Наска с ее непрекращающейся жарой, от которой плавился мозг, с ее пустошью, от которой артрит на долгие годы вьелся в мои кости. Мой последний шанс обрести мир с самим собой был утрачен, когда я

привез свою семью в эту пустыню. Я молюсь лишь о том, чтобы Майкл простил меня за утраченное в этой адовой дыре детство и за другие незаслуженные обиды, которые он испытал по моей вине.

С лета семьдесят второго до зимы семьдесят четвертого наша троица усиленно трудилась на плато Наска, выкапывая сотни деформированных черепов из древнего ритуального захоронения, найденного неподалеку от подножия Анд. Тщательное исследование каждого черепа показывало одно и то же — деформация была приобретенной, результатом затягивания черепа в раннем детстве в деревянные колодки. Стоял январь семьдесят четвертого, когда чуть ближе к Андам мы обнаружили царское захоронение. Стены этой великолепной гробницы были выполнены из огромных каменных колонн, весивших от десяти до двадцати тонн каждая. В подземной гробнице нашли тринадцать мужских мумий, все с вытянутыми черепами. Наш восторг был неопишем, когда после рентгена и прочих анализов выяснилось, что в этот раз, как и в случае с черепом, найденным Марией в Ла Вента, форма черепов была результатом генетики!

Открытие новой человеческой расы было настолько же спорным, насколько интригующим. Узнав о нашей находке, президент Перу приказал поместить все найденные нами артефакты в подземное хранилище Археологического музея в Ице, запретив включать их в экспозиции. (До сих пор эти черепа доступны для просмотра при получении соответствующего пропуска.)

* * *

Что же это была за таинственная раса? Чем обусловлена форма их черепов, вдвое превосходящих обычные по размеру?

Мы знаем, что первыми людьми, освоившими регион Анд, были охотники и рыбаки, которые расселились по перуанскому побережью около 10 000 лет до нашей эры. Затем, около 400 до нашей эры, на плато Наска прибыла еще одна группа людей. Об этих таинственных людях нам известно немного, лишь то, что они стали вождями, известными как виракоча, — полубогами, которые, по легенде, мигрировали в Южную Америку сразу после Великого потопа.

Виракоча описываются как белокожие мудрецы с темно-синими глазами, развевающимися длинными белыми бородами и светлыми волосами. Эти древние правители определенно обладали высокоразвитым интеллектом, имели увеличенный череп; без сомнения, довольно странная внешность повлияла на их последователей, в результате чего появился обряд деформации черепа, который должен был сделать людей похожими на их правящих вождей.

Физическое сходство между виракоча и великим учителем майя, Кукульканом, слишком велико, чтобы его игнорировать. Тот факт, что высокий бородатый европеоид присутствует в легендах множества других древних культур Анд, ведет к иным доказательствам того, что между индейцами Месоамерики и Южной Америки существовала связь.

Самая развитая индейская цивилизация — инки — существовала в гористых джунглях Южной Америки. Как и у майя, у них был великий учитель, мудрый человек, который принес людям науку, познакомив с земледелием и архитектурой. Известно также, что большинство искусств и умений, приписываемых инкам, изначально принадлежали бородатому европеоиду, который привел их народ к созданию великих дорог инков и технике знаменитых сельскохозяйственных террас, разбитых на крутых склонах гор. Бородатым был и художник, который создал самые древние, самые совершенные рисунки на плато Наска. У различных народностей в регионе Анд он известен под разными именами. Сами инки называли его просто Виракоча, что означает «морская пена».

Как Кукулькан у майя и Кетцалькоатль у ацтеков, Виракоча является самой значительной фигурой на протяжении всей истории инков. Были ли виракоча 400 года до нашей эры его предками? Мог ли он быть дальним родственником Кукулькана? А если так, то имело ли его присутствие в Южной Америке какое-либо отношение к предсказанию из календаря майя?

В поисках ответов мы оставили плато Наска и направились в Анды, чтобы исследовать два древних города, которые, по легендам, были созданы богами инков. Первым местом, которое нас интересовало, была крепость Саксайуаман, огромное строение к северу от Куско. Как и в королевской гробнице, стены этой поражающей воображение крепости состояли из гигантских

неравномерных гранитных блоков, с удивительной точностью прилежавших друг к другу, — мне не удалось просунуть между ними даже лезвие ножа.

Приходится напрягать воображение, думая о том, как индейцы Анд смогли транспортировать камни весом сто или более тонн от каменоломни до нужного места, на расстояние более пятнадцати километров по гористой местности, а затем с подобной точностью подогнать блоки при возведении крепости. (Один из девятиметровых монстров весит больше 280 тонн.) Археологи, которые все еще пытаются объяснить эту почти невероятную точность, попробовали повторить хоть одну частицу наследия Виракочи, для чего решили перевезти один из камней из дальней каменоломни, используя современные технологические средства и небольшую армию добровольцев. Но до сегодняшнего дня все подобные попытки завершаются полной неудачей.

Известно, что крепость Саксайуаман была построена для того, чтобы защитить своих обитателей от враждебных сил. Но истинная причина постройки Виракочей другого чуда в горах Анд, древнего города Тиуанако, до сих пор остается загадкой.

На высоте 3750 метров над уровнем Тихого океана, в Андах Боливии, на берегу высочайшего в мире судоходного озера Титикака расположились руины города Тиуанако. После знакомства с восхитительным достижением инженерного искусства, которое я увидел в крепости Саксайуаман, готов поклясться, что ничто на свете уже не может удивить меня. Город Тиуанако оказался просто ошеломляющим. Основной ансамбль этого древнего города составляют три известняковых храма и четыре других строения, состоящие из чередующихся серий вертикальных и горизонтальных прямоугольных плит. Как и в Саксайуаман, большая часть зданий сложена из невероятно больших глыб, аккуратно пригнанных друг к другу.

Но в Тиуанако спрятано гораздо больше, чем можно заметить невооруженным глазом. Здесь находится скрытое послание — послание, которое может в будущем спасти все человечество.

Над городом возвышаются остатки Акапана — ступенчатой пирамиды, стодевяностопятиметровые грани которой точно ориентированы по сторонам света. Предназначение Акапана, увы,

остаётся загадкой, поскольку испанцы, вторгшиеся в город, использовали это здание вместо каменоломни, растащив около девяноста процентов облицовки храма.

Самой изумительной конструкцией в Тиуанако являются *Врата Солнца*, огромная каменная арка весом около ста тонн. Это гигантское произведение искусства находится на северо-западной окраине города и выглядит как доисторическая Триумфальная арка. Как его создатель смог перевезти этот гигантский каменный блок на расстояние нескольких километров, какими инструментами он пользовался для того, чтобы прорезать проход в камне, и как он потом установил эту глыбу вертикально, лишь одному богу известно.

В городе сохранилось много огромных колонн. В центре прямоугольного мощёного камнем углубления стоит двухметровая красная скала, на которой изображен сам Виракоча. Здесь находим и удлинённый череп, и выпуклый лоб, и прямой нос, и скрытую бородой нижнюю челюсть. Руки его скрещены и прижаты к телу. К тому же завершающий штрих тоже достоин упоминания: по бокам мантию этого мудреца украшают две змеи, изображения которых во многом совпадают с теми, что часто встречаются в Месоамерике.

Наиболее спорным строением Тиуанако считается Каласасайя, прямоугольная площадка в центре города, окружённая огромными стенами. Точнее, это четырёхметровые каменные блоки, расположенные на строго выверенном расстоянии друг от друга. Пьер решил, что Каласасайя раньше служила крепостью, Мария считала иначе, узнав выравнивание монолитных блоков — по тому же принципу расположены блоки Стоунхенджа.

Как обычно, Мария оказалась права. Каласасайя была не крепостью, а астрономической обсерваторией, возможно, древнейшей в мире.

Так что же все это значит?

Через пять лет после окончания Кембриджа мы с коллегами-археологами обнаружили удивительные доказательства того, что некая высшая раса европеоидов повлияла на развитие истории как месоамериканских индейцев, так и индейцев Южной Америки. Эти бородатые люди с генетической деформацией черепа каким-то образом спроектировали и сконструировали множество великолепных строений, предназначение которых ставит нас в тупик.

Мария была уверена, что план обсерватории Каласасайя слишком близок к плану Стоунхенджа, чтобы оказаться простым совпадением. Она считала, что нам необходимо отправиться на восток, по следам древней мудрости этой расы европеоидов, и посмотреть, к чему мы придем в итоге.

Пьер Борджия этому вовсе не был рад. Двух лет в Наска было более чем достаточно для удовлетворения его жажды заниматься археологией, к тому же его благородное семейство давило на него, заставляя вернуться в Штаты и начать строить политическую карьеру. Проблема состояла в том, что он любил Марию, и на весну того года, кстати говоря, была назначена их свадьба.

Но Мария, хоть и любила Пьера, не могла расстаться со своей мечтой — разгадать пророчество майя — и настаивала на поездке к Стоунхенджу, к которому вел след бородатых мудрецов.

Мысль о возвращении в Англию была заманчивой, так что я забронировал билеты на рейс, и мы направились к следующему поворотному пункту нашего пути. Я уже знал, что это навеки разрушит наш маленький триумвират.

Выдержка из дневника профессора Юлиуса Гэбриэла.

Источник: Каталог 1972–1975, страницы 6–412.

Магнитный диск № 4, Фотодневник:

имя файла НАСКА, фото 35 и 109

26 октября 2012 года

Остров Санибел, Флорида

Воскресенье, 5:20

— Дом, проснись!

Доминика открыла глаза, сквозь зевок поинтересовавшись:

— Что случилось?

— Из ждет тебя в лаборатории. SOSUS что-то засекала.

Вздрогнув от волнения, она рывком сбросила одеяло и пошла за Эдди вниз по лестнице, в акустическую лабораторию.

Из сидел за терминалом спиной к ней, с наушниками на голове, а звуковая система вела запись данных.

Из развернулся на стуле, и Доминика заметила, что он одет только в пижаму и тапочки, пряди его седых волос дико торчат во все стороны, особенно вокруг наушников. При всем этом выражение его лица было настолько серьезным, что она чуть не рассмеялась этому контрасту.

— Перед тем как идти спать, я проверял систему. Единственным «необычным», что засекала SOSUS, была мертвая зона, область, лишенная морских форм жизни. Само по себе это вполне обычно. В заливе каждое лето возникают «мертвые зоны» — в тех местах, где погибает планктон, который должен фильтровать загрязненную воду, остается слишком мало кислорода. Но обычно эти зоны возникают у берегов Техаса и Луизианы и никогда не образуются в настолько глубоких местах. Как бы то ни было, я перепрограммировал SOSUS, направил исследование на эту конкретную площадь и оставил систему на ночь в режиме поиска. — Из снял наушники и протянул их ей. — Послушай-ка это.

Она услышала своеобразное статическое клацанье, с которым обычно перегорают лампы дневного света.

— Похоже на белый шум.

— Об этом я и говорил. Продолжай слушать. — Из сменил настройки, выбрав более высокую частоту.

Белый шум исчез. Теперь Доминика слышала непрерывный стучащий металлический звук.

— Ого. А вот это уже похоже на гидравлику.

Из кивнул.

— Спроси свою маму, она подтвердит, что я сказал о нем то же самое. Честно говоря, я думал, что SOSUS засекла лежащую на дне подводную лодку. Потом перепроверил направление. — Из протянул ей компьютерную распечатку. — Акустический сигнал идет не с поверхности морского дна, он идет *из-под* поверхности. Рождается на глубине тысяча четыреста четыре с половиной метра ниже уровня дна, если быть точным.

Сердце Доминики суматошно заколотилось.

— Но как такое возможно...

— А это ты мне скажи. Что такое я слышу, Доминика? Это, должно быть, шутка, потому что если это правда...

— Из, прекрати молоть чепуху. — Эдди ободряюще обняла Доминику за талию. — Дом понятия не имеет, что ты там нашел. Информация о том месте была получена... ну, от друга.

— Что это за друг? Я хотел бы с ним увидеться.

Доминика потеряла сонные глаза.

— Это невозможно.

— Почему? Эд, что тут вообще происходит?

Доминика взглянула на Эдди, та кивнула.

— Он... Он мой бывший пациент.

Из перевел взгляд с Доминики на жену, потом опять посмотрел на Доминику.

— Твой друг психически больной. Ой, вей...

— Из, ну какая разница кто он? Ты же что-то нашел, верно? И нужно исследовать...

— Потихе, детка. Я не могу вот так просто связаться с Национальным управлением океанографии и атмосферы и заявить, что обнаружил звуки гидравлического происхождения в миле под

шельфом Кампече. Первое же, о чем они меня спросят, будет «а как, собственно, я нашел эту акустическую аномалию?» И что я должен им сказать — что какой-то псих передал моей дочери координаты этого места прямо из психпалаты?

— А если бы эти координаты тебе передал Стивен Хокинг,^[21] ситуация в корне изменилась бы?

— Да, вообще-то изменилась бы, и довольно сильно. — Из потер лоб. — Я уже не могу стать слоном в посудной лавке привычных вещей, Доминика, особенно когда дело касается SOSUS. Около трех лет назад я с помощью системы засек вибрации почвы под дном залива. Звучали они точно как морское землетрясение. — Из покачал головой, вспоминая. — Сама ей скажи, Эд.

Эдди улыбнулась.

— Твой отец подумал, что еще несколько минут, и нас накроет огромное цунами. Он запаниковал и приказал береговой охране эвакуировать все пляжи.

— А вышло так, что я настроил систему на сверхчувствительность. И то, что я принял за землетрясение, оказалось телефонной компанией, прокладывающей кабель в шестидесяти милях отсюда. Я себя чувствовал чертовым идиотом. Слишком многих мне понадобилось просить об услуге, прежде чем нашу станцию подключили к SOSUS. Я не могу позволить себе снова облажаться, как в прошлый раз.

— Так ты не будешь это исследовать?

— Я этого не говорил. Что я сделаю, так это проверю настройку системы и буду продолжать наблюдение за той территорией, записывая данные. Но я не собираюсь связываться ни с одним федеральным учреждением до тех пор, пока не буду абсолютно уверен в том, что это твое открытие того стоит.

* * *

Майами, Флорида

22:17

Мик Гэбриэл сидел на краю кровати и тихонько раскачивался. Его темные глаза были пусты, губы немного приоткрылись. Тонкая нитка слюны свисала с нижней челюсти.

В палату вошел Тони Барнс. Этот санитар только что вернулся из трехнедельного отстранения от работы.

— Кошелек или жизнь, «овощ». Время вечерней дозы.

Он поднял правую руку Мика, до того безвольно лежавшую на колене, и внимательно осмотрел красные отметины, оставшиеся от предыдущих уколов по всему предплечью.

— Да на фиг. — Санитар вогнал иглу в руку, вводя «торазин» в уже исколотую вену.

Глаза Мика закатились, и он рухнул на пол у ног санитары.

Барнс поддел голову Мика носком теннисной туфли, затем обернулся через плечо, чтобы удостовериться, что они одни, поднял Мика и лизнул его в ухо. Как вдруг он услышал шаги Марвиса, делающего вечерний обход.

— Сладких снов, куколка. — Санитар быстро вышел.

Дверь закрылась с двойным щелчком.

Глаза Мика распахнулись.

Он бросился к раковине и начал отмывать лицо и ухо холодной водой. Неслышно ругаясь, он прижал палец к разорванной, кровоточащей вене и, чувствуя, как сознание заволакивает туманом, упал на колени, больно ударившись об пол, принял позицию для отжиманий.

На протяжении двух часов Мик прогонял свое тело через непрерывную пытку гимнастики: отжимания, приседания, подпрыгивания, бег на месте — все, что могло ускорить метаболизм, все, что могло помочь пережечь транквилизатор до того, как его постоянные дозы смогут повлиять на центральную нервную систему.

Из трех уколов утренние были хуже всего. Фолетта лично контролировал дозировку, сам наблюдал за инъекцией, воркуя пациенту на ухо всякие гадости. Как только лекарство начинало действовать, он сажал Мика в инвалидное кресло, возил по этажам, из комнаты в комнату, как молчаливое предупреждение другим пациентам о том, что неповиновение правилам не окажется безнаказанным.

Ночные упражнения после третьего за сутки укола стоили потраченных усилий. Ускорив обмен веществ, Мик понял, что в состоянии быстрее справляться с действием лекарства, и это практически давало ему возможность сохранить разум. К четырем часам утра он достаточно очистил сознание, чтобы сфокусироваться на плане действий.

С этого момента он будет вести себя как бессознательный мешок с костями. Санитары седьмого этажа каждое утро будут находить его на полу комнаты в полном ступоре, в совершенно беспомощном состоянии. Это разозлит обслуживающий персонал, которому придется возиться с недееспособным пациентом, и, к вящему их отвращению, даже менять ему испачканную одежду. После недели такого положения вещей Фолетта будет вынужден снизить Мику дозировку с трех уколов в день до дневного и вечернего.

Спустя несколько недель внимание Фолетты переключилось на другие программы. Он перестал проверять Мика, доверяя санитарам всю заботу о нем.

Впервые за последние одиннадцать лет заключения охранники, имеющие дело с Майклом Гэбриэлом, смогли расслабиться.

* * *

***Центр управления космическими полетами имени Годдарда,
НАСА, Гринбелт, Мэриленд***

Директор НАСА Брайан Доддс недоверчиво уставился на огромное количество компьютерных распечаток, разложенных на его столе.

— Объясни-ка мне еще раз, Свики.

Помощник Доддса Гери Свикл ткнул толстым пальцем в графики распечаток, на которых был изображен ряд из тринадцати прямоугольников, последовательно повторяющихся поперек тысяч листов распечаток.

— Радиосигнал состоит из тринадцати различных гармоник, которые показаны здесь в виде тринадцати колонок. Каждая гармоника может проигрываться на любой из двадцати параллельных частот. В

итоге это дает возможную комбинацию 260 различных звуковых байт или команд.

— Но ты сказал, что их палитра не повторяется?

— Повторяется только в самом начале сигнала. — Свикл указал на первую страницу распечаток. — В самом начале трансляции сигнала гармоника состояли из нескольких очень простых нот, которые шли на одной частоте и повторялись снова и снова. А теперь взгляните сюда. На отметке семнадцатой минуты все меняется, все тринадцать гармоник начинают одновременно проигрываться на всех двадцати частотах. Начиная с этой отметки сигнал ни разу не повторяется. Оставшиеся 185 минут используются все 260 комбинаций звуковых данных, что указывает на высокую информативность и четкую структуру сообщения.

— И ты абсолютно уверен, что первичная система наблюдалась только в начальных семнадцати минутах? Никаких математических равенств? Ничего, хоть отдаленно похожего на инструкции по переводу?

— Ничего.

— Проклятье. — Доддс потер покрасневшие глаза.

— О чем думаете, босс?

— Помнишь, как летом 1998 мы потеряли контакт с «СОХО»? До того как Аресибо засек местоположение спутника, мы продолжали передавать один и тот же простой радиосигнал, пытаясь возобновить связь с главным компьютером «СОХО». Вот что напоминают мне эти первые семнадцать минут сигнала. Ни послания, ни инструкций или шифровок — просто трансляция в глубокий космос простейшего сигнала, повторяющегося как звонки телефона в ожидании того, что кто-то на том конце провода возьмет трубку, чтобы можно было передать ему сообщение.

— Согласен, но это не имеет смысла. Инопланетяне, которые транслировали этот сигнал, не могли надеяться на то, что мы окажемся способны воспринять сообщение и перевести его без инструкции.

Свикл заметил, как побледнело лицо директора.

— Что?

— Просто сумасшедшая мысль. Не обращай внимания, я выжат как лимон.

— Да ладно вам, босс.

— Ну, я снова подумал о «СОХО». Наша трансляция тоже не содержала в себе примеров перевода, поскольку компьютер «СОХО» был уже запрограммирован понимать наши сигналы. Может, и в этой трансляции не было примеров перевода, поскольку они были не нужны.

— То есть вы хотите сказать, что этот сигнал не был предназначен для перевода?

— Нет, Свик. — Доддс обеспокоенно взглянул на помощника. — Я хочу сказать, а что, если этот сигнал был предназначен *не нам*?

* * *

5 ноября 2012 года

Остров Санибел, Флорида

Мелодия «*Еще четыре года, еще четыре года*» разбудила Эдит Акслер. Она села на кровати и посмотрела на часы, потом выключила телевизор и спустилась по лестнице в лабораторию.

Изадор, склонившись над панелью SOSUS, слушал.

— Из, ради бога, уже половина двенадцатого...

— Тс-с-с. — Он снял наушники и включил внешний динамик. — Послушай.

Она услышала жужжание.

— Похоже на какой-то генератор.

— Это еще ерунда. Погоди.

Прошла минута, и из наушников послышалось завывание, похожее на то, что издает дрель при работе на больших оборотах, после чего в течение нескольких минут следовали металлические щелчки.

Из улыбнулся жене.

— Правда, это невероятно?

— Звучит так, словно там что-то строят. Возможно, это новая нефтяная вышка готовится к бурению.

— Или геологическая экспедиция исследует кратер. Как бы то ни было, но за последние тридцать часов активность явно возросла. Я послал имейл в Национальное управление океанографии и атмосферы, попросил проверить обе эти возможности, но они пока молчат. Кто победил на выборах?

— Президент Меллер.

— Хорошо. Раз уж там все закончилось, может, кто-то в правительстве штата снова ко мне прислушается.

— А если нет?

Из посмотрел на жену и пожал плечами.

— Тоже не беда. Как ты и сказала, это, скорее всего, просто нефтяная вышка. Мы с Карлом планировали выбраться на пару недель порыбачить в море. Заодно сможем взглянуть вблизи на тот район, просто чтобы убедиться.

* * *

Майами, Флорида

Доминика с отвращением смотрела, как огромный рыжий мужлан отправляет в рот очередную порцию баклажанов.

Может, он подавится.

— Так что, солнышко, ты мной гордишься или как?

Капля томатного соуса стекала по его щеке.

— Господи, Рэй, мама тебя не учила не разговаривать с полным ртом?

Он улыбнулся, показывая желтые зубы, между которыми застряла шкурка баклажана.

— Прости. Я шесть месяцев просидел на диете. Так здорово снова нормально пожрать. Ну, так ты мне не ответила.

— Я уже говорила тебе, шестое место — просто отлично, учитывая, что это твое первое выступление.

— Что тут можно сказать? Ты меня вдохновляла.

— А теперь расскажи мне о Фолетте. Когда мы впервые встретились, ты сказал, что многие из совета клиники и персонала

были недовольны, когда он приехал из Массачусетса. Что ты тогда имел в виду?

— Только между нами, о'кей?

— Хорошо.

Очередная порция еды, сдобренная кружкой пива, отправилась в желудок Раймонда.

— Отец моего хорошего знакомого заседает в совете. По правде говоря, он меня в эту клинику и устроил. Так или иначе, доктор Рейнке, предшественница Фолетты, через месяц вернется на старую должность.

— Правда? Но я думала, что она уволилась. Фолетта сказал, что у ее мужа обнаружили конечную стадию рака.

Рэй помотал головой, откусывая еще кусок.

— Фигня полнейшая. Мой приятель говорит, что Рейнке заплатили, чтобы она с сентября на время отошла от дел. А теперь стало известно, что в Тампе открывается совершенно новая клиника, и Фолетта станет там директором.

— Подожди, но если Фолетта уходит через три недели, то он же должен был знать об этой работе в Тампе еще до того, как перевелся в Майами. Зачем платить Рейнке только за то, чтобы проработать здесь три месяца?

Рэй ткнул в ее сторону вилкой.

— Из-за твоего бывшего пациента. Психушка в Массачусетсе закрывалась, психушка в Тампе была еще не готова. А Рейнке очень въедливая баба, стала бы интересоваться подробностями. Кому-то очень влиятельному позарез нужно было, чтобы Фолетта остался у руля, вот этот кто-то и избавился от риска передачи твоего приятеля Гэбриэла другому психиатру.

Или пройти квалифицированное обследование. Будь проклят, Фолетта.

— Что случилось, солнышко?

— У меня был договор с Фолеттой. Он пообещал, что с января с Миком будет работать команда специалистов по реабилитации.

Желтые зубы снова оскалились в ее сторону.

— Думаю, солнышко, тебя накололи. Через три недели Майкла Гэбриэла здесь уже не будет.

* * *

Лоснящийся вишнево-красный «Додж Интрепид ESX-2» гнал по ведущему на юг шоссе 1–95, его электрический мотор подвывал, помогая полуторалитровому трехцилиндровому дизельному двигателю.

Доминика сидела на пассажирском месте и наблюдала, как Раймонд маневрирует, перестраиваясь в потоке трафика. Она играла желваками, злясь на Фолетту и на себя за то, что позволила себя обмануть. *Я должна была сразу все понять. Нужно было доверять своему сердцу.*

Закрыв глаза, она припомнила свой первый разговор с Миком. *Пьер Борджия манипулировал законодательной системой. Окружной прокурор договорился с адвокатом, которого назначил мне штат, и отправил меня в психиатрическую клинику Массачусетса. Фолетту штат назначил моим опекуном. Пьер Борджия награждает за верность, но боже вас упаси попасть в его «черный список».*

Она позволила собой манипулировать, мало того, из-за нее пострадал Майкл Гэбриэл.

— Рэй, я сегодня действительно не в настроении танцевать. Ты не против, если я попрошу отвезти меня домой?

— Домой? Но мы на полпути к Саус-бич.

— Пожалуйста.

Глаза Раймонда потемнели, скользя по ее ногам, скрещенным под длинной темной юбкой; он уже представлял себе, как эти ноги охватят его мускулистый торс.

— Ладно, солнышко, домой так домой.

* * *

«Интерпид» влетел на парковку перед ее домом буквально через двадцать минут после разговора.

Доминика улыбнулась.

— Спасибо за ужин. Прости, что так обрываю вечер, но мне действительно нехорошо. В следующий раз я угощаю, ладно?

Он заглушил мотор.

— Я тебя провожу.

— Да не нужно, все в порядке. Увидимся на работе. — Она открыла дверцу и направилась к лифту.

Рэй последовал за ней.

Черт.

— Рэй, я же сказала, не нужно меня провожать.

— Эй, да не проблема, к тому же я с удовольствием посмотрю на твою квартиру. — Он явно ждал, что она введет код, чтобы активировать лифт.

— Рэй, не сегодня.

— Мы так не договаривались. — Сильная рука обняла ее за талию, притягивая ближе.

— Не надо...

Прежде чем она смогла остановить его, он прижал ее к бетонной стене, погрузив язык ей в рот, а правой рукой лапая груди.

Волна паники принесла с собой десятки воспоминаний детства, сделав ее на миг беспомощной.

Отбивайся! Ее чуть не стошнило от запаха из его рта, но она резко стиснула зубы, до крови прикусив наглый язык Рэя.

— Охxxx... черт тебя... — Раймонд ударил ее по лицу, затем прижал одной рукой к стене, другой задирая ей юбку.

— Отпусти ее!

Доминика увидела спешащих к ним ребе Штейнберга и его жену.

Раймонд не ослабил хватки.

— Отвалите, это не ваше дело.

— Отпусти ее, или я вызову полицию! — Минди Штейнберг показала ему переносной сигнализатор.

Раймонд угрожающе шагнул к ним, таща за собой Доминику.

— Не делай глупостей, — сказал Штейнберг, показывая на камеры слежения.

— Эй, Рэй...

Раймонд обернулся.

Острый кончик высокого каблука Доминики резко опустился на большой палец его ноги. Вскрикнув от боли, он ослабил хватку. В тот же миг ребро ее ладони врезалось бодибилдеру под адамово яблоко, заглушив его крик.

Раймонд схватился за горло, пытаясь вдохнуть. Когда он упал на колени, Доминика развернулась, готовясь ударить его ногой в затылок.

— Доминика, не надо... — Штейнберг схватил ее за руку, прежде чем она нанесла решающий удар. — Пусть с ним разбирается полиция.

Минди вызвала лифт.

Раймонд поднялся на ноги. Повернувшись к Доминике, он смерил ее взглядом безумца, беззвучно открывая и закрывая рот.

Когда дверь лифта начала закрываться, он четко артикулировал слово «Гэбриэл» и чиркнул пальцем по горлу.

18 ноября 2012 года

Майами, Флорида

Зал групповой терапии центра обследования и лечения располагался на третьем этаже напротив гимнастического зала, между кинотеатром и компьютерной комнатой.

Доминика сидела в дальнем конце комнаты 3-В, почти не слушая доктора Блэквелла, проводившего дневной сеанс групповой терапии, поэтому сразу заметила санитаря, который вез полубессознательного Майкла Гэбриэла в инвалидном кресле в кинозал. Она подождала, пока санитар уйдет, и выскользнула из комнаты.

В кинотеатре было темно, единственным источником света здесь был огромный экран телевизора. Восемь пациентов, в распоряжении которых было три дюжины раскладных стульев, смотрели последнюю серию «Стар трека». Инвалидное кресло стояло в последнем ряду. Доминика присела, пододвинув складной стул поближе к Мику. Он сидел, подавшись вперед. От падения его удерживал ремень на груди, крепившийся к спинке кресла. Темные глаза, когда-то излучавшие живой ум, теперь казались безжизненными черными озерами, в которых отражался свет экрана. Длинные каштановые волосы были зачесаны назад. Доминика почувствовала запах грязных волос, затхлую вонь испачканной одежды. Привычную легкую небритость теперь сменила борода, скрывающая шрам на подбородке.

Будь проклят, Фолетта. Она достала салфетку из кармана халата и вытерла слюну, грозившую сорваться с его нижней губы.

— Мик, я не знаю, понимаешь ли ты меня, но я соскучилась по тебе, очень соскучилась. Я ненавижу Фолетту за то, что он с тобой сделал. Ты был абсолютно прав насчет него, и я очень сожалею о том, что тогда тебе не поверила. — Она накрыла его руку ладонью. — Как бы я хотела, чтобы ты меня понимал, к ее удивлению, левая рука Мика шевельнулась, он переплел свои пальцы с ее.

— О господи, — прошептала она.

Мик подмигнул.

Ей с трудом удалось ничем не выдать волнения.

— Мик, мне так много нужно тебе рассказать...

— Тс-с... — Его глаза оставались пустыми.

Она осторожно наклонилась вперед, притворяясь, что зачарована фильмом.

— Раймонд, тот охранник, что на тебя напал, пытался изнасиловать меня. Сейчас он под следствием, но, вероятно, приступит к работе уже со следующей недели. Будь осторожен, он может напасть на тебя, чтобы насолить мне. — Она сжала его пальцы. — Помнишь, я говорила тебе о SOSUS? Я уговорила Иза использовать систему, чтобы проверить те координаты в заливе, о которых ты говорил. Мик, ты был прав. Там внизу определенно что-то есть, на глубине около мили под морским дном. Из обещал выяснить, что там.

Мик сильнее сжал ее ладонь. Не шевеля губами, он прошептал:

— Слишком опасно.

— Слишком опасно? Почему? Ты знаешь, что там?

Она убрала руку. Ученики и пациенты доктора Блэквелла расходились после занятия.

— Мик, Фолетта все время лгал. Я выяснила, что он собирается перевестись в Тампу, чтобы стать директором новой клиники с максимумом охраны. На следующей неделе тебя переведут.

— Помоги мне сбежать.

— Я не могу...

Она встала, заметив приближающегося доктора Блэквелла.

— Интерн, я не знал, что вы поклонница «Стар трека». Неужели этот фильм важнее моих сеансов терапии?

— Нет, сэр. Я просто... я просто проверила, все ли в порядке с этим пациентом. Он чуть не упал с кресла.

— Для этого у нас есть санитары. Вот, возьмите. — Он передал ей толстую пачку историй болезни и увел прочь от Мика. — Я хочу, чтобы вы обновили каждую карту и разложили их в алфавитном порядке. На это у вас есть примерно час. И не забудьте записать результаты сегодняшней сессии терапии, когда закончите, можете присоединиться к нашей команде в конференц-зале на втором этаже.

— Да, доктор.

— И еще одно, интерн. Держитесь подальше от пациента доктора Фолетты.

* * *

Мексиканский залив

Десятиметровый рыбацкий катер «Ламантин», залитый золотым светом заходящего солнца, бороздил невысокие волны, направляясь на юго-восток.

Под палубой Из Акслер налил себе кофе, пока его приятель Карл Рубен готовил ужин на маленькой плите.

Вышедший на пенсию дантист вытер лысину кухонным полотенцем и протер запотевшие толстые стекла очков.

— Господи, ну и жарко здесь! Далеко еще до этого твоего загадочного местечка?

— Еще три мили. Что у нас на ужин?

— Я тебе уже говорил: жареная дорада.

— Это мы ели на обед.

— Поймаешь лобстера — будешь есть лобстера. Расскажи мне об этом месте. Ты сказал, что там нет рыбы?

— Совершенно верно. Мы называем это «мертвой зоной».

— А почему мертвой?

— Не знаю. Именно поэтому собираюсь посмотреть на нее собственными глазами.

— И долго ты собираешься держать нас в этой мертвой зоне?

— А до ужина еще долго?

— Двадцать минут.

— Ну, если нефтяная вышка окажется там, где я предполагаю, то выберемся оттуда к десерту.

Из вышел из камбуза и поднялся на палубу, полной грудью вдыхая соленый морской воздух, пришедший на смену запаху жарящейся рыбы. Для него, Карла и Рекса Симпсона ежегодные пять дней рыбалки были настоящим праздником жизни. После долгого сезона ураганов вода в заливе успокоилась, погода наладилась — теперь условия для путешествия и рыбалки были просто идеальными. За два

дня они поймали дюжину дорад, восемь желтохвостов и одного морского окуня. Подставив лицо лучам заходящего солнца. Из закрыл глаза и глубоко вдохнул. Теплый морской ветер ласкал его загорелое лицо.

Звук глухого удара заставил его обернуться. Рекс возился с кислородным баллоном: проверив его на плавучесть, он затаскивал баллон на палубу.

— Хочешь понырять, Рекс?

Пятидесятидвухлетний владелец клуба охотников за сокровищами Санибела обернулся через плечо.

— Почему бы и нет? Раз уж рыбалки в этом твоём загадочном местечке не предвидится, я подумал, что неплохо бы заняться ночным дайвингом.

— Я не уверен, что там будет на что смотреть. — Из уселся в капитанском кресле, взял бинокль и осмотрел пустой горизонт, а потом сверил их местонахождение по глобальной системе навигации. — Странно.

— Что странно?

Из выключил автопилот и заглушил мотор «Ламантина».

— Мы прибыли. Это оно, то место, о котором я вам говорил.

— Но здесь нет ничего, кроме воды. — Рекс собрал длинные седые волосы в хвост. — Мне кажется, ты говорил, что здесь будет нефтяная вышка.

— Кажется, я ошибался. — Из включил радиосвязь с берегом. — «Ламантин» вызывает Альфа-Зулу-три-девять-шесть. Альфа-Зулу, ответьте. Эд, ты там?

— Слышу вас, «Ламантин». Как рыбалка?

— Неплохо. В основном дорады и желтохвосты. Утром Рекс поймал окуня. Эд, мы добрались до места, находимся над центром кратера Чикшулуб. Здесь ничего нет.

— Никакой нефтяной вышки?

— Вообще ничего. Но погода прекрасная и море спокойное. Думаю, мы останемся здесь на ночь, и я закончу некоторые тесты.

— Будьте осторожны.

— Будем. Я еще выйду на связь.

Теперь солнце казалось тающим кроваво-красным мячом, лежащим на горизонте по левому борту. Из допил кофе и включил

бортовой сонар, чтобы проверить глубину морского дна.

Больше двух тысяч миль.

Рекс смотрел, как Изадор роется в трюме.

— Эй, Из, проверь свой компас, он танцует мамбу.

— Я знаю. Под нами, ниже морского дна, находится огромный кратер километров на сто в диаметре. Мы сейчас очень близко к его центру, а оттуда идет очень сильное магнитное излучение.

— И что ты делаешь?

Из присоединил подводный микрофон к длинной бухте оптического кабеля.

— Хочу прослушать, что творится внизу. Вот, держи этот микрофон и опускай его за борт. Потом медленно разматывай кабель.

Из взялся за другой конец кабеля, присоединил его к амплитудному модулятору и, включив компьютер, подсоединил его к акустической системе, вставил наушники в разъем и прислушался.

Святой Боже...

Рекс обернулся.

— Микрофон погружен. Что ты там слушаешь? Синатру?

Из передал ему наушники.

Звуки ударов явно металлического происхождения, перемежающиеся с работой гидравлического поршня и скрипом шестеренок, заполнили уши Рекса.

— Это что еще за фигня?

— Я не знаю. Неделю назад SOSUS засекла там звуки. Их источник находится примерно на милю ниже морского дна. Потому я и решил, что это нефтяная вышка.

— Довольно странно. Ты кому-нибудь сообщил?

— Написал рапорт военно-морскому флоту и в Национальное управление океанографии и атмосферы, но они пока не ответили.

— Плохо, что мы не взяли «Барнакл».

— Я не знал, что твоя субмарина может опуститься настолько глубоко.

— Черт, да она еще не то может. На Багамах я спускался на две тысячи метров.

Карл с покрасневшимся от жара лицом выбрался на палубу.

— Ребята, вы есть идете или как?

Звездный гобелен раскинулся по безоблачному небу.

Карл прислонился к ригелю, в третий раз за сегодня перебирая содержимое своего ящичка с инструментами. Рекс был внизу, убирал после ужина, а Из слушал подводные звуки из капитанской рубки.

— «Ламантин», ответьте.

— Говори, Эд.

— Я тут прослушала SOSUS. Шумы стали громче и чаще.

— Я знаю. Больше всего это похоже на грохот локомотива.

— Из, я думаю, вам лучше обратиться оттуда. Из?

Звуковая волна раскаленной иглой вонзилась в его барабанную перепонку. Из сорвал с головы наушники, упал на колени от боли, чувствуя, что теряет ориентацию в пространстве и ничего не слышит, кроме звона в ушах.

— Рекс! Карл! — Он услышал лишь приглушенное эхо.

Волна неземного зеленого света ослепила его. Капитанская рубка и все предметы в ней переливались отраженным изумрудным светом, идущим от воды.

Рекс поднял Иза на ноги.

— Ты в порядке?

Из кивнул, в ушах у него все еще звенело. Двое мужчин, споткнувшись об акваланг, вышли на палубу и присоединились к Карлу, слишком увлеченные слепящим светом, чтобы увидеть дымок, поднимающийся над приборной доской и электроникой рубки.

Господь всемогущий...

Из и его друзья ошеломленно смотрели на море. Освещенные идущим из-под воды светом, их лица стали призрачно-зелеными.

«Ламантин» покачивался в центре огромного светового круга никак не меньше мили в диаметре. Из перегнулся через борт, изумленный нереальной видимостью. Ее создавал раскаленный подводный маяк, который находился где-то в морских глубинах примерно в полумиле под ними.

— Из, Рекс, ваши волосы!

Карл указал на их волосы — те встали дыбом. Рекс потрогал свой «хвостик», который теперь торчал над головой, словно индейское перо. Из пригладил волоски на руках, заметив искорки статического электричества.

— Что за чертовщина? — прошептал Карл.

— Я не знаю, но нам пора отсюда убираться. — Из поспешил обратно в капитанскую рубку и нажал кнопку включения двигателя.

Ничего.

Он нажал кнопку еще три раза. Проверил радио, потом систему навигации.

— Что не так? — нервно поинтересовался Карл.

— Ничего не работает. Что бы там внизу ни происходило, оно стало причиной короткого замыкания, «убившего» нам всю электронику. — Из повернулся к Рексу, который натягивал свой водолазный костюм. — Ты куда это собрался?

— Хочу посмотреть, что там под нами.

— Это слишком опасно. Там может быть радиация.

— Тогда я наверняка окажусь в большей безопасности, чем вы, поскольку буду в мокром резиновом костюме, а вы, ребята, — здесь, на борту. — Он застегнул сбрую кислородного баллона, проверил прочность ремней на животе, проверил регулятор, потом натянул ласты. — Карл, моя камера для подводной съемки стоит возле твоей ноги.

Карл подал ему камеру.

— Рекс...

— Из, поиск острых ощущений — мое хобби. Я сделаю несколько снимков и вернусь на борт через пять минут.

Из и Карл беспомощно смотрели, как их друг переваливается за борт.

— Карл, хватай весло. Мы убираемся отсюда.

* * *

Видимость в море была изумительная. Рекс чувствовал себя так, словно плавает в чистейшем бассейне с подсветкой. Нырнув на два

метра ниже, он ощутил невероятное внутреннее спокойствие: его тело и пузырьки воздуха парили в изумрудно-зеленом свете.

Движение над головой заставило его посмотреть вверх. О Боже...

Рекс дважды моргнул от неожиданности, глядя на фантастическое создание, прилепившееся к центру кия «Ламантина» и вытянувшееся вдоль него. Десять метров эластичных щупалец росли из похожего на прозрачную гусеницу длинного желеобразного тела. Не меньше сотни колоколообразных желудков виднелись в кремовом, похожем на комок спутанных веревок теле этой твари. На каждом из концов «веревки» находились спрятанные до поры рты и ядовитые, похожие на клыки, жала.

Невероятно. Рекс никогда не видел этой твари вживую, но он знал, что это создание, известное как аполемия, принадлежит к подклассу сифонофоров. Эти странные формы жизни, которые могут вырастать до пятнадцати метров, обитают лишь в самых глубоких водах, а потому редко попадают в поле зрения человека.

Наверное, свет испугнул ее и заставил подняться к поверхности.

Он сделал несколько снимков, держась от ядовитых щупальцев на расстоянии, которое он считал безопасным, потом выпустил воздух из баллона, погружаясь глубже.

Фантастический свет давал полную иллюзию замедленной съемки. Рекс бил ластами, пока не опустился на двадцать метров, но понял это лишь по нарастанию кровяного давления, от которого заложило уши. Он шмыгнул носом и продул загубник, но с удивлением обнаружил, что боль нарастает. Затем, посмотрев вниз, он заметил, как что-то поднимается к нему сквозь поток света.

Рекс улыбнулся и раскинул руки, а вокруг него затанцевали огромные пузыри воздуха, каждый размером с «фольксваген».

Потрясающе.

Боль и потекшая из носа кровь заставили его прийти в себя. Глубокий рев заполнил его уши, заставив маску завибрировать, щекоча ему нос.

Рекс Симпсон перестал улыбаться и понял, что живот свело, как это бывает при быстром спуске к большой высоте на американских горках. Рев стал громче.

Да это же подводное землетрясение!

В пятистах метрах под ним огромный кусок известнякового морского дна провалился, открывая тоннелеобразное отверстие. Морская вода пришла в движение: вращаясь и втягиваясь в гигантскую воронку, она затягивала все, что было поблизости. Изумрудный свет усилился и стал ослепительным.

* * *

Из и Карл смогли отвести «Ламантин» почти к самой границе освещенного круга, когда невидимая сила рванула корпус катера и потащила его назад. Мужчины в ужасе обернулись, глядя, как на море образуется гигантская вращающаяся воронка.

— Это водоворот! Гребите быстрее!

Спустя несколько секунд «Ламантин» покачнулся и двинулся назад, к внешнему краю водоворота.

* * *

Сила всасывания воронки с ужасающей мощностью затягивала Рекса в глубину. Он энергичнее заработал ластами, давление на барабанные перепонки заставило его одной рукой расстегнуть и сбросить пояс с утяжелителями, а второй удерживать резиновый переходник баллона. Пояс соскользнул и исчез в ослепительном свете. Рекс сжал ручку компенсатора плавучести, надувая жилет.

Погружение замедлилось, но не остановилось.

Громадная сила потока внезапно стиснула его с боков, он почувствовал себя так, словно выпал из самолета. Невероятно мощный поток бросал его из стороны в сторону, явно угрожая сорвать регулятор и маску. Прикусив загубник и прижав маску плотнее, Рекс яростно заработал ластами, пытаясь справиться с турбулентностью.

Море под ним расступилось. Он смотрел в ослепительный зеленый глаз водоворота, находящийся на глубине стоэтажного дома под ним; центробежная сила воронки теперь тащила его по внутренней стене расширяющегося перевернутого конуса.

В ушах Рекса бешено колотился пульс. Давление на грудную клетку усилилось, отчего застежки ремней, крепящих к его спине кислородный баллон, впивались в тело. Рекс закрыл глаза, борясь с тошнотой, а водоворот все быстрее тащил его по внутренней стороне воронки, опуская ниже и ниже.

Я же сейчас умру, о Господи, помоги мне...

Его маска треснула. Лицо словно сжали в тисках. Из ноздрей хлынула кровь. Он вскрикнул, потом закрыл глаза так сильно, как только мог, но закричал, выронив загубник, когда его глазные яблоки оторвались от зрительных нервов и только сомкнутые веки не позволили им выпасть из глазниц.

Последний крик смолк, когда мозг Рекса Симпсона взорвался.

* * *

Огромная сила инерции, созданная гигантской воронкой водоворота, волокла «Ламантин» по кругу, отрывая куски корпуса с каждым оборотом. Центробежная сила швырнула бесчувственное тело Карла Рубена по палубе прямо Изу под ноги. Перепуганный биолог врезался в перегородку из стекловолокна и обеими руками вцепился в поручни. Водоворот ревел в его ушах, бешеная скорость вращения лишала сознания.

Он заставил себя открыть глаза, сфокусировав взгляд на источнике зеленого света. То, что до смерти ему осталось несколько секунд, одновременно пугало и успокаивало.

Яркий свет внезапно исчез. Из вытянул шею, наклонился вперед, заглядывая вниз через поручни. Он увидел, как вязкая булькающая субстанция рванулась вверх из огромной дыры в морском дне. Темное вещество, извергавшееся из дыры, — Из мог чувствовать его отвратительную серную вонь, — накрыло источник зеленого света и начало подниматься выше, заполняя воронку водоворота. Все еще вращающееся море погрузилось во тьму.

Из закрыл глаза, заставив себя думать об Эдди и Доминике, а непреодолимая сила тащила «Ламантин» по спирали вниз, в черную бездну.

Господи, пусть это будет быстро.

Карл поднялся. Он сжал Изу руку, и тут навстречу им поднялась волна темной жидкости.

Катер попал в эту субстанцию и дернулся всем корпусом, переворачиваясь. Иза и Карла швырнуло через борт в пасть чернильно-черного шторма.

23 ноября 2012 года

Прогрессо-бич, полуостров Юкатан

6:45

Билл Гудвин поцеловал в щеку спящую жену, схватил свой минидисковый плеер и выскользнул из номера двухэтажного отеля «Холидей Инн».

Еще одно великолепное утро.

Он спустился по бетонной лестнице с алюминиевыми перилами в дворик с бассейном, вышел за ограду, пересек шоссе 27 и направился к пляжу, щурясь от яркого утреннего света. Перед ним тянулись долгие мили безупречно чистого, нетронутого еще следами песка и кристально чистой воды у берега.

Прекрасно.

К тому времени как он сошел на песок пляжа, лучи восходящего солнца позолотили облачка на востоке. Девочка-мексиканка гоняла розово-белый серфинг по волнам залива. Делая гимнастику, Билл любовался ее точеной фигуркой, а закончив упражнения, поправил наушники и лениво побежал трусцой.

Сорокашестилетний сеньор маркетинговый аналитик из компании «Ватерфорд-Лиман» бегал трусцой три раза в неделю с тех самых пор, как оправился от второго инфаркта, заработанного шесть лет назад. Он считал, что «утренняя миля», как называла эти пробежки его жена, возможно, позволит ему прожить лет на десять дольше и в то же время поможет держать вес под контролем. А за весом он не следил с тех самых пор, как закончил колледж.

Билл кивком поздоровался со знакомым бегуном и ускорил темп. Неделя отпуска на Юкатане сотворила чудо с его кровяным давлением, однако богатая мексиканская кухня никак не помогала сохранить вес.

Он достиг заброшенной спасательной вышки, но решил пробежать немного дальше. Пять минут и полмили спустя он остановился, полностью выдохшись. Но он не сдавался: снял кроссовки, засунул плеер в один из них и отправился в целительную воду залива, решившись на утренний заплыв.

Билл зашел в воду по грудь, радуясь тому, как легкие волны омывают его тело. Закрыв глаза и расслабился, мысленно составляя план на день.

— Ах, зараза... — Билл дернулся, хлопнув себя по руке, и посмотрел в воду в поисках медузы, которая его обожгла. — Какого черта?

Черная, похожая на деготь субстанция прилипла к его предплечью, обжигая кожу.

— Чертовы нефтяные компании! — Он опустил руку в воду и попробовал смыть пятно, однако грязь не поддавалась.

Обжигающая боль усилилась.

Ругаясь в полный голос, Билл развернулся и сделал несколько шагов к берегу. К тому времени как он вышел из воды, из его носа хлынула кровь. Пурпурные пятна застилали глаза. Он почувствовал головокружение и потерял ориентацию в пространстве, рухнув на колени.

— Мне нужна помощь! Помогите мне кто-нибудь!

Пожилая пара мексиканцев подошла к нему и остановилась.

— *Qué pasó, Señor?*^[22]

— Простите, я не говорю по-испански, *no hablo.*^[23] Мне нужен врач... *el doctor.*

Мужчина непонимающе смотрел на него.

— *El doctor?*

Рвущая боль обожгла глазницы Билла. Он завопил, прижимая руки к глазам.

— О боже, моя голова!

Мексиканец взглянул на свою жену.

— *Por favor, llame a un médico.*^[24]

Женщина торопливо пошла прочь.

Билл Гудвин чувствовал себя так, словно его глаза пронзили иглой. Он рванул себя за волосы, потом согнулся пополам, и его вырвало кровью, перемешанной с едкой черной жидкостью.

Пожилой мексиканец наклонился, пытаясь помочь больному американцу, но внезапно отскочил и схватился за лодыжку. — *Hijo de la chingada!*^[25]

Рвотная масса, попавшая ему на ногу, теперь разъедала кожу.

* * *

Белый дом, Вашингтон, округ Колумбия

Эннис Чейни чувствовал, что президент Меллер и Пьер Борджия не сводят с него глаз, пока он читал двухстраничный рапорт.

— Есть догадки, откуда могла взяться эта токсическая дрянь?

— Из Мексиканского залива, скорее всего, с нефтяных полей государственной нефтяной корпорации Мексики, — предположил Борджия. — Гораздо важнее то, что дюжина американцев и несколько сотен мексиканцев уже умерли. На данный момент мы знаем, что «черный прилив» наблюдается только у побережья Юкатана, но важно следить за ситуацией и убедиться, что заразу не принесет к берегам Америки. К тому же мы считаем, что во время решения этой проблемы с загрязнением окружающей среды нам необходимо усилить свое дипломатическое присутствие в Мексике.

— То есть?

Меллер замялся.

— Пьер думает, что тебе следует возглавить расследование. У нас с Мексикой довольно напряженные отношения из-за проблем со ввозом наркотиков с их стороны. В данной ситуации у нас есть шанс избавиться от некоторых затруднений. Пресса будет на твоей стороне и...

— Давайте проверим, правильно ли я понял. Мы готовимся к потенциальному конфликту в Персидском заливе, но вы хотите, чтобы я возглавил дипломатическую миссию в Мексике? — Чейни покачал головой. — Какого черта я буду там делать, кроме как выражать соболезнования? При всем моем уважении, мистер президент, наш посол в Мексике справится с этим ничуть не хуже.

— Это гораздо важнее, чем ты думаешь. К тому же, — президент вымученно улыбнулся, — у других просто кишка тонка. Три года назад ты работал в центре по контролю заболеваний во время тропической лихорадки в Пуэрто-Рико, это отличный пиар.

— Моя работа не имела ничего общего с пиаром.

Борджия с громким хлопком закрыл свой брифкейс.

— Президент Соединенных Штатов только что отдал вам приказ, мистер вице-президент. Вы собираетесь выполнять свои обязанности или подаете в отставку?

Из-за темных кругов его запавшие глаза смотрели на Борджию, казалось, как сквозь прицел.

— Пьер, ты не мог бы оставить нас на пару минут?

Секретарь штата попытался сыграть с Чейни в гляделки уцелевшим глазом, но не выдержал и отвел взгляд.

— Пьер, пожалуйста.

Борджия вышел.

— Эннис...

— Мистер президент, если вы хотите, чтобы я этим занялся, я этим займусь.

— Благодарю.

— Не нужно меня благодарить. Просто скажите этому циклопу, что Эннис Чейни никому не уступает. Только что этот парень поднялся в первую десятку моего черного списка.

* * *

Два часа спустя вице-президент взошел на борт вертолета Сикорского МН-60 «Пэйв Хоук». Его недавно назначенный помощник, Дин Дисангро, был уже на борту вместе с двумя телохранителями и полудюжиной репортеров.

Чейни злился. Никогда в своей политической карьере он не позволял использовать себя в качестве репортерского лакея. Для него ничего не значили ни линии партий, ни политкорректность. Нищета и насилие, проблемы образования и расизма — вот с чем стоило сражаться. Он обычно представлял себя современным Дон Кихотом, — сражался со своими личными ветряными мельницами.

Этот Одноглазый Джек может думать, что натянул мне трусы на голову, но на самом деле он только что ввязался в драку с самым крутым парнем на районе.

Дин сделал вице-президенту чашку кофе без кофеина. Он знал, что Чейни ненавидит летать, особенно в вертолетах.

— Вы выглядите взволнованным.

— Заткнись. Что это за разговоры об обходном маршруте?

— Нам приказано сделать посадку в форте Детрик, чтобы подобрать персонал из военного НИИ инфекционных заболеваний, и только потом лететь на Юкатан.

— Прекрасно. — Чейни закрыл глаза и вцепился в подлокотники, когда «Сикорский» начал набирать высоту.

Через тринадцать минут вертолет приземлился возле НИИ медицинских исследований инфекционных заболеваний, принадлежащего армии США. Из своего иллюминатора Чейни видел двоих людей, наблюдающих за погрузкой нескольких больших ящиков.

Затем эти двое поднялись на борт. Седоволосый офицер представился:

— Мистер вице-президент, полковник Джим Рутеник. Я военный специалист по биологически опасным веществам, меня назначили в вашу команду. Это мой помощник, доктор Марвин Теперман, экзобиолог, прибывший к нам из Торонто.

Чейни посмотрел на тщедушного экзобиолога, оценил ручки-спички и приторно улыбнулся.

— И чем же занимается экзобиолог?

— Экзобиология изучает жизнь за пределами нашей планеты. Эта слизь может содержать инфекции или вирусы, о которых мы никогда раньше не слышали. НИИ медицинских исследований считает, что я могу вам пригодиться.

— Что в ящиках?

— Защитные костюмы, — ответил полковник. — Портативные герметизированные костюмы, которыми мы пользуемся при работе с потенциально активными веществами.

— Я знаком с защитными костюмами, полковник.

— Верно, вы ведь были в Пуэрто-Рико во время эпидемии две тысячи девятого.

— Боюсь, это дело может оказаться гораздо хуже, чем в две тысячи девятом, — сказал Марвин. — Судя по тому, что нам сообщили, физический контакт с той субстанцией вызывает немедленное заражение и кровоточивость тканей плюс обильное кровотечение из всех отверстий организма.

— С этим я справлюсь. — Чейни вцепился в сиденье, когда вертолет взвыл. — Меня тошнит только от чертовых вертолетов.

Полковник улыбнулся.

— Как только приземлимся, первейшей нашей задачей станет помощь мексиканцам в установлении серых зон — промежуточных площадей между зараженными участками и остальным населением.

Вице-президент еще немного послушал, затем опустил спинку кресла и прикрыл глаза. *Защитные костюмы. Коллапсы и кровотечения. Какого черта я здесь делаю?*

* * *

Четыре часа спустя «Сикорский» завис над белым пляжем, испачканным черной смолянистой субстанцией. Участки инфицированного песка были обнесены оранжевыми деревянными кольшками.

Вертолет пошел на восток вдоль пустынной береговой линии, в направлении рядов палаток Армии Красного Креста, стоявших за огороженной частью пляжа. В пятидесяти метрах от палаток пылал огромный костер, темно-коричневый дым тянулся по безоблачному небу полукилометровым хвостом.

«Сикорский», сбросив скорость, начал спускаться на огороженную парковочную площадку возле палаток.

— Мистер вице-президент, кажется, этот костюм как раз вашего размера, — полковник Рутеник протянул ему оранжевый скафандр.

Чейни заметил, что Дин натягивает защитный костюм.

— И не думай даже. Сядь на задницу, папочка, ты остаешься здесь. Пресса и телохранители тоже.

— Моя работа заключается в том, чтобы помогать вам...

— Вот и помоги мне, оставшись здесь.

Чейни вышел из вертолета двадцатью минутами позже, в сопровождении Тепермана и двух полковников. Все трое были одеты в мешковатые оранжевые защитные костюмы, оснащенные вдобавок баллонами с воздухом.

Возле главной палатки их поприветствовал врач. Чейни заметил зеленую слизь на его белом прорезиненном халате.

— Я доктор Джарез. Спасибо, что прибыли так быстро.

Полковник Рутеник представил их друг другу.

— Это та токсичная дрянь на вашем костюме, доктор? — спросил Чейни, показывая на зеленые пятна.

— Нет, сэр. Это биохимикалии, полезная штука. Мы пользуемся ими для дезинфекции. Вам тоже придется обработать ими свои костюмы, прежде чем переодеваться. Если вы пройдете за мной, я покажу вам ту токсичную дрянь, с которой мы имеем дело.

Войдя следом за ним в карантинную зону, Чейни почувствовал, как по лицу катятся капли пота.

Внутри палатки Красного Креста на пластиковых подстилках лежали несколько десятков человек. Большинство из них были в купальных костюмах. Все были покрыты черными пятнами, кровью и желчью. Те, кто оставался в сознании, стонали от боли. Работники Красного Креста, одетые в пластиковые плащи, плотные резиновые сапоги и такие же перчатки, уносили мешки с трупами и освобождали место для новоприбывших.

Доктор Джарез покачал головой.

— Это место превратилось в настоящую горячую зону. Большая часть ущерба была нанесена рано утром, прежде чем кто-либо смог понять, насколько контактен и активен токсин в той слизи. С полудня мы закрыли все пляжи на карантин, но первые пять смен добровольцев и врачей заразились, что ухудшило ситуацию в целом. Мы собираем данные для идентификации жертв, потом сжигаем тела, чтобы замедлить распространение инфекции.

Они вошли в огороженный отсек палатки. Симпатичная медсестра-мексиканка в защитном костюме сидела у койки и рукой в резиновой перчатке держала за руку американца средних лет.

Доктор Джарез привел ее в чувство, похлопав по плечу.

— Сестра, кто у нас тут?

— Это мистер Эллис, киноактер из Калифорнии.

— Мистер Эллис, вы меня слышите?

Мистер Эллис лежал на спине, глядя перед собой широко раскрытыми глазами.

Энниса Чейни передернуло. Глазные яблоки пострадавшего были совершенно черными.

Полковник отвел доктора в сторону.

— Каким образом распространяется инфекция?

— Физический контакт либо с «черным прибором», либо с выделениями уже инфицированного субъекта. Нет оснований предполагать, что вирус передается воздушно-капельным путем.

— Марвин, дай мне, пожалуйста, микрокассетный диктофон и поддержи мой шлем. — Полковник взял у Тепермана миниатюрное записывающее устройство и начал диктовать, помогая доктору Джарезу осматривать пациента.

— На большом, указательном и среднем пальцах правой руки пациента следы физического контакта со смолянистой жидкостью. Плоть на всех трех пальцах сожжена до кости. Глазные яблоки неподвижны, кровоточат, полностью почернели. Субъект пребывает в прострации. Сестра, как давно мистер Эллис вступил в контакт с «черным приливом»?

— Я не знаю, сэр. Около двух часов назад.

Марвин наклонился к Чейни.

— Эта штука действует чертовски быстро.

Полковник кивнул.

— Кожа субъекта вялая, практически желтая, черные нарывы покрывают верхние и нижние конечности. — Полковник осторожно притронулся к наполненным кровью водянкам, покрывавшим руку Эллиса. — Интерстициальная ткань на обеих верхних конечностях...

Доктор Джарез присел рядом с пациентом, который, похоже, начал выходить из ступора.

— Постарайтесь не двигаться, мистер Эллис. Вы вступили в контакт с определенного рода...

— Моя чертова голова сейчас лопнет от боли. — Эллис внезапно сел, черная кровь полилась из его ноздрей. — Люди, вы вообще кто? О боже...

Совершенно неожиданно изо рта Эллиса вырвался тягучий сгусток черной крови. Обжигающая желчь залила его грудь,

забрызгала Тепермана и медсестру, залив верхнюю часть их халатов.

Чейни отступил на несколько шагов, вид черной жидкости вызывал у него рвотный рефлекс. Он сглотнул, чтобы сдержать поднимающуюся к горлу тошноту, и отвернулся, пытаясь взять себя в руки.

Медсестра продолжала стоять на коленях возле пациента, держа Эллиса за руки. Сострадание не позволяло ей отвернуться от искаженного ужасом лица умирающего.

Мистер Эллис уставился на доктора Джареза и полковника черными глазами, заливавшая лицо кровь делала его похожим на зомби. Он сидел очень прямо, словно опасаясь пошевелиться.

— У меня внутри все тает, — простонал он.

Чейни видел, как верхнюю часть торса пациента сотрясает конвульсивная дрожь. Его снова стошнило с натужным бульканьем, в этот раз жидкость хлынула из глаз и ноздрей. Темная субстанция текла по шее Эллиса вместе с ярко-красной кровью.

Доктор Джарез подхватил осевшее тело под локти, несчастный задергался в его руках, пытаясь вдохнуть. Чейни закрыл глаза и начал молиться.

Доктор и медсестра положили безжизненный мешок зараженных органов обратно на подстилку.

Полковник Рутеник склонился над кровоточащим трупом и бесстрастно продолжил обследование.

— Субъект страдал от обширного поражения внутренних органов и сильного кровотечения. Марвин, передай мне коробку. Я хочу взять несколько образцов органов и этих черных выделений.

Эннису Чейни понадобилось собрать всю силу воли, чтобы его не стошнило прямо в защитный шлем. У него заметно дрожали ноги, когда он смотрел, как Марвис Теперман опускается на колени рядом с умершим и наполняет несколько небольших склянок зараженной кровью. Каждый образец он осторожно опускал в пропитанный воском цилиндрический контейнер — такими пользовались экзобиологи для транспортировки опасных веществ.

Чейни обильно потел. Казалось, что он вот-вот сварится в этом защитном костюме.

Четверо мужчин вышли, оставив медсестру убираться.

Полковник отвел Чейни в сторону.

— Сэр, Марвин полетит с вами обратно в Вашингтон, чтобы закончить анализ полученных образцов. Я бы предпочел остаться тут еще ненадолго. Если вы сможете справиться...

— Диего! — Медсестра выскочила из-за пластикового занавеса, крича по-испански.

— О дьявол! — Джарез уставился на маленькую дырочку возле левого локтя ее резинового плаща. Кожа, на которую попала капля черной жидкости размером с четвертак, уже была прожжена до кости.

Полковник облил ее руку дезинфицирующей жидкостью.

— Успокойся, Изабель, думаю, мы успели вовремя. — Доктор Джарез повернулся к вице-президенту, на его лице было написано отчаянье, в глазах стояли слезы. — Моя жена...

Глядя в глаза обреченной женщины, Чейни почувствовал, как к горлу подкатывает комок.

— Диего, отрежь мне руку!

— Иза...

— Диего, ребенок может заразиться!

Чейни оставался там лишь до того момента, когда Джарез и полковник ввели кричащую женщину в хирургический отсек. Потом он выскочил из палатки, пытаясь на бегу отстегнуть шлем защитного костюма. Он упал на колени и дернул змейку застежки, идущую вдоль капюшона; рвота поднялась к самому горлу.

— НЕТ! — Марвис схватил его за руки в тот самый момент, когда застежка начала поддаваться. Экзобиолог окатил оранжевый костюм зеленым дезинфектором, а Чейни вырвало прямо в шлем.

Марвин подождал, пока пройдут рвотные спазмы, взял Чейни под локоть и повел его к химическим душам. Они постояли под зелеными струями, очищавшими их костюмы, потом перешли в другой душ, где вода смыла дезинфицирующий раствор.

Чейни сорвал с себя костюм и перепачканную рубашку, бросив их в пластиковый мешок, вымыл лицо и шею, потом присел на пластиковую скамейку, чувствуя слабость и головокружение.

— Вы в порядке?

— Я далеко не в порядке. — Он помотал головой. — Я потерял контроль над собой.

— Вы прекрасно держались. Просто для меня это уже четвертая горячая точка, а полковник побывал в двенадцати.

— Ребята, как вы с этим справляетесь? — проскрипел он, разглядывая свои трясущиеся руки.

— Старайся отстраненно относиться к происходящему, пока ты участник, потом иди под дезинфицирующий душ, снимай костюм и блюй сколько хочешь.

Отстраненно относиться. Чертовы ветряные мельницы. Я уже слишком стар, чтобы воевать с ними.

— Поехали домой, Марвин.

Чейни прошел за Теперманом к вертолету. Поднявшись на борт, он оглянулся и увидел, как двое мужчин бросают в погребальный костер очередное тело.

Это был труп медсестры.

24 ноября 2012 года

Голливуд-бич, Флорида

За потоком слез Доминика почти не различала лица Эдди на экране видеокома. Рабби Штейнберг сжал ее плечо, а его жена погладила Доминику по спине.

— Эд, я не понимаю. Что случилось? Зачем Из туда отправился?

— Он решил исследовать те звуки из кратера.

Из горла Доминики вырвался крик. Судорожно всхлипывая, она спрятала лицо на груди рабби Штейнберга.

— Доминика, посмотри на меня! — скомандовала Эдди.

— Это я виновата...

— Прекрати. Ты тут совершенно ни при чем. Из отправился туда, потому что делал свою работу. Береговая охрана Мексики сейчас расследует...

— А что насчет вскрытия?

Эдди отвернулась, пытаясь совладать с чувствами.

Рабби Штейнберг посмотрел на Доминику.

— Все три тела оказались инфицированы «черным прибором». Их придется сжечь.

Доминика закрыла глаза, ее била дрожь.

Лицо Эдди снова появилось на экране.

— Куколка, послушай меня. Поминальная служба состоится через два дня. Я бы хотела, чтобы ты вернулась домой.

— Я приеду. И немного поживу дома, хорошо?

— А как же твоя интернатура?

— Это уже не имеет значения. — Она вытерла слезы. — Эдди, мне вправду так жаль...

— Просто приезжай домой.

Серое небо угрожающе хмурилось дождевыми тучами, когда Доминика вышла из лифта на бетонный пол подземной парковки на Голливуд-бич. Обойдя несколько автомобилей, она открыла водительскую дверь «пронто-спайдера» и швырнула чемодан на пассажирское сиденье. Глубоко вдохнув запах моря и дождя, нырнула за руль.

Доминика включила зажигание, нажала кнопку стартера и прижалась лбом к рулевому колесу, ожидая, пока противоугонная система и контроль безопасности закончат анализ.

Из мертв. Он погиб, и это моя вина. Она крепко зажмурилась, качая головой. *Это все моя чертова вина.*

Включился CD-плеер.

Активировалась заранее настроенная программа виртуального диджея. Бортовой компьютер автомобиля проанализировал температуру ее рук, лежащих на рулевом колесе, интерпретировал ее настроение.

Включилась «Золотая коллекция» «Doors».

Подумай хорошенько. Погода была тишайшая, а Из слишком опытный моряк для того, чтобы просто так позволить катеру утонуть. Что-то ужасное, что-то непредвиденное должно было произойти там.

Знакомые звуки ударных и дробный звон тарелок вплелись фоном в ее мысли. Навязчивая восточная гитара присоединилась к ним, словно отражение ее тоски, одновременно горькое и утешительное.

Перед ее мысленным взглядом промчались воспоминания об Изе. Глубокая печаль лирической композиции и безысходная тоска утраты снова толкали ее на грань. Она разрыдалась, а голос Джима Моррисона эхом отдавался в ее ушах:

«Это конец, друг прекрасный.
Это конец, мой единственный друг...»

Зачарованная этой повторяющейся эпитафией, она подняла голову с рулевого колеса, глядя, как первые капли дождя разбиваются о

ветровое стекло. Доминика закрыла глаза, и воспоминания об Изе и Эдди, о Мике пронеслись перед ее мысленным взором.

— Выглядишь уставшей, детка...

— Просто приезжай домой...

«Ты заблудилась в пустыне боли...»

— А если бы я не был... заключенным. Если бы мы встретились при других обстоятельствах. Думаете, вы могли бы полюбить меня?

«И все дети сошли с ума,

Все дети сошли с ума

В ожидании дождя, принесенного летом».

— Четыре Ахау три Канкин. Вы ведь знаете, что это за дата, правда, Доминика?

— Вы верите в Бога?

— Выглядишь уставшей, детка.

— Вы верите в существование зла?

«На городской окраине небезопасно...»

— Дом, да сделайте же что-нибудь! Кратер Чикшулуб, время же уходит, время уходит...

— Помни, что ты всего лишь ты, один-единственный человек. И ты не можешь спасти весь мир.

— Время уходит... и все мы погибнем!

— Ты не можешь спасти весь мир...

— Время уходит...

«Отец, я хочу убить тебя...»

Не мы раздаем эти карты, и не мы выбираем, садиться ли за игровой стол. Но мы несем полную ответственность за то, как разыграем свою раздачу.

Мотор «спайдера» ожил, заставив ее вздрогнуть.

«Это конец...»

Она выключила музыку, вытерла слезы с глаз, глядя, как дождь заликает ветровое стекло, и уставилась на свое отражение в зеркале заднего вида.

Мы несем полную ответственность за то, как разыграем свою раздачу.

Еще несколько минут она продолжала смотреть прямо перед собой. Постепенно боль утраты вытеснил план действий. Она взяла трубку телефона, встроенного в панель автомобиля, и набрала номер рабби Штейнберга.

— Это я. Нет, все еще внизу. У меня есть еще кое-какие важные дела, которые нужно закончить до отъезда на Санибел, и мне понадобится ваша помощь.

25 ноября 2012 года

Майами, Флорида

21:54

Черный «пронто-спайдер» свернул направо, на Двадцать третью улицу и, развернувшись, припарковался у телефонного столба на обочине, по соседству с восьмиметровой белой железобетонной стеной. Эта боковая улочка с северной стороны клиники шла на запад еще пару кварталов и заканчивалась тупиком у заброшенной текстильной фабрики. Район был безлюдным, улица — пустынной, только фургончик «додж» стоял в конце квартала.

Доминика вышла из машины, чувствуя, как по венам несется адреналин. Она открыла багажник, удостоверилась, что вокруг никого нет, и вытащила пятнадцатиметровый моток толстой белой нейлоновой веревки. На расстоянии тридцати сантиметров друг от друга на веревке были завязаны узлы. Сделав вид, что осматривает правую пятку, она привязала один конец веревки к телефонному столбу, потом снова полезла в багажник.

Открыв большую картонную коробку, Доминика достала полуметровую радиоуправляемую модель вертолета. Между маленькими колесиками для посадки на днище модели был маленький зажим, имитация настоящего. Доминика закрепила в нем последний узел свободного конца веревки.

Хорошо, а вот теперь не облажайся. Веревка должна зацепиться за колючую проволоку.

Она завела моторчик вертолета, и тот взвыл, вращая лопастями. Игрушка пошла вверх, унося за собой тяжелую нейлоновую веревку. Доминика старалась направить вертолетик так, чтобы он вертикально завис над стеной, выбрав всю длину веревки.

Вот так, медленно и плавно...

При помощи джойстика она направила вертолет через стену во внутренний двор, потом нажала кнопку, открывающую зажим, чтобы выпустить узел.

Свободный конец веревки упал во двор, середина скользнула между кольцами колючей проволоки и легла на верхний край стены.

Великолепно. Вперед! Доминика двинула джойстик вправо. Вертолетик помчался к заброшенной текстильной фабрике в конце улицы, поднялся над крышей и исчез. Доминика выключила пульт радиоуправления и едва различила вдалеке звук разбивающегося об землю пластика.

Захлопнув багажник, она забралась на водительское сиденье и повела автомобиль к парковке для персонала.

Доминика взглянула на часы: 22:07. *Еще есть немного времени.* Она открыла отделение для перчаток, достала оттуда перегоревшую свечу зажигания и храповик, заглушила мотор, вышла и подняла капот «спайдера».

Тремя минутами позже закрыв капот, она вытерла влажной салфеткой испачканные маслом руки, подправила макияж, проверила, как сидит плотный бюстгальтер, выгодно приподнимающий ее груди, и прикрыла глубокое декольте розовым кашемировым свитером.

Ладно, Мик, теперь все зависит от тебя.

Доминика быстрым шагом направилась к главному входу клиники, молясь лишь о том, что во время их вчерашнего разговора Мик все же был в сознании.

* * *

22:14

Майкл Гэбриэл сидел на краю тонкого матраса, уставившись в пол совершенно пустым взглядом.

Его рот был приоткрыт, с нижней губы стекала слюна. Левая рука лежала на колене ладонью вверх, словно предлагая исколотое предплечье для новых издевательств. Правая рука безвольно висела вдоль тела, а пальцы продолжали сжиматься в кулак.

Он услышал шаги приближающегося санитара.

— Эй, Марвис, это правда? Наш «овоц» в последний раз здесь ночует?

Мик глубоко вздохнул, пытаясь успокоить пульс. Присутствие охранника на седьмом этаже усложняло дело. *У тебя есть только один шанс. Выруби их обоих, если понадобится.*

Марвис выключил телевизор в комнате отдыха и принялся вытирать пролитый на кофейный столик виноградный сок.

— Ага. Фолетта завтра увозит его в Тампу.

Дверь распахнулась. Боковым зрением Мик следил, как приближается у нему фигура садиста, а на пол ложится тень человека, стоящего у двери.

Еще рано. Марвис захлопнет дверь, если ты сейчас прыгнешь. Подожди, пусть он уйдет. Позволь животному лизнуть тебя.

Санитар схватил Мика за левую руку, воткнул шприц в лопнувшую вену, чуть не сломав кончик иглы, когда вводил «торазин» в изорванный кровеносный сосуд.

Мик напряг послушные мускулы, чтобы не вздрогнуть.

— Эй, Барнс, ты либо полегче с ним, либо я опять подам на тебя докладную.

— Пошел ты, Марвис.

Марвис покачал головой и ушел.

Глаза Мика закатились. Тело безвольно повалилось на левую сторону, глаза, словно у покойника, продолжали смотреть в одну точку.

Барнс удостоверился, что Марвис ушел, потом вернулся, на ходу расстегивая ширинку.

— Эй, красотка, хочешь кое-что попробовать? — Он наклонился к лицу Мика. — Как насчет открыть этот миленький ротик и...

Санитар не успел разглядеть кулак, его сознание среагировало лишь красными вспышками, когда Мик ударил его во второй и третий раз прямо в подставленный висок.

Барнс свалился на пол, содрогаясь от боли, но все еще не потеряв сознания.

Мик поднял его за волосы и заглянул в глаза.

— Кошелек или жизнь, ублюдок.

Он ударил Барнса коленом в лицо, стараясь, чтобы кровь не забрызгала униформу.

* * *

22:18

Доминика ввела свой цифровой пароль, потом подождала, пока инфракрасная камера просканирует ее лицо. Красный свет сменился зеленым, разрешая ей пройти к главному посту охраны.

Раймонд повернулся к ней.

— Посмотрите-ка, кто тут у нас. Пришла попрощаться со своим придурочным дружком?

— Ты мне не дружок.

Раймонд ударил кулаком по стальной решетке.

— Мы оба знаем, о ком я говорю. Я собираюсь нанести ему визит вежливости. — Он сверкнул желтыми зубами. — Да, солнышко, мы с твоим дружком наверняка неплохо повеселимся.

— Делай что хочешь. — Она направилась к лифту.

— Это еще что за заявления?

— Я увольняюсь. — Доминика вытащила из сумочки конверт. — Видишь это? Это заявление об уходе. Я бросаю интернатуру и ухожу из университета. Фолетта сейчас у себя?

— Ты же знаешь, что нет.

— Хорошо, тогда я оставлю бумаги Марвису. Подними меня на седьмой этаж, если сможешь справиться с пультом лифта.

Раймонд подозрительно уставился на нее. Потом активировал лифт, нажал кнопку седьмого этажа на панели управления и стал наблюдать за Доминикой через камеры слежения.

* * *

Марвис собирался встать из-за стола и идти за Барнсом, когда на этаже открылась дверь лифта.

— Доминика? Что ты здесь делаешь?

Она взяла Марвиса за руку и обвела вокруг стола так, чтобы он отвернулся от лифта и коридора, ведущего к палате 714.

— Я хотела поговорить с тобой, но не хочу, чтобы нас слышал Барнс.

— *Что* слышал?

Доминика показала ему конверт.

— Я увольняюсь.

— Почему? Семестр ведь почти закончился.

Ее глаза наполнились слезами.

— Мой... Мой отец погиб в аварии на катере.

— Черт. Эй, мне очень жаль.

Она всхлипнула, потом позволила Марвису обнять себя. Положив голову ему на плечо, она внимательно наблюдала за коридором, ведущим к палате.

Мик вышел из палаты, одетый в униформу Барнса и его же бейсболку, низко надвинутую на лоб. Захлопнув за собой дверь, он направился к лифту.

Доминика обхватила Марвиса за шею, словно обнимая, но на самом деле не давая ему возможности обернуться.

— Окажи мне услугу, убедись, что этот конверт дойдет до Фолетты, а?

— Да, конечно. Эй, если тебе понадобится поддержка, ну, там, поговорить или еще чего, можешь на меня рассчитывать.

Дверь лифта открылась. Мик зашел внутрь.

Она отстранилась от Марвиса.

— Не сейчас, спасибо, я уже опаздываю. Мне пора собираться в дорогу. Погребальная церемония завтра утром. Барнс, придержи лифт, пожалуйста.

Затянутая в белый рукав рука не дала двери закрыться.

Доминика поцеловала Марвиса в щеку.

— Береги себя.

— Ага, ты тоже.

Доминика поспешила к лифту, шагнув внутрь за миг до того, как закрылись двери. Даже не взглянув на Мика, она уставилась в камеру, свисающую на кронштейне в дальнем углу лифта.

Словно невзначай, она наклонилась и принялась копаться в сумочке.

— Какой этаж, мистер Барнс?

— Третий.

Голос у него был усталый. Доминика показала камере три пальца, потом один, продолжая смотреть прямо в камеру, а другой рукой за спиной передала Мику тяжелые ножницы для резки по металлу, которые он незаметно сунул себе в карман.

Лифт остановился на третьем этаже. Дверь открылась.

Мик шагнул наружу, чуть не упав лицом вперед.

Дверь закрылась.

Когда Мик понял, что остался один в пустом коридоре, он заковылял вперед. Выкрашенный зеленой краской коридор вращался перед глазами. Огромная доза «торазина» была тем, с чем он сейчас не мог бороться. Дважды упав, Мик заставил себя опереться плечом о стену и переставлять ноги, продолжая медленно двигаться в сторону двора.

Ночной воздух тут же придал ему сил. Дойдя до бетонной лестницы, он схватился за стальные перила. Перед глазами вращались три лестничных пролета. Он заморгал, пытаясь сконцентрироваться, но все расплывалось. *Ладно, ты справишься. Шаг... теперь медленно опускай ногу.* Он поскользнулся и съехал по первым трем ступенькам, потом одернул себя. *Сконцентрируйся! По одной ступеньке за раз. Не наклоняйся...*

Последние три метра он буквально пролетел, больно ударившись спиной.

На какой-то жуткий миг он позволил глазам закрыться, предоставляя лекарству шанс усыпить себя. *Нет!* Он перекатился, оттолкнулся от бетонного пролета, встал на ноги и, пошатываясь от боли, шагнул к следующему пролету бетонного монстра, который расплывался у него перед глазами.

* * *

Доминика расстегнула кашемировый свитер, глубоко вдохнула и вышла из лифта. Приближаясь к главному посту охраны, она не сводила глаз с мониторов, на которые камеры слежения транслировали все, что происходило в клинике.

Ее взгляд был прикован к изображению двора. Одетая в униформу фигурка, спотыкаясь, брела к бетонной ограде.

Раймонд таращился на ее декольте.

* * *

Руки Мика стали словно резиновыми. Он старался изо всех сил, но мышцы не слушались. Нейлоновый узел выскользнул из рук, и Мик упал на жесткий дерн, чуть не сломав себе обе лодыжки.

* * *

Доминика увидела, как он летит с двухметровой высоты, и еле сдержала крик. Прежде чем Раймонд смог что-то заметить, она сняла свитер, открывая ложбинку между грудями.

— Господи, почему у вас тут так жарко?

Глаза Раймонда затуманились. Он встал со стула, подошел к решетке.

— Похоже, ты надо мной издеваешься, а?

Краем глаза она заметила, что Мик поднялся. И снова начал карабкаться на стену. Картинка сменилась.

— Рэй, давай начистоту. Со всеми теми стероидами, которыми ты накачал свое тело, ты просто не сможешь продержаться достаточно долго, чтобы удовлетворить меня.

Раймонд открыл решетку.

— Довольно грязные намеки для хорошей девочки, которая чуть не перебила мне трахею три недели назад.

— Ты ведь просто не понимаешь этого, верно? Девушки не любят, когда их заставляют.

— Ты, сучка, дразнишься... Решила заставить меня провалить испытательный срок?

— А может быть, я просто пытаюсь объяснить.

Давай же, Мик, шевели задницей.

* * *

Боль привела его в чувство.

Мик стиснул зубы, зарычал и буквально потащил себя наверх, переступая ногами по стене, как альпинист, взбирающийся по отвесному склону. *Еще три шага, урод, еще три шага, давай. Не два, а еще два, и работай руками, сжимай кулаки. Хорошо, хорошо. Остановись, выровняй дыхание. Ладно, теперь еще шаг, давай, пошел...*

Он добрался до края стены. Опасаясь за свою жизнь, он тут же намотал свободный конец веревки на руку — в пять оборотов, чтобы не упасть вниз. Кольца колючей проволоки вились в нескольких сантиметрах от его лица. Мик вытащил кусачки из заднего кармана и подтянулся поближе к лезвиям проволоки, идущим справа от троса.

Он стискивал кусачки изо всех сил, до тех пор, пока стальная проволока не сломалась пополам. Затем передвинул кусачки к следующей секции, пытаясь справиться с замутненным «торазином» зрением. Действие лекарства становилось все сильнее.

* * *

Раймонд прислонился к стене и таращился на два полукружья Доминики, лишь наполовину прикрытые топом.

— Ну что ж, солнышко, я предлагаю сделку. Мы с тобой покувыркаемся, и я пообещаю оставить твоего парня в покое.

Она изобразила желание, быстро взглянув на монитор сквозь прутья решетки. Мик все еще возился с колючей проволокой.

Отвлекай эту свинью.

— Хочешь заняться этим прямо здесь?

Его рука поползла по ее плечу.

— Ты будешь не первой.

Волна тошноты подкатила к горлу Доминики, когда он провел пальцем по ее обтягивающему топу, погладив сосок.

* * *

Мик расчистил кусок стены от колючей проволоки, затем навалился на край стены грудью и животом. Осторожно перегнувшись по ту сторону ограды, он оценил восьмиметровую высоту.

— Ого...

С ворчанием он размотал свободный кусок веревки и прикрепил ее к уцелевшим кольцам проволоки, колючки которой разрывали кожу на его руках. Обернув свободный конец троса вокруг запястий, перевалился через край и упал вниз.

Мик пролетел около трех метров, прежде чем веревка, затянутая вокруг колец проволоки, остановила его падение. Веревка впивалась в запястья, но он почувствовал, как под его весом срывается и провисает колючая проволока. Мик упал на асфальт.

Несколько секунд спустя он уже стоял на четвереньках на тротуаре, глядя на приближающийся свет автомобильных фар, словно ослепленный на трассе олень.

* * *

— Подожди, Рэй, я сказала — перестань! — Доминика оттолкнула его руку, вытащив из сумочки баллончик со слезоточивым газом.

— Ах ты чертова сука... ты что, издеваешься надо мной?

Она попятилась.

— Нет, просто я решила, что жизнь Мика не стоит того, что ты за нее просишь.

— Сучка...

Она развернулась и прижала лицо к инфракрасному сканеру. *Давай...* Дождавшись легкого жужжания, она рывком распахнула дверь и выбежала прочь.

— Ладно, солнышко, ты сама напросилась. А теперь твой парень заплатит за это. — Раймонд открыл ящик стола, достал толстый полуметровый резиновый шланг и зашагал к лифту.

* * *

Доминика вышла на парковку, с улыбкой посмотрела на удаляющийся в сторону шоссе 441 микрофургончик «додж». Потом открыла капот своего автомобиля и позвонила в службу экстренной технической помощи на дороге.

* * *

Лифт остановился на седьмом этаже. Раймонд выключил его питание и вышел.

Марвис поднял глаза.

— Что-то случилось?

— Продолжай смотреть свой телевизор, Марвис.

Раймонд зашагал по коридору в сторону отделения 7-С, остановившись у палаты номер 714. Вытащив из кармана ключи, он открыл дверь и вошел.

Комната была тускло освещена. В воздухе висел едкий запах дезинфицирующих веществ и грязной одежды.

Пациент лежал на кровати спиной к Раймонду, простыня накрывала его почти с головой.

— Привет, уродец. Я принес подарочек от твоей подружки.

Раймонд размахнулся и ударил лежащего резиновым шлангом по лицу. Пациент завопил от боли и попытался встать. Огромный охранник повалил его обратно на кровать и начал бить без разбору по спине и плечам, давая выход тестостероновой злости.

Раймонд перевел дыхание.

— Ну что, засранец, понравилось? Надеюсь, да, потому что мне было действительно весело.

Он отбросил простыню.

— Ох, черт...

* * *

Рабби Штейнберг остановил «додж» у обочины, возле мусорных баков за общественной уборной. Он открыл задние двери фургончика, вынул и смотал длинную веревку, потом зашвырнул ее в мусорный

контейнер и забрался назад, чтобы переложить Мика с пола на заднее сиденье.

— Ты в порядке?

Мик посмотрел на него пустыми глазами.

— «Торазин».

— Я знаю. — Рабби помог ему поднять голову и дал попить воды из бутылки, с ужасом рассматривая изрезанные и исколотые руки Мика. — Все будет хорошо. Просто отдохай, нам еще долго ехать.

Мик потерял сознание прежде, чем его голова снова коснулась сиденья.

* * *

Когда прибыли первые машины полиции округа, машина технической помощи как раз затащила «спайдер» на грузовую платформу.

Раймонд выскочил из клиники и, заметив Доминику, заорал:

— Это она! Арестуйте ее!

Доминика притворилась удивленной.

— О чем ты говоришь?

— Да пошла ты, ты прекрасно знаешь, о чем я говорю! Гэбриэл сбежал!

— Мик сбежал? О Господи, как? — Она взглянула на полицейских. — Вы ведь не думаете, что я имею к этому какое-то отношение? Я застряла тут на двадцать минут.

Шофер машины технической помощи согласно кивнул.

— Это правда, офицер, и я могу это подтвердить. И мы ничего не заметили.

Коричневый «линкольн-континенталь» с визгом затормозил у главного входа. Энтони Фолетта, одетый в оранжевый спортивный костюм, — явно для утренней пробежки, — выскочил из машины и почти вприпрыжку бросился к ним.

— Раймонд, что... Доминика, что ты тут делаешь?

— Я заехала, чтобы оставить вам свое заявление об уходе. Мой отец погиб при аварии катера. Я уйду из программы. — Она покосилась на Раймонда. — Похоже, ваш идиот сильно облажался.

Фолетта взглянул на нее, потом отвел в сторону одного из полицейских.

— Офицер, я доктор Фолетта. Я директор этого заведения. Эта женщина работала со сбежавшим пациентом. Если они вместе планировали побег, то она должна была увезти его отсюда, а значит, есть шанс, что он все еще внутри.

Полицейский быстро проинструктировал своих коллег, посоветовав отправиться в клинику и взять с собой патрульно-розыскную собаку, затем повернулся к Доминике.

— Юная леди, берите свои вещи, вам придется пройти со мной.

ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА

Поздней осенью 1974 года мы с коллегами приехали в Англию, радуясь возможности вернуться к «цивилизации». Я знал, что Пьер уже утратил интерес к работе, знал, что он хочет вернуться в Штаты, поскольку на него давят политические амбиции родственников, которые наконец заполучили возможность загнать его в офис. Больше всего на свете я боялся, что он заставит Марию поехать с ним.

Да, я боялся. Ведь, признаться честно, я влюбился в невесту своего лучшего друга.

Как я позволил этому произойти? Я задавал себе этот вопрос тысячи раз. Но дела сердечные плохо поддаются объяснению, хоть поначалу я и пытался находить себе оправдания. Это просто влечение, уверял я себя, влечение, обусловленное спецификой нашей работы. Археология должна быть наукой одиночек. Команды обычно вынуждены жить и работать вместе в самых примитивных условиях, отказываясь от таких удовольствий, как уединение и гигиена, ради стремления выполнить поставленную задачу. Скромность уступает первенство практичности. Вечернее умывание в холодном источнике, дневной ритуал раздевания и переодевания — каждое действие в условиях сосуществования становилось пиршественным столом для моего чувства. Даже такое простое действие, как растирание затекшей спины, сводило меня с ума.

В глубине души я знал, что все это просто отговорки, что красота Марии стала для меня наваждением с того самого момента, как Пьер представил нас еще в первый год учебы в Кембридже. Эти высокие скулы, длинные черные волосы, темные умные глаза — Мария была видением, пленившим мою душу, ударом молнии, пронзившим меня, лишившим возможности действовать, иначе я мог разрушить нашу дружбу с Борджия.

Я не сдавался. Я убеждал себя, что Мария должна остаться для меня старинной бутылкой коллекционного вина, которого я жажду, но никогда не решусь попробовать. Я запер в себе эмоции и выбросил прочь дьявольский ключ — так, по крайней мере, я думал.

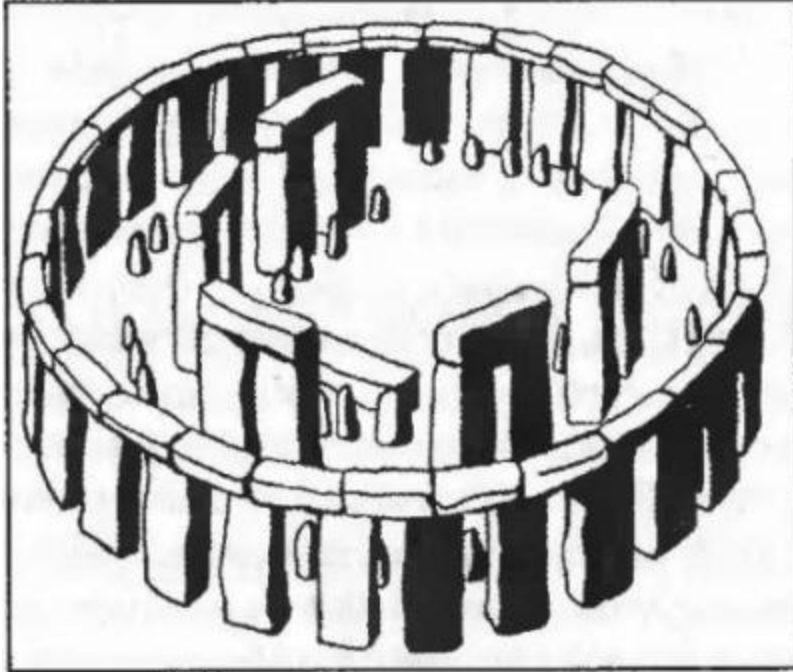
В тот осенний день, когда мы уезжали из Лондона в Солсбери, я чувствовал, что наши дороги скоро разойдутся и кто-то, скорее всего я, продолжит свой путь в полном одиночестве.

Стоунхендж, без сомнения, является одним из самых загадочных мест на Земле. Это странный храм из прямостоящих мегалитических камней, образующих четкий круг, словно его создали гиганты. Поскольку мы провели много времени в этом древнем месте, исследуя его для дипломных работ, никто из нас троих не верил, что на зеленых полях Южной Англии мы сможем найти новое знание.

Но мы ошибались. Еще один кусочек мозаики поджидал нас здесь, он практически был у нас перед носом.

Стоунхендж, хоть и намного младше Тиуанако, все же является образцом такой же, встречавшейся нам и ранее, невероятной точности инженерии и астрономии. Само по себе это место считалось духовным магнитом для фермеров, расселившихся в этой местности после окончания последнего ледникового периода. Вершина холма наверняка была провозглашена святыней, поскольку в радиусе трех километров от монумента находится не менее трехсот захоронений. Некоторые из них впоследствии дали нам жизненно важные подсказки, указывающие на связь этого места с ранее найденными в Центральной и Южной Америках артефактами.

Радиоуглеродный анализ показывает, что Стоунхендж был построен приблизительно 5000 лет назад. Первый этап строительства начался с разметки и установки деревянных тотемных столбов, окруженных рвом. Позже деревянные столбы сменили небольшие голубоватые камни, привезенные с горного хребта, расположенного в трехстах километрах от места строительства. Их, в свою очередь, сменили мегалитические камни, сохранившиеся до наших дней.

Огромные вертикальные плиты, из которых сложен Стоунхендж, называются сарсеновыми камнями. Это самые тяжелые камни в данном регионе, найденные рядом с городом Эйвери, приблизительно в сорока километрах к северу от Стоунхенджа. Изначально Стоунхендж состоял из 30 таких глыб, каждая из которых весила от 25 до 40 тонн. Каждую огромную каменную колонну приходилось перевозить через многие километры по пересеченной холмистой местности, а затем устанавливать так, чтобы в результате получился идеальный круг диаметром тридцать три метра. Сверху на сарсеновые камни положены девятитонные плиты-перемычки, всего таких плит тридцать. Каждую перемычку пришлось поднять на пять метров над землей, чтобы уложить поверх сарсенов. Чтобы добиться идеального сцепления, древние инженеры вырезали закругленные выступы на вершине каждой сарсеновой колонны. Эти «шипы» входили в круглые «пазы», расположенные по краям каждой перекладины, так что Стоунхендж был сложен по принципу гигантского конструктора «Лего».

Когда огромный каменный круг был закончен, строители возвели пять пар триолитов — каменных глыб, перекрытых сверху плитой. Сложенные из самых больших камней Стоунхенджа, они возвышаются над землей примерно на семь с половиной метров, и это с учетом того, что под собственным весом камни на треть просели в землю.

Пять триолитов поставлены в форме подковы, открытый конец которой ориентирует алтарный камень по точке летнего солнцестояния. Центральные, самые большие триолиты ориентированы на точку зимнего солнцестояния, 21 декабря, день майяского пророчества, день, который у древних культур ассоциировался с гибелью.

Каким образом английские поселенцы каменного века смогли перевезти сарсены, весящие десятки тонн, на расстояние более четырехсот километров по холмистой местности? Как они смогли поднять плиты перемычек, весящие около восьми тонн, на высоту восемь метров, а потом аккуратно уложить их? Кроме того, гораздо более интересно, для чего доисторические люди затрачивали такие усилия на возведение Стоунхенджа?

Не сохранилось никаких письменных источников о строителях Стоунхенджа, однако популярная легенда указывает на Мерлина, волшебника при дворе короля Артура, как на создателя этого места. Легенда гласит, что бородатый мудрец возвел этот храм для того, чтобы использовать его не только в качестве места собраний и поклонения богам, но и как космическую обсерваторию и астрономический календарь. По какой-то загадочной причине люди покинули это место в 1500 году до нашей эры.

Пока Пьер находился в Лондоне, мы с Марией оставили на время Стоунхендж и отправились исследовать могильные курганы вокруг монумента в надежде найти останки с вытянутыми черепами, что могло бы связать исторические места Южной и Центральной Америки с этим древним капищем. Самым большим могильником в окрестностях Стоунхенджа считается подземное захоронение ста метров в длину, также сложенное из сарсеновых камней. В этой гробнице найдены останки сорока семи человек. По непонятной причине кости были анатомически разделены и захоронены в разных отсеках гробницы.

То, что мы там обнаружили, было и вполнине не так удивительно, как то, чего мы не обнаружили — как минимум десятка черепов, принадлежавших самым высоким из погребенных там людей, в гробнице *не оказалось!*

Следующие четыре месяца мы провели, путешествуя от могильника к могильнику со все тем же результатом. В конечном итоге

мы отправились в место, которое многими археологами считается величайшей святыней, — в каменный могильный курган Ньюгрейндж в отдаленном районе Центральной Ирландии.

Этот курган сложен из сарсеновых глыб, покрытых великолепными иероглифами, а по периметру внутреннего помещения идут спиральные концентрические круги. Я помню, что не мог отвести взгляд от лица Марии, от ее черных глаз, изучающих при свете фонарика эти странные изображения. Мое сердце пропустило удар, когда ее лицо вдруг озарилось светом понимания. Она вытащила меня из гробницы к дневному свету, подбежала к нашему автомобилю и принялась рыться в коробках, где мы хранили сотни снимков, которые делали, поднявшись на воздушном шаре над пустыней Наска.

— Юлиус, взгляни-ка, вот оно! — воскликнула она, размахивая перед моим лицом черно-белой фотографией.

Это был снимок пирамиды Наска, одного из древнейших рисунков, который мы считали одновременно одним из самых важных. Внутри ее граней расположены две фигуры: перевернутое четвероногое животное и серия концентрических кругов.

Концентрических кругов, изображение которых в точности совпадало с тем, которое мы обнаружили внутри могильного кургана.

Мы с Марией были ошеломлены этим открытием. Ведь мы оба верили, что рисунки на плато Наска являются древним посланием, в котором указано спасение от предсказанного календарем майя апокалипсиса и которое предназначено для современного человечества (ведь зачем бы еще древнему художнику понадобилось делать фигуры настолько большими, чтобы рассмотреть их можно было только с самолета?).

Наш энтузиазм немного поубавился после логичного вопроса: какую именно пирамиду изображает рисунок Наска?

Мария настаивала на том, что это Великая пирамида Гизы, величайший каменный храм на земле. Следуя ее логике, Гиза, Тиуанако, Саксайуаман и Стоунхендж были сложены из мегалитических камней, даты их постройки приблизительно совпадали (так, по крайней мере, мы думали), а углы пирамиды на рисунке довольно точно повторяли углы граней египетской пирамиды.

Но меня не так-то легко убедить. У меня была своя теория: я считал, что более поздние рисунки Наска оставлены нам потомками

художника для того, чтобы помочь определить правильное направление. Я был уверен, что рисунки, окружающие пирамиду, — это подсказки, которые помогут нам правильно идентифицировать загадочный треугольник.

Наиболее важные изображения, несомненно, граничили с рисунком пирамиды и находились под концентрическими кругами. Это перевернутая фигура четвероногого животного, которое я считал ягуаром, одним из самых почитаемых животных Месоамерики.

Второй подсказкой был рисунок, известный как обезьяна Наска. У огромного изображения обезьяны, созданного неразрывной линией, был длинный хвост, завивающийся спиральными кругами, повторяющими форму концентрических кругов внутри пирамиды.

Майя обожествляли обезьян, считали их другим видом людей. Согласно мифу о сотворении мира в «Пополь Вух» четвертый цикл закончился Всемирным потопом. Несколько уцелевших при этом людей превратились в обезьян. Тот факт, что обезьяны не водятся ни в Гизе, ни в южных районах Перу, означал для меня, что изображенная на плато пирамида должна находиться в Месоамерике.

Киты тоже не водятся в пустыне, однако изображения трех огромных созданий присутствуют на плато Наска. Теоретически таинственный художник мог использовать изображения китов для того, чтобы указать расположение воды относительно треугольника на пампе пустыни. Я пытался убедить Марию, что пирамида может оказаться одним из храмов полуострова Юкатан.

В тот момент Пьер Борджия уже не интересовался ни одной из наших теорий. Для жениха Марии погоня за призраками майя утратила привлекательность, и единственным, чего он желал теперь, была власть. Как я уже упоминал раньше, я видел, что скоро наши пути разойдутся. Пока мы с Марией были заняты исследованием могильников, Пьер планировал, как поскорее после возвращения в Штаты оказаться в конгрессе. Спустя два дня после нашего открытия он объявил, с большой помпой и всевозможными церемониями, что ему и будущей миссис Борджия пора заняться более важными вещами.

Мое сердце было разбито.

Приготовления к свадьбе были сделаны очень быстро. Пьер и Мария должны были пожениться в соборе Святого Петра, а меня пригласили на роль шафера.

Что я мог сделать? Я был в отчаянье, но убеждал себя, что Мария может остаться для меня всего лишь родственной душой.

Пьер обращался с ней как с собственностью, он не воспринимал ее как равную. Она была его трофеем, его Джеки Онассис — дорогой игрушкой, которая прекрасно сыграет роль первой леди, когда он удовлетворит свои политические амбиции. Любил ли он ее? Возможно, ведь ее сложно было не любить. А вот любила ли она его?

Это я и хотел выяснить.

Лишь за день до свадьбы я набрался смелости признаться Марии в своих чувствах. Глядя в ее прекрасные глаза, я тонул в этих черных бархатных озерах, представляя, как улыбаются боги моей измученной душе, когда Мария прижала мою голову к своей груди и всхлипнула.

Оказалось, что она разделяла мои чувства! Мария призналась, что она молила Бога, чтобы я пришел и спас ее от жизни с Пьером, о котором она беспокоилась, но которого не любила.

В тот прекрасный момент она стала моим спасением, а я — ее. Как отчаявшиеся любовники, мы сбежали в ту же ночь, оставив Пьеру записки с извинениями и объяснением нашего непростительного поступка. У нас просто не хватило сил сказать ему об этом в глаза.

Двадцать часов спустя мы — мистер и миссис Гэбриэл — прибыли в Египет.

Выдержка из дневника профессора Юлиуса Гэбриэла.

Источник: каталог 1974–1975, страницы 46–62.

Фотодневник на магнитном диске 2: файлы НАСКА, фото 34.

Фотодневник на магнитном диске 3: файлы СТОУНХЕНДЖ, фото 16.

27 ноября 2012 года

Остров Санибел, Флорида

Пронзительные крики чаек заставили Мика открыть глаза.

Он лежал на двуспальной кровати, запястья были привязаны к столбикам изголовья. Левая рука туго забинтована. Из правого предплечья торчала игла капельницы.

Он был в спальне. Над его головой на дальней стене лежали золотые отблески солнечных лучей, проникавших сквозь жалюзи. Он чувствовал соленый запах моря, слышал шум океанского прибоя, доносившийся из окна.

В комнату вошла седоволосая женщина, на вид ей было около семидесяти.

— Итак, ты очнулся. — Она расстегнула манжету на его правом запястье, затем проверила капельницу.

— Вы Эдди?

— Нет, я Сью, жена Карла.

— Кто такой Карл? Что я здесь делаю?

— Мы подумали, что отправлять вас к Эдди будет слишком опасно. Там Доминика и...

— Доминика? — Мик попытался сесть, но головокружение, словно чья-то невидимая, но сильная рука, заставило его лечь обратно.

— Эй, не торопись так, приятель. С Доминикой вы довольно скоро увидите. А сейчас за ней наблюдает полиция, ждет, когда ты к ней явишься. — Она вынула из его руки иглу капельницы и заклеила ранку пластырем.

— Вы врач?

— Мой муж был дантистом, а я двадцать восемь лет помогала ему в качестве медсестры-стоматолога. — Она ловко смотала трубку капельницы и сняла мешок с раствором со стойки.

Мик отметил ее покрасневшие глаза.

— Что было в капельнице?

— В основном витамины. Тебя привезли два дня назад в ужаснейшем состоянии. По большей части это результат истощения, но и твоя левая рука сильно пострадала. Почти все это время ты спал. Вчера ночью тебя мучили кошмары, ты кричал во сне. Мне пришлось привязать твои запястья к кровати, чтобы ты не сорвал капельницу.

— Благодарю вас. И спасибо за то, что вытащили меня из клиники.

— Поблагодаришь Доминику. — Сью опустила руку в карман домашнего халата.

Мик застыл, глядя, как она вытаскивает «Магнум-44». Дуло было направлено в его пах.

— Эй, вы что, подождите-ка секунду...

— Мой муж погиб несколько дней назад на катере вместе с Изом. Три человека погибли, исследуя пролив в том месте, о котором ты рассказывал Доминике. Что там находится?

— Я не знаю. — Он не сводил глаз с пистолета в дрожащих руках старой женщины. — Вы не могли бы направить оружие в менее важный орган?

— Доминика нам все о тебе рассказала, о том, за что тебя отправили в психушку, о твоём психанутом отце и о его пророчестве по поводу конца света. Лично мне глубоко плевать на любой апокалипсис, верь в него сколько угодно. Я просто хочу выяснить, что произошло с моим Карлом. Ты для меня — опасный псих, сбежавший из заключения. Тебе достаточно не так на меня посмотреть, и я с удовольствием спущу курок.

— Я понял.

— Нет, ты не понял. Доминика очень рисковала, вытаскивая тебя из психушки. До сих пор все подозрения в связи с твоим побегом крутятся вокруг оплошавшего охранника, против Доминики у них ничего нет, но она под подозрением у полиции. Они постоянно за ней следят, а это значит, что все мы в опасности. Чуть позже, вечером, мы отправим тебя на катер Рекса. Там есть мини-субмарина...

— Мини-субмарина?

— Именно. Рекс пользовался ею, чтобы исследовать затонувшие корабли. На ней ты отправишься выяснять, что спрятано под поверхностью морского дна. До вечера ты останешься в этой спальне.

Если попытаешься сбежать, я пристрелю тебя и отдам твоё тело копам, затребовав награду.

Она откинула простыню, прикрывающую его ноги. Мик увидел, что его лодыжка прикована к раме кровати.

— Теперь понятно?

* * *

***НАСА: Центр космических полетов имени Годдарда, Гринбелт,
Мэриленд***

Эннис Чейни недовольно проследовал за сотрудником НАСА по стерильному коридору, выложенному белым кафелем.

Вице-президент был в плохом расположении духа. Соединенные Штаты оказались на пороге войны, и его место сейчас было рядом с президентом и начальниками его администрации, а никак не в этом крысятнике по первому же звонку директора НАСА. *Чертов Одноглазый Джек, наверняка это он втравил меня в очередную передрагу...*

Он с удивлением заметил, что у двери конференц-зала стоят охранники.

Узнав Чейни, охранник ввел код в систему защиты и открыл дверь.

— Проходите, сэр, вас ждут.

Директор НАСА Брайан Доддс сидел во главе стола для совещаний, рядом с ним расположились Марвин Теперман и незнакомая женщина в белом лабораторном халате, которой на вид было около тридцати.

Чейни заметил, что под глазами Доддса залегли темные круги.

— Мистер вице-президент, входите. Благодарим за то, что откликнулись на нашу просьбу. Это доктор Дебра Алдрич, ведущий геофизик НАСА. С доктором Теперманом вы уже знакомы.

— Привет, Марвин. Доддс, лучше бы это действительно оказалось важным...

— Это действительно важно. Садитесь, сэр, пожалуйста... — Доддс коснулся переключателя на клавиатуре. Свет в зале начал

гаснуть, над столом появилось голографическое изображение Мексиканского залива.

— Это изображение получено НАСА с океанографического спутника. Как вы и приказывали, мы начали исследовать залив на предмет определения и изоляции источника «черного прилива».

Чейни смотрел, как изображение дернулось, фокусируясь на участке моря, в котором наблюдалось максимальное скопление белых точек.

— При помощи РЛС с синтезированной апертурой, работающего в диапазоне X, мы смогли проследить путь «черного прилива» до указанного этими координатами места, что в тридцати пяти милях от полуострова Юкатан. А теперь смотрите.

Доддс нажал другую клавишу. Голографическое изображение моря расцвело синими и зелеными кляксами, область в центре выделенного участка превратилась в яркий светлый круг, края которого тонули в тусклых тенях желтого и красного.

— Сейчас мы с вами наблюдаем термическое изображение искомой зоны. Как вы можете заметить, под ней находится нечто очень большое, раскаленное до невероятной температуры.

— Сначала мы думали, что засекали подводный вулкан, — добавила доктор Алдрич. — Но по результатам геологических исследований, проведенных Национальной нефтяной компанией Мексики, в том районе нет вулканов. Мы провели еще несколько тестов и обнаружили, что указанная местность излучает огромное количество электромагнитной энергии. Само по себе это неудивительно. Это место находится практически в центре кратера Чикшулуб, на территории которого обнаружены сильнейшие магнитные и гравитационные поля...

Чейни поднял ладонь.

— Простите, что прерываю вас, доктор. Я уверен, что эта тема ваш конек, но...

Марвин схватил вице-президента за запястье.

— Они просто пытаются сказать, что там, внизу, что-то есть, Эннис. Что-то, что может оказаться важнее даже войны. Брайан, вице-президент занятой человек. Почему бы вам не пропустить градиентометрический анализ гравитационных полей и не перейти сразу к данным акустической томографии?

Доддс сменил голограмму. Теперь на месте цветных пятен оказалось черно-белое изображение морского дна. Посреди многочисленных серых разломов была четко видна скважина, больше похожая на искусственно созданный тоннель.

— Сэр, акустическая томография — это техника дистанционного прослушивания, она посылает направленные ультразвуковые импульсы, которые, отразившись от поверхности морского дна, а в данном случае и от стен разлома, позволяют нам увидеть объекты, скрытые под толщей воды.

Чейни с удивлением рассматривал огромный трехмерный яйцевидный объект, который смутно просматривался в конце огромного тоннеля. Доддс изменил параметры изображения, вычленив объект из морского дна и повесив его увеличенную голограмму над головами присутствующих.

— Это еще что такое? — проскрипел Чейни.

Марвин улыбнулся.

— Всего лишь самое великолепное открытие за всю историю человечества.

Неправильной формы овал парил над головой Чейни.

— О чем ты бормочешь, Марвин? Что, черт побери, это за штука?

— Эннис, шестьдесят пять миллионов лет назад объект диаметром около десяти километров, весом около триллиона тонн на скорости семидесяти километров в секунду врезался в тропическое море, которое существовало на том месте, где сейчас находится Мексиканский залив. То, на что мы с вами смотрим, — это остатки того самого объекта, который врезался в нашу планету и уничтожил динозавров.

— Перестань, Марвин, эта штука просто огромная. Как что-то настолько большое могло уцелеть при столкновении?

— А большая часть и не уцелела. То, на что мы смотрим, — всего лишь полтора километра в диаметре, примерно в восемь раз меньше первоначального размера. Ученые долгие годы обсуждали, что же именно врезалось в Землю — комета или астероид. А что, если не то и не другое?

— Прекратите говорить загадками.

Марвин зачарованно уставился на вращающееся голографическое изображение.

— То, на что мы с вами смотрим, — это однородная структура, состоящая из иридия и бог знает каких еще композитных материалов, спрятанная на глубине в полутора километрах ниже морского дна. Структуры внешней оболочки созданы слишком плотными, и наш спутник не в состоянии...

— Структуры оболочки созданы?.. — Запавшие глаза потемнели. — Вы хотите сказать, что эта подземная масса — космический корабль?

— Остатки космического корабля, возможно, даже отдельный, внутренний отсек, который был спрятан в обшивке, как пробковое дерево в мяче для гольфа. Что бы это ни было и чем бы оно ни было раньше, оно смогло уцелеть, в то время как остальная часть корабля разрушилась при столкновении.

Доддс поднял ладонь.

— Подождите минутку, доктор Теперман. Мистер вице-президент, это пока всего лишь предположения.

Чейни уставился на Доддса.

— Да или нет, директор Доддс? Эта штука действительно космический корабль?

Доддс вытер капельки пота со лба.

— На данном этапе мы не можем этого знать...

— Эта дыра в морском дне — она ведет внутрь объекта?

— Мы не знаем.

— Черт побери, Доддс, да что вы вообще знаете?

Доддс перевел дыхание.

— Пока что мы знаем только одно: первейшая наша задача — ввести наши корабли в эту зону прежде, чем другие нации доберутся до этого подземного объекта.

— Вы танцуете вокруг да около, директор Доддс, как заправский политик, и вы прекрасно знаете, что меня это злит. Есть ведь еще что-то, о чем вы умалчиваете, не так ли? Что это?

— Простите, вы правы, я еще не сказал вам многого, очень многого. Думаю, я просто еще не пришел в себя. Кое-кто, и я из их числа, верят, что радиосигнал, полученный из космоса, не был предназначен человечеству. Он... он мог быть спусковым крючком или чем-то в этом роде, сигналом для активации этого инопланетного механизма.

Чейни удивленно посмотрел на Доддса.

— Под активацией вы подразумеваете, что оно проснулось?

— Нет, сэр. Скорее, оно просто включилось.

— Включилось? Поясните.

Дебра Алдрич вытащила из своей папки шестистраничный рапорт.

— Сэр, это копия отчета системы SOSUS, полученного Национальным управлением по исследованию океанов и атмосферы в прошлом месяце от одного биолога из Флориды. В отчете упоминаются неопознанные звуки, которые доносятся из-под поверхности морского дна в центре кратера Чикшулуб. К сожалению, директор Национального управления долго медлил, прежде чем проверить полученную информацию, но теперь мы точно знаем, что сильные акустические сигналы исходили из этой подземной овальной структуры. Там проявляется разнообразная комплексная активность, в основном механического происхождения.

Директор НАСА кивнул.

— Мы отдали запрос в Центральную приемную станцию морского флота в Демнеке, и сейчас они проводят полный анализ всех мощных акустических аномалий, записанных в районе Мексиканского залива на протяжении последних шести месяцев. Поначалу эти данные приняли за обычные помехи, но теперь-то понятно однозначно, что первая акустическая активность проявлена подземным объектом двадцать третьего сентября, — именно тогда радиосигнал из глубокого космоса достиг Земли.

Чейни закрыл глаза и потер виски, чувствуя себя абсолютно выбитым из колеи.

— Но и это еще не все, Эннис.

— О господи, Марвин! Ты не мог бы дать мне минутку, чтобы перевести дыхание, прежде чем... ладно, не обращай внимания, продолжай.

— Простите. Я понимаю, что все это немного чересчур, а?

— Заканчивай.

— Мы закончили анализ структуры «черного прибоя». Когда токсин входит в контакт с любой органической тканью, он не только разлагает клетки, он воздействует на самую клеточную структуру на молекулярном уровне, уничтожая все клеточные связи, что приводит к

полному уничтожению клеточных перегородок и самой ткани. Эта субстанция работает как кислота и, как мы с вами видели, приводит к тотальному кровотечению. Но есть кое-что более интересное — эта субстанция не является вирусом или живым организмом, однако она несет в себе следы странной ДНК.

— ДНК? Господи, Марвин, о чем ты говоришь?

— Это пока только теория...

— Хватит игр. Что это?

— Зоологические выделения. Фекальные массы.

— Фекальные массы? То есть это просто дерьмо?

— Ну да, однако это не просто дерьмо, это инопланетное дерьмо, очень старое инопланетное дерьмо. В слизи обнаружены химические следы и соединения элементов, которые, по нашему мнению, принадлежат живым организмам.

Чейни откинулся на спинку стула, не зная, что и думать.

— Доддс, выключи эту голограмму, пожалуйста, у меня от нее голова болит. Марвин, ты хочешь сказать, что там, внизу, могло что-то выжить?

— Нет, определенно нет, сэр, — вмешался Доддс.

— Я спрашиваю доктора Тепермана.

Марвин улыбнулся.

— Нет, мистер вице-президент. Я ничего подобного не предполагаю. Как я уже сказал, фекальные массы, если это действительно фекальные массы, очень древние. Даже если бы инопланетная форма жизни могла выжить в результате той катастрофы, она наверняка погибла бы задолго до того, как наши предки заселили Землю.

— Тогда объясните мне, какого черта сейчас происходит?

— Хорошо. Как бы невероятно это ни звучало, инопланетный космический корабль, опережающий наши современные технологии на много световых лет, врезался в Землю шестьдесят пять миллионов лет тому назад. Это столкновение стало поворотным моментом в истории человечества, поскольку уничтожило динозавров и позволило нашим предкам развиваться в э-э... это самое человечество. Какая бы форма жизни ни находилась в этом космическом корабле, она наверняка отослала тревожный сигнал в свой родной мир, который, как мы думаем, находится где-то в созвездии Ориона. Это стандартная

процедура при таких обстоятельствах — если бы наши астронавты попали в катастрофу где-нибудь на альфе Центавра или на любой другой планете, от которой нас отделяют тысячи световых лет, они поступили бы точно так же. Естественно, такое огромное расстояние делало бессмысленной спасательную миссию. Как только наши коллеги из инопланетного НАСА в своем созвездии Ориона получили сигнал об аварии, они отправили ответный сигнал, который должен был перезапустить уцелевшие компьютеры на борту погибшего корабля и дать команду отослать домой всю собранную информацию.

Доктор Алдрич согласно кивнула.

— Черная слизь, возможно, автоматически была выброшена в окружающую среду, когда сигнал активировал какую-то инопланетную систему жизнеобеспечения.

Директор НАСА с трудом сдерживал волнение.

— Забудьте о строительстве передатчика на Луне. Если Марвин прав, мы сможем добраться до этого корабля и, возможно, связаться с инопланетным разумом напрямую, используя его же оборудование.

— Это если предположить, что инопланетный мир все еще существует, — сказал Марвин. — Сигнал из глубокого космоса, видимо, был отослан миллионы лет назад. Насколько мы знаем, солнце их планеты могло превратиться в сверхновую...

— Да, конечно, в этом вы правы. Я просто хочу сказать, что у нас появилась невероятная возможность получить доступ к высоким технологиям, образчики которых могли сохраниться внутри этого корабля. Потенциальная важность этих знаний может продвинуть нашу цивилизацию на тысячелетия вперед.

Вице-президент заметил, что у него дрожат руки.

— Кто еще об этом знает?

— Только те, кто находится в этой комнате, и считанные единицы сотрудников НАСА.

— А что насчет этого биолога со станции SOSUS во Флориде?

— Биолог погиб, — сказала Алдрич. — Береговая охрана Мексики выловила его тело из залива в начале этой недели, труп был покрыт черной слизью.

Чейни тихо выругался и добавил:

— Хорошо. Естественно, обо всем этом мне придется немедленно сообщить президенту. Помимо этого, я хочу, чтобы любой публичный

доступ к SOSUS был запрещен. Информировать службы лишь по необходимому минимуму. С настоящего момента операция находится под грифом «совершенно секретно» — это ясно?

— Как насчет снимков со спутника? — спросила Алдрич. — В основном они могут снять лишь небольшую часть поверхностной информации, но это все равно критическая информация. Поэтому спутники GOES^[26] или французская система «СПОТ» начнут крутиться вокруг объекта. Стоит нашему военному или даже научно-исследовательскому судну оказаться в той области, и мы тут же раскроем карты всему остальному миру.

Директор НАСА согласно кивнул.

— Сэр, Дебра права. Однако думаю, что я знаю способ сохранить все в секрете и дать нашим ученым возможность получить доступ к исследованию объекта.

* * *

Вашингтон, округ Колумбия — Майами, Флорида

Энтони Фолетта закрыл дверь кабинета и только после этого сел за стол и ответил по коммуникатору на междугородний звонок.

На мониторе появилось лицо Пьера Борджия.

— Какие новости, доктор?

Фолетта понизил голос.

— Никаких, сэр, но полиция продолжает следить за девчонкой. Я уверен, что он наверняка захочет с ней встретиться...

— Наверняка? Слушай, Фолетта, ты абсолютно точно дал им понять, что Гэбриэл опасен, ясно? Так вот проинструктируй полицейских, чтобы стреляли только на поражение. Либо я получаю его труп, либо ты целуешь на прощанье директорское кресло в Тампе.

— Гэбриэл никого не убил. Мы оба знаем, что полицейские не станут убивать его...

— Так найди кого-нибудь, кто сможет это сделать.

Фолетта разглядывал свои руки, словно обдумывая услышанное от секретаря штата. На самом деле он был готов к этому приказу с того

самого момента, как его пациент сбежал.

— Кажется, я знаю, кто мог бы этим заняться, но его услуги довольно дорого стоят.

— Сколько?

— Тридцать. Плюс расходы.

Борджия фыркнул.

— Фолетта, тебе нельзя играть в покер. Я пришлю двадцать, и ни центом больше. Деньги будут на твоём счету через час.

Видеокоммуникатор замигал, раздались короткие гудки.

Фолетта выключил систему и проверил, записан ли разговор. Несколько долгих минут он просто сидел, обдумывая следующие шаги. Потом вытащил из кармана мобильный и сбросил сообщение на пейджер Раймонда.

* * *

Остров Санибел, Флорида

Белый «линкольн» выехал на усыпанную гравием дорожку двора. Карен Симпсон, крашенная блондинка тридцати одного года, одетая в аквамаринное платье, вышла со стороны водителя, церемонно обошла автомобиль и помогла выбраться своей матери Дори.

На расстоянии в полквартила полицейский в штатском следил из машины наблюдения за тем, как две убитые горем женщины рука об руку медленно направляются к дому Акслеров, где сейчас проводили *шиву* — еврейский обряд прощания с умершим. Для семьи и друзей покойного накрыли столы. Три десятка гостей бродили вокруг них, ели, разговаривали, рассказывали истории из жизни — в общем, как могли, утешали друг друга.

Доминика и Эдди сидели рядом на деревянной скамье, повернутой в сторону залива, смотрели, как вечернее солнце медленно опускается за горизонт.

В километре от берега рыбак на борту пятнадцатиметрового катера «Хаттерас» начал выбирать сети.

Эдди кивнула.

— Похоже, они все-таки что-то поймали.

— Ничего другого они сегодня не поймают.
— Куколка, пообещай мне, что будешь осторожна.
— Обещаю.
— Ты уверена, что справишься с управлением мини-субмарины?
— Да, Из показывал мне... — От этого воспоминания на глаза снова набежали слезы. — Я уверена.
— Сью думает, что тебе стоит взять ее пистолет.
— Я не для того столько сделала для побега Мика, чтобы теперь просто пристрелить его.
— Она считает, что тебе нужно перестать быть такой доверчивой.
— У нее всегда была паранойя.
— А что, если она права? Что, если Мик действительно псих? Он может потерять контроль над собой и изнасиловать тебя. После одиннадцати лет в одиночке он...
— Он этого не сделает.
— Возьми хотя бы мой электрошокер. Он маленький, выглядит как зажигалка. Ты легко спрячешь его в ладони.
— Хорошо. Я его возьму, но он мне не понадобится.
Эдди повернулась к Дори Симпсон, шагавшей в их сторону. Ее дочь Карен пошла в дом.
Доминика встала и обняла Дори.
— Хотите чего-нибудь выпить?
Дори села на скамью рядом с Эдди.
— Да, диетическая содовая не помешала бы. К сожалению, мы приехали ненадолго.

* * *

На борту «Хаттераса» детектив Шелдон Сейнтс, оперевшись локтями о подоконник в капитанской рубке, в сильный бинокль наблюдал за направляющейся к дому Доминикой.

Другой детектив, одетый в джинсовые шорты, футболку с надписью «Буканьеры Тампа-бей» и бейсболку, вошел в кабину.

— Эй, Тед только что поймал рыбу.

— Надо же, как быстро! Мы торчим здесь уже восемь гребаных часов. Передай мне прибор ночного видения, начинается темнеть.

Сейнтс закрепил на бинокле насадку «ИТТ Найт-Маринер 260» и устался на берег, наводя фокус и подстраивая оптику, которая все расцветила в зеленые тона. Спустя пять минут он заметил, как их подозреваемая темноволосая красавица выходит из дома с двумя бокалами содовой. Она подошла к скамейке, предложила содовую сидящим на ней женщинам, потом устроилась между ними.

Прошло еще двадцать минут. Теперь детектив смотрел, как высокая блондинка в аквамаринном платье поднимается со скамьи, помогает встать своей матери и ведет ее к дому.

Сейнтс еще несколько секунд наблюдал за ними, потом перевел бинокль на оставшихся пожилую женщину и темноволосую красотку. Те продолжали сидеть, взявшись за руки.

* * *

Когда Дори Симпсон устроилась на пассажирском сиденье «линкольна», девушка-блондинка завела мотор, вывела машину с усыпанного гравием двора и погнала на юго-запад к главной автостраде острова.

Доминика, просунув пальцы под парик, почесала кожу головы.

— Всегда мечтала стать блондинкой.

— Не снимай парик, пока мы не выедем с пристани. — Дори протянула ей маленький электрошокер размером с обычную зажигалку. — Эдди сказала, чтобы ты всегда носила его с собой. А я пообещала, что проверю. Теперь скажи мне, ты точно справишься с управлением мини-субмарины?

— Точно справлюсь.

— Отлично, потому что я отправляюсь с вами, ребята.

— Нет. Мне было бы спокойнее, если бы вы с Карен присмотрели за Эдди в мое отсутствие.

* * *

К частной пристани и доку в Каптиве они добрались, когда было уже довольно темно. Доминика обняла на прощанье пожилую

женщину, потом направилась в обход дока к деревянному причалу, у которого ее уже ждала небольшая моторная лодка «Греди-Уайт».

Сью Рубен приказала ей отвязать кормовой швартов, и через несколько секунд они уже неслись по водам залива.

Доминика сняла парик, пока его не сдуло, и натянула серую штормовку.

Мик лежал на спине, его правое запястье было приковано наручниками к стойке пассажирского сиденья. Он улыбнулся ей, глядя снизу вверх, потом дернулся, когда лодка запрыгала по невысоким волнам, и врезался затылком в плексигласовое дно.

— Сью, где ключ?

— Я считаю, что пока мы не доберемся до яхты, его лучше оставить там, где он лежит. Нет смысла давать шанс этому...

— Но в таком случае он заработает морскую болезнь прежде, чем мы доберемся до яхты. Дай мне ключ.

Доминика сняла с него наручники и помогла забраться на сиденье.

— Как ты себя чувствуешь?

— Лучше. Железная медсестра прекрасно справилась с работой.

Лодка приблизилась к пятнадцатиметровому траулеру. Сью выключила мотор, позволив лодке приблизиться к самому борту.

Мик забрался на палубу.

Сью обняла Доминику.

— Теперь будь осторожна.

Она вложила «магнум» в ладонь девушки.

— Сью...

— Цыц. Не шуми. И вышиби ему мозги, если он попытается сделать что-то не то.

Доминика опустила пистолет в карман штормовки и взобралась на борт траулера, помахав вслед удаляющейся лодке.

Было очень тихо, траулер медленно покачивался на темных волнах под звездным небом.

Доминика посмотрела на Мика, пытаясь различить в темноте его глаза.

— Думаю, нам пора отправляться.

Расслабься, твой голос звучит чертовски испуганно.

— Дом, сначала я хочу тебе кое-что сказать.

— Забудь. Вместо благодарности просто помоги мне выяснить, что случилось с Изом.

— Я помогу, но сначала я все же хотел бы это сказать. Я знаю, что ты все еще сомневаешься во мне. Знаю, что о многом прошу, но клянусь душой моей матери, я скорее умру, чем позволю чему-то плохому случиться с тобой.

— Я верю тебе.

— И я не сумасшедший. Я знаю, что иногда похож на психа, но я не псих.

Доминика отвела взгляд.

— Я знаю. Мик, нам действительно пора отправляться. Полиция весь день следила за нашим домом. Ключ должен быть под пассажирским сиденьем в кабине. Ты не мог бы этим заняться?

Мик зашагал к рубке. Она подождала, пока он скроется внутри, и достала пистолет из кармана. Глядя на оружие, она вспомнила слова Фолетты. *Я уверен, что Мик будет самым очарованием, пытаюсь произвести на вас впечатление.*

Ожил мотор траулера.

Она снова посмотрела на пистолет, еще раз обдумывая принятое решение, а потом швырнула оружие за борт.

Господи, помоги мне...

29 ноября 2012 года

Мексиканский залив

5:14

Пятнадцатиметровый траулер «Веселый Роджер» мчал на запад под светлеющим утренним небом, на котором медленно гасли звезды. Доминика сидела в капитанском кресле, изо всех сил борясь со сном, но веки слипались. Она устало опустила затылок на подголовник кресла и попыталась сконцентрироваться на книге-пockete. Заметив, что уже в четвертый раз читает одну и ту же фразу, она решила позволить болевшим до рези глазам немного отдохнуть.

Всего несколько секунд. Не вздумай заснуть...

Книга выпала из руки, тихий стук заставил ее открыть глаза. Она вдохнула холодный воздух и уставилась на темный проход, куда уходила лестница, ведущая в каюты под палубой. Где-то там в полумраке спал Мик. Это успокаивало ее и заставляло нервничать одновременно. Хотя яхта шла на автопилоте, Доминика не позволяла себе уснуть. Сидя в одиночестве в капитанской рубке, она пыталась справиться со своим воображением, которое выпустило наружу все ее потаенные страхи.

Это просто смешно. Он же не Тед Банди. Он никогда не обидит тебя...

Она заметила, как сереет линия горизонта за ее спиной. Страх нашептывал ей, что спать днем будет немного безопаснее, и она решила разбудить Мика.

— «Веселый Роджер», прием. Альфа-Зулу три-девять-шесть вызывает «Веселый Роджер», прием.

Доминика схватила рацию.

— «Веселый Роджер». Говорите, Альфа-Зулу.

— Как ты там, куколка?

— Тихо и спокойно. Что случилось? У тебя грустный голос.

— Федералы прикрыли SOSUS. Говорят, что возникли технические проблемы, но я не верю ни единому их слову.

— Черт. Ты думаешь, что...

— А-а-а-а! — От вопля Мика ее сердце чуть не выпрыгнуло из груди. — О боже, Эд, я свяжусь с тобой позже...

— Что это за крик?

— Все нормально, я свяжусь с тобой позже.

Она выключила рацию и сбегала вниз по темной лестнице, подсвечивая себе фонариком.

Мик сидел в дальнем углу, моргая на свет, как перепуганное животное. Его темные широко раскрытые глаза казались просто огромными на-побледневшем лице.

— Мама? — Его голос был хриплым. *Перепуганным до смерти.*

— Мик, все в порядке.

— Мама? Кто вы? Я вас не вижу.

— Мик, это Доминика. — Она включила еще две лампы и присела на край кровати. На его обнаженном торсе она заметила капельки пота. Его мышцы были судорожно напряжены, а руки безудержно тряслись.

Он все еще непонимающе смотрел на нее.

— Доминика?

— Да. Ты в порядке?

Еще пару секунд он разглядывал ее лицо, потом оглянулся по сторонам.

— Мне нужно выбраться отсюда...

Он проскочил мимо нее и затопал по деревянной лестнице, ведущей на палубу.

Доминика поспешила за ним, опасаясь, что Мик может выпрыгнуть за борт.

Она нашла его на носу траулера. Он смотрел вдаль, подставив лицо холодному ветру. Доминика схватила шерстяной плед и, набрасывая его обнаженные плечи Мика, заметила слезы в его глазах.

— Ты в порядке?

Некоторое время он молча смотрел на темный горизонт.

— Нет. Нет, не в порядке. Раньше я думал, что да, но теперь понимаю, что здорово ошибался.

— Может, расскажешь, что тебе приснилось?

— Нет. Не сейчас. — Он посмотрел ей в глаза. — Думаю, я напугал тебя до смерти.

— Все нормально.

— Самое худшее в одиночной камере... самое страшное... это просыпаться с криком, зная, что никого нет рядом. Ты себе представить не можешь эту пустоту.

Она отвела его вниз, на палубу. Мик прислонился к ветровому стеклу капитанской кабины и сбросил плед с левого плеча, приглашая ее присоединиться.

Доминика легла рядом, положив голову на его холодную грудь. Мик накрыл пледом ее плечи.

Несколько минут спустя они оба крепко спали.

* * *

16:50

Доминика вытащила из маленького холодильника две банки персикового чая со льдом, проверила местонахождение траулера по системе навигации и вернулась на палубу. Вечернее солнце все еще припекало, его лучи отражались от воды и танцевали на ветровом стекле, отчего девушке приходилось щуриться. Надев темные очки, она присела рядом с Миком.

— Что-нибудь видишь? Мик опустил бинокль.

— Пока ничего. Нам еще долго плыть?

— Около пяти минут. — Она передала ему банку с холодным чаем. — Мик, я хочу у тебя кое-что спросить. Помнишь, в клинике ты интересовался, верю ли я в существование зла? Что ты имел в виду?

— А еще я спрашивал, веришь ли ты в Бога.

— То есть ты спрашивал об этом с точки зрения религии?

Мик улыбнулся.

— Ну почему психиатры не могут ответить на вопрос, не задав своего?

— Думаю, что нам просто нравится ясность.

— Я просто хотел узнать, веришь ли ты в высшие силы.

— Я верю в то, что за нами кто-то присматривает, касаясь наших душ на каком-то более тонком плане существования. Я думаю, что какая-то часть меня верит в это, потому что ей необходимо верить, потому что эта вера успокаивает. А что ты по этому поводу думаешь?

Мик отвернулся к линии горизонта.

— Я верю в то, что мы наделены духовной энергией, которая существует в другом измерении. Я верю, что в том же измерении существует и высшая сила, с которой мы сможем встретиться только после смерти.

— Не думаю, что мне когда-либо встречалось такое описание рая. А что по поводу зла?

— У каждого инь есть ян.

— То есть ты хочешь сказать, что веришь в дьявола?

— Дьявола, Сатану, Вельзевула, Люцифера — как там его еще называют? Ты сказала, что веришь в Бога. А веришь ли ты в то, что присутствие Бога в нашей жизни влияет на нас, превращает нас в хороших людей?

— Если я стала хорошим человеком, то это потому, что я сама решила быть хорошей. Я верю в то, что людям дана свобода выбора.

— А кто влияет на их выбор?

— Обычные вещи — семейная жизнь, давление общества, непосредственное окружение, жизненный опыт. У всех нас есть предрасположенность, но в конечном итоге только от нас зависит, сможем ли мы понять, что с нами происходит и когда именно нами пытаются управлять подсознание. Принятые нами решения можно судить с позиций добра и зла, однако в любом случае они являются результатом свободного выбора.

— Слышу голос настоящего психиатра. Но позвольте поинтересоваться, мисс Фрейд, а что, если наш свободный выбор не так уж свободен? Что, если окружающий мир, наравне с поведением других людей и их огромным жизненным опытом, подвергается влиянию существа, которое мы не можем ни увидеть, ни понять?

— Что ты имеешь в виду?

— Возьмем для примера Луну. Как психиатр, вы обязаны знать, каким образом циклы Луны влияют на поведение сумасшедших.

— Влияние Луны — довольно спорный вопрос. Мы можем видеть Луну, следовательно, ее влияние на психов может быть результатом

самовнушения.

— Ты можешь чувствовать, как вращается Земля?

— Что?

— Земля. Пока мы с тобой разговариваем, она не только вращается, она летит сквозь пространство со скоростью тридцать километров в секунду. Ты можешь это чувствовать?

— Что ты хочешь сказать?

— Что вокруг нас происходит множество вещей, которые мы не можем ощутить, но от этого они не перестают быть реальными. Что, если эти вещи могут влиять на нашу способность делать выводы, на нашу способность выбирать между тем, что хорошо, и тем, что плохо? Ты считаешь, что у нас есть свобода выбора, но что *на самом деле* заставляет тебя поступать так, а не иначе? Когда я спрашивал, веришь ли ты в зло, я имел в виду зло как невидимую сущность, присутствие которой может влиять на нашу способность судить о вещах.

— Я не уверена, что правильно понимаю...

— Что заставляет подростка палить из автомата по трибунам футбольного стадиона? Почему отчаявшаяся мать запирает своих детей в машине и сталкивает ее в озеро? Что заставляет мужчину насиловать свою падчерицу или... или задушить свою жену?

Она увидела слезу в уголке его глаза.

— Мик, ты думаешь, что существует злая сила, влияющая на наше поведение?

— Иногда... Иногда мне кажется, что я что-то чувствую.

— Что именно?

— Присутствие. Иногда я чувствую, будто ледяные пальцы из иного измерения касаются меня. Каждый раз, когда у меня появляется такое чувство, происходит что-то ужасное.

— Мик, ты провел в одиночном заключении одиннадцать лет. Было бы странно, если бы ты не начал слышать какие-то голоса...

— Это не голоса, это, скорее, шестое чувство. — Он потер глаза.

Эта поездка может оказаться большой ошибкой. Ему нужна помощь. Он, вероятно, на грани нервного срыва.

Доминика внезапно почувствовала себя очень одинокой.

— Ты думаешь, что я псих...

— Я этого не говорила.

— Нет, но ты об этом подумала. — Он повернулся и посмотрел на нее. — Древние майя верили в то, что добро и зло являются физическими сущностями. Они верили, что их великий учитель Кукулькан был побежден злыми силами, богом зла, которого ацтеки звали Тескатлипока — дымящееся зеркало. Они считали, что Тескатлипока мог прикоснуться к душе человека и обмануть его, заставить творить ужасные вещи.

— Мик, это всего лишь майяский фольклор. Моя бабушка рассказывала мне такие же сказки.

— Это не просто сказки. Когда погиб Кукулькан, майя начали приносить в жертву десятки тысяч своих сородичей. Мужчин, женщин, детей — всех убивали во время кровавого ритуала. Множество жертв было принесено в храме на вершине пирамиды Кукулькана — им вырезали сердца из груди. Тысячи девственниц отправлялись по древней мощеной дороге к священному сеноту, где им перерезали горло, а потом бросали в источник умирать. Храмы Чичен-Ицы украшали черепами погибших. Майя тысячи лет жили в мире. Что-то должно было повлиять на них, иначе они не могли так внезапно изменить модель поведения и начать уничтожать друг друга.

— Из дневника твоего отца следует, что майя были очень суеверными, они просто посчитали, что человеческие жертвы могут остановить конец света.

— Да, но было и другое влияние — культ Тескатлипока, который, судя по всему, и спровоцировал это заблуждение.

— То, что ты мне рассказал, никак не доказывает существования зла. Люди уничтожали себе подобных с тех самых пор, как наши предки слезли с деревьев. Испанская инквизиция сожгла тысячи людей. Гитлер и нацисты отправили в крематории и газовые камеры шесть миллионов евреев. В Африке насилие не прекращается до сих пор. Тысячи сербов уничтожены в Косово...

— Именно об этом я и говорю. Человек слаб, он легко поддается влиянию извне. И доказательства этому мы видим повсюду.

— Какие доказательства?

— Даже среди самых честных членов общества процветает коррупция. Дети пользуются своей свободой выбора, чтобы творить жуткие вещи, их сознание не способно воспринимать различие между правильным и неправильным поступком, между жизнью и выдумкой.

В новостях по Си-эн-эн несколько дней назад показывали десятилетнего мальчишку, который взял отцовский пистолет и застрелил двоих одноклассников, которые обижали его в школе. — Мик смотрел на море, его глаза снова подозрительно блестели. — Десятилетний ребенок, Доминика!

— Наш мир болен...

— Именно. Наш мир *действительно* болен. Сама структура общества заражена этой злобной сущностью, влияние которой распространяется как рак, а мы все ищем причины этого там, где их нет. Шарль Бодлер когда-то сказал, что самая изощренная хитрость дьявола состоит в том, чтобы уверить вас, что он не существует. Доминика, я чувствую, как эта сущность становится все сильнее. Я чувствую, как она приближается: открывается галактический портал, зимнее солнцестояние уже близко.

— А что, если эта злобная сущность, которую ты ощущаешь, не появится через три недели? Что ты тогда станешь делать?

Мик выглядел озадаченным.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты что, никогда не рассматривал вариант, что можешь ошибаться? Мик, вся твоя жизнь была посвящена разгадке пророчества майя и спасению человечества. Твое сознание, как и вся твоя личность, формировалось под влиянием этой веры, которую внушили тебе родители. И вера эта усиливалась с каждой новой травмой в твоей жизни, от которой ты прятался в своих мечтах. И не нужно быть Зигмундом Фрейдом, чтобы объяснить, чем на самом деле является это твое ощущение злобного существа.

Глаза Мика расширились все больше с каждым ее словом.

— Что случится, если зимнее солнцестояние наступит, а все на свете останется по-прежнему? Как ты будешь жить, если это произойдет?

— Я... Я не знаю. Это приходило мне в голову, но я не позволял себе надолго об этом задуматься. Я боялся, что если это сделаю, если задумаюсь о нормальной жизни, я могу потерять из виду то, что на самом деле важно.

— На самом деле важно, чтобы ты прожил свою жизнь в полную силу. — Она взяла его за руку. — Мик, используй свой блестящий интеллект, чтоб заглянуть в свое сознание. Тебе с самого рождения

промывали мозги. Твои родители уверяли тебя, что нужно спасти мир, а на самом деле спасти нужно Майкла Гэбриэла. Ты всю свою жизнь посвятил погоне за белым кроликом, как Алиса. А теперь тебя приходится убеждать, что Страны чудес не существует.

Мик лег на спину, глядя в вечернее небо, повторяя про себя слова Доминики.

— Мик, расскажи мне о своей матери.

Он глотнул, прочистил горло.

— Она была моим лучшим другом. Она была моей учительницей, моим товарищем, всем моим детством. Пока Юлиус неделями пропадал, исследуя пустыню Наска, мама окружала меня любовью и заботой. Когда она умерла...

— От чего?

— Тяжелая форма рака. Ей поставили диагноз, когда мне было одиннадцать. И до последнего дня я был ее сиделкой. Она стала такой слабой... Рак просто пожирал ее. Я часто читал ей вслух, чтобы отвлечь от боли.

— Шекспира?

— Да. — Он сел. — Ее любимых «Ромео и Джульетту». «Смерть выпила дыхание твое, но красотой твоей не овладела».^[27]

— А где в это время был твой отец?

— Где ж еще? В пустыне Наска.

— Твои родители были близки?

— Очень близки. Они были по-настоящему родственными душами. И когда она умерла, она забрала его сердце с собой в могилу. Как и часть моего.

— Но если твой отец так ее любил, как он мог оставить ее в тот момент, когда она умирала?

— Мама и Юлиус говорили мне, что их задача куда важнее, куда благороднее простого просиживания штанов у постели. А я сидел и смотрел, как она медленно угасает. Я с самого раннего возраста был отмечен судьбой.

— Каким образом?

— Мама верила, что у определенных людей бывает очень странный дар, определяющий их жизненный путь. Этот дар накладывает на своего носителя огромную ответственность, и тогда приходится многим жертвовать, чтобы не свернуть с этого пути.

— И она верила, что у тебя есть этот дар?

— Да. Она говорила, что я наделен уникальной пронизательностью и острым умом, которые передались по линии ее предков. Она объяснила мне, что те, кто не наделен даром, никогда меня не поймут.

Господи. Родители Мика свернули ему мозги. Понадобятся десятки лет терапии, чтобы вернуть его в нормальное состояние.

— Что?

— Ничего. Просто я думала о Юлиусе, который сбросил на своего одиннадцатилетнего сына все бремя заботы об умирающей матери.

— Это не было бременем, это была моя возможность отблагодарить ее за все, что она для меня сделала. Сейчас, вспоминая это, я не вижу другого выхода.

— Он хоть был с ней, когда она умерла?

— Да, он был с ней, ясно?

Мик посмотрел на горизонт; его взгляд на миг затуманился воспоминаниями, но тут же стал острым как у орла. Он схватил бинокль.

На западе, теперь уже ясно различимый на горизонте, возвышался какой-то объект.

Мик указал на него.

— Там нефтяная платформа, довольно большая. Кажется, ты говорила, что Из ничего подобного тут не нашел?

— Так и было.

Мик настроил окуляры.

— Это не Мексиканская нефтяная компания, на вышке американский флаг. Тут что-то не так.

— Мик...

Он заметил, что к ним приближается катер, перевел на него окуляры.

— Черт, это береговая охрана. Выключи мотор. Как быстро можно спустить на воду эту твою субмарину?

Доминика торопливо шагнула к капитанской рубке.

— За пять минут. Ты собираешься погрузиться сейчас?

— Сейчас или никогда. — Мик бросился на корму, стянул серый брезент с похожей на капсулу субмарины и начал крутить лебедку. —

Береговая охрана нас идентифицирует. И моментально арестует. Эй, захвати с собой еды.

Доминика запихнула в рюкзак контейнеры с едой и бутылки с водой и едва успела спрыгнуть на субмарину, как...

Катер приблизился еще на сотню метров, и его капитан заорал предупреждение.

— Мик, скорее!

— Заводи мотор, я сейчас!

Мик рванулся в рубку за дневником своего отца.

— ЭТО БЕРЕГОВАЯ ОХРАНА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ. ВЫ ВОШЛИ В ЗАПРЕТНЫЕ ВОДЫ. ПРЕКРАТИТЕ АКТИВНОСТЬ И ПРИГОТОВЬТЕСЬ К ВЫСАДКЕ.

Мик схватил дневник в тот самый момент, когда катер береговой охраны поравнялся с бортом «Веселого Роджера». Мик подбежал к лебедке, отпустил ее ручку, освобождая тросы, удерживающие субмарину.

— Не двигаться!

Игнорируя приказ, он спрыгнул вниз, на обшивку шестиметровой мини-субмарины, по железной лестнице взобрался наверх и нырнул в люк.

— Опускай нас, быстро!

Доминика вжалась в кресло пилота, пытаясь вспомнить все, что Из говорил ей об управлении субмариной. Она взялась за руль, нажала на него, и субмарина начала погружаться — киль катера береговой охраны проскрежетал у них над головами.

— Держись.

Субмарина пошла вниз под углом сорок пять градусов, обшивка из титанового сплава завибрировала так, что у Мика заложило уши. Он наклонился и подхватил кислородный баллон, который покатился по полу в сторону капитанского кресла.

— Эй, капитан, а вы уверены, что умеете управлять этой штукой?

— Тоже мне советчик нашелся. — Она уменьшила угол наклона. — Ладно, что у нас дальше по плану?

Мик протиснулся мимо лестницы и присоединился к ней в рубке.

— Нужно выяснить, что здесь происходит, после чего мы отправимся к побережью Юкатана. — Мик бросил косой взгляд на темный иллюминатор из толстого стекла.

В темно-синей воде бурлили мириады крошечных пузырьков, поднимающихся из-под днища субмарины.

— Ничего не вижу. Надеюсь, в этой штуке есть сонар.

— Прямо передо мной.

Мик перегнулся через ее плечо и взглянул на светящуюся оранжевым консоль. Отметил про себя критическую отметку на шкале погружения — сто шестнадцать метров.

— Как глубоко может погрузиться эта штука?

— Эта штука называется «Барнакл». Мне сказали, что это невероятно дорогая французская субмарина, уменьшенная версия «Наутилуса». Она может опускаться на глубину до трех с половиной километров.

— Ты уверена, что знаешь, как ею управлять?

— Из и владелец «Барнакла» катали меня на выходных и устроили краткий курс управления.

— Краткий. Именно этого я и боялся. — Мик оглянулся по сторонам. Рубка «Барнакла» представляла собой трехметровую усиленную сферу, расположенную внутри прямоугольного корпуса судна. Оборудование для обработки данных покрывало все стены, словно трехмерные обои. Пульт управления механической рукой и втяжная изотермическая корзина для образцов полностью занимали одну из стен, вдоль второй тянулись мониторы и акустические приемопередатчики.

— Мик, сделай что-нибудь полезное — активируй, например, тепловизор. Это монитор у тебя над головой.

Он потянулся вверх, включил устройство. Монитор ожил, показав сине-зеленую картинку. Мик взялся за джойстик управления, направив наружные сенсоры носа субмарины на морское дно.

— Ого, а это что такое? — Верх монитора засветился ярким белым светом.

— Что это?

— Я не знаю. На какой мы глубине?

— Сорок метров. Что мне делать?

— Продолжай двигаться на запад. Там впереди что-то огромное.

* * *

Мексиканский залив

Два километра к западу от субмарины «Барнакл»

Эксоновская нефтяная вышка «Сцилла» была полупогруженной плавучей платформой глубинного бурения из пятого поколения платформ «Бинго-8000». В отличие от других нефтяных вышек, у этой огромной конструкции четыре секции возвышались над водой (еще три были погружены в море) на тридцать метров — огромные вертикальные колонны соединялись при помощи двух статридцатиметровых наплавных мостов. Двадцать якорей намертво приковывали конструкцию к морскому дну.

Основанием «Сцилле» служили три палубы. Открытая верхняя, длиной и шириной с футбольное поле, несла на себе двадцатипятиметровую вышку с бурильной установкой из десятиметровых стальных труб.

На северной и южной стороне платформы находились два подъемных крана, на восточном краю находилась восьмигранная площадка для вертолетов. Пункты контроля и технические помещения, столовая и кухня располагались посреди главной палубы. На нижней палубе находились три двигателя мощностью 3080 лошадиных сил, а также оборудование, необходимое для размещения 100 000 баррелей нефти, добываемых в день.

Конструкция, рассчитанная на сто десять человек персонала, была полностью укомплектована, но ни капли нефти не было на острие ее бура. Нижнюю палубу «Сциллы» наскоро переоборудовали, чтобы разместить тысячи разнообразнейших мультиспектральных сенсоров, компьютеров и систем обработки данных, привезенных специалистами из НАСА. Вспомогательное оборудование, соединительные тросы, кабели панели управления тремя ROV — подводными аппаратами дистанционного управления — и штабели стальных труб находились на нижней палубе, надежно скрытые ее обшивкой со всех сторон.

В центре железобетонной палубы находилось круглое отверстие шести метров в диаметре, изначально предназначенное для пропускания вниз сверла бурильной установки. Сквозь эту дыру в полу пробивался мягкий изумрудный свет, отражаясь от потолка и

заливая все рабочую зону палубы, отчего искусственное освещение приобретало странный, неземной зеленоватый оттенок. Техников распирало любопытство: они не упустили возможности еще раз сунуть нос в отверстие и полюбоваться странным светом, который озарял морское дно в семистах метрах под плавучей платформой. «Сцилла» была закреплена точно над огромным, похожим на тоннель отверстием в морском дне. Где-то в недрах этого тоннеля, уходящего в глубь земли на полтора километра, был спрятан источник ослепительного ярко-зеленого излучения.

Верховный главнокомандующий военно-морского флота Чак Маккана и директор НАСА Брайан Доддс следили за двумя техниками, управляющими «Морской совой» — двухметровым аппаратом подводного наблюдения, связанным со «Сциллой» двумя километрами кабеля. Они не сводили глаз с монитора, на котором маленький аппарат достиг расколотой поверхности морского дна и начал погружаться в зияющую воронку.

— Электромагнитное излучение нарастает, — отрапортовал техник, управляющий аппаратом. — Я теряю управление...

— Сенсоры отключаются...

Доддс моргнул от яркого света, залившего монитор, на который транслировалось изображение с камеры «Морской совы».

— На какой глубине находится ROV?

— Менее тридцати метров от края воронки... черт подери, вся электроника вырубилась.

Монитор почернел.

Главнокомандующий Маккана взъерошил узловатыми пальцами короткий ежик седых волос.

— Это уже третий аппарат, который мы потеряли за последние двадцать четыре часа, директор Доддс.

— Я умею считать.

— Я бы сказал, что вам следует подумать о другом способе добраться туда.

— Мы уже работаем над этим. — Доддс махнул рукой в ту сторону, где десяток человек возился со штабелями стальных труб, присоединяя их к находящейся над палубой вышке. — Мы собираемся погрузить сверло в эту воронку. Датчики будут крепиться в начальной секции трубы.

К ним подошел начальник платформы Энди Фурман.

— У нас непредвиденная ситуация, джентльмены. Береговая охрана докладывает, что траулер с двумя пассажирами только что спустил мини-субмарину в двух милях к востоку от «Сциллы». Сонар показывает, что они направляются прямо к объекту.

Доддс встрепенулся.

— Шпионы?

— Больше похожи на гражданских. Траулер зарегистрирован в американской страховой компании на острове Санибел.

Маккана равнодушно отмахнулся.

— Пусть посмотрят. А когда поднимутся на поверхность, береговая охрана их арестует.

* * *

На борту «Барнакла»

Как только мини-субмарина приблизилась к источнику странного света, сочившегося из глубин морского дна, Мик и Доминика прильнули к толстым полимерным иллюминаторам.

— Что за дрянь может быть там спрятана? — спросила Доминика. — Мик, ты в порядке?

Мик, закрыв глаза, часто и прерывисто дышал.

— Мик?

— Я чувствую присутствие. Дом, нам не нужно было сюда спускаться.

— Я не для того проделала такой путь, чтобы теперь повернуть назад. — Над ее головой вспыхнул красный свет. — Датчики субмарины сходят с ума. Из этой дыры так и лупит электромагнитной энергией. Может быть, ты именно ее и чувствуешь?

— Если ты не хочешь сжечь всю электронику на борту, не проводи субмарину сквозь этот луч.

— Хорошо, а мы не сможем подобраться с другой стороны? Я покружу рядом, а ты собери информацию с датчиков.

Мик открыл глаза, уставившись на ряды компьютерных консолей вдоль стен кабины.

— И что именно мне нужно сделать?

Она показала.

— Включи градиометр — это электромеханический датчик гравитации, вмонтированный в днище «Барнакла». Рекс пользовался им, чтобы определить градиент гравитации под поверхностью морского дна.

Мик включил системный монитор, и тот радостно замигал оранжевым и красным, более ярким светом отмечая участки повышенного уровня электромагнитных излучений. Сама дыра сверкала как бриллиант почти ослепительным белым цветом. Мик взялся за пульт управления, расширив поле исследования и на другие участки подводной топографии.

Яркое пятно уменьшилось до светящейся белым точки. Зеленые и синие отметки окружили красные и оранжевые.

— Подожди секунду, мне кажется, я кое-что нашел.

По краю области кратера шли темные точки, которые находились на равном расстоянии друг от друга и образовывали окружность примерно полутора километров в диаметре.

Мик сосчитал точки. И почувствовал, как сводит желудок, а на теле выступает холодный пот. Он схватил дневник отца, пролистывая страницы, и остановился, когда нашел запись от 14 июня 1997 года.

Мик уставился на фотографию округлого изображения, расположенного в центре плато Наска. Внутри этих циклических окружностей Мик когда-то обнаружил карты Пири Рея в иридиевом контейнере. Он насчитал двадцать три линии, исходящие из рисунка Наска как схематические солнечные лучи, последний из которых казался бесконечным.

Двадцать три темные точки окружали огромную дыру в морском дне.

— Мик, что случилось? Ты в порядке? — Доминика поставила субмарину на автопилот и взглянула на монитор. — Что это такое?

— Я не знаю, но идентичная штука была нарисована на плато Наска тысячи лет назад.

Доминика просмотрела запись в дневнике.

— Она не совсем идентичная. Ты сравниваешь линии, высеченные в пустыне, с кучкой черных дыр в морском дне...

— Двадцать три дыры. Двадцать три линии. Ты думаешь, что это просто совпадение?

Она потрепала его по щеке.

— Успокойся, одаренный ты наш. Я подведу субмарину к ближайшей дыре, и мы посмотрим на нее поближе.

«Барнакл» замедлил ход и завис над одной из черных дыр. Из отверстия около семи метров в диаметре поднимался ровный поток пузырьков. Доминика направила один из внешних фонарей субмарины вниз, в зияющую дыру. Луч осветил огромный тоннель, уходящий вглубь под углом сорок пять градусов.

— Что ты по этому поводу думаешь?

Мик смотрел в тоннель, чувствуя, как от знакомого холода сводит внутренности.

— Я не знаю.

— Я бы его исследовала.

— Хочешь пойти в эту адову дыру?

— А разве мы не для этого сюда прибыли? Я думала, что ты хочешь расшифровать пророчество майя.

— Но не так. Гораздо важнее добраться до Чичен-Ицы.

— Почему? — *Он перепуган.*

— Спасение скрыто в пирамиде Кукулькана. А на дне этой дыры нас поджидает только смерть.

— Ага, значит, я спустила в унитаз семь лет колледжа, рисковала попасть в тюрьму — и все лишь для того, чтобы ты гонялся за своим дерьмовым майяским пророчеством. Мы очутились здесь потому, что мне и моей семье необходимо выяснить, что на самом деле случилось с Изом и его друзьями, нам нужно избавиться от груза этой чертовой неясности. Я не обвиняю тебя в смерти моего отца, но раз уж наше маленькое путешествие началось из-за тебя, то ты пройдешь этот путь до конца.

Доминика снова схватилась за штурвал, опуская мини-субмарину прямо в центр тоннеля.

Мик схватился за ступеньки лестницы, чтобы не упасть, когда «Барнакл» с нарастающей скоростью поплыл в глубь черной дыры.

Хлюпанье наполнило субмарину.

Доминика устала в иллюминатор.

— Этот звук идет от стен тоннеля. Кажется, вещество, из которого состоят стены, работает как гигантская губка. Мик, слева от тебя есть датчик с пометкой «спектрофотометр»...

— Вижу. — Он включил систему. — Если я правильно читаю показания этой штуки, то газ, который выделяется из этой дыры в виде пузырьков, — это чистый кислород.

Низкое гудение заставило завибрировать обшивку кабины, по мере их погружения звук нарастал. Мик как раз собирался что-то сказать, когда «Барнакл» внезапно дернулся и пошел вниз с нарастающей скоростью.

— Эй, помедленнее!

— Это не я. Мы попали в какое-то течение. — Он услышал панику в ее голосе. — Снаружи нарастает температура. Мик, кажется, нас затягивает прямо в лавовую трубу!

Он крепче вцепился в ступеньку лестницы, когда все стеклянные приборные панели завибрировали в ответ на глубокий пульсирующий звук.

Мини-субмарина нырнула, завращалась в тоннеле, словно попавшая в сливное отверстие щепка.

— Мик! — Доминика закричала, когда поняла, что утратила контроль над «Барнаклом». Она зажмурилась и крепко обхватила жесткие подлокотники кресла, когда в кабине выключился свет и они очутились в полной темноте.

Она чувствовала, что уже на грани гипервентиляции, и ждала лишь удара, который заставит субмарину потерять герметичность, после чего их просто раздавит тяжестью морской воды. *О Господи Боже, я же сейчас умру, помоги мне, пожалуйста...*

Мик руками и ногами вцепился в лестницу, стиснув ладони изо всех сил. *Не борись с этим, пусть приходит. Пусть закончится все это безумие...*

Головокружение — это мини-субмарина все вращается и вращается, словно попав в огромную стиральную машину.

Звонкий удар — сильный рывок, — словно невидимый кулак с невероятной силой ударил «Барнакл» снаружи, и Мика оторвало от лестницы, отбросив к пульту управления. Больно ударившись головой и грудью, так что из легких вышибло весь воздух, он потерял сознание.

*Мексиканский залив**2437 м ниже уровня морского дна*

Сумасшедший грохот пульса, отдающийся в висках, заставил Мика открыть глаза. Тишина.

Он лежал на спине, ноги висели в воздухе, верхнюю часть тела сдавливали спутанные обрывки проводов и осколки оборудования. В кабине было влажно и практически темно; единственным источником света было оранжевое мерцание монитора где-то вдали. Верх и низ, лево и право поменялись местами, а теплая жидкость, заливающая рот, заставила его закашляться.

Он перекатился на живот, выплюнул кровь изо рта, пытаясь удержать равновесие на груде разбитых компьютерных мониторов и навигационного оборудования. Потом попытался вспомнить, где он находится и как его зовут.

Мини-субмарина. Тоннель... Доминика!

— Дом? — Он снова сплюнул кровь и перебрался через груды разбитого оборудования, закрывавшего кресло пилота. — Дом, ты меня слышишь?

Она была без сознания, все так же сидела, пристегнутая ремнями к креслу, обмякнув и уткнувшись подбородком в грудь. С колотящимся от ужаса сердцем он осторожно откинул спинку кресла и уложил Доминику, бережно придерживая ее окровавленную голову. Проверил, дышит ли она; дыхание было поверхностным. Затем ослабил ремни безопасности и осмотрел глубокую кровоточащую рану на лбу. Мик снял футболку, разорвал пропитанную потом ткань на длинные полосы, сделал временную повязку на рану и попытался отыскать аптечку в разгромленной кабине.

Доминика застонала. С трудом села, повернула голову в сторону, и ее вырвало.

Мику удалось отыскать аптечку первой помощи и бутылку с водой. Вернувшись к Доминике, он заново перевязал рану и достал из аптечки компресс.

— Мик?

— Я рядом. — Он сжал компресс, чтобы раздавить содержащую лекарство капсулу, приложил его к ее лбу и закрепил остатками футболки. — У тебя серьезное ранение. Кровотечение почти остановилось, но есть вероятность сотрясения.

— Кажется, у меня сломано ребро, мне тяжело дышать. — Она открыла глаза и с болью посмотрела на Мика. — Ты весь в крови.

— Я сломал нос. — Он протянул ей бутылку с водой.

Она закрыла глаза и сделала глоток.

— Где мы? Что произошло?

— Мы прошли сквозь тоннель и во что-то врезались. Мини-субмарине конец. Система жизнеобеспечения едва функционирует.

— Мы все еще внутри тоннеля?

— Я не знаю. — Мик подошел к переднему иллюминатору и посмотрел наружу.

Аварийные наружные огни «Барнакла» освещали темную тесную пещеру — воды в ней не было. Нос мини-субмарины застрял между двумя темными вертикальными стенами. Пространство между ними резко сужалось, заканчиваясь изогнутой, обшитой металлом дверью.

— Господи, где же мы, черт тебя подери?

— Что это?

— Я не знаю. Какая-то подземная пещера. Субмарина застряла между какими-то стенами, но снаружи сухо.

— Мы можем отсюда выбраться?

— Не знаю. Я даже не уверен, где именно находится это самое «сюда». Ты заметила, что вибрация прекратилась?

— Ты прав. — Она услышала, как он копается в обломках. — Что ты делаешь?

— Ищу водолазный костюм. — Ему удалось отыскать костюм, маску и кислородный баллон.

Доминика со стоном села — и снова легла, одолеваемая болью и головокружением.

— Что ты собираешься делать?

— Где бы мы ни были, мы здесь застряли. Я собираюсь узнать, есть ли способ отсюда выбраться.

— Мик, стой. Мы спустились на милю. Давление раздавит нас, как только ты откроешь люк.

— В пещере нет воды, значит, давление нормализовалось. Думаю, нам стоит рискнуть. Если останемся сидеть здесь, все равно умрем. — Он снял кроссовки и принялся влезать в облегающий неопреновый водолазный костюм.

— Ты был прав. Нам вообще не стоило спускаться в тоннель. Это просто глупо. Мне следовало послушать тебя.

Он замер на миг, а затем склонился над ней.

— Если бы не ты, я до сих пор был бы «овощем» у Фолетты. Просто сиди здесь и постарайся не двигаться, пока я буду вытаскивать нас отсюда.

Она моргнула, отгоняя слезы.

— Мик, не бросай меня. Пожалуйста, я не хочу умирать в одиночестве.

— Ты не умрешь.

— Воздух. Сколько осталось воздуха?

Он повернулся к панели управления, посмотрел на приборы.

— Почти на три часа. Постарайся успокоиться.

— Подожди, не уходи вот так сразу. — Она схватила его за руку. — Просто обними меня на минуту. Пожалуйста.

Он опустил на колени и обнял Доминику, крепко прижавшись щекой к ее щеке, чувствуя, как она дрожит, и вдыхая ее запах.

— Я вытащу нас отсюда. Обещаю, — прошептал он ей на ухо.

Она прижалась к нему еще крепче.

— Если у тебя ничего не получится... если здесь нет выхода... Пообещай мне, что вернешься.

Он сглотнул, прогоняя стоявший в горле комок.

— Я обещаю.

Их объятия длились несколько минут, пока боль от врезающегося в тело водолазного костюма Мика стала совсем невыносимой.

— Мик, погоди. Посмотри под моим креслом. Там должен быть небольшой набор инструментов.

Он извлек небольшую жестяную коробку, открыл ее и достал нож, несколько сигнальных ракет и газовую зажигалку.

— Под сиденьем есть еще небольшой баллон с чистым кислородом. Возьми его.

Он вынул баллон с дыхательной пластиковой маской.

— Слишком много снаряжения, тяжело нести. Я оставлю его тебе.

— Нет, забери его. Если у тебя закончится воздух, мы оба умрем.

Он снова надел кроссовки, примотал нож клейкой лентой к щиколотке. Затем открыл клапан большего из баллонов, чтобы проверить работу загубника. Надел спасательный жилет и кислородный баллон на спину. Закрепил меньший баллон на поясе с помощью застежек на липучке. Распределил сигнальные ракеты и зажигалку по карманам жилета, затем, чувствуя себя вьючным мулом, поднялся к люку субмарины по лестнице, угол наклона которой теперь составлял тридцать градусов.

Мик развинтил запирающий вентиль, глубоко вдохнул и толкнул люк, пытаясь его открыть.

Никакого эффекта.

Если я ошибся насчет давления, мы вместе умрем прямо здесь.

Он помедлил, оценил шансы, затем снова попробовал открыть люк, на этот раз навалившись на титановую крышку плечом. С шипением крышка люка отошла от резинового уплотнителя и открылась.

Мик вылез из субмарины, взобрался на верх корпуса, захлопнул люк и выпрямился.

Бамс! Он прикусил загубник, больно стукнувшись макушкой о каменный потолок.

Пригнувшись, чтобы сохранить равновесие, он потер шишку и огляделся по сторонам. С верха «Барнакла» было видно, что они находятся в гигантском помещении в форме сплюсненной сферы, освещенном аварийными огнями «Барнакла». Нос подлодки прочно зажимали две изогнутые лопасти шириной около двух с половиной метров каждая. Луч фонарика выхватил из тьмы еще по крайней мере десяток подобных конструкций, расположенных друг над другом и крепящихся на центральном столбе, словно ветряки на уложенной горизонтально мельнице.

Мик смотрел на механизм, изучая окружающую обстановку. С каждым вдохом в ушах отдавался визг клапана. *Я знаю, что это. Это турбина, гигантская турбина. Нас, должно быть, засосало входящим*

потоком. Сейчас ревущий звук утих. Субмарина заблокировала лопасти, вращение прекратилось, поскольку мы застряли в ней.

Мик спрыгнул с «Барнакла» на скользкую металлическую поверхность древней лопасти. *Куда подевалась морская вода?*

Вдруг его нога соскользнула по металлической поверхности. Мик попытался сохранить равновесие, но врезался правым локтем и бедром в покрытую слизью стену. Раздался звук глухого удара. Мик застонал от боли и оглянулся.

Луч фонарика высветил пористую черную, похожую на губку субстанцию на центральной части стен и потолка. Ему на голову закапала морская вода.

Мик выпрямился, приподнялся, став на цыпочки, и с удивлением обнаружил, что пористый материал невероятно хрупкий, как пенопласт, только тверже. Он достал нож и ударил по потолку, отколов несколько кусков ломкого, похожего на известняк камня, пропитанного морской водой.

Прислушался. Звук вырывающегося откуда-то воздуха отдавался эхом от стен шахты, справа от него казался громче. Мик подтянулся и ухватился за верх правой лопасти, а затем направил луч фонарика на потолок.

Звук доносился из полутораметрового отверстия в потолке шахты, находившегося над следующей лопастью. Уходя вверх практически под прямым углом, темный проход больше всего напоминал странный мусоропровод.

Мик перелез через металлическую лопасть, остановился под отверстием и ощутил на лице порыв горячего ветра.

Вентиляционная шахта?

Подвинувшись к ближайшему краю лопасти, Мик взобрался на ее ребро, едва удержав равновесие на шестисантиметровом срезе и потянулся к краю шахты, рукой нащупал небольшой выступ — скользкий, но вполне подходящий в качестве опоры.

Мик осторожно выпрямился, балансируя на вершущке лопасти, подтянулся к выступу в люке шахты и навалился животом на ее край. Затем он повернулся и уперся ногами в противоположную стену трубы, локтями и кислородным баллоном прижимаясь к стене за спиной. Снова посмотрел вверх, чувствуя на лице горячий ветер, и

увидел в свете фонарика длинную трубу шахты, поднимающуюся над отверстием под углом семьдесят градусов.

Это будет трудно...

Упираясь ногами и спиной в стенки шахты, он медленно пробирался вверх, сантиметр за болезненным сантиметром, как альпинист, взбирающийся по узкой вертикальной трещине горы. Поднимаясь на метр, он соскальзывал вниз на треть проделанного расстояния, стонал от напряжения, потом вытирал пот с ладоней и ждал, когда к обожженной плоти вернется чувствительность, и снова начинал подъем по скользкой металлической поверхности.

У него ушло двадцать минут на то, чтобы добраться до верха тридцатиметровой шахты. В угольно-черной темноте его поджидал... тупик.

Мик прижался затылком к стене и в отчаянье застонал сквозь загубник. Мышцы ног, перенапряженные во время подъема, угрожающе дрожали, давая знак, что скоро не выдержат, а значит, он рухнет вниз с огромной высоты. Он уперся обеими руками в стены, уронив при этом фонарик.

Черт...

Окруженный темнотой, он слушал, как фонарик ударяется о стенки шахты и под конец со звонким ударом разбивается о дно.

Если не будешь осторожен, отправишься следом.

Очень осторожно, обдумывая каждое движение, он достал газовую зажигалку и осветительный патрон из кармана жилета. Следующие пять минут, обливаясь потом, он пытался зажечь фитиль.

Мик беспомощно уставился на газовую зажигалку, полную горючего, которая отказывалась работать. *Идиот, без кислорода невозможно зажечь огонь.*

Глубоко вздохнув, он вынул загубник изо рта и направил поток воздуха на зажигалку. Оранжевый огонек вспыхнул, наконец позволив Мику поджечь сигнальный патрон.

Красное пламя с шипением осветило то, что оказалось двумя небольшими гидравлическими петлями, на которых крепилась крышка. При помощи ножа он вывинтил болты петель — из отверстий хлынула темно-синяя горячая жидкость, залившая его водолазный костюм. Мик снова взял загубник в рот и попытался затылком приподнять крышку люка.

Люк подался на несколько сантиметров.

Орудую так близко к крышке, как только осмеливался, Мик откинул инопланетный люк и вцепился пальцами в край отверстия. Он чуть не упал, повиснув над черным провалом, но все же смог подтянуться и выбраться на поверхность, оказавшуюся металлической решеткой. Упав на четвереньки, он некоторое время мог лишь дрожать от усталости. От высокой температуры маска запотела, лишив его возможности осмотреться.

Мик снял маску, но во рту у него настолько пересохло, что он не мог сплюнуть. Он вытер слезы с покрасневшего от жара лица и посмотрел вверх.

О Господи...

Ослепленный, он опустился на пол, дрожащие ноги его больше не держали. Глаза Мика расширились, мысли с такой скоростью проносились в мозгу, что он не успевал осознать их до конца. Пот заливал лицо, струился по телу, собираясь под подкладкой водолазного костюма. Сердце колотилось с такой силой, словно хотело вырваться наружу; Мик скорчился на металлической решетке, пытаясь перевести дыхание.

Я в аду...

Он оказался в огромной темной овальной комнате, которая по размеру превышала Супердоум в Новом Орлеане,^[28] если оттуда убрать арену. Внутреннюю поверхность стен облизывали языки невероятно жаркого ярко-алого пламени, которые искрились и трепетали, словно струи перевернутого водопада, вырываясь из пола и исчезая в непроглядной тьме у потолка.

Но тьма не была крошечной! В десятке метров над его головой, освещая центр темной бездны, зияла яркая изумрудно-зеленая воронка трепещущей энергии — миниатюрная спиральная галактика, медленно, беспрестанно вращающаяся против часовой стрелки, словно пульсирующий космический вентилятор.

С благоговейным ужасом Мик смотрел на неземное сияние галактики, очарованный ее красотой, ошеломленный ее величием, теряясь в догадках, кто или что могло создать это чудо. Он заставил себя закрыть глаза, чтобы защитить пульсирующие жгучей болью зрачки, и попытался привести мысли в порядок.

Доминика...

С трудом поднявшись на ноги, он снова открыл глаза и осмотрел помещение.

Он стоял на решетке из металлической сетки, преграждавшей вход в открытую шахту. В полуметре под ней, заполняя всю комнату, словно гигантскую чашу, переливался поток серебристой, похожей на ртуть жидкости, на поверхности которой отражались танцующие языки пламени. Черные завитки дыма поднимались над беспокойной поверхностью этого моря расплавленного металла, словно пар над кипящим котлом.

Мик повернулся к мерцающим в отблесках ярко-алого огня стенам. Прямо под языками пламени решетка уходила в стену, отчего комната напоминала мистический гриль. Над множеством тонких ячеек сетки, покрывающей пол, дрожало марево, которое бывает, когда горячий воздух поднимается над раскаленным дорожным покрытием.

А вытяжная труба здесь... вентиляционная шахта?

Мик смотрел на удивительное пламя, которое не разгоралось, но и не утихло, а просто поднималось вертикально вверх, заливая стены кровавым заревом. В его сознании роились дикие мысли. *Что, если я уже умер? Может, мой труп остался там, в субмарине? А я сейчас стою в аду?*

Он опустился на край платформы и так остался неподвижным, полусидя-полулежа, слишком слабый и обескураженный, чтобы двигаться. Ему удалось выжать из себя немного слюны и очистить стекло маски. Снова надев ее, он вспомнил о маленьком баллоне. Мик несколько раз вдохнул чистый кислород, надеясь прочистить сознание.

Именно тогда он заметил дыру в своем водолазном костюме. Он содрал кожу на правом колене, рана обильно кровоточила. Мик осторожно коснулся горячей крови и, не веря собственным глазам, принялся рассматривать ее, словно неведомую форму жизни.

Его кровь была синего цвета.

Где я нахожусь? Что со мной происходит?

Словно отвечая на его мысли, огромный заряд энергии молнией пронесся над поверхностью расплавленного металла. Мик наклонился вперед, чтобы рассмотреть что-нибудь через запотевшую маску, хотя он только что протирал ее.

Вдруг произошло нечто еще более странное. Как только Мик снял маску, мощная волна невидимой энергии поднялась с поверхности

озера, словно пар, и ударила его по руке. Маска взмыла в воздух и зависла в полуметре над его головой.

Мик поднялся. Потянувшись за маской, он ощутил сильнейшее поле электромагнитной энергии, на соприкосновение с которой его мозг отозвался вибрацией, словно камертон.

Потеряв ориентацию в пространстве, Мик слепо потянулся к маленькому кислородному баллону; перед его глазами плясали кровавые пятна. Он оступился и упал на металлическую решетку, глотнул кислорода и закрыл глаза, пытаясь справиться с головокружением.

— *Майкл...*

Мик открыл глаза, его дыхание сбилось.

— *Майкл...*

Он уставился на поверхность озера.

У меня начались галлюцинации?

— *Иди ко мне, сынок.*

Кислородная маска упала с его лица.

— Кто здесь?

— *Я скучал по тебе.*

— Кто ты? Где я? Что это за место?

— *Мы называли пустыню Наска нашим личным маленьким чистилищем, помнишь, Майкл? Или твой блестящий ум потускнел от стольких лет одиночного заключения?*

Мик почувствовал, как участился его пульс. По обожженным щекам потекли слезы.

— Папа? Пап, это правда ты? Я что, умер? Пап, где ты? Я тебя не вижу. Как ты здесь очутился? И где это здесь?

— *Иди ко мне, Майкл, и я все тебе покажу.*

Как во сне, он шагнул с края решетки и рухнул в озеро.

— О господи, ох, черт!

Мик смотрел вниз, его разум переполняли чувства. Он словно стал невесомым, гравитация больше не имела значения, он парил над серебристой поверхностью, а изумрудно-зеленые волны энергии пронизывали каждую клеточку его тела. Волна высокого напряжения пронзала его тело до самого затылка, от чего волосы на его голове встали дыбом. Страх и адреналин боролись за контроль над его

мочевым пузырем. Почувствовав, что кислородный баллон улетает в сторону, Мик быстро затянул его ремни и прижал регулятор ко рту.

— *Иди ко мне, Мик!*

Один-единственный шаг вперед продвинул его на такое расстояние, которого не мог бы покрыть и легендарный Барышников. [29] Набравшись смелости, он сделал еще пять шагов и понял, что может парить над широким зеркалом озера, словно бескрылый ангел, поддерживаемый неведомой силой.

— Пап?

— *Еще чуть ближе...*

— Пап, ты где?

В дальнем углу он заметил огромную угольно-черную платформу, парящую в метре над поверхностью мерцающего озера, как лодка Харона в аду. Дрожь пробрала его до костей, когда он понял, что не может остановиться: инерция в этом невесомом мире тащила Мика прямо к платформе помимо его воли.

Попался.

Мик в панике дернулся назад, но от этого его перевернуло, поверхность озера ушла из-под ног и оказалась над головой. Он перевернулся на живот, беспомощно болтаясь в воздухе, и энергетическое поле снова увлекло его тело к платформе, туда, откуда исходило ощущение чьего-то леденящего злобного присутствия.

Мик больно стукнулся коленями, свалившись на платформу в почти молитвенной позе. Задышающийся, охваченный страхом, он поднял взгляд на удерживающий его предмет.

Платформа оказалась шириной с локомотив и длиной с футбольное поле. Множество тонких трубчатых щупалец поднимались от днища платформы и охватывали странный объект из чего-то похожего на дымчатое стекло. Конструкция неприятно напоминала кровеносную систему какого-то существа.

— *Почему ты боишься меня, Майкл?*

Фиолетовая энергия хлынула из-под поверхности цилиндра, на миг высветив темные очертания загадочного существа.

Мик был парализован страхом, его лицо превратилось в застывшую маску, ноги больше не слушались и не держали тело.

— *Посмотри на меня, Майкл. Посмотри на своего создателя.*

Мысли Мика заметались, когда невидимая сила прижала его голову к этой похожей на стекло поверхности. Он чувствовал чье-то присутствие в этой задымленной комнате — присутствие чистого зла, отчего волна желчи прокатилась по пищеводу до горла. Майкл поперхнулся. Он зажмурил глаза, опасаясь, что сознание не выдержит того ужаса, с которым он оказался лицом к лицу.

Волна энергии раздвинула его веки, заставляя смотреть.

Он увидел, как сквозь желтоватый туман к поверхности стекла поднимается чье-то лицо. Сердце Мика готово было выпрыгнуть из груди.

— Нет...

Это был Юлиус, его отец, это его всклокоченные, как у Эйнштейна, седые волосы, его морщинистое лицо с выдубленной солнцем кожей проступало сквозь дымку стекла. Знакомый ласковый взгляд карих глаз заставил Мика вздрогнуть.

— *Майкл, как ты можешь бояться собственного отца?*

— Ты не мой отец.

— *А чей же еще? Вспомни, Майкл. Разве ты забыл, как умирала твоя мать? Ты ненавидел меня за то, что я сделал. Ты смотрел на меня так же, как сейчас, — И ТЫ ПРИГОВОРИЛ МЕНЯ К АДУ!*

Чудовищный голос эхом отдавался в ушах. Мик закричал сквозь регулятор, чувствуя, как в его сознании лицо Юлиуса сменяется парой кроваво-красных светящихся глаз, напоминающих глаза рептилии, золотые раскаленные зрачки которых жгли его душу и рвали на части сознание.

Мик подавился кровью и криком, когда его сознания коснулись леденящие пальцы смерти. Невероятное количество адреналина, выплеснувшееся в кровь, дало ему возможность спрыгнуть с платформы, но лишь для того, чтобы неведомая сила остановила его в воздухе.

— *Я следил за тобой все это время, сын, я ждал, что этот день настанет. Я знаю, что ты чувствовал мое присутствие. Скоро мы снова будем вместе. Скоро мы воссоединимся...*

Сквозь туман, застилающий сознание, Мик посмотрел вверх, на вращающуюся модель спиральной галактики. Она завращалась быстрее. С нарастанием скорости в центре расплавленного озера начал формироваться столб зеленого цвета, взмывающий к потолку, как

сияющий изумрудный торнадо. Вращение галактики увлекло за собой столб зеленого света, и теперь вместе с ней вращалась дымящаяся жидкость, формируя воронку водоворота.

Сознание Мика вопило от боли, глаза выкатывались из орбит. Сквозь овладевшее им безумие он увидел смиренную рубашку в центре водоворота, видение, созданное чем-то до сих пор скрытым под расплавленной поверхностью озера.

И вот оно начало проявляться, вырастать в зеленом столбе энергии — существо черное как ночь, явно хищная форма жизни, похожая на рептилию с огромными трехметровыми крыльями. Пара трехпалых конечностей с загнутыми когтями поддерживала его торс. Безлицый череп, по форме напоминающий наковальню, постепенно сужался, переходя в кривой узкий выступ, похожий на рог, врал в позвоночник и заостренным хвостом спускался на треть ниже крыльев. Раскаленная сфера янтарного света сияла у основания шеи существа, словно третий, лишенный зрачка глаз.

Мик зачарованно смотрел, как потолок над спиральной галактикой растворяется, открывая вертикальную шахту в толще морского дна. Вода в шахте тоже вращалась, формируя око громадного водоворота.

Мик схватил маленький баллон с кислородом, прижал его к груди. Затем сбросил маску, и ту сразу же отнесло прочь.

С громоподобным звуком раскрылся центр потолка, вибрирующий рев заполнил комнату. Мик почувствовал, как лопаются барабанные перепонки, когда море хлынуло в комнату и тонны воды рухнули сверху, обрамляя вертикальный столб энергии, словно Ниагарский водопад.

Мик в отчаянии осматривал комнату, как вдруг заметил двадцать три идентичные шахты. Все, кроме одной, они открылись, чтобы поглотить потоки воды.

Нарастающий грохот инопланетных турбин подсказал ему, что вся морская вода скоро будет выкачана отсюда.

Схватив зажигалку, Мик открыл заглушку маленького баллона, подпитывая пламя невидимой струей кислорода. Спрессованный газ сработал как ракетный двигатель, вдавив основание баллона в живот Мика, отчего он полетел спиной вперед прочь от отверстия.

Его пронесло над озером расплавленного металла и швырнуло в яростный поток морской воды, бурлящий над поверхностью.

Отбросив опустевший баллон в тот миг, когда его накрыло водой, Мик бешено заработал руками и ногами, подхлестнутый адреналином, прорываясь к шахте, из которой выбрался.

Он схватился за решетку люка и подтянулся; позади бушевала поднимающаяся вода.

Мик рывком открыл люк, посмотрел в темный зев шахты. *Не останавливайся, не думай, просто прыгай!*

Он прыгнул, пролетев первые метры тридцатиметровой шахты, уходящей под углом семьдесят градусов в непроглядную темноту, кислородный баллон на его спине заскрежетал, на миг заглушив даже рев воды над головой. Расставив руки пошире, насколько возможно в узкой шахте, он безуспешно пытался замедлить падение, используя резину водолазного костюма как тормозную колодку. Он вылетел из шахты, как пуля из ствола, врезавшись в вертикально стоящую лопасть турбины. Помотав головой, он поднялся на ноги. Мощная вибрация свидетельствовала о пробуждении гигантского устройства к жизни.

Перебирайся... возвращайся в субмарину!

Мик перебросил свое тело через край лопасти в тот самый момент, когда лавина морской воды обрушилась с потолка. Он приземлился на ноги, в панике заметив, что лопасти приходят в движение, теперь уже в обратную сторону, пытаясь вытолкнуть «Барнакл» на поверхность.

Поспеши, субмарина не должна уйти без тебя!

Спотыкаясь в потоке воды, уже достигавшем коленей, Мик сделал глубокий вдох и сбросил со спины кислородный баллон. Освободившись от лишнего груза, он тут же врезался в титановую оболочку субмарины, сбитый с ног принесенным сзади потоком. Мик чуть не потерял сознание, ударившись об обшивку судна.

Турбина быстро заполнялась водой, давление нарастало, грозя в любой момент вытолкнуть субмарину. Мик добрался до крыши «Барнакла», ощущая на себе, с какой жуткой силой нарастает давление, открыл люк, запрыгнул внутрь и ловко задраил отверстие.

Водяной поток омывал субмарину, ее корпус ворочался в трубе.

Мик скатился по лестнице, больно ударившись о куски разбросанного и разбитого оборудования, когда «Барнакл» наконец

вырвался на свободу.

Натужный, оглушающий вой огромной турбины, разогнавшейся до ста оборотов в секунду, сопровождал субмарину, которая пулей вылетела из отверстия шахты вперед и вверх.

* * *

На борту «Сциллы»

08:40

— Это водоворот! — Капитан Фурман оттолкнулся от приборной панели; пол танцевал под ногами, а стальное сверло весом двадцать тонн каталось по нижней палубе, сшибая все на своем пути.

Звук скрежещущего металла заполнил все вокруг.

Со стоном верхняя палуба семиэтажной платформы качалась с угрожающей амплитудой, «Сцилла» наклонялась практически на шестьдесят градусов в каждую сторону, и десяток тросов мертвых якорей отказывались удерживать ее от соскальзывания в гигантскую воронку.

Техника и оборудование рассыпалось по палубам, приборы скатывались в отверстие, исчезая в бешеном изумрудном море.

Оставшиеся якорные цепи лопнули, вышка оторвалась от морского дна. Плавающая конструкция на миг выровнялась, затем начала вращаться, раскачиваясь и подпрыгивая, — ее засасывал светящийся водоворот.

Ночную тишину пронзил вой аварийных сирен. Из отсеков вышки начали выпадать рабочие, и их тут же калечило пролетающими обломками. Их мир бешено вращался, вызывая головокружение, и они, спотыкаясь, спускались по лестничным шахтам на нижнюю палубу, где с лебедок свисала дюжина спасательных шлюпок.

Брайан Доддс оглушаемый ревом и воем водоворота, схватился за тросы, удерживающие одну из шлюпок. Лодка находилась в двух метрах под ним, однако «Сцилла» теперь бешено раскачивалась, поэтому спускаться в шлюпку было уже бессмысленно.

Нефтяную вышку, захваченную и удерживаемую на стене воронки центробежной силой водоворота, бросало из стороны в сторону. Директор НАСА открыл глаза, заставляя себя смотреть на слепящий свет, льющийся посреди бушующего моря. Доддс еще крепче уцепился за тросы и сделал отчаянный вдох, когда его окатила четырнадцатиметровая волна, захлестнувшая нижнюю палубу и сорвавшая с креплений последние спасательные шлюпки.

Желудок Доддса сжал болезненный спазм, а глаза недоверчиво распахнулись, когда центр воронки достиг морского дна. Вышка вращалась на краю семидесятиметровой пропасти. В ослепительно-изумрудном безумии он заметил нечто — черную крылатую тварь, которая уверенно поднималась из водоворота, словно демон из ада.

Крылатая тварь миновала его и исчезла в ночи, и в этот же момент «Сцилла» завалилась набок и обрушилась в бездну.

* * *

Лишенное жизни создание со сверхзвуковой скоростью мчалось вдоль Мексиканского залива, легко скользя на упругой подушке антигравитации. Продвигаясь на юго-восток, оно набрало высоту, поток энергии пронес его над горами Мексики и дальше, к Тихому океану.

Достигнув океана, существо при помощи заранее запрограммированных датчиков скорректировало свой курс и повернуло к западу. Скорость существа снизилась ровно настолько, чтобы на протяжении этого зловещего полета оно не покидало ночного полушария планеты.

ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА

Наш медовый месяц в Каире был блаженством.

Мария была для меня всем — родственной душой, возлюбленной, компаньоном, лучшим другом. И признание, что я был целиком и полностью поглощен ею, не будет преувеличением. Ее красота, ее запах, ее сексуальность — все настолько пьянило меня, что я и в самом деле был пьян от любви, я был готов, если не сказать жаждал, забыть мою клятву разгадать загадку майя лишь для того, чтобы вернуться в Штаты со своей молодой женой.

Стать семьей по-настоящему. Зажить нормальной жизнью.

Но у Марии были другие планы. Через неделю после нашего медового месяца она настояла на продолжении путешествия сквозь прошлое человечества, и мы отправились исследовать Великую пирамиду в надежде отыскать подсказки, которые могли бы связать это великолепное египетское сооружение с рисунками на плато Наска.

Кто мог бы спорить с ангелом?

* * *

Когда дело касается Гизы, то вопрос, *кто* построил Великую пирамиду, так же важен, как *когда*, *как* и *зачем*. Видите ли, строения Гизы сами по себе являются парадоксом, загадкой в загадке, поскольку они были построены с невероятной точностью, но то, для чего соблюдалась эта точность, является загадкой спустя тысячи лет после завершения их строительства. В отличие от прочих древних египетских монументов, пирамиды Гизы не являлись гробницами, ведь в них не было найдено соответствующих иероглифов, внутренних надписей, саркофагов и сокровищ, о которых стоило бы говорить.

Как я упоминал ранее, эрозия, покрывающая Сфинкса, стала доказательством того, что постройки в Гизе появились в 10 450 году до нашей эры, что делает эти пирамиды самыми древними строениями в Египте.

Должно быть, вы уже заметили, что я ни разу не назвал эти строения пирамидами Менкаура, Хафр и Хуфу. Египтологи заверяют нас, что именно в честь и по указанию этих трех фараонов были построены эти великолепные конструкции. Что за чушь! Хуфу, он же Хеопс, имел точно такое же отношение к постройке Великой пирамиды, какое Джордж Вашингтон имел к возведенному в его честь памятнику в округе Колумбия.^[30]

Эта ошибка датируется 1837 годом, когда полковник Говард Вайз приехал на раскопки в Гизу. Археолог, не сделавший никаких значительных открытий (и довольно сильно страдавший от недостатка финансирования), без труда обнаружил странные камни, на которых упоминается имя Хуфу, в небольшом тоннеле, который он совершенно случайно выкопал возле пирамиды. И по какой-то причине никто не задался вопросом, почему иероглифы этих странных записей были перепутаны (а некоторые даже написаны с ошибками) и почему подобных этим записей не было обнаружено внутри Великой пирамиды.

Египтологи, конечно же, восприняли находку Вайза как Евангелие.

Многие годы спустя французский археолог Огюст Мариетт найдет Инвентарную стелу. Текст, обнаруженный на этом камне, является древним эквивалентом современных плакатов для туристов, и в нем четко говорится, что пирамиды были построены задолго до царствования Хуфу, там же упоминается еще одна постройка в Гизе — храм Осириса, повелителя Страны мертвых.

Осирис — наверное, самая почитаемая фигура в египетской истории — великий учитель и мудрец, запретивший каннибализм и оставивший своему народу великое наследие.

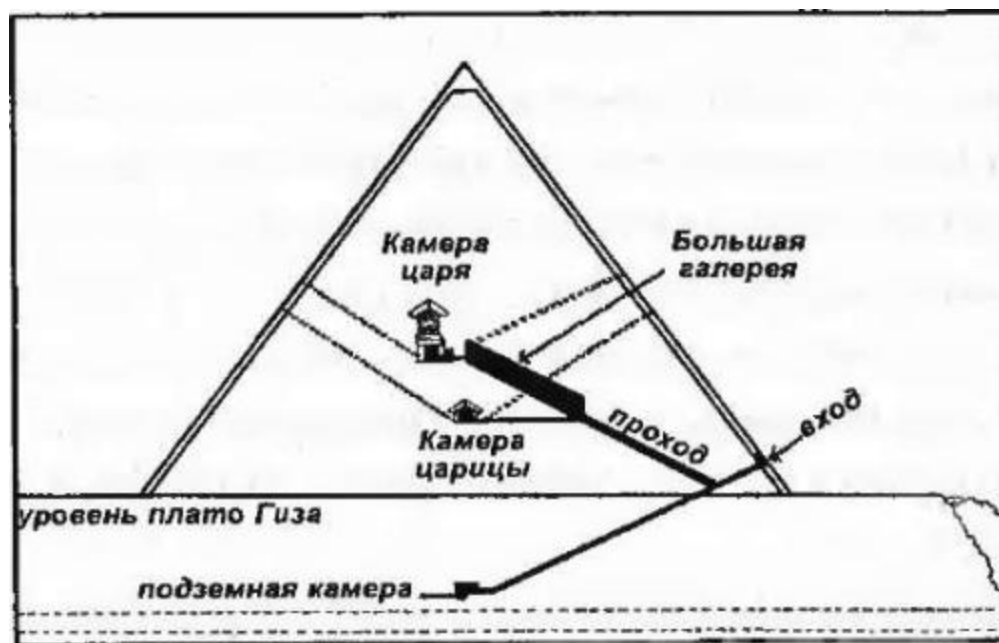
Осирис... бородатый царь-бог.

Мы с Марией потратили большую часть нашего времени на исследование Великой пирамиды, хотя полный план Гизы сам по себе предполагает ее загадочное, однако четкое предназначение.

Снаружи Великая пирамида столь же поразительна, как и изнутри. Предварительно выяснив отношение размеров пирамиды к числу π , прецессии и размерам Земли, я продолжил исследовать ее стены, сложенные из известняковых блоков. Как ни невероятно это звучит, но каждая грань пирамиды равнялась 230 м, и лишь нескольких

сантиметров не хватало фундаменту строения, чтобы стать четким квадратом. К тому же каждая грань была строго ориентирована на север, восток, юг и запад — факт, который имеет огромное значение, если вспомнить, что Великая пирамида построена из 2 300 000 каменных блоков, каждый весом от двух с половиной до пятнадцати тонн. (В самой маленькой пирамиде из трех в Гизе найден камень весом 320 тонн.) Я пишу эти строки в 2001 году, когда во всем мире существует лишь три крана, способных поднять над землей такой огромный вес. Так же как в Тиуанако и Стоунхендже, при перевозке этих огромных камней не использовались технические приспособления ни для подъема их над землей, ни для удивительно точной установки на место, учитывая, что высота подъема зачастую составляла десятки метров.

Большинство тех, кто сейчас осматривает Великую пирамиду, даже не догадывается, что когда-то она была покрыта гладко полированными камнями, каждый из которых (а их было приблизительно 115 000) весил около девяти тонн. Сейчас уцелели только остатки этих камней, большинство было уничтожено во время землетрясения в 1301 году нашей эры, и все же известно, что эти блоки белого полированного известняка были пригнаны друг к другу с такой точностью, что между ними невозможно было просунуть лезвие ножа. Можно лишь представить себе, как выглядела Великая пирамида тысячелетия назад — строение весом в шесть миллионов тонн, площадью пять с четвертью гектаров, — сияющее как зеркало под египетским солнцем.

И хотя внешний вид пирамиды поражает наше воображение, именно внутри загадочного сооружения может таиться ее реальное предназначение.

Внутри Великой пирамиды находится несколько проходов, ведущих к двум камерам, названным Камерой царя и Камерой царицы. Настоящее предназначение этих комнат до сих пор неизвестно. Замаскированный проход в северной грани ведет в узкий переход, соединенный с коридором, ведущим к центру пирамиды. После небольшого подъема по узкому переходу из него можно попасть по горизонтальному тоннелю длиной 35 м в Камеру царицы, а пройдя чуть дальше, до соединения с Большой галереей, — в Камеру царя.

Камера царицы — это комната площадью 5,74 на 5,23 м, максимальная высота 6,22 м. Единственной отличительной особенностью этой камеры является узкая вентиляционная шахта — прямоугольник 20 на 22,5 см. Это отверстие, так же как и шахты в Камере царя, оставались запечатанными вплоть до 1993 года, когда египтяне, озабоченные улучшением системы вентиляции внутри пирамиды, обратились к немецкому инженеру Рудольфу Гантенбринку, а тот использовал мини-робота для расчистки запечатанных вентиляционных шахт. Изображения, которые передавала миниатюрная камера робота, показали, что шахты не засыпаны, — они заблокированы маленькими дверцами со специфическими

металлическими деталями. Когда удалось заглянуть за дверцу, выяснилось, что шахта выходит под открытое небо.

При помощи сложного уклономера Гантенбринку удалось рассчитать точные углы проекции на ночное небо. Южная вентиляционная шахта Камеры царицы направлена строго на звезду Сириус и отклоняется от горизонтали под углом 39° . Шахта Камеры царя под углом сорок пять градусов направлена на Ал-Нитак — звезду в Поясе Ориона, расположенную ниже остальных.

Вскоре после этого астрономы обнаружили, что все три пирамиды Гизы являются точным зеркальным отражением трех звезд Пояса Ориона, точнее, их положения в 10 450 году до нашей эры. (Согласно легендам фигуру Осириса часто связывали с Орионом, а его жену Исиду — с Сириусом.)

Было ли выравнивание по космическим телам настоящей причиной такого расположения шахт или же они были созданы для выполнения каких-то иных функций?

Большая галерея сама по себе является великолепным произведением инженерного искусства. Этот проход шириной 2 м образует «ложный свод», сужаясь к потолку, высота которого составляет 8,53 м. Идущий под уклоном 26° , этот тоннель тянется на 46,5 м и представляет собой удивительное архитектурное достижение, поскольку кладка галереи несет на себе вес трех четвертей пирамиды.

В конце Большой галереи находится загадочное помещение, стены которого облицованы красным гранитом. По углам у стен находится пара странных углублений, а из этого помещения отходит небольшой тоннель, ведущий в Камеру царя, самое необыкновенное и впечатляющее помещение пирамиды. Она представляет собой идеальный прямоугольник 5,78 м в ширину, 11,66 м в длину с высотой потолка 6,46 м. Стены, пол и потолок сделаны из 100 блоков красного гранита общим весом около 70 тонн!

Как смогли древние строители справиться с такими гранитными блоками, как они могли доставить их в это замкнутое пространство по узким коридорам?!

В Камере царя находится только один объект, высеченный из единого куска коричнево-серого гранита, похожий по форме на гигантскую ванну. Он расположен у западной стены, длина его грани два метра, ширина и глубина — практически метр на метр. Этот

цельный блок гранита был обработан необъяснимым способом. Какую бы технологию ни использовали при создании этого объекта, она во много раз превышает достижения современного человечества.

Несмотря на то что внутри объекта не было найдено мумии, египтологи продолжают упорно называть этот таинственный объект саркофагом.

У меня иная теория.

Как оказалось, Камера царя функционирует как акустический инструмент, собирая и усиливая звуки. У меня была возможность несколько раз остаться в камере в одиночестве. Забравшись в гранитный сундук, больше похожий на ванную, я лег на спину. Я был ошеломлен ощущением глубокой реверберации, словно оказался в ушном канале какого-то гиганта. И я не преувеличу, если скажу, что у меня буквально кости завибрировали от этих звуков и энергий. Позже я беседовал со звукоинженерами и выяснил, что вершина Великой пирамиды работает как идеальный резонатор (с сопротивлением 377 Ом), впрочем, как и остальные помещения пирамиды.

Как ни странно это звучит, но моя теория заключается в том, что Великая пирамида была построена для того, чтобы функционировать как огромный монолитный камертон, способный резонировать радиочастотные волны и, возможно, воспринимать и усиливать пока что не известные нашей науке энергетические поля.

* * *

Еще немного менее удивительных фактов. Вдобавок к нашему исследованию Великой пирамиды, мы с Марией потратили невероятное количество часов на консультации с самыми известными архитекторами и инженерами мира. Подсчитывая тоннаж, размеры и расстояния, которые были задействованы при строительстве этих сооружений, каждый профессионал неизбежно приходил к одному и тому же выводу — Великую пирамиду невозможно построить, даже используя современные технологии.

Позвольте мне повторить: даже воспользовавшись самыми современными кранами, человечество нашей эры *не смогло бы* построить Великую пирамиду.

И все же эта пирамида *была* построена около тринадцати тысяч лет тому назад! Так *кто* же, в таком случае, ее построил?

Как правильно сформулировать вопрос, чтобы спросить о невозможном? Что такое *невозможно*? Мария пришла к выводу, что это «ложное умозаключение ограниченного исследователя, которому не хватает информационной базы для восприятия чего-либо, лежащего вне привычных параметров реальности».

Моя любимая пыталась сказать, что загадка останется загадкой до тех пор, пока исследователь не откроет свой разум и не согласится принять во внимание возможность чего-то нового. Или, более кратко, — чтобы найти решение задачи, которая кажется невозможной, нужно искать невозможные пути решения.

Так мы и поступили.

Логика подсказывала нам, что если человечество в одиночку не могло построить великие пирамиды, значит, человечеству помог кто-то другой, в данном случае — другая раса, обладающая более развитым интеллектом.

Это простое, но сбивающее с толку умозаключение не было взято с потолка, оно подкреплялось фактами.

Удлиненные черепа, найденные в Центральной и Южной Америке, подтверждают существование расы иных гуманоидов на нашей планете. Различные легенды описывают этих существ как высоких европеоидов с небесно-голубыми глазами, прямыми светлыми волосами и бородами. Несколько самых успешных древних культур в нашей истории, в том числе египтяне, инки, майя, ацтеки, обожествляли существ, которые принесли им великую мудрость и мир, спасли от окружающего хаоса. Все они были великими учителями, обладавшими огромными познаниями в области астрономии, математики, медицины, сельского хозяйства, архитектуры, все они превратили расы наших диких предков в организованные сообщества.

Доказательства их существования неоспоримы.

У этих гуманоидов была четко определенная задача — спасти будущее человечества, своего «приемного ребенка».

Вот к такому пугающему выводу мы с Марией пришли одновременно. И вот мы, двое современных ученых с докторскими степенями, полученными в Кембридже, делимся друг с другом теорией, которой гордился бы Эрих фон Дэникен. ^[31]

Однако мы ею не гордились. Честно говоря, поначалу мы испытывали только стыд. В отличие от управляющего сетью отелей в Швейцарии, ставшего писателем, мы были учеными, известными археологами. Как мы могли появиться перед своими коллегами с такими идеями об инопланетном влиянии на историю человечества? И все же это был первый случай, когда мы с моей молодой женой почувствовали, что наши глаза наконец-то открыты для правды. Мы могли оценить мастерство и грандиозность плана, но мы были разочарованы тем, что не в состоянии расшифровать скрытого послания. Старшая раса гуманоидов оставила нам инструкции в рукописях майя, кропотливый план на плато Наска, но рукописи были уничтожены испанской инквизицией, а зашифрованное на Наска сообщение до сих пор оставалось для нас загадкой.

Мы с Марией были напуганы и одиноки, пророчество из календаря майя висело над нашими головами как дамоклов меч.

Я помню, как обнимал свою жену и чувствовал себя потерянным ребенком, который узнал о существовании смерти и теперь пытается понять ту концепцию рая, о которой говорят его родители. Эта мысль заставила меня понять, что при всех наших достижениях и успехах мы, люди, с точки зрения эволюции все еще дети. Возможно, именно поэтому мы так склонны к насилию и поэтому остаемся такими же наивными, эмоциональными существами, жаждущими, чтобы нас любили, и постоянно чувствуящими одиночество. Оставаясь детьми 30 000 лет, мы просто не знаем, что все может быть иначе. Мы планета детей. Земля — огромный приют для сирот, и среди нас нет ни одного взрослого, который мог бы показать нам путь сквозь Вселенную. Мы вынуждены сами всему учиться, на собственном опыте, живя и умирая, как красные кровяные тельца, беспечно циркулирующие в теле человечества — такие юные, неопытные и наивные. Динозавры властвовали на земле двести миллионов лет, наши же первые предки слезли с деревьев меньше двух миллионов лет назад. И в своем неслыханном невежестве мы считаем себя венцом творения.

Правда же состоит в том, что мы просто дети — любопытные невежественные дети.

Нефилим — исполины, «павшие» — были нашими предками. Они появились здесь очень давно и брали человеческих женщин себе в жены, передавая нашему виду свою ДНК. Они научили нас тому, чему

мы, по их мнению, могли научиться, и оставили бесспорные свидетельства своего пребывания здесь. Они также попытались предупредить нас о грядущей катастрофе, однако мы, как большинство детей, пропустили все мимо ушей, отказываясь прислушаться к предостережению родителей..

— Мы все еще младенцы, — вспомнил я собственные слова, обращенные к Марии. — Мы хрупкие, наивные дети, которые считают, что знают обо всем на свете, и беспечно качаются в своей колыбели, в то время как в открытое окно детской ползет змея, чтобы нас убить.

Мария согласилась.

— Ты, конечно же, понимаешь, что научное сообщество нас высмеет?

— В таком случае нам нельзя говорить им об этом, по крайней мере пока, — согласился я. — Пророчества человечества можно высечь на камне, однако будущее остается за нами. Исполины не стали бы тратить столько сил для того, чтобы предупредить нас о четыре Ахау три Канкин, если бы не оставили нам оружие, способное спасти наш вид от исчезновения. Мы должны найти средство спасения, тогда и только тогда весь мир прислушается к нам.

Мария обняла меня, соглашаясь с моим решением.

— Мы не найдем ответы здесь, Юлиус. Ты был прав. Если Великая пирамида является частью пророческой загадки, храм, изображенный на плато Наска, находится в Месоамерике.

Выдержка из дневника профессора Юлиуса Гэбриэла

Источник: Каталог 1975–1977, страницы 12–72.

Магнитный диск № 4, фотодневник: название файла: ГИЗА, фото 17.

1 декабря 2012 года

Равнина Нулларбор, Австралия

5:08

Равнина Нулларбор — самый большой на планете участок плоской местности, пустынный известняковый монолит, который занимает более двухсот тысяч квадратных километров южного побережья Австралии. Это необитаемое место, лишённое растительности и фауны.

Но для натуралиста-любителя Саксона Леннона и его девушки Рене равнина Нулларбор всегда была любимым местом для уединения. Здесь не было людей, не было шума, не было криков менеджеров проектов, — лишь звуки прибоя, разбивающегося об известняковые рифы в тридцати метрах под их лагерем.

Звуковые вибрации заставили Саксона пошевелиться в своем спальном мешке. Он открыл глаза, отодвинул полог палатки и посмотрел в звездное небо.

Рене обняла его за талию, игриво погладила низ живота.

— А ты жаворонок, любимый.

— Подожди секундочку. Ты ничего странного не слышала?

— Например?

— Не знаю...

От оглушительного удара земля под их палаткой задрожала, Саксон подпрыгнул от испуганного вопля девушки.

— Идем!

Молодые люди полуголыми выскочили из палатки, натянули ботинки и, даже не завязав шнурки, запрыгнули в джип и погнали на восток. Саксон старался держать машину на безопасном расстоянии от края обрыва, который шел справа параллельно дороге.

К тому времени как они прибыли на место, темный горизонт начал понемногу сереть.

— О господи. Сакс, что это за хрень такая?

— Я... Я не знаю.

Объект был огромным, высотой с двухэтажное здание, с кожистыми крыльями, размах которых составлял не меньше тридцати метров. Темное как ночь существо сидело неподвижно, вцепившись когтистыми трехпальными конечностями в известняк. Огромный блестящий хвост свисал неподвижно, не доставая до земли всего лишь на метр, несколько щупальцев, спускающихся с брюха твари, пронзали грунт. Длинный, узкий безлицый череп был откинут назад, словно существо смотрело в небо. Оно казалось безжизненным, только на его груди пульсировал янтарно-золотистый, напоминающий диск орган.

— Может, это один из секретных аппаратов с дистанционным управлением, которыми занимаются военно-воздушные силы?

— Может, нам стоит кому-нибудь сообщить?

— Давай. А я пока сделаю несколько фотографий. — Саксон вытащил камеру, успев нацелкать несколько снимков, пока его девушка пыталась дозвониться по телефону.

— Телефон не работает, какие-то помехи. Ты точно оплатил счет?

— Точно оплатил. Держи, сфотографируй меня возле этой штуки, знаешь, чтоб было с чем сравнивать ее размеры.

— Только не подходи к ней близко, милый.

Саксон передал Рене фотоаппарат и приблизился к существу на три метра.

— Знаешь, я не думаю, что эта штука вообще живая. Она тут торчит, как поджаренный кондор.

На горизонте появилась тонкая золотистая линия.

— Надо же, как вовремя. Подождем солнца, чтоб снимки получились лучше.

Первые лучи солнца коснулись мыса над Тихим океаном, скользнули, по поверхности блестящего хвоста сидящей твари.

Саксон отпрыгнул назад, когда хвост с механическим шипением поднялся.

— Черт подери, эта штука включилась.

— Сакс, смотри, она заморгала глазами!

Саксон ухватился за янтарный диск, который начал пульсировать все быстрее и быстрее, а свет сменил гамму на кроваво-красную.

— Бежим! — Он схватил Рене за руку и помчался к джипу. Автомобиль сорвался с места, Саксон давил на газ, гоня машину на север через бескрайнюю пустошь равнины.

Диск у основания шеи существа засиял насыщенным алым светом и перестал пульсировать. Крылья замерцали световыми вспышками, которые сменились ярким, раскаленным серебристым сиянием.

С ослепляющей вспышкой существо взорвалось, выплеснув невероятное количество энергии, которая со скоростью звука пронеслась через всю равнину Нулларбор. Ударные волны ядерного взрыва врезались в пористую известняковую почву, воспламеняя и испаряя все на своем пути.

Саксон успел заметить испепеляющую вспышку за наносекунду до того, как его тело, его девушка, джип и вся окружающая местность превратились в раскаленный токсичный газ, который взметнулся к небу, выбрасывая в атмосферу адскую смесь вакуума, микросмической пыли и пламени.

* * *

Мексиканский залив

Фрегат-ракетоносец (FFG-28) USS «Бун», относящийся к типу «Оливер Хазард», тихо скользил по безжизненно-серой поверхности моря под сумрачным вечерним небом. Поверхность моря в радиусе трех километров была усыпана тем, что осталось от полупогруженной нефтяной вышки «Сцилла». Десятки резиновых лодок с подвесными моторами аккуратно маневрировали среди обломков, а немало повидавшие в этот день моряки вылавливали из моря тела погибших.

Прапорщик Зак Вишнов вытащил еще одно тело, пока младший лейтенант Билл Блекмон осторожно проводил лодку среди обломков.

— Зак, вон еще один, справа по борту.

— Господи, как же я все это ненавижу! — Вишнов перегнулся через борт и подцепил труп багром. — Черт, у этого не хватает руки.

— Акула?

— Нет, слишком чистый срез. Кстати, я вот о чем подумал. С тех пор как мы здесь, я не видел ни одной акулы.

— Я тоже.

— Странно. Здесь повсюду кровь, а в этих водах должно быть полно акул. — Зак втащил труп на борт и быстро упаковал его в пластиковый мешок. — Как думаешь, лейтенант, это из-за той штуки внизу, от которой поднимается зеленый свет? Именно из-за нее акулы здесь не показываются?

Лейтенант кивнул.

— Акулы знают что-то, чего не знаем мы. Чем скорее шкипер заберет нас отсюда, тем лучше.

* * *

Капитан Эдмонд О. Луз неподвижно стоял на мостике. Его карие глаза невидяще смотрели на горизонт, зубы были крепко сжаты от злости. С тех пор как он получил приказ вывести корабль из боевой группы, базировавшейся у Персидского залива, и направляться в Мексиканский залив, на борту распорядилась команда кадровиков, а штатные сорок два офицера и пятьсот пятьдесят рядовых кипели праведным возмущением.

Черт бы побрал эту спасательную операцию, когда была возможность поучаствовать в величайшем военном конфликте за последние двадцать лет. Да мы станем посмешищем для всего военно-морского флота!

Куртис Брод, старпом и заместитель командующего, подошел к мостику.

— Простите, сэр. Погружаемые датчики одной из наших ЛАМС^[32] засекли подлодку, дрейфующую в 1,7 километрах к западу. Двое выживших на борту. Один из них заявляет, что знает причину уничтожения «Сциллы».

— Приведите его в зал совещаний. Расчетное время прибытия вице-президента?

— Тридцать пять минут.

В отдалении расцвела ветка молнии, секунду спустя загрохотал гром.

— Отзывайте лодки, старпом. Я буду в зале совещаний. Доложите, когда прибудет вице-президент.

— Есть, сэр.

* * *

Каман SH-2G «Сиспрайт», вертолет противолодочной обороны, известный также как ЛАМС, дважды дернулся в воздухе и опустился на посадочную площадку ракетносца.

Мик Гэбриэл и член команды спасателей держали носилки, на которых лежала Доминика. Как только дверь вертолета открылась, к ним поспешил корабельный врач со своими помощниками.

Медик склонился над смуглой красавицей, лежавшей без сознания, проверил дыхание, пульс, затем посветил фонариком в глаза.

— У нее сильное сотрясение мозга, возможны внутренние повреждения. Ее необходимо доставить в корабельный лазарет.

Санитар оттеснил Мика от носилок и занял его место. Мик был слишком слаб, чтобы протестовать.

Корабельный врач смерил его взглядом.

— Сынок, ты выглядишь так, словно прошел через ад. Кроме синяков и ссадин есть еще повреждения?

— Не думаю.

— Когда ты спал в последний раз?

— Не знаю. Должно быть, дня два назад. Моя подруга... С ней все будет нормально?

— Да. Как тебя зовут?

— Мик.

— Пойдем со мной, Мик. Мы перевяжем раны, дадим тебе чего-нибудь поесть, а затем немного приведем тебя в порядок. Тебе нужно отдохнуть.

— Напротив, — прервал его лейтенант. — Капитан желает видеть его в зале совещаний через пятнадцать минут.

* * *

Когда вертолет, доставивший Энниса Чейни, коснулся задней палубы ракетносца, шел дождь. Вице-президент наклонился и толкнул спящего соседа.

— Проснись, Марвин, мы прибыли. Не понимаю, как ты только можешь спать в этой летучей бетономешалке?

Марвин Теперман коротко улыбнулся, потирая глаза.

— Путешествия меня утомляют.

Лейтенант открыл раздвижную дверь, отдал честь и повел двух новоприбывших наверх.

— Сэр, капитан Луз ожидает вас в зале совещаний.

— Не сейчас. Сначала я хочу осмотреть тела.

— Прямо сейчас, сэр?

— Да, прямо сейчас.

Лейтенант отвел их в большой ангар. Там на цементном полу лежали ряды трупов в пластиковых мешках.

Чейни медленно переходил от мешка к мешку, останавливаясь возле каждого, чтобы прочесть бирку с именем жертвы.

— О Господи... — Вице-президент опустил на колени рядом с очередным мешком и дрожащими руками расстегнул молнию. Его глазам предстало бледное безжизненное лицо Брайана Доддса. Вице-президент со слезами на глазах протянул руку и отцовским жестом убрал темно-рыжие пряди со лба покойного.

— Как это произошло? — хриплым шепотом спросил он.

— Нам это неизвестно, сэр. Единственный человек, который может знать, сейчас ожидает вас в зале совещаний.

Чейни застегнул молнию и поднялся на ноги.

— Отведите нас туда.

* * *

Мик засунул в рот последний кусок сэндвича с сыром и индейкой и запил его имбирным пивом.

— Чувствуете себя лучше?

Он кивнул капитану. Несмотря на усталость, еда, горячий душ и смена белья значительно улучшили его состояние.

— Вы утверждаете, что вас зовут Майкл Розен, что вы морской биолог и работаете над выездным проектом в Тампе, — я не ошибаюсь?

— Да, сэр. Можете называть меня Миком.

— И вы обнаружили подводный объект, который находится под нами. Как вам это удалось?

— SOSUS. Подводная эхолокация.

— Мне известно, что такое SOSUS, спасибо. Теперь о вашей напарнице...

Его вопрос прервал стук в дверь. Мик обернулся и увидел, как в зал вошел вице-президент Эннис Чейни в сопровождении джентльмена пониже и постарше, с тонкими, как карандаш, усиками и теплой улыбкой.

— Добро пожаловать на борт, сэр. Мне жаль, что ваш визит обусловлен столь трагичными обстоятельствами.

— Капитан, это доктор Марвин Теперман, экзобиолог из Канады. Он работает у нас по обмену. А кто этот джентльмен?

Мик протянул ему руку.

— Доктор Майкл Розен.

— Доктор Розен утверждает, что побывал внутри подводного объекта, воспользовавшись мини-субмариной.

Чейни сел за стол.

— Просветите нас.

Капитан Луз сверился с записями.

— Описание, представленное доктором Розеном, напоминает нечто из «Ада» Данте. Он говорит, что источником изумрудного сияния является мощное энергетическое поле, исходящее из этой подземной пещеры.

Чейни внимательно посмотрел на Мика.

— Что случилось со «Сциллой»?

— Это нефтяная плавучая вышка, — внес ясность Луз. — Она служила наблюдательным постом и располагалась как раз над тоннелем.

— Энергетическое поле стало причиной мощного водоворота. Должно быть, он и разрушил вышку.

Глаза Луза расширились. Он включил интерком.

— Капитанский мостик.

— Да, сэр, капитан второго ранга Ричардс слушает.

— Выставьте буйки с датчиками, старпом, и уведите судно на километр в восточном направлении от нынешней локации.

— Один километр в восточном направлении. Так точно, сэр.

— Поторопитесь с выполнением приказа, капитан.

— Вас понял, сэр.

Мик перевел взгляд с капитана Луза на вице-президента.

— Увести корабль недостаточно, капитан. Мы в ужасной опасности. Там внизу находится некая форма жизни.

— Форма жизни? — Марвин чуть не перепрыгнул через стол. — Там внизу есть что-то живое? Как такое возможно? На что оно похоже?

— Я не знаю.

— Разве вы его не видели?

— Его скрывает громадный кокон.

— Тогда почему вы решили, что оно живое? Оно двигалось?

— Оно вступило со мной в контакт. Телепатически. Оно способно читать наши мысли, даже самые сокровенные.

Теперман вскочил на ноги от распирающего его волнения.

— Это невероятно. И что оно вам сказало?

Мик помедлил.

— Оно вызвало воспоминания о моем погибшем отце. Это... это воспоминание не было хорошим.

Чейни подался вперед.

— Вы говорите, что мы в ужасной опасности. Почему? Эта форма жизни представляет для нас угрозу?

— Это больше чем просто угроза. Если мы не уничтожим это существо и его корабль, то к четыре Ахау... э-э-э-э... к двадцать первому декабря на этой планете не останется в живых ни одного мужчины, женщины или ребенка.

Марвин перестал улыбаться. Чейни и капитан переглянулись, затем снова посмотрели на Мика, который почти физически ощущал возникшее напряжение.

— Откуда вы знаете? Это существо вам угрожало?

— Вы видели оружие? — спросил капитан.

— Не знаю, что это было. Оно напоминало гигантскую уродливую летучую мышь. Но оно не пользовалось крыльями, оно

просто взмыло вверх из бассейна жидкой серебристой энергии.

— Оно было живое? — спросил Марвин.

— Я не знаю. Оно казалось скорее механическим, чем органическим, чем-то вроде робота. Энергетические поля завертелись, сформировался водоворот, затем потолок помещения приоткрылся, море рухнуло вниз, а эту штука поднялась вверх по воронке.

— Поднялась вверх по воронке? — Чейни недоверчиво покачал головой. — Это звучит довольно неправдоподобно, доктор Розен.

— Я понимаю, но уверяю вас, что говорю правду.

— Капитан, вы обыскали субмарину нашего гостя?

— Да, сэр. Вся электроника уничтожена, покрытие сильно повреждено.

— Как вы добрались до инопланетного корабля? — спросил Марвин.

Мик взглянул на экзобиолога.

— Вы впервые назвали это *инопланетным* кораблем. Это ведь остатки объекта, который врезался в Землю шестьдесят пять миллионов лет назад, верно, доктор?

Брови Марвина удивленно приподнялись.

— А этот радиосигнал из глубокого космоса — он должен был активировать системы жизнеобеспечения корабля.

Теперман выглядел впечатленным.

— Откуда вы все это знаете?

— Это правда? — удивленно спросил капитан Луз.

— Это весьма вероятно, капитан, к тому же, принимая во внимание все то, что рассказал нам доктор Розен, похоже, что система жизнеобеспечения этого объекта не переставала работать. Помещение, в которое попал доктор Розен, должно было функционировать, чтобы поддерживать жизнь уцелевших существ. Они, скорее всего, находились в своего рода летаргии.

— До того как их разбудил космический сигнал, — закончил Мик.

Чейни подозрительно скосил глаза в его сторону.

— И откуда вам столько известно об этой инопланетной сущности?

Громкий стук в дверь прервал их, вошел капитан Брод.

— Простите, что прерываю, шкипер, но мне нужно поговорить с вами наедине.

Капитан Луз вышел.

— Доктор Розен, вы сказали, что это существо собирается уничтожить наш мир двадцать первого декабря. Откуда вам это известно?

— Как я уже говорил доктору Теперману, оно общалось со мной. Оно передало мне сообщение, которое хоть и не было вербальным, оставалось абсолютно ясным.

— Это оно сообщило вам дату двадцать первого?

— Нет. — Мик подошел к запискам капитана. Бросив на них беглый взгляд, он невозмутимо снял с них скрепку. — Я всю жизнь провел, изучая пророчества майя и полдесятка древних строений, разбросанных по земному шару, указывающих на местонахождение злобной сущности, которая приведет к концу света. Двадцать первое — это дата, указанная в пророчестве майя; в этот день человечество будет стерто с лица Земли. Прежде чем вы начнете смеяться, я должен сказать вам, что календарь — это астрономический инструмент...

Чейни потер глаза.

— Вы ведете себя совсем не так, как положено биологу, доктор, и ваши пророчества вместе с майя мне ничуть не интересны. На борту этой нефтяной платформы было множество людей, и я просто хочу узнать, что стало причиной их гибели.

— Я уже сказал вам. — Мик спрятал скрепку за пояс.

— Как вам удалось добраться до инопланетного корабля?

— В морском дне находится двадцать три шахты, образующие четкую окружность, центром которой является эта гигантская дыра. Мы с моей напарницей направили субмарину в одну из этих шахт и оказались внутри гигантской турбины, которая засосала нашу подлодку в...

— Турбина! — Брови Тепермана снова взлетели на лоб. — Невероятно! Какова ее функция?

— Подозреваю, что это вентиляция. Мини-субмарина застряла между лопастями во время цикла всасывания. Когда лопасти начали вращаться в обратном направлении, нас вышвырнуло в море;

Капитан Луз вернулся в зал совещаний с крайне мрачным выражением лица.

— У меня неприятные новости, вице-президент Чейни, которые многое объясняют. Доктор Розен не тот, за кого себя выдает. Его

настоящее имя Майкл Гэбриэл. На прошлой неделе он сбежал из психиатрической клиники в Майами.

Чейни и Марвин подозрительно уставились на Мика.

Мик ответил вице-президенту прямым взглядом.

— Я не сумасшедший. Я солгал о своем имени, поскольку за мной гонится полиция, но я не сумасшедший.

Капитан Луз просматривал страницу факса.

— Здесь говорится, что после нападения на Пьера Борджия вы последние одиннадцать лет провели в заключении.

Глаза Чейни расширились.

— Секретаря штата Борджия?

— Борджия словесно оскорблял моего отца, издевался над ним перед огромной аудиторией. Я потерял контроль, а Борджия использовал свое влияние на юридическую систему. Вместо тюремного заключения я был помещен в клинику.

Капитан Луз передал факс Чейни.

— Отец Мика — Юлиус Гэбриэл.

Марвин выглядел удивленным.

— Юлиус Гэбриэл, археолог?

Капитан фыркнул.

— Скорее шарлатан, который пытался убедить научное сообщество в том, что человечество стоит на краю гибели. Помню, я читал об этом. Его смерть была в заголовках «Таймс».

Чейни оторвал взгляд от факса.

— Каков отец, таков и сын.

— Возможно, он был прав, — пробормотал Марвин.

Лицо капитана налилось кровью.

— Юлиус Гэбриэл был психопатом, доктор Теперман, и я считаю, что яблоко от яблони не далеко падает. Мы и так потратили кучу времени на этого человека.

Мик поднялся, потеряв терпение.

— Все, что я рассказал вам, — чистая правда.

— Прекрати этот балаган, Гэбриэл. Мы нашли дневник твоего отца на борту субмарины. Вся твоя история высосана из пальца с единственной целью — убедить нас, а заодно и весь мир в том, что глупая теория твоего отца была правдой.

Капитан открыл дверь.

Вошли двое вооруженных охранников.

— Мистер вице-президент, если у вас нет больше вопросов к этому человеку, то я помещу его в камеру согласно полученному приказу.

— Чьему приказу?

— Секретаря Борджия, сэр. Мы говорили с ним. Он уже выехал сюда.

* * *

Сидней, Австралия

Сверхзвуковой бизнес-самолет мчался над южной частью Тихого океана со скоростью 1200 миль в час, его обтекаемая форма позволяла практически полностью игнорировать любую турбулентность. В салоне шестидесятиметрового оснащенного тремя моторами самолета с треугольными крыльями двойной стреловидности находилось восемь пассажирских кресел, но лишь три из них были заняты.

Барбара Бекер, американский посол в Австралии, вздрогнула, просыпаясь. Она взглянула на часы, поняв, что полет подходит к концу. *Из Лос-Анджелеса в Сидней за семь с половиной часов. Неплохо.* Она встала, прошла по проходу и присоединилась к двум ученым из Института энергии и экологических исследований (ИЭЭИ), сидевших в ряду справа.

Стивен Табер, огромный мужчина, который напоминал Барбаре сенатора Джесса Вентуру,^[33] похрапывал, привалившись плечом к иллюминатору, а его коллега, доктор Марти Мартинез, с невероятной скоростью что-то печатал на ноутбуке.

— Простите, доктор Мартинез, но мы скоро приземлимся, а я хотела бы получить ответы на некоторые вопросы.

— Подождите минуточку, — Мартинез продолжал печатать.

Бекер села в кресло напротив.

— Может быть, стоит разбудить вашего друга...

— Я не сплю. — Табер зевнул так широко, что это сделало бы честь любому гризли.

Мартинез выключил компьютер.

— Задавайте ваши вопросы, посол.

— Как вам уже известно, правительство Австралии сейчас пребывает в полном хаосе. Они заявили, что шестьдесят семь тысяч квадратных миль их территории превратилось в пар в результате взрыва. Что невероятное количество почвы просто исчезло. Вы провели предварительный анализ изображений со спутника. Как вы считаете, был ли этот инцидент результатом природного феномена, как, например, гора Сент-Хеленс,^[34] или мы наблюдаем результат искусственного взрыва?

Мартинез пожал плечами.

— Я бы не стал делать далекоидущих выводов, пока мы не закончили анализ.

— Я понимаю. Но...

— Посол, мы с мистером Табером находимся здесь как представители Совета безопасности ООН, а не Соединенных Штатов. Я понимаю, что вы попали в политический водоворот, но это не дает вам права предполагать...

— Полегче, Марти. — Табер подался вперед. — Я отвечу на ваш вопрос, посол. Вы можете сразу забыть обо всем, что касается природных катаклизмов. Это не было ни землетрясением, ни извержением вулкана. Я считаю, что мы видим результат первого испытания нового типа термоядерного оружия, что, если вы простите мне подобное выражение, пугает меня до усеру.

Мартинез покачал головой.

— Стивен, мы не можем сказать этого наверняка...

— Перестань, Марти, хватит молоть чушь. Мы с тобой думаем об одном и том же. Все равно это скоро выяснится.

— Что должно выясниться? Ответьте мне, джентльмены. Что вы подозреваете?

Мартинез захлопнул крышку ноутбука.

— Да тот самый проект, против которого ИЭЭИ протестовал последние десять лет. Оружие, основанное на реакции ядерного синтеза, чистого синтеза ядер.

— Простите, но я не ученый. Что вы имеете в виду под *чистым* ядерным синтезом?

— Я не удивлен, что вы о нем не слышали, — парировал Табер. — По определенной причине эту тему никогда не предавали широкой огласке. Существует три типа ядерных устройств: атомная бомба, водородная бомба и «чистая» термоядерная бомба. Атомная бомба использует деление ядер — процесс, во время которого атомное ядро при бомбардировке нейтронами расщепляется на несколько частиц. По сути своей атомная бомба — это сфера, наполненная электроникой, разделяющей взрывчатые вещества. Внутри сферы находится шар из плутония размером с грейпфрут, окруженный химическим взрывчатым веществом и запалами, которые при активации начинают бомбардировать плутоний нейтронами. Когда бомба срабатывает, плутоний превращается в расплавленную массу. Атомы делятся на фрагменты, деление вызывает цепную реакцию, которая, в свою очередь, приводит к высвобождению огромного количества энергии. Если я начну говорить слишком непонятно, остановите меня.

— Продолжайте.

— В водородной бомбе с нейтронами взаимодействует уран-235. В результате происходит деление ядер, возникает нейтронная вспышка и создается высокая температура, которая расщепляет для последующего синтеза атомы дейтерия и трития, изотопы водорода...

— Чуть помедленнее, так вы меня только запутаете.

Мартинез развернулся лицом к послу.

— На самом деле вам все эти сложности не важны. Вам нужно только понять разницу между ядерным синтезом и распадом. Синтез происходит, когда два атома водорода соединяются, синтезируются, превращаясь в атом гелия. Этот процесс, аналогичный тому, что происходит на Солнце, высвобождает огромное количество энергии, большее, чем при распаде, а значит, приводит к более сильному взрыву.

Табер кивнул.

— Ключевой фактор, определяющий силу термоядерного оружия, — это то, как именно происходит взрыв. Бомба чистого синтеза кардинально отличается от водородной и атомной бомб тем, что не требует пускового механизма деления. Это значит, что в конструкции такой бомбы не понадобятся ни плутоний, ни обогащенный уран. Позитивный момент заключается в том, что отсутствие плутония снижает вероятность радиационных осадков.

Негативный момент в том, что при небольшой взрывной энергии поражающая способность этого оружия выше, чем у любой из ныне существующих водородных бомб.

— Насколько выше?

— Я могу привести пример, — сказал Мартинез. — Мощность атомной бомбы, которую мы сбросили на Хиросиму, в тротиловом эквиваленте составляла пятнадцать килотонн, или пятнадцать тысяч тонн. Температура в центре взрыва доходила до семи тысяч градусов, скорость ударной волны составила девятьсот восемьдесят миль в час. В радиусе полумили от взрыва погибли практически все.

— И это был взрыв мощностью пятнадцать килотонн. Мощность современных версий водородных бомб в тротиловом эквиваленте колеблется от двадцати до пятидесяти мегатонн, что приблизительно равняется двум-трем тысячам бомб, сброшенных на Хиросиму. Взрывное устройство «чистого синтеза» несет еще большее разрушение. Зона поражения одной небольшой бомбы «чистого синтеза» мощностью в две килотонны равняется зоне поражения водородной бомбы мощностью тридцать мегатонн. То есть одна тонна «чистого синтеза» в тротиловом эквиваленте равна пятнадцати миллионам тротилового эквивалента водородной бомбы. Если вам необходимо уничтожить шестьдесят семь тысяч квадратных километров чужой территории, то «чистый синтез» — именно то, что вам нужно.

О *господи*... Несмотря на работающий в полную силу кондиционер, Барбара почувствовала, как по спине течет пот.

— Так вы думаете, что иностранные ученые смогли разработать подобное оружие?

Мартинез и Табер переглянулись.

— Что? Говорите!

Табер потер переносицу.

— Как я уже сказал, осуществимость производства устройства «чистого синтеза» еще не доказана, мисс посол, но уже больше десятилетия США и Франция играют с этой идеей.

Доктор Мартинез посмотрел ей в прямо глаза.

— Как я и говорил, ничего особо шокирующего в этом открытии нет. Ученые из ИЭЭИ много лет протестуют против легализации и

оправдания этих работ. То, что случилось, является грубым нарушением договора о всеобщем запрещении ядерных испытаний.

— Притормози на секундочку, Марти, — вмешался Табер. — Мы оба знаем, что в договоре о всеобщем запрещении ядерных испытаний не упоминается «чистый синтез».

— Почему же нет? — спросила посол.

— Это упущение в договоре было сделано в основном потому, что ни одна нация никогда формально не признавалась в разработке оружия «чистого синтеза».

— Думаете, Франция могла продать эти технологии Австралии?

— Мы не политики, посол Бекер. — Табер поднялся. — И кроме того, кто сказал, что это была Франция? С тем же успехом это могли оказаться русские или старые добрые Соединенные Штаты Америки.

Мартинез кивнул.

— У Соединенных Штатов было достаточно возможностей для разработок. Относительно полевого испытания этого оружия в Австралии можно лишь строить догадки.

Барбара покачала головой.

— Господи, я отправляюсь прямо в паучье гнездо. Все пять стран-участников Совета безопасности прислали свои делегации. И все будут указывать пальцами друг на друга.

Мартинез откинулся на подголовник кресла и закрыл глаза.

— Вы ведь не поняли важность того, что произошло, не так ли, мисс посол? «Чистый синтез» — это оружие конца света. Ни одна страна, в том числе и Соединенные Штаты, ни в коем случае не должна разрешать каких бы то ни было экспериментов с использованием чистого синтеза. Не важно, какая страна первой достигнет успеха, полученное оружие способно уничтожить нас всех.

Барбара почувствовала пустоту в животе, когда самолет пошел на посадку. Реактивное такси зашло на посадочную полосу, пролетев над уже ждущим их вертолетом Сикорского S-70 В-2 «Морской ястреб».

На площадке перед ангаром их встретил высокий джентльмен в черном облегающем неопреновом костюме. Он подошел к Барбаре и протянул руку для приветствия.

— Мадам посол, я Карл Брандт из организации австралийской геологической службы, здравствуйте. Извините за нереспектабельный вид, но свинцовые костюмы, которые нам придется носить, весьма

пригодятся там, куда мы направляемся. Насколько я понимаю, эти джентльмены из ИЭЭИ?

Табер и Мартинез представились.

— Прекрасно. Послушайте, я не хотел бы торопить вас, но Нулларбор, точнее, то, что от нее осталось, в двух часах полета отсюда, а нам нужно попасть туда до захода солнца.

— Где остальные члены делегации Совета безопасности?

— Уже ждут вас в вертолете.

* * *

Мексиканский залив

Мик стоял на коленях у стальной двери трехметровой камеры, изо всех сил борясь со сном, и ковырялся в замочной скважине украденной скрепкой.

— Зараза! — Он прислонился к стене, глядя на сломанную скрепку, часть которой так и осталась в замке.

Это плохо... Я не могу сконцентрироваться. Мне нужно поспать, нужно хоть немного отдохнуть. Он закрыл глаза, затем снова открыл их. *Нет! Не смей засыпать, работай с замком. Борджия скоро будет здесь и...*

— Мик?

Услышав свое имя, он замер.

— Мик Гэбриэл, ты там?

— Теперман?

В замке заскрежетал ключ, и дверь открылась.

Вошел Марвин, оставив дверь открытой.

— Вот ты где! Сложно было тебя найти, этот корабль такой огромный. — Он протянул Мику дневник в кожаном переплете. — Интересное оказалось чтение. И все же я считаю, что твой отец всегда был слишком увлекающимся человеком.

Мик посмотрел на дверь.

— Знаешь, а ведь я был знаком с твоим отцом. Это было в Кембридже, в конце шестидесятых. Мне оставалось три года до выпуска. Юлиуса тогда пригласили читать лекции на тему «Загадки

древнего человечества». Мне они показались просто блестящими, честно говоря, именно из-за них я выбрал карьеру экзобиолога.

Марвин заметил, что Мик не сводит глаз с двери. Потом повернулся и увидел торчащий из замка обломок скрепки.

— Ну, так ты далеко не уйдешь.

— Доктор Теперман, мне необходимо выбраться отсюда.

— Я знаю. Вот, держи. — Марвин достал из кармана пачку чеков. — Здесь чуть больше шестисот долларов, некоторые из них канадские. Это немного, но поможет тебе добраться туда, куда ты собрался.

— Вы меня отпускаете?

— Не я, считай меня просто посланником. У твоего отца было много связей в научном мире, но я *не* от них.

— Я не понимаю.

— Твой побег организует некто, полностью разделяющий твоё отношение к Пьеру Борджия.

Чейни?

— Значит, вы отпускаете меня не потому, что поверили моему рассказу?

Марвин улыбнулся, по-отечески потрепал его по щеке.

— Ты хороший парень, Мик, но, как и твой отец, немного чокнутый. А теперь слушай внимательно. Тебе нужно повернуть налево и пройти до конца коридора. Там будет лестница. Три пролета вверх, и ты окажешься на главной палубе. На корме увидишь ангар. Внутри, на полу, сложены трупы погибших при аварии на нефтяной вышке. Найди пустой мешок, спрячься и жди. Через полчаса прилетит вертолет эвакуаторов, который заберет погибших в аэропорт в Мериде. Дальше ты будешь предоставлен сам себе.

— Спасибо... Подождите, а как же Доминика?

— Твоей подруге уже лучше, но она еще не в состоянии путешествовать. Хочешь, чтобы я передал ей сообщение?

— Да, пожалуйста. Скажите, что я собираюсь добраться до сути вещей.

— Куда ты собрался?

— Вы действительно хотите это знать?

— Наверное, нет. Ты лучше давай шагай, пока нас обоих тут не заперли.

* * *

Южная Австралия

Посол Бекер смотрела в иллюминатор, внимательно прислушиваясь к беседе делегатов Российской Федерации, Китая и Франции, сидящих в хвосте вертолета. Спенсер Ботчин, представитель Соединенного Королевства, наклонился к ней и зашептал на ухо:

— Должно быть, это французы. Я лишь молюсь, чтобы у них хватило ума не продавать эти технологии Ирану.

Она согласно кивнула и прошептала в ответ:

— Они не стали бы проводить испытания оружия без поддержки России и Китая.

Вертолет прибыл в Южную Австралию, когда солнце уже клонилось к горизонту. Барбара Бекер неотрывно смотрела в иллюминатор, чувствуя, как открывшийся ее глазам вид гонит мурашки по спине.

Карл Брандт сел рядом с ней.

— Три дня назад та часть поверхности, на которую вы смотрите, находилась в сорока с половиной метрах над уровнем моря. Теперь территория опустилась на полтора метра.

— Как что-то сумело буквально испарить такое огромное количество камня?

Стив Табер, помогавший доктору Мартинезу натягивать защитный костюм, повернулся к ним.

— Судя по кратеру, на который мы смотрим, я бы сказал, что устройство должно было спровоцировать подземный взрыв невероятной мощности.

Брандт тоже натянул защитный костюм и опустил капюшон.

— Баллоны в данной модели костюмов позволят нам около тридцати минут пробыть над этой территорией.

Доктор Мартинез показал ему большой палец — его рука была затянута в толстую перчатку. Табер протянул коллеге счетчик Гейгера.

— Марти, ты уверен, что не хочешь взять меня с собой?

— Я и сам справлюсь.

К ним присоединился второй пилот, помогавший Брандту и Мартинезу застегнуть прикрепленную к двум гидравлическим лебедкам ременную упряжь.

— Джентльмены, в ваших шлемах встроены двусторонние передатчики. У вас будет возможность общаться друг с другом и с нами. Как только вы коснетесь поверхности, нам придется отстегнуть удерживающие вас тросы. — Он открыл грузовой люк, потом крикнул им сквозь шум винта: — Ладно, ребята, давайте вниз.

Все пятеро послов собрались у люка, глядя вниз. Мартинез, шагая в открытый люк, почувствовал, как сердце заколотилось и застряло в горле. До земли оставалось около сорока семи метров. Он закрыл глаза, чувствуя, как опускается по мере разматывания троса наверху.

— Вы в порядке, доктор?

— Да, мистер Брандт. — Он открыл глаза и взглянул на счетчик Гейгера. — Пока что никакой радиации. Но очень жарко.

— Не волнуйтесь, эти костюмы должны защитить нас.

— Должны? — Мартинез посмотрел вниз. Жаркие полосы белого дыма заставили запотеть стекло его шлема. Еще три метра...

— Подождите! Стоп, стоп! — Мартинез поджал колени к груди, пытаясь не коснуться расплавленной поверхности под ногами. — Поднимайте нас выше, выше!

Спуск прекратился, и двое мужчин закачались на тросах в нескольких дюймах над белесой, кипящей при температуре 650 градусов по Фаренгейту^[35] поверхностью того, что раньше было землей.

— Поднимите нас на шесть метров! — закричал Брандт.

Тросы потащили их вверх.

— Что случилось? — раздался в наушниках голос Барбары.

— Вся поверхность кипит, как огромный котел из расплавленного камня и морской воды, — нервным, взвинченным голосом ответил Мартинез. — Мы сделаем анализы отсюда. На это уйдет около минуты.

Глубокий голос Табера заставил его вздрогнуть.

— Радиация есть?

Мартинез проверил датчики.

— Нет. Подождите-ка, я засек аргон-41.

Брандт оглянулся.

— Но это не побочный продукт плутония.

— Нет, это короткоживущий продукт активации чистого синтеза. Что бы ни уничтожило эту часть суши, оно наверняка воспользовалось каким-то видом оружия, действующего при помощи чистого синтеза. — Мартинез снова посмотрел на счетчик Гейгера на поясе, затем взглянул на результат анализа поднимающегося снизу газа. — Ого. Содержание двуокиси углерода зашкаливает.

— Это неудивительно, — сказал Брандт. — Вся равнина была известняковой, а известняк, как вам наверняка известно, является природным вместилищем двуокиси углерода. Когда поверхность испарилась, известняк превратился в огромное токсичное облако углекислого газа. Нам с вами сильно повезло, что южный ветер снес это облако подальше от городов, прямо в море.

— К тому же датчик показывает высокое содержание хлористо-водородной кислоты.

— Правда? Странно.

— Да, мистер Брандт, все это очень странно и довольно страшно. Поднимайте нас, я увидел все, что мне было нужно.

* * *

Аэропорт Мериды, Мексика

Грузовой вертолет приземлился с костедробительным рывком.

Мик открыл глаза, глубоко вздохнул, чтобы прогнать остатки сна, и высунул голову из расстегнутого пластикового мешка.

Шестьдесят четыре мешка цвета хаки заполняли все пространство грузового отсека. Здесь было все, что осталось от команды и персонала «Сциллы». Мик услышал скрежет открывающейся двери. Он лег на спину и застегнул свой мешок. Дверь открылась. Мик узнал голос пилота.

— Я буду в ангаре. Скажи своим людям, чтобы были очень осторожны, *comprendo, amigo?*^[36]

Ему что-то затараторили в ответ на испанском. Какие-то люди начали выносить мешки с телами. Мик оставался неподвижен.

Прошло несколько минут. Он услышал, как заработал и стих в отдалении мотор грузовика. Расстегнув мешок, он осторожно выглянул в открытый грузовой люк и заметил, что вагончик направляется к открытому ангару.

Мик выбрался из мешка, выпрыгнул из вертолета и побежал в сторону главного выхода.

ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА

Осенью 1977 года мы с Марией вернулись в Месоамерику. Моя жена была на шестом месяце беременности. Нам отчаянно не хватало денег, и мы решили предоставить некоторые результаты наших исследований Гарварду и Кембриджу, старательно избегая информации, которая касалась присутствия инопланетной расы среди людей. Наши исследования произвели впечатление, и каждый из нас получил грант для дальнейшей работы.

Мы приобрели подержанный трейлер и отправились исследовать майяские руины, надеясь идентифицировать пирамиду, которую древний художник поместил в пампе долины Наска, а также найти все, что могло бы спасти человечество от предсказанного уничтожения.

Несмотря на бремя нашей миссии, проведенные в Мексике годы были для нас счастливым временем. И лучшим из всего, что произошло, был тот момент, когда в рождественское утро в маленькой клинике Мерида появился на свет наш сын Майкл.

Должен заметить, что я очень переживал из-за того, в каких условиях придется расти нашему сыну. Я понимал, Майкл будет лишен общения со сверстниками, что может в будущем перерасти в проблему и помешать мальчику стать полноценным членом общества. Однажды, когда ему исполнилось пять, я даже предложил Марии отослать его в частную закрытую школу за рубежом. Но моя жена не желала об этом слышать. В конце концов я уступил ее желаниям, потому что понимал, что она нуждается в присутствии ребенка не меньше, чем он — в ее материнской заботе.

Мария была для Майкла не просто матерью, она была его наставницей, учителем, лучшим другом и примером для подражания, а он был прекрасным учеником. Даже в юном возрасте было заметно, что мальчик унаследовал от матери не только черные глаза и удивительный взгляд, но и острый, пронизательный ум.

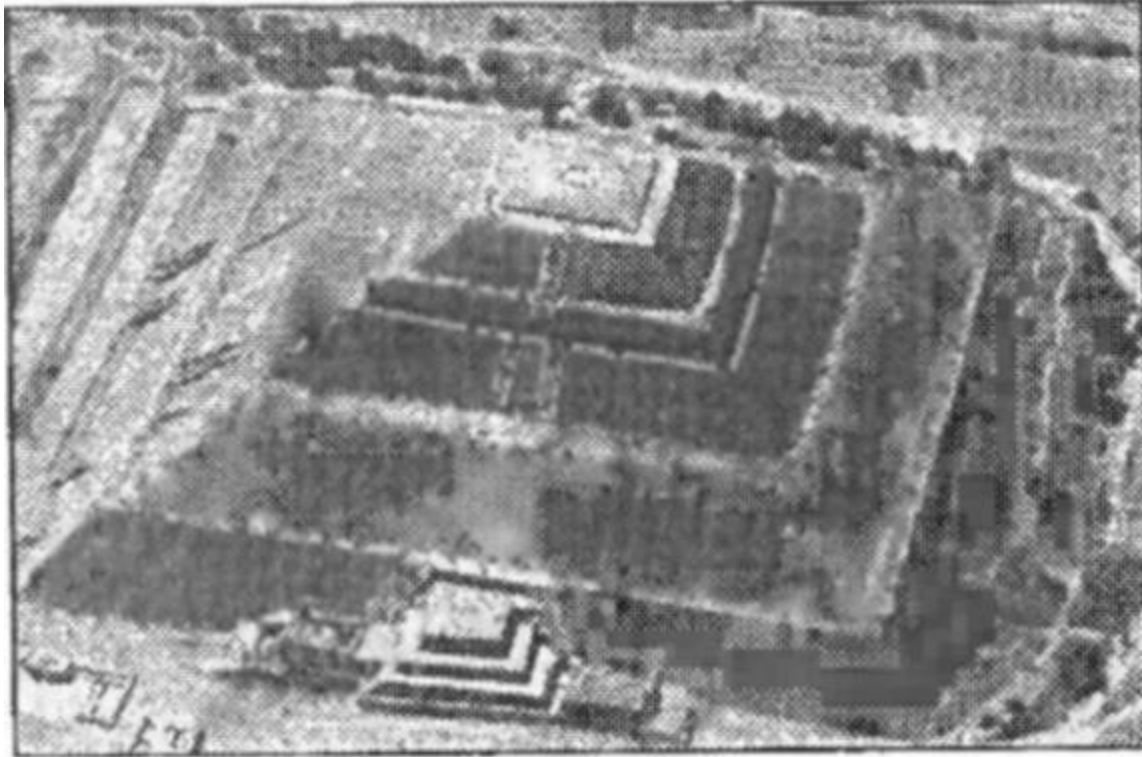
Семь лет наша семья исследовала дикие джунгли современных Мексики, Белиза, Гватемалы, Гондураса и Сальвадора. Когда другие отцы учили сыновей играть в бейсбол, я учил Майкла обращаться с артефактами и работать на раскопе. Когда другие дети изучали

иностранные языки, мой сын учился переводить древние иероглифы майя. Мы втроем осматривали храмы Ушмаля, Паленке и Тикаля, исследовали строения Лабны, Яшчилана, Кевика, изумлялись красоте замка в Тулуме. Мы исследовали древнюю столицу запотеков Монте-Альбан, религиозные центры в Каминальгуйю и Копане. Мы спускались в гробницы и протискивались в подземные пещеры. Мы раскапывали древние места и расспрашивали стариков майя. И в конце концов территория поиска пирамиды, изображенной на плато Наска, сузилась до двух древних городов, каждый из которых, как мы считали, являлся кусочком мозаики, которую требовалось сложить, чтобы расшифровать пророчество майя.

Первым был Теотиуакан, изумительный город тольтеков в Мексиканских Кордильерах на плато высотой в пару тысяч метров в тридцати милях к северо-востоку от современного Мехико. Построенный во времена жизни Христа, Теотиуакан был первой метрополией Западного полушария и наверняка самым большим из городов того времени.

Как и в случае с пирамидами Гизы, истинное предназначение Теотиуакана остается загадкой. Мы не знаем ни почему древняя цивилизация возвела этот город, ни о том, каким образом им удалось создать такое чудо, нам неизвестно даже, на каком языке говорили его жители. Точно так же, как и с пирамидами Гизы и Сфинксом, дата постройки Теотиуакана до сих пор является предметом споров. Даже названия города и его пирамид пришли к нам от цивилизации тольтеков, которые поселились здесь через несколько столетий *после* того, как город покинули его жители.

По оценке специалистов, для постройки всех зданий Теотиуакана понадобилось бы более сорока лет и армия из двадцати тысяч строителей. Но поначалу наше внимание привлекло не то, как был построен этот город, а план его застройки и странное сходство этого плана с расположением монументов Гизы.

Как я упоминал ранее, пирамиды Гизы построены в соответствии с расположением трех звезд Пояса Ориона, при этом Нил изображает темный участок Млечного Пути. В Теотиуакане также находятся три пирамиды, расположенные практически в таком же соотношении, только ориентированы они наоборот, почти на сто восемьдесят градусов. Из конца в конец город пересекает Улица мертвых, главный путь сообщения между основными зданиями города. Эта улица, точно так же как Нил в Гизе, должна обозначать темный участок Млечного Пути.

Для древних месоамериканских индейцев темный участок был *Шибальба Бе*, Черной дорогой, которая вела в *Шибальбу*, мир мертвых. Новые раскопки в Теотиуакане нашли под этой дорогой огромные каналы, которые, как мы теперь знаем, предназначались для отвода дождевой воды. Значит, Улица мертвых могла быть не дорогой, а огромным водоемом, в котором отражался космос.

Схожесть Гизы и Теотиуакана на этом не заканчивается. Самый большой из трех храмов этого месоамериканского города называется пирамидой Солнца. Это равнобедренная четырехгранная структура, сторона основания которой — двести двадцать пять метров, лишь на пять метров короче египетского аналога, Великой пирамиды в Гизе.

Пирамида Солнца является самым большим строением в Западном полушарии, в то время как Великая пирамида — самое большое рукотворное строение Восточного полушария. Довольно интересен тот факт, что пирамида Солнца указывает на запад, а Великая пирамида — на восток. Это заставило Марию задуматься о том, что эти два строения могут быть своеобразными форзацами нашей планеты.

Точность размеров Великой пирамиды и пирамиды Солнца бесспорно указывает на то, что древние архитекторы были знакомы с математикой, геометрией и значением числа π . Периметр основания пирамиды Солнца равен ее высоте, умноженной на 2π ; у Великой пирамиды это отношение высоты пирамиды, умноженной на 2 и на 4π . О строителе Теотиуакана есть подсказка в самой маленькой из трех его пирамид, пирамиде Кетцалькоатля. Этот храм стоит на огромной квадратной платформе, которая называется цитадель, — площади, способной вместить сто тысяч человек. Пирамида Кетцалькоатля является самым богато украшенным строением Теотиуакана, в ней находится множество скульптур и барельефов, посвященных одному персонажу, — пернатому змею.

Для тольтеков и ацтеков пернатый змей был символом европеоидного мудреца, Кетцалькоатля.

И вновь на нашем пути в прошлое возникает загадочный бородатый учитель.

Когда Теотиуакан покинули его жители, тольтеки, и их вожди переместились на восток, осев в майяском городе Чичен-Ица. Именно там две культуры снова стали единой и создали самое восхитительное и загадочное строение древнего мира — пирамиду Кукулькана.

Тогда я еще не знал, что в Чичен-Ице меня ждет открытие, которое не только изменит судьбу моей семьи, но и приговорит нас к пожизненному странствию.

Выдержка из дневника профессора Юлиуса Гэбриэла.

Источник: каталог 1977–1981, страницы 12–349.

*Фотодневник на магнитных дисках 5 и 6: Файлы
МЕСО, фото 176.*

4 декабря 2012 года

На борту USS «Бун», Мексиканский залив

Секретарь штата Пьер Борджия шагнул с вертолета на палубу, где его уже ожидал капитан Эдмонд Луз.

— Доброе утро, мистер секретарь. Как полет?

— Отвратительно. Директор клиники из Майами уже прибыл?

— Около двадцати минут назад. Он ждет вас в зале совещаний.

— Последние новости о Гэбриэле?

— Мы все еще не знаем наверняка, как именно ему удалось бежать с корабля. В замке его камеры обнаружены следы попытки взлома, но ничего значительного. Судя по всему, кто-то освободил его.

— Это могла быть та девушка?

— Нет, сэр. Она была без сознания в лазарете. Мы проводим детальное расследование.

— Как же ему удалось выбраться с корабля?

— Скорее всего, он пробрался в грузовой вертолет службы эвакуации. Они весь день снуют с корабля на берег.

Борджия холодно уставился на капитана.

— Надеюсь, вы управляете кораблем лучше, чем следите за своими заключенными.

Луз ответил тем же:

— Я не нанимался в няньки, мистер секретарь, и очень сомневаюсь в том, чтобы кто-то из моих людей стал рисковать карьерой ради спасения вашего психа.

— Кто еще мог освободить его?

— Я не знаю. У нас на борту команда ученых, которых с каждым днем становится все больше. Это мог быть один из них или даже из команды вице-президента.

Борджия приподнял брови.

— Как я уже сказал, расследование не закончено. К тому же мы уведомили мексиканскую полицию о побеге Гэбриэла.

— Они никогда его не найдут. У Гэбриэла слишком много друзей на Юкатане. Что насчет девушки? Что она знает об этом инопланетном объекте?

— Она утверждает, что помнит себя лишь до того момента, как мини-субмарину затянуло в тоннель. Один из наших геологов убедил ее, что их судно попало в действующую лавовую трубу спящего под морским дном вулкана, который начал проявлять активность. — Луз улыбнулся. — Он объяснил, что течения были созданы подземным лавовым полем, которое можно увидеть через дыру в морском дне, и показал ей несколько инфракрасных спутниковых снимков водоворота, заявив, что именно эта воронка образовалась в результате обвала подземных лавовых карманов под поверхностью морского дна. Девушка поверила, что именно это затопило корабль ее отца и стало причиной гибели его и его друзей.

— Где она сейчас?

— В лазарете.

— Дайте мне пять минут, чтобы поговорить с директором психиатрической клиники наедине, а потом приведите девушку. Пока будете говорить с ней, прикрепите вот эту вещь к ее одежде. — Он передал Лузу крошечное устройство размером с батарейку для часов.

— Маячок?

— Подарок из НАСА. Да, и еще одно, капитан. Когда будете вести девушку ко мне, наденьте на нее наручники.

* * *

Двое вооруженных моряков провели закованную в наручники и перепуганную Доминику по узким коридорам, потом поднялись на три пролета по лестнице и остановились у дверей с табличкой «Зал совещаний». Один из охранников постучал, дверь открылась, и девушку провели внутрь.

Доминика оказалась в небольшой комнате.

— О Господи...

Антонио Фолетта посмотрел на нее через стол для переговоров и улыбнулся.

— Интерн Вазкез, входите. — Его скрипучий голос был полон отеческой заботы. — Мистер секретарь, эти наручники так уж необходимы?

Одноглазый мужчина закрыл за ней дверь и занял место за столом напротив Фолетты.

— Боюсь, что да, доктор Фолетта. Мисс Вазкез помогала опасному преступнику. — Он жестом пригласил ее садиться. — Вы знаете, кто я?

— Пьер Борджия. Я... Три дня назад мне сказали, что вы приедете.

— Да, но моего присутствия потребовала ситуация в Австралии.

— Вы прибыли, чтобы арестовать меня?

— Это целиком и полностью зависит от вас.

— Нам нужна не ты, Доминика, — сказал Фолетта. — Нам нужен Мик. Ты ведь знаешь, где он, не так ли?

— Откуда мне знать? Он сбежал, когда я была без сознания.

— А она красотка, верно, доктор? — От взгляда, которым окинул ее Борджия, у Доминики над губой выступили капельки холодного пота. — Неудивительно, что Мик сделал на вас ставку. Скажите, интерн Вазкез, что заставило вас помочь ему сбежать из клиники?

Фолетта вскочил на ноги прежде, чем она смогла ответить.

— Она просто запуталась, мистер секретарь. Вы же знаете, насколько умен Гэбриэл. Он использовал детскую травму Доминики, чтобы заставить ее помочь ему сбежать.

— Это не совсем верно, — возразила она, поймав себя на том, что не может отвести взгляда от черной повязки, закрывающей глаз Борджии. — Мик знал что-то о происходящем в заливе. И он знал об этой трансляции сигнала из космоса...

Фолетта положил потную ладонь ей на плечо.

— Интерн, взгляните правде в глаза. Мик Гэбриэл просто использовал вас. Он планировал побег с того самого момента, как впервые увидел вас.

— Нет, я не верю...

— Возможно, вы просто не хотите в это верить, — заметил Борджия. — Но правда заключается в том, что ваш отец был бы жив,

если бы Мик не заставил вас помогать ему.

Глаза Доминики затуманились слезами.

Борджия вытащил из дипломата несколько документов, быстро просмотрел их.

— Изадор Акслер, биолог, приписанный к острову Санибел. Множество рекомендательных писем. Он ведь не был вашим настоящим отцом?

— Другого отца у меня не было.

Борджия продолжал просматривать документы.

— Ага, вот оно. Эдит Акслер. Знаете, мы с ней встречались. Очень милая женщина.

Доминика почувствовала, как по спине под одолженной у персонала одеждой стекает струйка пота.

— Вы виделись с Эдит?

— Совсем недолго, только чтобы посадить ее под домашний арест.

От этих слов у Доминики подкосились колени.

— Эдди не причастна к побегу Мика! Я действовала одна. Это я все подстроила...

— Меня не интересуют ваши признания, мисс Вазкез. Меня интересует Майкл Гэбриэл. Если я не могу добраться до него, то мне не остается ничего иного, кроме как посадить вас с матерью под замок на очень долгое время. Конечно же, в случае с Эдит срок может оказаться не таким уж и долгим. Она уже немолода, смерть мужа сильно подорвала ее здоровье.

Сердце Доминики бешено заколотилось.

— Я же сказала вам, что не знаю, где он.

— Ну что ж, раз вы настаиваете... — Борджия поднялся и шагнул к двери.

— Подождите, позвольте мне поговорить с ней, — поднялся Фолетта. — Дайте нам пять минут.

Борджия взглянул на часы.

— Пять минут. — Он вышел из кабинета.

Доминика уронила голову на столешницу; внутри у нее все дрожало, слезы капали на полированное дерево стола.

— Ну почему все это происходит со мной?

— Ш-ш-ш, — Фолетта погладил ее по волосам, понизив голос до шепота. — Доминика, Борджия не хочет сажать в тюрьму ни тебя, ни твою мать. Он просто боится.

Она подняла голову.

— Боится? Чего?

— Кого. Он боится Мика. Он знает, что Мик хочет отомстить, и не успокоится, пока не убьет его.

— Мик не такой...

— Ты ошибаешься. Борджия знает его куда лучше, чем я или ты. Их связывает прошлое. Ты знаешь, что Борджия был помолвлен с матерью Мика? Юлиус Гэбриэл увел у него невесту в канун свадьбы. Слишком много грязи было между этими двумя семьями.

— Мика не интересует месть. Его больше волнует все, что связано с майяским пророчеством.

— Мик умен. Он не станет ни с вами, ни с кем-либо еще обсуждать свои истинные мотивы. Думаю, сейчас он спрячется где-то на Юкатане. У его семьи там осталось немало друзей, которые наверняка ему помогут. Он заляжет на дно на некоторое время, а потом наверняка доберется до Борджии, возможно, во время его публичного выступления. Подумай, Доминика, неужели секретарь штата приехал бы сюда всего лишь для того, чтобы встретиться с тобой, если бы он не был напуган? Через несколько лет он будет баллотироваться на пост президента. И меньше всего ему нужен параноидальный шизофреник с IQ 160, который разгуливает на свободе и жаждет его смерти.

Доминика вытерла слезы с глаз. *Неужели это правда? Неужели Мик действительно использовал исследования апокалипсиса, которым посвятила жизнь его семья, всего лишь для того, чтобы заморочить мне голову?*

— Давайте представим, что я вам поверила. Что, по-вашему, мне нужно сделать?

Фолетта подмигнул ей.

— Позволь мне помочь тебе заключить с Борджией сделку. Если поможешь Борджии сдать Мика властям, взамен ты и твоя мать получите полную неприкосновенность.

— В последний раз, когда я согласилась на сделку с вами, вы меня обманули. Вы ведь не собирались выпускать Мика из клиники или

хотя бы позволить ему пройти полный курс терапии. Почему сейчас я должна вам верить?

— Я не солгал! — пролаял он, выпрямляясь во весь рост. — Я не был официально зачислен на должность в Тампе, и любой, кто скажет, что это не так, соврет!

Фолетта вытер пот со лба, пригладил седые волосы. Его пухлое лицо налилось кровью.

— Доминика, я здесь, чтобы помочь тебе. Если тебе не нужна моя помощь, я просто посоветую тебе хорошего адвоката.

— Мне нужна ваша помощь, доктор, просто я не знаю, можно ли вам доверять.

— Неприкосновенность гарантирует Борджия, а не я. Я просто предлагаю тебе вернуться к прежнему образу жизни.

— Что вы имеете в виду?

— Я уже поговорил с твоим куратором из Университета Филадельфии. Я предлагаю тебе пройти интернатуру в клинике Тампы, это совсем недалеко от дома твоей матери. Ты возглавишь группу специалистов, которая будет заниматься Майклом. Должность в штате и все положенные привилегии будут ждать тебя там после получения докторской степени.

Это предложение вызвало новый поток слез, на сей раз — от облегчения.

— Почему вы это делаете?

— Потому что мне не нравится то, что происходит. Мне с самого начала не стоило заставлять тебя работать с Миком. Когда-нибудь ты станешь прекрасным психиатром, просто ты не была готова к работе с таким опытным манипулятором, как Майкл Гэбриэл. Смерть твоего отца, те испытания, через которые была вынуждена пройти твоя семья, — все это по моей вине. Я знал, что нечто подобное может случиться, но понадеялся на удачу. Я видел в тебе сильную женщину, которая прекрасно вписалась бы в мою команду специалистов, но поспешил с твоим назначением. Прости, Доминика. Дай мне шанс помочь тебе. Он протянул ей пухлую ладонь.

Доминика несколько секунд смотрела на нее, а потом пожала протянутую руку.

6 декабря 2012 года

Вашингтон, округ Колумбия

Вице-президент Эннис Чейни отвел взгляд от документов и поприветствовал входящих в центр управления Белого дома членов Совета национальной безопасности. Люди входили в зал, занимали свои места за овальным столом и в стоящих вдоль стен креслах. Затем вошли полдюжины военных и ученых и разместились на заранее подготовленных дополнительных стульях.

Эннис закрыл папку с документами, когда в зал вошел президент, а следом за ним тащился секретарь штата. Борджия прошел мимо своего места и шепнул ему:

— Нам нужно поговорить.

— Мистер секретарь, мы можем начинать?

— Да, мистер президент. — Борджия занял свое место, бросил на Чейни обеспокоенный взгляд.

Президент Меллер потер покрасневшие глаза и начал читать факс.

— Сегодня Совет безопасности ООН выступил с заявлением об осуждении испытаний оружия «чистого синтеза» и наложении моратория на испытания любого ядерного оружия. Кроме того, Совет будет настаивать на глобальном сокращении ядерных запасов. Далее, Совет безопасности требует немедленного подписания новой резолюции, которая закроет лауну в договоре о технологиях чистого синтеза.

Меллер поднял подшивку документов, помеченную UMBRA, кодовым словом для обозначения сверхсекретных документов.

— Я полагаю, все уже ознакомились с этим отчетом. Я попросил его автора, доктора Бри Родхофа, директора Национального центра по экспериментам с возгоранием в Ливерморе, штат Калифорния, присоединиться к нашему заседанию. Уверен, у вас появилось немало вопросов к нему. Доктор?

Доктору Родхофу, высокому седоволосому мужчине, на вид было около пятидесяти. Его обветренное лицо не выражало никаких эмоций.

— Мистер президент, леди и джентльмены, для начала я хотел бы со всей ответственностью заявить, что США не причастны ко взрыву

устройства «чистого синтеза».

Эннис Чейни, закипавший изнутри с того самого момента, как он ознакомился со сверхсекретными документами, сверкнул глазами, уставившись на ядерного физика.

— Доктор, я хотел бы задать вопрос. Но прежде чем я его задам, я хотел бы уточнить, что мой вопрос относится ко всем присутствующим в этой комнате.

Тон его голоса заставил стихнуть шепотки на дальних рядах.

— Я хочу знать почему, доктор. Почему Соединенные Штаты Америки вообще начали эти самоубийственные разработки?

Доктор Родхоф опустил глаза.

— Сэр, я... Я просто руководитель проекта. И не я решаю, какой будет политика США. Федеральное правительство инвестировало исследовательские лаборатории, разработки оружия чистого синтеза велись с 1990 года. Именно военные давили на нас, заставляя вести разработку и конструирование новых типов оружия...

— Давайте не будем переходить на личности и искать виноватых, мистер вице-президент, — вмешался генерал Фекондо. — На самом деле иностранные правительства осваивали эти технологии, и мы не могли себе позволить остаться в стороне. Лазерная установка мегаджоульного диапазона LMJ во Франции, в Бордо, проводила эксперименты с чистым синтезом начиная с 1998. Британия и Япония долгие годы работали с невзрывоопасным ядерным синтезом с магнитным удержанием плазмы. Любая из этих стран, как, впрочем, и все они вместе, могла достигнуть успеха и устроить испытания термоядерного оружия.

Чейни повернулся к генералу.

— Тогда почему весь мир, в том числе и наши соотечественники, так уверены, что именно мы ответственны за взрыв в Австралии?

— Потому что все научное сообщество уверено в том, что наши разработки на стадии завершения, — ответил доктор Родхоф. — ИЭЭИ недавно опубликовал отчет о том, что США осталось всего два года до первого полевого испытания оружия «чистого синтеза».

— И они были правы?

— Эннис...

— Простите, мистер президент, но я хочу узнать.

— Мистер вице-президент, сейчас не время...

Чейни проигнорировал слова Меллера.

— Сколько времени осталось до конца ваших разработок?

Родхоф отвел глаза.

— Четырнадцать месяцев.

По залу пошел ропот. Борджия улыбнулся, глядя на исказившееся от злости лицо президента. *Молодец, Чейни, продолжай раскачивать свою лодку.*

Эннис Чейни грузно опустился на стул. Он больше не сражался с ветряными мельницами, ему предстояла битва со всеобщим безумием.

Президент Меллер хлопнул ладонью по столу, восстанавливая порядок в зале.

— Достаточно! Мистер Чейни, сейчас не время и не место для вольного обсуждения президентской политики моих предшественников. В данной ситуации мы знаем лишь, что иностранное правительство взорвало одну из указанных бомб. Я хочу знать, кто это сделал и имеет ли этот взрыв какое-либо отношение к военным базам Ирана на побережье Персидского залива.

Начальник ЦРУ Патрик Херли ответил первым:

— Сэр, это могут быть русские. В Лос-Аламос проводились совместные русско-американские эксперименты с чистым синтезом.

Доктор Родхоф покачал головой.

— Я не согласен. Русские прекратили исследования после экономического кризиса. Я бы сказал, что это Франция.

Генерал Майк Костоло, командующий морской пехотой, поднял пухлую ладонь.

— Доктор Родхоф, насколько я понял, это оружие с использованием чистого синтеза практически не дает радиационного выброса?

— Да, сэр.

— К чему вы ведете, генерал? — спросил Дик Пристас.

Костоло повернулся к министру обороны.

— Одной из причин, по которым министерство обороны уделяло столько внимания оружию «чистого синтеза», являлось то, что Россия и Китай снабжали Иран ядерным оружием. Если бы ядерная война началась в Персидском заливе, «чистый синтез» дал бы нам не только тактическое преимущество. Отсутствие радиации позволило бы нам получить все запасы нефти в готовом к разработке состоянии. Я

считаю, что не важно, кто — Франция или Россия — первой испробовала эти технологии, единственное, что имеет сейчас значение, так это то, успели ли они продать технологии Ирану. Если да, то баланс сил на Ближнем Востоке кардинально изменится. Стоит Ирану взорвать одну из таких бомб в Персидском заливе, и Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн, Египет и прочие умеренные режимы арабских стран будут вынуждены отказаться от поддержки Запада.

Борджия согласно кивнул.

— Саудовская Аравия все еще уклоняется от четкого ответа по поводу размещения наших баз на ее территории. Они сомневаются в том, что мы способны удержать Персидский залив.

Президент обратился к Джеффри Гордону.

— Где сейчас наши ударные группы?

— В процессе подготовки к приближающимся ядерным учениям в Азии мы перевели группу «Гарри С. Трумен» в Красное море. Ударная группа «Рональд Рейган» через три дня должна прибыть в Оманский залив. «Вильям Дж. Клинтон» останется патрулировать Индийский океан. Мы послали четкое и простое уведомление Ирану, заявив, что не позволим им перекрыть Персидский залив.

— Должен сообщить, мистер президент, — поднялся Чейни, — что посол Франции отрицает их причастность к этому взрыву.

— А чего вы ожидали? — возмутился Борджия. — Подумайте, что стоит за этим отказом. Иран все еще должен Франции миллиарды долларов, однако Франция продолжает спонсировать Иран, так же как и Россия с Китаем. К тому же позвольте напомнить, что Австралия является одной из стран, которые продолжают кредитовать Иран на льготных условиях, а эти кредиты идут на наращивание ядерного, химического и биологического арсенала. Вы действительно считаете, что тестирование новой ядерной бомбы именно на равнине Нулларбор было простой случайностью?

— Не стоит так быстро сваливать вину на австралийцев, — вмешался Сэм Блуммер. — Если вы не забыли, именно Соединенные Штаты кредитовали Ирак в 1980 году и именно наши кредиты позволили Саддаму Хусейну начать вторжение в Кувейт.

— Я согласен с Сэмом, — сказал президент. — Я говорил с премьер-министром Австралии. Либеральная и трудовая партии выступают единым фронтом, объявляя этот инцидент как военные

действия против своей страны. Я очень сомневаюсь, что они позволили бы проведение таких учений на своей территории.

Генерал Фекондо обеими руками взъерошил короткий ежик седых волос.

— Мистер президент, тот факт, что оружие «чистого синтеза» уже существует, ничего не меняет в текущей ситуации. Между тестированием оружия и его применением во время боевых действий существует огромная разница. Ни одна страна не бросит вызов Соединенным Штатам и не рискнет начать ядерную войну.

Костоло посмотрел на председателя объединенного комитета начальников штабов.

— Скажите, генерал, если бы у нас были крылатые ракеты, способные стереть с лица земли все военные базы Ирана на побережье залива, вы бы воспользовались ими?

Дик Пристас приподнял брови.

— Заманчивая мысль, не правда ли? Думаю, у иранцев руки чешутся не меньше, когда они смотрят на группу «Рональд Рейган» у своих берегов.

— Я скажу вам, что думаю по этому поводу, — вмешался долговязый министр ВМС. — Этот взрыв был своего рода предупреждением, выстрелом в воздух. Русские дали нам понять, что у них есть оружие «чистого синтеза», в надежде, что их маленькая демонстрация заставит нас отказаться от противоракетного щита.

— Это то, чего мы не можем себе позволить, — заявил Пристас. — За последние пять лет количество государств, владеющих биологическим и ядерным оружием, увеличилось вдвое...

— А мы продолжали финансирование ядерных технологий, — вмешался Чейни, — посылая всему миру однозначное сообщение: Соединенные Штаты куда более заинтересованы нанести первый удар, чем во всемирном разоружении. В итоге мы с вами стоим на пороге ядерной конфронтации. Они это знают, мы это знаем, но все мы слишком заняты поисками козла отпущения, чтобы попытаться найти выход из ситуации. Мы ведем себя как кучка придурков, и прежде чем мы поймем, что случилось, война будет развязана.

* * *

Борджия перехватил Энниса Чейни в коридоре во время перерыва.
— Уделите мне минуту.
— Слушаю.
— Я говорил с капитаном «Буна».
— И что?
— Скажите, Чейни, зачем вице-президенту Соединенных Штатов содействовать побегу преступника?
— Я не понимаю, о чем вы.
— Такие вещи могут разрушить карьеру политика...
Запавшие глаза уставились на Борджию.
— Если желаете меня в чем-то обвинить, пожалуйста. Я был бы не против вытащить на свет все грязное белье и посмотреть, кто из нас окажется чистым.
Борджия нервно улыбнулся.
— Спокойнее, Эннис. Никто не созывает тут Верховный суд. Я просто хочу, чтобы Гэбриэл вернулся туда, где ему самое место, — под присмотр хорошего психиатра.
Чейни прошел прочь от секретаря штата, бросив на прощанье:
— Вот что, Пьер, запомни на будущее, что я буду хорошо приглядывать за этим пациентом.

* * *

7 декабря 2012

Мексиканский залив

4:27

Непрерывный звон разбудил Эдмонда Луза. Он снял трубку с базы, прочистил горло.
— Капитан слушает. Говорите.
— Простите, что разбудил, сэр. Мы засекли активность на поверхности морского дна.

— Уже иду.

* * *

Когда капитан дошел до боевого информационного поста, море пришло в движение.

— Докладывайте, старший помощник.

Дежурный офицер указал на световую панель, куда в реальном времени транслировалось трехмерное голографическое изображение моря и морского дна. Посреди призрачного изображения, скрытая под затененной поверхностью известнякового дна, в воздухе вращалась квадратная голограмма, в которой четко просматривался овальный объект, обозначенный ярко-оранжевым цветом. Над центром овального предмета изумрудным светом сиял столб непонятной энергии, поднимающийся до самой поверхности моря, по которой дрейфовало крошечное изображение «Буна».

Капитан и первый помощник удивленно смотрели, как столб света превращается в подобие вихря. Спустя несколько секунд плавное движение воды превратилось в водоворот, в центре воронки которого проглядывало морское дно.

— Господи, это все равно что смотреть на то, как формируется торнадо, — прошептал Луз. — Все именно так, как рассказывал Гэбриэл.

— Простите, сэр?

— Не обращайтесь внимания. Офицер, выводите корабль из области водоворота. Свяжитесь с НОРАД^[37] и поднимайте в воздух вертолеты. Если из этого водоворота что-то вырвется, я хочу об этом знать.

— Есть, сэр.

* * *

Пилот первого класса лейтенант Джонатан Эванс мчался к взлетной полосе на корме ракетноносца, сжимая в руках шлем. Второй пилот и команда были уже на борту ЛАМС, противолодочного

вертолета. Отдуваясь и пыхтя, лейтенант забрался в кабину «Сиспрайта» и плюхнулся в кресло.

Взглянув на второго пилота, Эванс попытался перевести дыхание.

— Эти чертовы сигареты меня когда-нибудь доконают.

— Хотите кофе?

— Мир тебе, чадо. — Эванс взял пластиковый стаканчик. — Три минуты назад я мирно спал в своей коечке, мне снилась Мишель, а потом раз — и на меня уже орет командующий, спрашивая, какого черта я еще не в воздухе.

— Добро пожаловать в военно-морской флот.

Эванс потянул на себя штурвал. Вертолет оторвался от площадки, развернулся на юг и поднялся на сотню метров. Пилот повел ЛАМС над сияющими изумрудным светом волнами.

— Ох, дерьмо-о... — Эванс и его команда заворожено уставились на разрастающуюся воронку, околдованные ее красотой и напуганные гигантским размахом. Водоворот казался чудовищем из «Одиссеи» Гомера; стенки воронки, светящиеся зеленым, грохотали, как Ниагарский водопад. Из центра воронки, утопая в темной воде окружающего ее моря, на них взирал огромный сияющий зеленый глаз. Водоворот разрастался, и зеленое око все больше походило на сияющую галактику, изумрудные звезды которой вращались в такт воронке.

— О господи! И почему у меня нет фотоаппарата...

— Не волнуйтесь, лейтенант, у нас будет уйма снимков этой штуковины.

— Да кому они нужны, инфракрасные-то. Мне нужен настоящий снимок, что-то, что можно отправить домой по электронке.

Эванс смотрел, как центр воронки неожиданно открылся, выпуская ярчайшую световую сферу, которая поплыла вверх, сияя, как изумрудное солнце.

— Берегите глаза...

— Лейтенант, из воронки поднимаются два объекта!

— Что? — Эванс повернулся к оператору. — Размеры?

— Большие. В два раза больше нашего ЛАМС.

Пилот потянул на себя штурвал, и в тот же момент два темных крылатых объекта рванулись им навстречу из тоннеля.

Безликие механизмы зависли с двух сторон от «Сиспрайта», лейтенант успел мельком заметить янтарный свет дисков — и штурвал вырвался у него из рук.

— О черт, скорость...

— Лейтенант, двигатели отказали, мы падаем!

Эванс почувствовал, как вертолет рвануло вниз. Еще один оглушающий удар — вертолет врезался в стену воронки водоворота. Винт сорвало, хвост вертолета согнулся, а корпус застонал, словно попав в грандиозный миксер. Центробежная сила пыталась вырвать Эванса из кресла, бросая из стороны в сторону, его крик потонул в грохоте водоворота.

Мир перестал существовать для него, когда воронка проглотила ЛАМС.

Последним, что ощутил лейтенант Эванс, был странный вибрирующий хруст позвоночника, когда его тело спрессовалось с корпусом вертолета.

* * *

8 декабря 2012 года

Национальный парк Гунунг-Мулу, Саравак, Малайзия

5:32 по местному времени (спустя 13 часов)

Саравак, что на северо-западе острова Борнео, является самым большим штатом Федерации Малайзия. Площадь Гунунг-Мулу, крупнейшего национального заповедника штата, составляет 340 квадратных миль, над его удивительно разнообразным ландшафтом возвышаются три горы: Гунунг-Мулу, Гунунг-Бенарат и Гунунг-Апи.

Гунунг-Апи состоит преимущественно из известняка, камня, наиболее распространенного не только в Сараваке, но и практически повсеместно в южной части Малайзии, в том числе и на соседнем острове Ириан-Джайя, принадлежащем Папуа-Новой Гвинее. От

выветривания и воздействия дождей эти известняковые породы создали удивительные природные скульптуры на земле и пещеры под ее поверхностью. Гора Апи возвышается над лесом, а ее зазубренные серебристо-серые башенки сталагмитов, некоторые из которых достигают пятидесяти метров в высоту, тянутся к небу. Под землей находится огромный лабиринт; подземные реки, когда-то создавшие его, теперь соединяют между собой более четырехсот миль пещер и коридоров самой большой в мире природной системы подземных ходов.

Гонолулу выделило студенту Вейду Токумине грант на трехмесячное изучение пещер Саравака. Он должен был собрать данные для своей докторской диссертации, посвященной стабильности самых больших карстовых образований планеты. (Карстом называется своеобразная форма рельефа, а также сам процесс его образования при взаимодействии воды и известняковой почвы, в которой содержится не менее восьмидесяти процентов карбоната кальция.) Сеть подземных переходов и пустот в Сараваке практически полностью относится к карстовым образованиям.

Сегодняшнее путешествие было девятым визитом Вейда в пещеру Чистой воды, самую длинную подземную пещеру в Юго-Восточной Азии и одну из четырех пещер Мула, открытых для посещений. Геолог отклонился назад на лодочной скамейке, посветил фонариком вверх, на алебастровый потолок пещеры. Луч света заиграл на тысячах сталактитов, по которым стекала вода. Вейд зачарованно смотрел на это древнее чудо природы.

* * *

Четыре миллиарда лет назад наша Земля была очень молодым, неприветливым и безжизненным миром. Когда поверхность планеты остыла, водяной пар и другие газы, выброшенные в атмосферу при многочисленных извержениях вулканов, сформировали атмосферу с огромным содержанием углекислого газа, азота и различных соединений водорода, создав условия, аналогичные тем, что были обнаружены на Венере.

Жизнь на нашей планете зародилась в море из первичного супа — набора химических элементов — под воздействием извне объединившихся в сложные структуры четырех базовых цепочек аминокислот; предположительно таким толчком был удар молнии. Молекулы аминокислоты в виде двойной спирали начали множиться, что в итоге привело к образованию одноклеточных организмов. Эти организмы размножались, питаясь соединениями углекислоты, и заполняли океаны. Затем появилось уникальное семейство бактерий, которое произвело новую органическую молекулу — хлорофилл. Эта зеленоватая субстанция была способна получать энергию от солнца, позволяя одноклеточным организмам-носителям создавать из диоксида углерода и водорода новые углеводы, вырабатывая при этом кислород.

Так возник фотосинтез.

Содержание кислорода в атмосфере росло, карбонат кальция из воды извлекали морские организмы, которые впоследствии превращали его в каменные образования. Извлеченные из атмосферы запасы углекислого газа приняли форму известняковых отложений. В результате современный уровень содержания углекислоты в известняке в шестьсот раз превышает уровень его содержания в атмосфере, воде и клетках живых организмов.

* * *

Вейд Токумине перевел луч фонарика на темную поверхность озера, заполнявшего пещеру. Здесь концентрация углекислоты в десять раз превышала норму. На данном этапе углеродного цикла растворенный в воде CO_2 достигал точки насыщения, в результате чего известняковый раствор давал осадок в виде практически нерастворимого карбоната кальция, из которого и вырастали покрывающие потолок пещеры Саравака сталагмиты.

Вейд развернулся и взглянул на своего проводника, Эндрю Чена. Урожденный малайзиец и профессиональный спелеолог уже семнадцать лет водил туры по пещерам Саравака.

— Эндрю, далеко еще до того прохода?

Эндрю ухмыльнулся в свете карбидного фонаря. Двух передних зубов у него не доставало.

— Недалеко. Чуть впереди эта секция пещеры сузится, и дальше нам придется топтать ножками.

Вейд кивнул, сплюнул от вони карбидного фонаря. Только тридцать процентов пещер Саравака были исследованы, и большинство из них были доступны только для нескольких опытных проводников. Что касалось поиска новых проходов и исследования неизвестных пещер, Эндрю, по мнению Вейда, не было равных, поскольку тот обладал не только прекрасной физической формой, но и изрядным исследовательским зудом, который никогда не давал ему покоя.

Эндрю подогнал лодку к выступу в склоне пещеры, придержал ее за корму, чтобы Вейд смог выбраться.

— Лучше надень шлем. Впереди с потолка постоянно будет сыпаться.

Вейд быстро натянул шлем, глядя, как Эндрю привязывает к носу лодки свободный конец мотка длинной бечевки. Моток он повесил на плечо.

— Держись поближе ко мне, там довольно узкий проход. А на стенах полно острых выступов, так что следи за одеждой.

Эндрю пошел вперед, указывая путь в темные низкие катакомбы. Он свернул в вымытый водой проход, разматывая за собой бечевку, чтобы отметить путь. Несколько минут неспешного шага, и проход сузился до низенького тоннеля, по которому им пришлось пробираться на четвереньках.

Вейд скользил по мокрому известняку, сдирая кожу на пальцах.

— Далеко еще?

— А что? У тебя клаустрофобия?

— Есть немного.

— Это потому, что ты клавиатурный ползун.

— Чего?

— Клавиатурный ползун. Тот, кто проводит уйму времени, лазая по спелеологическим форумам, вместо того чтобы поднять зад и... Эй, погоди-ка, а это еще что такое?

Вейд пополз вперед на животе, протиснулся мимо Эндрю и осмотрелся.

Тоннель обрывался, переходя в огромную пещеру. Подняв глаза, он увидел светлеющее утреннее небо, на котором еще мерцали звезды.

Край обрыва находился где-то в двадцати метрах над их головами. Эндрю посветил фонарем вниз. До дна пещеры было метров десять.

Что-то там, внизу, отбрасывало на стены пещеры мерцающий янтарный свет.

— Ты тоже это видишь?

Вейд перегнулся через край и посмотрел вниз.

— Похоже, там что-то светится.

— Пршлым утром дыры в потолке не было. Ее явно что-то пробило снаружи. И что бы это ни было, оно приземлилось прямо на дно ямы.

— Может, это машина? Кто-то мог провалиться туда...

Вейд смотрел, как его малайзийский проводник лезет в рюкзак и достает оттуда «собачью радость» — веревочную лестницу, связанную из цельной бечевы, с узлами вместо ступенек.

— Что ты собираешься делать?

— Сиди тут. Я спущусь в яму и посмотрю, что там.

Эндрю закрепил конец лестницы на уступе и бросил оставшийся моток в темный провал.

К тому моменту, когда подошвы спелеолога коснулись дна ямы, утреннее небо просветлело и первые солнечные лучи с трудом прокладывали путь вниз сквозь темноту обвала и клубящуюся известковую пыль.

Эндрю смотрел на неподвижную тварь, сидящую перед ним на обломках.

— Эй, Вейд, я понятия не имею, что это за штука, но это явно не машина.

— На что оно похоже?

— Да ни на что оно не похоже. Здоровенное, по форме как таракан, только с крыльями и хвостом, и по всему пузу у него щупальца. Сидит, опираясь на пару когтистых лап. Когти, видать, очень горячие, потому что известняк под ними шипит и плавится.

— Может, тебе лучше вернуться наверх? Выбейся, мы позвоним зрителям парка...

— Да расслабься, эта штука явно не живая. — Эндрю подался вперед и коснулся щупальца.

Последовала неоновно-голубая вспышка, и волна электрошока отбросила его к стене.

— Эндрю, ты в порядке? Эндрю?

— Да в порядке я, а вот этот сукин сын явно сидит тут под большим напряжением. О черт...

Эндрю отпрыгнул, когда хвост твари с шипящим механическим звуком поднялся вверх, указывая в небо.

— Эндрю?

— Все, я сваливаю отсюда, парень, не надо меня упрашивать.

Проводник начал взбираться по лестнице.

Янтарный шар на груди существа начал наливаться кроваво-красным светом.

— Да лезь же ты скорее!

Белый дым вырвался из-под когтей существа и начал заполнять отверстие шахты.

Вейд почувствовал, что у него начинает кружиться голова. Он развернулся и пополз обратно в тоннель, не дожидаясь Эндрю, который все еще карабкался по лестнице.

— Эндрю? Эндрю, ты за мной? — Вейд остановился и посветил фонариком себе за спину. Его проводник лежал, уткнувшись лицом в пол, явно без сознания.

Угарный газ!

Вейд подтянулся назад, ухватил Эндрю за запястье и потащил за собой по узкому проходу. Температура камня под руками росла, теперь он практически обжигал кожу.

Какого черта тут вообще происходит?

Вейд поднялся на ноги, насколько позволила высота потолка и, взвалив на плечо потерявшего сознание проводника, зашагал обратно к лодке. В глазах мутилось, вокруг становилось все горячее. Он закрыл глаза, нащупал свободной рукой известняковую стену и двинулся дальше, стараясь не потерять направление.

У подземной реки он услышал странное бульканье. Упав на одно колено, он опустил тело Эндрю на дно лодки, потом неуклюже перебрался сам, чуть не перевернув их при этом. Стены пещеры дымились, камень раскалился так, что вода в озере вскипела.

Вейд чувствовал, как жжет глаза, как ноздри отказываются втянуть в себя едкий воздух. Он смог лишь слабо замычать от дикой боли, но уже через секунду его плоть сорвалась с костей, а глаза лопнули от жара.

ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА

Чичен-Ица — самый впечатляющий из всех майяских городов Месоамерики. В переводе название города означает «край колодца, у которого жил великий мудрец, пришедший из воды».

Великий мудрец, пришедший из воды.

Сам по себе город разделен на две части: старый и новый. Сначала майя возвели Старую Чичен-Ицу — это было в 435 году нашей эры — и только около 900 года нашей эры к ним присоединилось кочующее племя ица. Об их ритуалах и жизненном укладе нам известно очень мало. В основном это сведения о Кукулькане, вожде-боге, великом учителе майя, оставившем в наследство этот великолепный город.

Мария, Майкл и я много лет провели здесь, исследуя древние руины Чичен-Ицы и окружающие город джунгли. В конечном счете у нас не осталось ни малейших сомнений в том, что три строения Чичен-Ицы являются именно тем, что мы так долго искали: священный водоем, огромная площадка для игры в мяч и пирамида Кукулькана...

Отмечу для краткости, что пирамида Кукулькана является самым удивительным сооружением нашего мира. Размеры пирамиды, четкая ориентация ее граней по сторонам света и удивительное, астрономически выверенное положение этого тысячелетнего здания до сих пор смущают умы архитекторов и инженеров по всему миру.

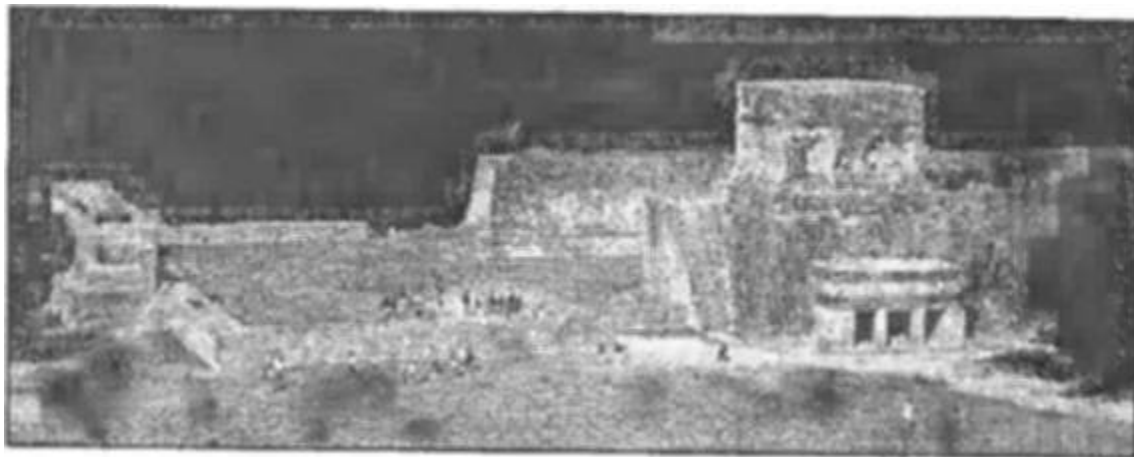
Мы с Марией пришли к выводу, что на плато Наска изображена именно эта пирамида. Перевернутый ягуар, нарисованный в пустыне, колонны в виде змей у северного входа в храм, изображение обезьяны и китов — все совпадало. Где-то в этом городе располагался тайный вход в святая святых пирамиды Кукулькана. Вопрос лишь в том, где именно. Самым простым и, как нам казалось, верным решением было разместить тайный вход в священном сеноте, природном пресном источнике, что к северу от пирамиды. Сенот был еще одним символом, обозначавшим для майя проход в иной мир, и на всем полуострове не было более известного и важного водоема, чем священный сенот Чичен-Ицы, у которого после исчезновения Кукулькана были принесены в жертву тысячи девственниц.

Впрочем, гораздо важнее казалась возможная связь между сенотом у пирамиды Кукулькана и рисунком в долине Наска. Изображая вид сенота сверху (как и в случае с рисунками Наска), стены водоема, выложенные ступенчатыми блоками известняка, вполне можно передать при помощи уже знакомой нам серии концентрических кругов. К тому же высеченные в камне головы пернатых змей, расположенные у северной стены пирамиды Кукулькана, «смотрят» именно в направлении источника.

Заинтригованные и взволнованные, мы с Марией решили вместе спуститься под воду и исследовать священный водоем майя. Но на дне мы обнаружили только древние скелеты принесенных здесь в жертву людей.

Здесь нас ждала неудача, однако другое строение Чичен-Ицы навсегда изменило наши жизни.

* * *

В Месоамерике найдены десятки древних полей для игры в мяч, но ни одно из них не сравнится с тем, что в Чичен-Ице. Большая площадка для игры в мяч не только превосходит размером все аналогичные места Юкатана, она, как и пирамида Кукулькана, является частью зафиксированных на Земле астрономических ориентиров майя и представляет собой проекцию галактики Млечного Пути. В полночь каждого июньского солнцестояния длинная ось на поле для игры указывает именно в то место, где Млечный Путь касается горизонта и темный участок на небе совпадает с полем для игры в мяч.

Астрономическое значение этого удивительного замысла нельзя преувеличить, поскольку, как я уже писал ранее, темный участок Млечного Пути был одним из важнейших символов майяской культуры. Согласно «Пополь Вух» в мифе о сотворении мира темный участок Млечного Пути для древних майя символизировал дорогу в царство мертвых, *Шибальба*. Именно по этой дороге прошел Хун-Ахпу, чтобы вызвать злых богов на судьбоносную игру в мяч, особый ритуал майя.

Согласно календарю майя имя Хун-Ахпу равнозначно одному Ахау, то есть первому и одновременно последнему дню пятого цикла, предсказанному концу света. Я воспользовался современной

компьютерной программой, чтобы рассчитать расположение звезд в 2012 году. Большая площадка для игры в мяч снова совпадет с темным участком Млечного Пути, но на этот раз в день *зимнего* солнцестояния — четыре Ахау три Канкин, — в день предсказанного нам апокалипсиса.

Холодным осенним днем 1983 года в Чичен-Ицу прибыла команда мексиканских археологов. Вооружившись ломом и лопатой, эти люди направились прямо к центру игрового поля. Их целью был центральный маркер — покрытый резным орнаментом камень, который часто находили в центре других древних игровых площадок.

Мы с Марией могли лишь стоять и смотреть, как эти археологи достают древний артефакт. Такого мы никогда раньше не видели — нефритовый пустотелый сосуд размером с кофейник. В одной из граней торчал обсидиановый нож — этакий майяский аналог «меча в камне», который, несмотря на многочисленные попытки, вытащить не удалось.

Грани нефритового предмета покрывала тонкая резьба, символически изображавшая эклиптику и темный участок Млечного Пути. На основании камня был вырезан портрет великого майяского воина.

Мы с Марией смотрели на этот портрет, пребывая в абсолютном шоке, поскольку черты лица изображенного воина просто потрясли нас. Неохотно вернув камень начальнику экспедиции, мы отправились в свой трейлер, ошеломленные потенциальной значимостью камня, который нам так недолго довелось держать в руках.

Мария первой нарушила молчание.

— Юлиус, каким-то образом... Каким-то непонятным образом наша с тобой судьба тесно переплелась со спасением нашего биологического вида. Изображение на центральном камне — это знак того, что мы просто обязаны продолжить наши поиски, мы обязаны найти вход в пирамиду Кукулькана.

Я знал, что моя жена права. С новыми силами, подстегиваемые тревогой, мы принялись за поиски, и на протяжении следующих трех лет перевернули каждый камень, каждый лист в джунглях, каждую руину в городе, исследуя весь регион.

Но так ничего и не нашли.

К лету восемьдесят пятого наше отчаянье достигло пика и мы поняли, что нам следует сменить место поиска, чтобы сохранить остатки здравого смысла. Сначала мы планировали отправиться в Камбоджу и исследовать величественные руины Ангкора, еще одного места, которое, согласно нашим догадкам, связано с пирамидами Гизы и Теотиуакана. К сожалению, доступ туда был закрыт для всех иностранцев пришедшими к власти красными кхмерами.

У Марии были и другие идеи. Понимая, что наши загадочные «старшие» никогда не поместили бы вход в пирамиду Кукулькана там, где его могли отыскать и разрушить вандалы, она предложила вернуться на плато Наска и попробовать расшифровать загадочное послание до конца.

Я всей душой ненавидел саму мысль о том, что придется возвращаться к унылым перуанским пейзажам, но не мог поспорить с логикой моей жены. В Чичен-Ице мы так ничего и не нашли, хотя оба были уверены: именно этому городу предстоит стать полем последней битвы.

Прежде чем оставить страну и отправиться к следующему, конечному пункту нашего пути, я должен был сделать еще одну вещь.

Поздно ночью, надев маску и вооружившись ломом, я взломал трейлер археологической экспедиции — и спас центральный камень Кукулькана.

Выдержка из дневника профессора Юлиуса Гэбриэла.

Источник: каталог 1981–1984, страницы 8–154.

Фотодневник на магнитных дисках 7 и 8, файлы: МЕСО, фото 223, 328, 344.

9 декабря 2012 года

Чичен-Ица, Мексика

13:40

Самолет местной авиалинии дважды подпрыгнул на изъеденной дождями посадочной полосе и лишь чудом успел остановиться за несколько метров от того места, где эта полоса переходила в зеленое поле.

Жаркий воздух ударил Доминике в лицо, когда она подошла к открытой двери Сессны, а футболка, давно уже промокшая от пота, прилипла к телу. Забросив рюкзак на плечо, она отправилась вслед за семьей своими попутчиками к маленькому выходу из аэропорта, за которым начиналось главное шоссе города. Знак, указывающий налево, предлагал отправиться в отель «Страна майя», знак, указывающий направо, — в Чичен-Ицу.

— Такси, сеньорита?

Шофер, немолодой худощавый мужчина, стоял, привалившись спиной к белому «фольксвагену»-жучку. Доминика взглянула на его лицо и подумала, что среди предков таксиста было немало майя.

— Далеко отсюда до Чичен-Ицы?

— Десять минут. — Таксист открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья.

Доминика нырнула внутрь, и старенький винил сиденья, застонав под ее весом, выплюнул в салон облачко пыли.

— Бывали раньше в Чичен-Ице, сеньорита?

— Разве что в раннем детстве.

— Не переживайте. Там и за последнюю тысячу лет немного-то изменилось.

Они проехали по бедной деревушке, вырулили на гладкий асфальт широкой двухполосной дороги и несколько минут спустя остановились возле модернизированного входа в город, затерявшись среди прокатных автомобилей и туристических автобусов. Доминика расплатилась с водителем, купила билет и вошла в парк.

У входа ее встретили неизменные палатки с сувенирами. Пройдя мимо, Доминика зашагала за группой туристов по широкой грунтовой дороге, уходящей в мексиканские джунгли. Пятиминутная прогулка привела их к невероятно широкому плоскому зеленому полю, на границе с которым листва джунглей создавала причудливый орнамент.

Доминика оглянулась по сторонам, ее глаза удивленно расширились. Она словно попала в прошлое.

То тут то там на плоскости равнины возвышались белесые и серые известняковые руины. Слева от нее находилась Большая площадка для игры в мяч, самая крупная в Месоамерике. По форме арена напоминала латинскую букву I: сто семьдесят метров в длину и семьдесят в ширину, со всех сторон окруженная высокими стенами, две из которых поднимались на высоту трехэтажного дома. К северу от площадки находилась Цомпантли — огромная платформа с рядами высеченных в камне черепов в обрамлении каменных змей. Справа, в отдалении, возвышался древний Храм воинов — руины того, что раньше было дворцом и рынком, обнесенным сотнями колонн.

Но внимание привлекали не эти древние места, а огромный известняковый зиккурат, расположенный в центре древнего города.

— Впечатляюще, не так ли, сеньорита?

Доминика развернулась и увидела низенького человечка, одетого в оранжевую рубашку смотрителя и низко надвинутую бейсболку. Черты его лица и покатый лоб явно выдавали в нем майяскую кровь.

— Пирамида Кукулькана — это самое великолепное здание во всей Центральной Америке. Возможно, вы предпочитаете индивидуальную экскурсию? Всего тридцать пять песо.

— Вообще-то я здесь кое-кого ищу. Это американец, высокий, хорошо сложенный, с каштановыми волосами и черными глазами. Его зовут Майкл Гэбриэл.

Улыбка гида погасла.

— Вы знаете Мика?

— Простите, ничем не могу вам помочь. Удачной экскурсии. — Человечек зашагал прочь.

— Подождите. — Доминика заторопилась следом. — Вы ведь знаете где он, верно? Отведите меня к нему, я хорошо вам заплачу. — Она сунула в его руку пачку купюр.

— Простите, сеньорита, я не знаю, где тот человек, о котором вы говорите. — Он вернул ей деньги.

Она отсчитала несколько банкнот и протянула ему.

— Возьмите, пожалуйста...

— Нет, сеньорита.

— Пожалуйста. Если встретите его или кого-то, кто может знать, как его найти, просто передайте ему, что Доминика хочет его увидеть. Скажите, что это вопрос жизни и смерти.

Пожилый майя заметил отчаянье в ее глазах.

— Этот человек, которого вы ищете... он ваш парень?

— Мой близкий друг.

Несколько мгновений проводник смотрел вдаль, явно принимая какое-то решение.

— Погуляйте по Чичен-Ице, развлекитесь. Потом купите себе что-нибудь из еды и ждите темноты. Парк закрывается в десять вечера. Спрячьтесь в джунглях до того, как охрана начнет вечерний обход. Когда уйдет последний посетитель и ворота закроют, подойдите к пирамиде Кукулькана и ждите.

— Мик придет туда?

— Возможно.

Он отдал ей деньги.

— Возле главного входа есть магазинчики для туристов. Купите себе шерстяное пончо, ночью оно вам понадобится.

— Возьмите деньги, пожалуйста.

— Нет. Гэбриэлы долгое время были друзьями моей семьи. — Он улыбнулся. — Когда Мик встретится с вами, скажите ему, что Элиас Формас передал: вы слишком красивы, чтобы оставлять вас в одиночестве в стране зеленых молний.

Беспрестанное гудение тысяч mosкитов звоном отдавалось в ушах Доминики. Она натянула капюшон пончо, надеясь спрятаться от окружающей темноты в этом шерстяном конвертике, и слушала, как вокруг нее просыпаются ночные джунгли.

Какого черта я тут делаю? Она почесала руки, по которым ползали невидимые насекомые. *Мне сейчас нужно заканчивать интернатуру. И готовиться к защите.*

Вокруг нее шелестел лес. В листве над головой хлопали чьи-то крылья. Где-то вдалеке скрипуче прокричала обезьяна. Доминика взглянула на часы: 22.23, потом снова накрыла голову капюшоном и поудобнее уселась на камне.

Еще десять минут.

Закрыв глаза, она позволила звукам джунглей обнять себя, как часто делала ребенком. Тяжелый запах мха, шелест листьев на ветру — все было как тогда, в Гватемале, когда она, четырехлетняя, стояла у выбеленной стены под окном материнской спальни и слушала плач бабушки. Дождавшись, когда тетя выведет бабушку из комнаты, она забралась внутрь через открытое окно.

Она смотрела на безжизненное тело, скорчившееся на кровати. Смотрела на пальцы, которые несколько часов назад гладили ее по волосам, а теперь под их ногтями залегла синева, на открытый рот и приоткрытые карие глаза, которые бездумно смотрели в потолок. Доминика коснулась высокой скулы матери и ощутила под пальцами ледяной холод.

Это больше не была ее *madre*. Это было нечто иное, просто безжизненный костюм плоти, который мама носила, когда еще была частью этого мира.

Вошла бабушка. *Она сейчас с ангелами, Доминика...*

Ночное небо над ее головой взорвалось писком тысяч летучих мышей-вампилов, их крылья заглушили шелест листьев. Доминика вскочила на ноги, с бешено колотящимся сердцем отмахиваясь от mosкитов и воспоминаний.

— Нет! Это не мой дом! Это не моя жизнь!

Она мысленно зашвырнула детские воспоминания обратно в подсознание и захлопнула за ними дверь, потом спрыгнула со скалы, на которой сидела, и зашагала по дороге к огромному священному водоему.

Доминика смотрела на темную поверхность воды, под которой угадывались вымощенные камнем и поросшие водорослями стенки сенота. Мерцающий свет на три четверти усохшего месяца отражался от белого известняка. Она взглянула вверх, на сложенное из камня строение на правом берегу сенота. Тысячу лет назад майя, придя в отчаянье после исчезновения их великого учителя Кукулькана, вновь начали приносить человеческие жертвы, надеясь, что это вернет их вождя-бога и может предотвратить конец человечества. Жрецы, проводившие церемонии, сначала собирали в этом здании девственниц, проводя их ритуальное очищение священными водами. Затем обнаженных жертв поднимали на площадку, венчающую здание, где им вырезали сердце или просто перерезали горло. Безжизненные тела, украшенные драгоценностями, согласно ритуалу опускали в священный водоем.

Мысли об этом заставили Доминику поежиться. Она обогнула сенот и вышла на северную *сакбе* — мощенную камнем дорогу, ведущую через джунгли от водоема к самой границе древнего города.

Спустя пятнадцать минут и полдюжины душевных комментариев при спотыкании Доминика вышла к черте города. Перед ней возвышалась северная грань пирамиды Кукулькана — темная зазубренная конструкция высотой с девятиэтажное здание, вершина которой, казалось, уходила куда-то в усыпанное звездами небо.

Доминика подошла к подножию пирамиды, края которой охраняли скульптуры пернатых змей. Оглянулась. Древний город был темным и совершенно пустынным. Ледяная дрожь пробежала по ее спине. Доминика пошла вверх.

На полпути к вершине она остановилась отдышаться. Подъем был довольно крутым, ступени узкими, без перил. Доминика оглянулась и посмотрела вниз. Если она упадет, ей не выжить.

— Мик? — Эхо ее голоса прокатилось по площади. Она подождала ответа, но ничего не услышала и продолжила подниматься.

До плоской платформы у подножия храма на вершине она добралась минут за пять. Чувствуя головокружение, Доминика прислонилась к северной стене храма, переводя дух и ощущая, как ноют от напряжения мышцы.

Прямоугольная площадка не была огорожена. Лунный свет заливал темные здания города — отсюда открывался прекрасный, но

немного пугающий вид. А на окраине города джунгли тянулись к небу темной глухой стеной.

Площадка вокруг храма была всего полтора метра шириной. Стараясь держаться подальше от края, Доминика вытерла пот с лица и подошла к темному проему входа в северный коридор храма. Огромную арку образовывали две скульптурных пернатых змеи.

Она шагнула внутрь, в непроглядную темноту.

— Мик, ты там?

Голос прозвучал приглушенно. Доминика нащупала в рюкзаке фонарик, который купила днем, и вошла в пустую комнату.

Северный коридор соединял два внутренних помещения, за которыми шел проход в главное святилище. Глухие толстые стены без отверстий давили на сознание. Луч фонарика высветил сводчатый потолок, затем каменный пол с почерневшим кострищем древнего церемониального огня. Выйдя наружу, Доминика обошла платформу слева и нырнула в западный коридор — низкий зигзагообразный проход, соединяющий южный и восточный проходы.

В храме никого не было.

Доминика снова взглянула на часы. 23.20. *Может, он не придет?*

Она задрожала от ночной прохлады. В поисках тепла она вернулась в северную комнату и прислонилась к центральной стене. Толстые стены защищали и от холодного ветра, и от ночных шорохов.

Воздух в храме был спертым, отчего казалось, что здесь висит нечто непостижимое, внимательно за ней наблюдая. Доминика посветила фонариком в разные стороны, избавляясь от паранойи.

Усталость давала о себе знать. Доминика легла на каменный пол, свернулась калачиком и закрыла глаза, пытаясь прогнать мысли о крови и жертвоприношениях.

* * *

Огромную площадь у подножия пирамиды буквально затопило море смуглых тел, раскрашенные лица скалились в оранжевом свете тысяч факелов. Из дверного проема в северной стене она видела, как льется по ступенчатой грани

пирамиды ярко-красная волна крови, водопадом стекая к подножию, к груди тел между двумя пернатыми змеями.

Кроме нее в комнате находились еще десять женщин, одетых в простые белые платья. Они сбились в кучку, как напуганные ягнята, и смотрели на нее абсолютно пустыми глазами.

Вошли два жреца в церемониальных головных уборах из зеленых перьев и набедренных повязках из шкуры ягуара. Они приближались, сверля темными глазами Доминику. Та попятилась, ее сердце бешено заколотилось, но двое мужчин подхватили ее под руки и вытащили на вершину храма.

Ночной ветер был пропитан запахами крови, пота и дыма.

На бурлящую внизу толпу бесстрастно взирала жертвенная статуя Чак-Мооля — воплощение майяского бога — с блюдом, наполненным вырезанными сердцами жертв.

Доминика закричала. Она попыталась вырваться, но еще двое жрецов подхватили ее под ноги и подняли вверх. Толпа взвыла, когда появился главный жрец — мускулистый мужчина с рыжеватыми волосами, чье лицо скрывала маска пернатого змея. В раскрытой пасти змея мелькнула знакомая желтозубая усмешка.

— Привет, солнышко.

Доминика закричала, когда Раймонд сорвал с нее платье, а потом поднял, демонстрируя толпе, черный, вырезанный из обсидиана нож. Снизу донесся тысячеголосый кровожадный вой.

— Кукулькан! Кукулькан!

По кивку Раймонда жрецы опустили ее на каменную платформу.

— Кукулькан! Кукулькан!

Доминика снова закричала, заметив, как над ней блеснуло лезвие обсидианового ножа. И, не в силах поверить, смотрела, как Раймонд размахивается и всаживает лезвие ей под левую грудь.

— Кукулькан! Кукулькан!

Она закричала от боли, забилась в судорогах...

— Дом, проснись...

..когда Раймонд вынул еще бьющееся сердце из раны и поднял его на всеобщее обозрение к темному небу над головой.

— Доминика!

Доминика захлебнулась собственным криком и, отбиваясь от окружающей темноты, запуталась в капюшоне, который, засыпая, натянула на лицо. Дезориентированная, она вскочила на ноги, не в силах понять, где кошмар, а где реальность, бросилась прочь из комнаты, прямо к тридцатиметровому провалу.

Вдруг чья-то рука схватила ее за лодыжку, и Доминика упала, больно ударившись грудью о камень. От резкой боли она пришла в себя.

— Господи, Доминика, это ведь мне положено быть сумасшедшим.

— Мик? — Она села, потирая ушибленные ребра и переводя дыхание.

Мик опустился на корточки рядом с ней.

— Ты в порядке?

— Ты меня напугал до смерти.

— Взаимно. Должно быть, тебе достался вполне высококачественный кошмар. Ты чуть не прыгнула с пирамиды.

Она обернулась, посмотрела вниз и крепко обняла Мика все еще дрожащими руками.

— Господи, как я ненавижу это место! Тут полно майских привидений. — Она отстранилась от Мика, заглянула ему в глаза. — У тебя кровь из носа. Это я тебя так?

— Ага, отличным хуком справа. — Мик вытащил бандану из заднего кармана джинсов и вытер кровь. — Эта штука теперь долго не заживет.

— Так тебе и надо. Какого черта нам понадобилось встречаться именно в этом дурацком месте да еще и посреди ночи?

— Я же в бегах, ты не забыла? Кстати, о побеге: как тебе удалось вырваться с того корабля?

Она отвернулась.

— Ты же беглец, не я. Я сказала капитану, что помогала тебе, поскольку была вне себя после смерти Иза. Думаю, он пожалел меня и потому так легко отпустил. Слушай, давай поговорим об этом позже. Мне бы очень хотелось спуститься с этой чертовой пирамиды.

— Я пока не могу уйти. У меня есть тут пара дел.

— Дел? Каких дел? Да сейчас середина ночи...

— Я ищу вход внутрь пирамиды. Жизненно важно найти проход, который...

— Мик...

— Мой отец был прав насчет Кукулькана. Я нашел кое-что... Кое-что действительно невероятное. Давай я покажу тебе.

Мик порылся в сумке и достал оттуда небольшое электронное устройство.

— Это называется ультразвуковым дефектоскопом. Он излучает ультразвуковые волны, которые демонстрируют неоднородность стен. — Мик посветил себе фонариком, потом взял ее за запястье и потащил в глубь храма, к центральной стене, где включил дефектоскоп, направив его перпендикулярно камню.

— Взгляни. Видишь эти частоты? Под центральной стеной находится материал определенно другой структуры. Чем бы ни было то, что там спрятано, оно сделано из металла и заполняет все пространство пирамиды от основания до самого потолка храма.

— Ладно, верю тебе на слово. Теперь мы можем идти?

Мик недоверчиво уставился на нее.

— Идти? Разве ты еще не поняла? Оно скрыто здесь, за этими стенами. И все, что нам нужно, — это выяснить, как до него добраться.

— До чего добраться? До этого куска металла?

— До куска металла, который может оказаться инструментом, способным спасти человечество. До оружия, оставленного нам Кукульканом. Нам нужно... эй, подожди, куда ты?

Она шла к лестнице.

— Ты все еще не веришь мне, верно?

— А во что я должна верить? В то, что через пару недель на Земле будут уничтожены все люди? Нет, прости, Мик, но мне сложно в это поверить.

Мик схватил ее за руку.

— Но как ты можешь сомневаться? Ты ведь видела, что спрятано на дне залива. Мы ведь вместе с тобой спустились туда. Ты сама все видела.

— Что видела? Внутренности лавовой трубы?

— Лавовой трубы?

— Вот именно. Геолог на борту «Буна» все объяснил мне. И даже показал инфракрасные снимки со спутника, все внутренности кратера Чикшулуб. То, что казалось нам зеленым светом, на самом деле всего лишь подводный вулкан, очаг лавы посреди морского дна. В сентябре вулкан проснулся, поэтому и образовалась огромная дыра.

— Вулкан? Доминика, о чем ты говоришь?

— Мик, нашу субмарину засосало в одну из лавовых труб, когда обвалился еще один участок дна. И нас просто выбросило наружу, когда лава заполнила каверну. — Она покачала головой. — Ты ведь просто использовал меня, верно? Ты наверняка слышал об этом вулкане в новостях Си-эн-эн. Именно его шумы Из засек с помощью SOSUS. — Она толкнула его в грудь. — Мой отец погиб, исследуя чертов подводный вулкан...

— Нет...

— А ты меня просто использовал, верно? Ты хотел сбежать из клиники...

— Доминика, выслушай меня...

— Нет! Мой отец выслушал тебя и погиб. А теперь ты послушай меня. Я помогла тебе, потому что знала, как с тобой обращаются, и потому, что мне нужна была твоя помощь, чтобы выяснить, что произошло с Изом. Но теперь я знаю правду. Ты подставил меня!

— Чепуха! Все, что скормили тебе военные, — это сплошная ложь! Тот тоннель не был лавовой трубой, это была искусственно созданная вентиляционная шахта. То, что услышал твой отец, было гулом работающих гигантских турбин. Наша субмарина попала во входящий поток. Ее зажало между лопастями турбины. Разве ты этого не помнишь? Знаю, тебе было худо, но ведь ты была в сознании, когда я выбрался из субмарины.

— Что ты сказал? — Она посмотрела на него, ошарашенная внезапно всплывшим в памяти образом. — Подожди... Я... Я дала тебе кислородный баллон?

— Да! И он спас мне жизнь.

— Ты действительно выбирался наружу? — Она села на край площадки. *Неужели военные солгали?* — Мик, но ты же не мог выйти из субмарины. Мы были под водой...

— Помещение было герметичным. «Барнакл» заблокировал трубу, а воду откачало.

Она покачала головой. *Прекрати это. Он лжет! Такого просто не могло быть!*

— Я перевязал тебе голову. Ты была напугана. Ты попросила обнять тебя перед тем, как я уйду. И заставила меня пообещать, что я вернусь.

Смутные воспоминания роились в ее голове.

Мик присел на корточки в полуметре от края.

— И ты все еще не веришь ни единому моему слову?

— Я пытаюсь вспомнить. — Она присела рядом с ним. — Мик...

Прости, что ударила тебя.

— Я предупреждал тебя, что Изу нельзя исследовать кратер.

— Помню.

— Я никогда не предаю тебя. Никогда.

— Мик, ну, предположим, я тебе поверила. Что ты видел, когда выбрался из субмарины? Куда тебя привела эта турбина?

— Я нашел что-то вроде дренажной трубы и взобрался по ней наверх. Этот проход заканчивался в огромной комнате. Там все почти раскалилось. Пламя облизывало стены. — Мик посмотрел на звезды. — А прямо над моей головой оказался... этот удивительный изумрудный источник энергии. Он двигался, как миниатюрная спиральная галактика. Это было невероятно красиво.

— Мик...

— Подожди, это еще не все. Подо мной оказалось своего рода озеро расплавленной энергии. Больше всего это вещество напоминало ртуть, вот только поверхность озера была гладкой как зеркало. А потом я услышал голос отца.

— Твоего отца?

— Да, вот только это был не мой отец, это была какая-то инопланетная форма жизни. Я не мог ее рассмотреть, она пряталась в чем-то наподобие саркофага, парящего над озером на огромной платформе. Но это существо смотрело на меня своими красными дьявольскими глазами. Было невероятно страшно...

Доминика вздохнула. *Вот оно. Классическая дементация. Господи, Фолетта был прав. Он с самого начала был прав, а я просто отказывалась это признавать.* Она видела, как взгляд его затуманился воспоминаниями.

— Мик, давай поговорим об этом. Эти картины, которые ты видел, они ведь достаточно символичны. Что касается голоса твоего отца...

— Подожди! — Он повернулся к ней, и она заметила лихорадочный блеск в его глазах. — Я только что понял. Я знаю, что такое эта инопланетная форма жизни.

— И что же? — Ей не понравился его взволнованный тон. — Кто, по-твоему, это был?

— Это был Тескатлипока.

— Кто?

— Тескатлипока. Злобная сущность, о которой я говорил тебе еще на борту. В переводе с языка ацтеков это означает «дымящееся зеркало», и точно так же называлось оружие этого бога. Согласно месоамериканской легенде Дымящееся зеркало давало Тескатлипока способность читать души людей.

— Да, я помню.

— Это существо заглянуло мне в душу. Оно говорило со мной голосом моего отца, и говорило так, словно хорошо меня знало. Оно пыталось меня обмануть.

Доминика положила руку ему на плечо, погладила темные волосы на затылке.

— Мик, знаешь, что я думаю? Я думаю, что наша субмарина ударилась слишком сильно, мы с тобой пострадали от...

Он оттолкнул ее руку.

— Не надо этого делать! Не надо изображать из себя мудрую наставницу. Я не спал, и это не было шизофреническим бредом. В каждой легенде отражена часть нашей реальности. Разве ты не знакома с мифами собственных предков?

— Они мне не предки.

— Чепуха. — Мик схватил ее за запястье. — Нравится тебе это или нет, но в твоих венах течет кровь киче майя.

Она выдернула руку.

— Я выросла в Штатах. Я не верю в «Пополь Вух» и прочую ерунду.

— Просто выслушай меня...

— Нет! — Она схватила Мика за плечи. — Мик, остановись на секундочку и послушай меня, пожалуйста. Ты мне небезразличен, и ты это знаешь, верно? Я думаю, что ты умный, чувствительный и невероятно одаренный человек. Если ты позволишь мне, если доверишься мне, я помогу тебе справиться с этим.

Его лицо просветлело.

— Правда? Это замечательно, мне действительно нужна твоя помощь. Знаешь, у нас осталось всего одиннадцать дней...

— Нет, ты не понял. — *Здесь нужен материнский инстинкт.* — Мик, тебе будет очень нелегко слушать это, но я скажу. Ты проявляешь все признаки параноидальной шизофрении. Ты запутался в своей мании и за деревьями не видишь леса. Это может быть последствием одиннадцати лет заключения или результатом детской травмы. В любом случае тебе нужна помощь.

— Дом, то, что я видел, не было бредом или проекцией подсознания. То, что я видел, было результатом очень высоких технологий, внутренностями инопланетного космического корабля.

— Космического корабля? — *О господи, эта задачка не для меня, а для кого-то из высшей лиги.*

— Очнись, Доминика. Если правительство заинтересовалось этим объектом...

Классические параноидальные идеи...

— Весь тот бред, который они скормили тебе на борту «Буна», был просто прикрытием.

По ее лицу заструились горячие слезы отчаянья, она поняла, какую непоправимую ошибку совершила. Доктор Оуэн была абсолютно права. Она открыла свое сердце пациенту, она добровольно потеряла объективность. И все, что произошло, случилось только по ее вине. Из погиб, Эдди под домашним арестом, а человек, которому она помогла, человек, ради которого она рискнула всем, что у нее было, оказался параноидальным шизофреником, чей мозг в конце концов потерял какую бы то ни было связь с реальностью.

В ее мозгу промелькнула очень неприятная мысль. *Чем ближе зимнее солнцестояние, тем опаснее он становится.*

— Мик, тебе нужна помощь. Ты потерял контакт с реальностью. Мик уставился на высеченный из известняка каменный блок под ногами.

— Зачем ты приехала сюда, Доминика?

Она взяла его за руку.

— Потому что мне безразлично. Я приехала сюда, чтобы помочь тебе.

— Ложь. — Он посмотрел на нее; его темные глаза мерцали лунным светом. — Борджия прислал тебя, верно? Этот человек одержим ненавистью к моей семье. Он сделает что угодно, лишь бы вернуть меня обратно в клинику. Чем он тебя запугал?

Она отвернулась.

— Что он тебе пообещал? Скажи мне, как он убедил тебя.

— Хочешь знать, что он сказал? — Она развернулась и уставилась ему прямо в глаза, голос задрожал от злости. — Он сказал, что поместил Эдди под домашний арест. Сказал, что нам обоим светит очень долгий срок в тюрьме за то, что помогли тебе сбежать.

— Черт! Прости...

— Борджия пообещал, что снимет с нас обвинения, если я помогу найти тебя. Дал мне неделю срока. Если у меня ничего не выйдет, мы с Эдди отправимся в тюрьму.

— Ублюдох.

— Мик, все не так плохо. Доктор Фолетта пообещал сделать меня твоим психиатром.

— Еще и Фолетта? О боже...

— Тебя поместят в новую клинику в Тампе. Никакого одиночного заключения. С тобой будет заниматься группа квалифицированных специалистов, психиатров и врачей. Ты пройдешь все необходимые курсы терапии. Тебе назначат курс лекарств, которые помогут восстановить твоё восприятие мира и контроль над мыслями. Никаких одиночных камер, никаких прятков в мексиканских джунглях. Тебе предлагают возможность вернуться к нормальной жизни.

— Эй, не стоит так восхищенно об этом говорить, — саркастично протянул Мик. — Ведь Тампа так близко к острову Санибел. Фолетта уже пообещал тебе полную ставку? А как насчет личной парковки?

— Я делаю это не ради себя, Мик, я делаю это ради тебя. Это может оказаться прекрасным выходом из ситуации, лучшим шансом,

который у тебя когда-либо был.

Он грустно покачал головой.

— Дом, это ведь ты не видишь леса за деревьями. — Он наклонился и помог ей подняться на ноги, потом указал на небо. — Видишь темный участок, параллельный Большой площадке? Эта секция Млечного Пути эквивалентна галактическому экватору. Один раз в 25 800 лет Солнце проходит над центральной точкой галактики. Одиннадцать дней, Доминика. Осталось одиннадцать дней, а потом, в день зимнего солнцестояния, откроется космический портал, и злобная сущность получит доступ в наш мир. К концу того дня ты, я, Эдди, Борджия и все живущие на нашей планете будут мертвы, если нам не удастся найти тайный вход в эту пирамиду.

Мик заглянул ей в глаза, чувствуя, как ноет сердце.

— Я... Я люблю тебя, Доминика. Я люблю тебя с того самого дня, когда мы впервые встретились. Потому что ты отнеслась ко мне по-человечески. Я в долгу перед тобой и Эдди. Но именно сейчас мне нужно во всем разобраться, даже если это будет означать, что я потеряю тебя. Возможно, ты права. Возможно, все то, во что я верю, всего лишь параноидальный бред, которым я обязан своим неадекватным родителям. Может, я так далеко зашел в этой игре, что потерял из виду игровое поле. Но разве ты не видишь... Реально ли все это или это плод моего воспаленного воображения? Я не могу сейчас остановиться, не могу отступить, пока не разберусь во всем.

Он поднял свой ультразвуковой датчик и вытер выступившие слезы.

— Я клянусь тебе душой своей матери, что если я ошибаюсь, то двадцать второго декабря я буду в Майами и сдамся властям. Но до тех пор, если ты действительно хочешь помочь мне, пожалуйста, перестань играть в психиатра. Будь моим другом.

10 декабря 2012 года

Здание ООН, Нью-Йорк

Огромная аудитория затихла, телекамеры развернулись к Виктору Ильичу Грозному, который шагал к сцене, чтобы сделать заявление для Совета безопасности, а вместе с ним — и для всего мира.

— Мадам президент, мистер Генеральный секретарь, члены Совета безопасности и наши уважаемые гости, сегодня печальный день. Несмотря на запреты и предупреждения Генеральной Ассамблеи и Совета безопасности, несмотря на все возможные дипломатические ходы и попытки Генерального секретаря и его команды сохранить мир на планете, одна нация — весьма могущественная нация — продолжает угрожать миру самым опасным оружием, изобретенным за всю историю человечества. Холодная война давно закончилась, по крайней мере, нас в этом убеждали, однако призрак капитализма все еще сражается с иллюзорным злом коммунизма. Экономика Запада развивается и крепнет, экономика Российской Федерации нуждается в реконструкции. Наш народ на грани нищеты, тысячи людей уже переступили эту черту и умирают от голода. Стоит ли нам обвинять в этом Запад? Нет. В проблемах России виноваты русские, и лишь на нас лежит ответственность за спасение нашего народа.

Ангельски-голубые глаза невинно смотрели в объективы камер.

— Я человек мира. Я пользовался лишь дипломатией, убеждая арабов, сербов и корейцев сложить оружие, уже поднятое ими на общего кровного врага, поскольку в глубине души я все еще верю в то, что жестокость не может быть оправдана, а все прошлые недоразумения можно разрешить миром. Мораль человека — это его личный выбор. Каждый из нас когда-нибудь предстанет перед судом Создателя, и тогда станет ясно, что человек не имеет права исходя из личных представлений о морали причинять боль другим людям.

Взгляд Грозного стал пронзительным.

— Пусть те, кто без греха, первым бросят камень. Холодная война завершена, но Соединенные Штаты, пользуясь своим превосходством, экономической и военной мощью, продолжают диктовать миру условия, навязывая другим свою мораль и мировоззрение. Как школьный задира, Америка потрясает кулаком, угрожая нам насилием под эгидой борьбы за мир. Самый могущественный лицемер нашего мира, Соединенные Штаты, вооружает своих угнетенных до тех пор, пока те не превращаются в угнетателей. Израиль, Южная Корея, Вьетнам, Ирак, Босния, Косово, Тайвань — сколько еще людей должно погибнуть для того, чтобы Соединенные Штаты осознали, что угроза насилия приводит лишь к большему насилию, а тирания, даже из лучших побуждений, все равно остается тиранией?

Его глаза потептели.

— А теперь мир столкнулся с новой угрозой. Обладания самой разрушительной силой в истории человечества им недостаточно. Огромных территорий им недостаточно. Постройки противоракетного щита им тоже недостаточно. Теперь, когда у капиталистов появился новый тип оружия, ситуация с ядерной угрозой перестала быть патовой. Почему Соединенные Штаты продолжают испытания этого оружия и отрицают свою причастность к этому? Неужели американский президент считает всех нас дураками? Почему он позволяет себе не считаться с мнением австралийцев и малайзийцев? Где произойдет следующий взрыв? В Китае? В Российской Федерации? Или, возможно, на Ближнем Востоке, где уже размещены три боевые группы американцев, готовые к немедленным действиям во имя самопровозглашенной ими справедливости? Российская Федерация присоединяется к позиции Китая и других стран, которые склонны считать проведенные испытания оружия проявлением враждебной агрессии. Мы больше не поддадимся на западную тактику запугивания. Следующий взрыв с использованием реакции чистого синтеза будет расценен нами как объявление ядерной войны!

Аудитория взорвалась шумом, заглушившим протесты представителей США, а Виктор Грозный в сопровождении охранников покинул здание.

* * *

**Городок Писте (два километра к западу от Чичен-Ицы),
полуостров Юкатан**

Доминику Вазкез разбудил писк цыплят. В лучах утреннего солнца, пробивающихся сквозь щели в деревянном потолке над ее головой, танцевали крошечные пылинки. Она расстегнула свой спальный мешок и села. Мик проснулся раньше и теперь, привалившись спиной к стогу сена, читал отцовский дневник. Солнечные лучи обрамляли его угловатое лицо. Он поднял глаза и подмигнул ей.

— Доброе утро.

Доминика выскользнула из спального мешка.

— Который час?

— Около одиннадцати. Ты проголодалась? Формас оставил для тебя завтрак на кухне. — Он махнул рукой в сторону покрытого розовой штукатуркой домика. — Давай, не стесняйся. Я уже поел.

Босиком она прошла по засыпанному соломой пыльному полу, присела рядом с Миком.

— Над чем работаешь?

Он показал ей рисунок из Наска.

— Этот символ — ключевая фигура для поиска тайного входа в пирамиду Кукулькана. Вот это животное — ягуар. Перевернутый символ раньше означал спуск. Древние майя верили, что открытая пасть ягуара означает проход из подземных пещер в Нижний мир. Ближайшие к нам пещеры находятся в Баланканча. Мы с родителями много лет исследовали их, но так ничего и не нашли.

— А что насчет концентрических кругов?

— Эту часть изображения я до сих пор пытаюсь понять. Сначала я думал, что она символизирует подземную полость. Такие же круги находили во многих древних местах, которые исследовали мои родители. Как только я сюда приехал, сразу отправился в пещеры Баланканча, но опять ничего не нашел.

Доминика достала из кармана сложенную карту Чичен-Ицы, развернула ее и посмотрела на план города, вокруг которого располагались сделанные с вертолета фотографии.

— Расскажи мне подробнее, что такое этот Нижний мир. Как майя его называли?

— Шибальба. Согласно мифу о творении майя темный участок Млечного Пути является Шибальба Бе, Черной дорогой, ведущей в преисподнюю. В «Пополь Вух» написано, что Шибальба является средоточием рождения, смерти и перевоплощения. К сожалению, текст «Пополь Вух» довольно замысловат и требует пояснений. Я уверен, что большинство верных расшифровок ее символов было утрачено за прошедшие века.

— Почему ты так считаешь?

— Потому что «Пополь Вух» датируется шестнадцатым столетием, то есть книга была написана через много лет после расцвета и падения майяской культуры, после исчезновения Кукулькана. В результате текст представляет собой скорее собрание мифов, чем пересказ истории народа. Но когда вспоминаю увиденное там, под заливом, я начинаю сомневаться... — Он неуверенно взглянул на нее, раздумывая, стоит ли продолжать.

— Говори, я слушаю.

— И воспринимаешь как мой друг или как терапевт?

— Ты сказал, что тебе нужен друг, вот и поверь в меня. — Она сжала его ладонь. — Мик, этот инопланетянин, который вроде как говорил с тобой... Ты сказал, что он говорил голосом твоего отца?

— Да. И обманывал меня, вынуждая подойти поближе.

— Ты только не расстраивайся, но ведь в «Пополь Вух» рассказывается, что точно такая же история приключилась с юношей... как там его звали?

— Хун Хун-Ахпу. — Его глаза расширились.

Прекрасно, он начинает понимать истоки своей мании.

— Ты все еще считаешь, что я все это придумал, верно?

— Я этого не говорила, но заметь, действительно получается странная параллель. Что случилось с Хун-Ахпу после того, как его обманули боги Нижнего мира?

— Его и его брата пытали, а потом приговорили к смерти. Но его поражение было частью большего плана. После того как боги Нижнего мира обезглавили его, отрубленную голову повесили на ветвях тыквенного дерева, растущего вдалеке от Черной дороги. Но однажды прекрасная женщина. Кровавая Луна, решила нарушить запрет богов и отправилась к этому дереву. Когда она подошла к черепу Хун Хун-Ахпу, он упал с крюка ей в руки и волшебным образом оплодотворил

ее. Кровавая Луна сбежала, вернулась в Срединный мир — на Землю — и родила двух воинов-близнецов, Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Хун-Ахпу и Шбаланке?

— Близнецы, которых еще называли Близнецами-Героями. Эти мальчики выросли и стали великими воинами. Достигнув совершеннолетия, они вернулись по Шибальба Бе и вызвали злобных повелителей на поединок. Повелители преисподней снова попытались вести игру с помощью хитрости и обмана, но на этот раз победили Близнецы: они повергли зло и воскресили своего отца. Воскрешение Хун Хун-Ахпу по срокам совпадает с воссоединением народа и расцветом культуры майя.

— Объясни мне еще раз, как эта Черная дорога могла говорить с Хун Хун-Ахпу. Как вообще может говорить *дорога*?

— Я не знаю. Согласно «Пополь Вух» на Черную дорогу можно попасть через портал, который представляют в виде огромной змеиной головы. Темный участок Млечного Пути считался телом этой змеи.

Давай, подводи его к главному.

— Мик, послушай меня хоть немного. Ты всю свою жизнь провел в погоне за призраком, с самого детства тебя закармливали легендами из «Пополь Вух». Поэтому вполне вероятно, что...

— Что — «что»? Что я сам внушил себе, будто слышал голос отца?

— Не злись. Я спросила только потому, что история Хун-Ахпу удивительно совпадает со всем тем, что ты рассказал мне о своем подземном путешествии. К тому же я думаю, что ты стремишься завершить работу своего отца.

— Может, и так, но я не представлял себе инопланетных созданий. Я не представлял себе, как снова буду говорить с отцом. Все, что произошло со мной, было абсолютно реальным.

— Или казалось абсолютно реальным.

— Ты снова пытаешься играть в психиатра.

— Я просто пытаюсь быть твоим другом. Параноидальные идеи — довольно мощная штука. И первый шаг на пути к выздоровлению — принять тот факт, что тебе нужна помощь.

— Доминика, прекрати...

— Если ты позволишь мне, я могу тебе помочь...

— Нет! — Мик вскочил на ноги и вышел из сарайчика, в котором они ночевали. Закрыв глаза, он глубоко вздохнул, подставил лицо солнцу и попытался взять себя в руки.

Пока что этого достаточно. Ты посеяла зерна сомнений, теперь нужно дать ему возможность как следует все обдумать. Она принялась разглядывать карту Чичен-Ицы. Почему-то взгляд снова и снова останавливался на круглом изображении сенота. Доминика вспомнила прошлую ночь и прогулку к водоему по ночным джунглям.

Стенки сенота... они почти светились в лунном свете. И эти ступени из известняка...

— Что случилось?

Доминика вздрогнула и подняла глаза, с удивлением заметив, что Мик уже вернулся.

— Да ничего, это, скорее всего, просто чепуха.

— Расскажи мне. — Черные глаза смотрели прямо, и Доминика поняла, что он все равно вытянет из нее правду.

— Вот, взгляни на карту. Снимок сенота, сделанный с высоты птичьего полета, совпадает с рисунком в долине Наска.

— Мои родители пришли к такому же выводу. Они много месяцев провели, исследуя каждый сенот в округе, спускаясь в каждый природный водоем и исследуя все подземные пещеры, которые с этими водоемами совмещались. Но все, что они нашли, — это несколько скелетов, останки принесенных в жертву, и ничего даже отдаленно напоминающего проход.

— А ты проверял сенот после землетрясения? — Она сама удивилась словам, которые произнесла, не задумываясь.

— Землетрясения? — Лицо Мика просветлело. — Так, значит, в день осеннего равноденствия оно произошло именно в Чичен-Ице? Господи, Доминика, почему ты раньше мне этого не сказала?

— Не знаю... Наверное, я просто не подумала, что для тебя это так важно. К тому времени как я это выяснила, Фолетта уже превратил тебя в «овощ».

— Расскажи мне о землетрясении. Как оно повлияло на сенот?

— В новостях почти ничего об этом не сказали. Несколько туристов заявили, что видели, как вода в сеноте вращалась во время подземных толчков.

Мик рванулся к двери.

— Подожди, куда ты?

— Нам нужна машина. Придется поехать на пару дней в Мериду, чтобы достать снаряжение. Съешь что-нибудь, а через час я буду ждать тебя на этом самом месте.

— Мик, подожди. Какое снаряжение? О чем ты говоришь?

— Для подводного плавания. Нужно проверить, что произошло в сеноте.

Она смотрела вслед бегущему по дороге в город Мику.

Молодец, Зигмунд. Теоретически тебе не следовало бы поощрять его.

Злясь на себя, Доминика вышла из сарая и направилась к дому Формаса, пятикомнатному бунгалу в лучших мексиканских традициях. На кухне ее ожидали гроздь бананов и кукурузные лепешки.

Завтракая, Доминика заметила телефон.

ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА

Летом 1985 мы вернулись на плато Наска.

Первые три месяца нам пришлось ютиться втроем в небольшой квартире городка Ица в девяти милях к северу от Наска. Но вскоре семейный бюджет заставил нас сменить место жительства и переехать в двухкомнатный домик в фермерской деревне Ингеро.

Я продал наш трейлер, чтобы приобрести небольшой аэростат. Каждый понедельник мы с Марией и Майклом встречали рассветы на высоте тысячи метров над пустынной пампой, фотографируя великолепные рисунки животных и геометрических линий, рассыпанные по плато. Остаток недели проходил за анализом сделанных снимков в надежде на то, что мы сможем расшифровать их скрытое послание и оно приведет нас к тайному входу в пирамиду Кукулькана.

Перед нами стояла почти невыполнимая задача, поскольку рисунки Наска давали куда больше ложных зацепок, чем достоверных фактов. Сотни фигур животных, тысячи разнообразных форм, покрывавших эту пустыню как доисторическое граффити, сбивало с толку: ведь распознать, какие именно фигуры оставлены самым первым художником, было сложно. Прямоугольники, треугольники, трапеции, группы фигур, прямые линии длиной до 25 миль, рассыпанные по двум сотням квадратных миль пустынной почвы. Добавьте к этому человекообразные фигуры, вырезанные на склонах холмов, и вы поймете, какая работа нам предстояла. И тем не менее, эти исследования помогли нам выяснить то, что оказалось наиболее важным для дальнейшего поиска, вычленив самую суть перуанского послания.

Мы тщательно изучили более древние, более точные рисунки, в которых заключалось изначальное послание. О реальной дате их появления можно было лишь догадываться, но нам известно, что им никак не меньше 1500 лет.

Геоглифы Наска выполняют две функции. Изображения, которые мы назвали «первичными», несли в себе информацию обо всем, что связано с пророчеством майя относительно конца света, в то время

как «вторичные» фигуры служили ключом к расшифровке первого послания.

История, изображенная первым художником на холсте пустынной почвы, начиналась с фигуры, которую Мария называла «рассветом Наска». Это был правильный круг, от периметра которого расходились в разные стороны двадцать три линии. Одна из этих линий была гораздо длиннее прочих и тянулась практически на двадцать миль по пустыне. Двенадцать лет спустя я выяснил, что эта линия четко соотносится с Поясом Ориона. Вскоре после этого Майкл нашел в центре загадочного «солнца» иридиевый цилиндр, внутри которого оказалась древняя карта мира (см. запись от 12 июня 1990 года). Судя по этой карте, финальная битва грядущего Армагеддона состоится у полуострова Юкатан над Мексиканским заливом.

Неподалеку от «рассвета Наска» находится изображение паука. Этот паук принадлежит к виду ризинулеи, одной из самых редких разновидностей нашего мира, которая водится лишь в самых недоступных местах тропических джунглей Амазонки. Так же как обезьяны и киты, паук Наска относится к виду животных, не встречающихся в перуанских пустынях. Именно по этой причине мы считали его своеобразным указателем направления, астрономическим по своей природе. Мы выяснили, что паук является четким географическим маркером, указывающим исследователю, способному его заметить (только с высоты птичьего полета), на все то же созвездие Ориона. Четкие линии изображения арахнида ориентированы в

соответствии с перемещением трех звезд Пояса Ориона, тех самых, отражением которых являются пирамиды Гизы.

«Рассвет» окружен несколькими десятками фигур, разбросанных по всему плато и изображающих хищных крылатых существ. Я не говорю сейчас об изображениях колибри и пеликана, эти виды водятся в окрестностях пустыни. Я имею в виду изображения жутких тварей, которых я до сих пор не смог идентифицировать. Эти загадочные существа с когтями и крыльями встречаются по всему плато, и я не теряю надежды разгадать то послание, которое с их помощью хотел передать нам древний художник.

Самым длинным зооморфным существом на плато является змея Наска, длина которой составляет сто восемьдесят восемь метров. К сожалению, большинство деталей изображения погибло при постройке Панамерикан-хайвея, который рассек тело змеи. Присутствие змеи среди рисунков Наска может символизировать все тот же темный участок Млечного Пути, однако расположение этого рисунка рядом с пирамидой Наска, обезьяной и китами может служить указателем на Чичен-Ицу, майяский город, посвященный пернатому змею.

Хвост змеи, как рассвет и паук, ориентирован на созвездие Ориона.

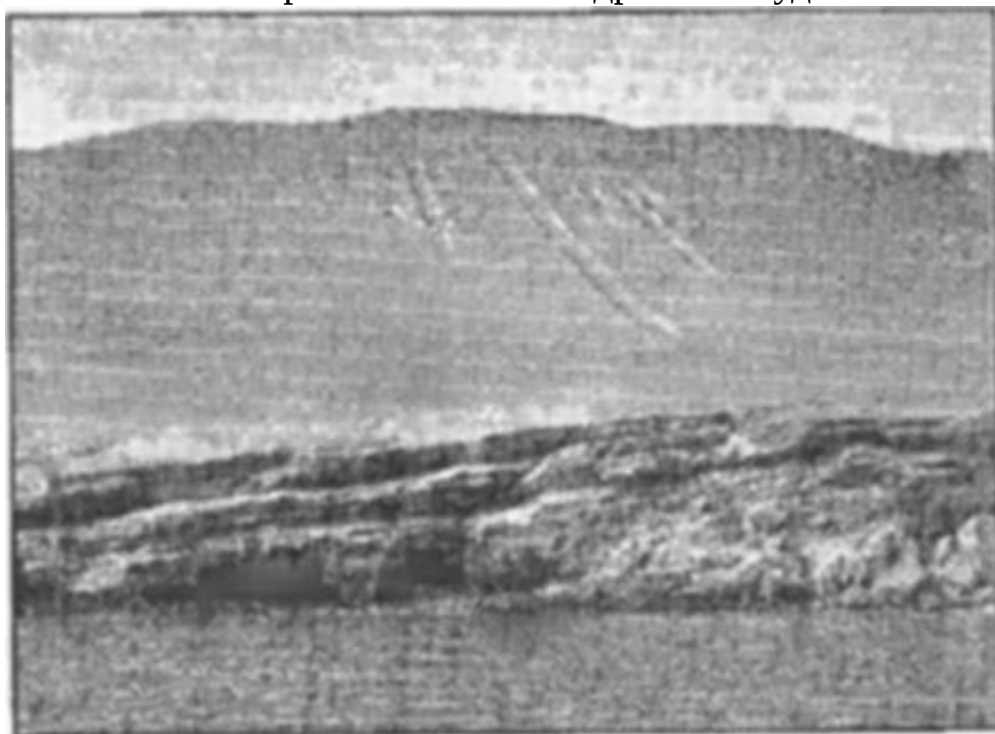
Есть и другие рисунки, которые укладываются в мозаику майяского пророчества.

Но я упомяну лишь один, наиболее любимый нами рисунок, который мы называли астронавтом Наска. Для нас присутствие изображения внеземного существа, оставленное на пампе 2000 лет назад, было утешающим и внушающим надежду намеком на то, что мы не одиноки во Вселенной. Этот гуманоид с огромными глазами, облаченный в костюм и сапоги, поднимал руку в жесте, который можно было интерпретировать однозначно — в жесте дружбы. Гигантский пришелец расположен в стороне от прочих рисунков, практически на краю оставленного нам послания. Словно подпись древнего художника.

* * *

23 декабря 1989 года

После четырех лет напряженной работы в перуанской пустыне я решил отвезти семью к наиболее впечатляющему древнему рисунку. Трезубцу Паракаса. Расположенный в ста милях к северу от пустынной пампы, этот гигантский *El Candelabro*, или Андский Канделябр, никогда официально не был связан с рисунками в пустыне Наска, несмотря на то что исполнение, размеры и возраст вполне позволяют определить его как творение все того же древнего художника.

Для изображения огромного Трезубца его загадочный создатель выбрал склон горы со стороны Бей Паракас. Удивительное изображение трехзубцового канделябра, похожего на дьявольские вилы, разве что без заостренных кончиков, было украшено странными лепестками. Поскольку оно подвержено неблагоприятным погодным условиям более других, подобных ему, расположенных на плато Наска, неизвестному художнику пришлось врезать линии в почву гораздо глубже: глубина проведенных по соленой карстовой поверхности борозд составляет около метра. Трезубец Паракаса в длину тянется на двести метров, а в ширину — на пятьдесят, его сложно не заметить.

Помню, как мы трое смотрели на древний рисунок с борта самолета в тот декабрьский день, ставший для нас судьбоносным. Когда садящееся за горизонт солнце окрасилось в кровавый цвет, линии Трезубца на земле налились отраженным красным светом,

искрясь и мерцая. Этот эффект воодушевил Марию, которая высказала предположение, что Трезубец является указателем на пустыню Наска, оставленным для нашей цивилизации древними. Я сразу же подумал об Арке Сент-Луиса, символических воротах в сердце Америки, и собирался об этом сказать, когда моя любимая внезапно закричала от невыносимой боли и согнулась пополам. Мы с Майклом в ужасе смотрели, как она без сознания падает на пол.

Выдержка из дневника профессора Юлиуса Гэбриэла.

Источник: каталог 1985–1990, страницы 31–824.

Фотодневник на магнитных дисках 8 и 9, названия файлов: НАСКА, фото 34 и 56.

13 декабря 2012

На борту ракетноосца «Бун», Мексиканский залив

4:46

Капитан Луз поприветствовал вице-президента Энниса Чейни и Марвина Тепермана, которые сошли на борт с вертолета Сикорского SH-60В «Морской ястреб». Капитан улыбнулся.

— Вы в порядке, мистер вице-президент? Вид у вас немного нездоровый.

— Попали в болтанку на подлете.

— Два «Хищника» парят над указанной территорией, сэр, согласно вашему приказу.

Марвин снял спасательный жилет, вручил его пилоту вертолета.

— Капитан, почему ваши люди уверены, что сегодня мы станем свидетелями очередного водоворота?

— Датчики показывают всплеск подземных электромагнитных возмущений, как и в тот раз, когда возник водоворот.

Луз провел прибывших через корабельные отсеки к командному центру.

В темном, оснащенном по последнему слову техники помещении кипела бурная деятельность. Капитан-лейтенант Кёртис Брод посмотрел на них с эхолокационной станции.

— Вы как раз вовремя, шкипер. Датчики засекли всплеск электромагнитной активности. Похоже на зарождение нового водоворота.

* * *

Два беспилотных аппарата системы «Хищник» кружили по замысловатой траектории над источником изумрудного света. Когда воды залива начали движение по кругу против часовой стрелки, «Хищники» снизились, и их телекамеры начали прямую трансляцию происходящего на борту ракетноносца.

Чейни, Теперман, капитан Луз и два десятка ученых и техников замерли у мониторов, с учащенным биением сердца наблюдая за рождением водоворота.

Вице-президент покачал головой, отказываясь верить в происходящее.

— Господи, что на земле обладает мощностью, способной сотворить подобное?

— Возможно, оно также имеет отношение ко взрыву карстовых образований на западном побережье Тихого океана, — прошептал Марвин.

Водоворот набирал скорость, чудовищная центробежная сила сотворила воронку, которая дошла до самого дна. Как только воды разверзлись, из центра водоворота возник луч изумрудного света и осветил ночное небо, словно гигантский поисковый прожектор.

— Вот оно, — указал на экран Марвин. — Поднимается из центра воронки.

— Я вижу, — ошеломленно прошептал Чейни.

Три темные тени поднялись из источника света, пройдя через воронку.

— Что это, черт возьми, такое? — выругался Луз. Десяток ошеломленных ученых перекрикивались с помощниками и коллегами, стараясь все зафиксировать.

Объекты продолжали подниматься. Вознесшись над морем, они приблизились к нижнему беспилотному аппарату, и по телевизионному изображению, транслировавшемуся «Хищником», пошли полосы помех, затем оно исчезло.

Второй «Хищник» продолжал трансляцию.

— Поднять в воздух оба «Морских ястреба», — приказал капитан Луз. — Исключительно с разведывательной целью. Капитан-лейтенант, держите уцелевшего «Хищника» на безопасном расстоянии. Нельзя потерять сигнал.

— Так точно, сэр, уточните безопасное расстояние.

— Капитан, «Морские ястребы» взлетели.

— Держитесь подальше от этого света, — гаркнул Чейни.

Три неопознанных объекта достигли высоты пятьсот метров над уровнем моря. С механической точностью они исполнили пируэт, развернули гигантские крылья в горизонтальную плоскость и на бешеной скорости исчезли из виду.

Капитан Луз кинулся к системе слежения. Второй лейтенант Линда Мурарески уже отслеживала движение объектов с помощью радара.

— Я только что засекала их, сэр. Никогда не видела ничего подобного. Ни теплового излучения, ни звука, только слабое электромагнитное поле. Неудивительно, что спутник их упустил.

— Какая у них средняя скорость?

— В четыре раза превышает скорость звука, и она продолжает расти. Все три объекта движутся в западном направлении. Вам лучше связаться с НОРАД, капитан. На такой скорости они в любой момент могут исчезнуть с экрана радара.

* * *

Командование ПВО Североамериканского континента НОРАД,

штат Колорадо

Возвышающийся почти на две с половиной тысячи метров холм из гранитных обломков, известный как гора Шайенн, расположен в четырех милях к юго-востоку от Колорадо Спрингс. Два тщательно охраняемых тоннеля у его подножия уходят под землю на треть мили. Это единственный вход в подземный комплекс площадью в 1,8 гектара, известный как центр командования ПВО Североамериканского континента, или НОРАД.

Он представляет собой объединенный командный центр военно-воздушных военных сил США и включает, кроме прочего, Объединенный центр НОРАД и космического командования, центр разработки программного обеспечения элементов системы и центр

прогнозирования погоды. Однако первичная функция комплекса — противоракетная оборона и обнаружение ракет, запущенных в любой точке мира, вне зависимости от того, где — на земле, на воде или в воздухе — находилось место запуска. Вероятны два варианта развития подобных событий.

К стратегическому предупреждению прибегают в том случае, когда в направлении Северной Америки с расстояния, превышающего 2100 морских миль запущена межконтинентальная баллистическая ракета и время до предполагаемого удара составляет около получаса. В этом случае информация проходит через цепочку осведомителей и достигает президента и всех командных центров по обороне США в течение четырех минут.

Всеобщее предупреждение используется в случае местного запуска ракеты в сторону США или их союзников. Ракета системы «Scud» или «Cruise» может нанести удар в течение нескольких минут, поэтому НОРАД напрямую оповещает командующих через спутник.

Радиус действия основной системы обнаружения ракет, расположенной внутри горы Шайенн, составляет 22 300 миль над землей. На этой высоте вокруг Земли вращаются обеспечивающие непрерывную и полную зону покрытия спутники поддержки системы обороны с высокотехнологичными датчиками весом в две с половиной тонны на борту, которые мгновенно обнаруживают тепловое излучение, возникающее при запуске ракет.

Главнокомандующий Джозеф Ансин поприветствовал охранников у стеклянной двери убежища и сел в ожидающую его вагонетку. После короткой поездки по лабиринту тоннелей он прибыл в командный центр НОРАД, чтобы заступить на двенадцатичасовую смену.

Для командира НОРАД ракеты были не в новинку, каждый год случалось не менее пары сотен таких «происшествий». Но на это раз все было иначе. Мир находится на грани войны, напряжение возрастает, и тысячи, возможно, миллионы жизней висят на волоске.

Его коллега майор Брайен Седио смотрел в монитор, расположенный над пультом управления видеокомом, экран которого занимало лицо вице-президента Чейни.

— Что происходит?

Седио посмотрел на него.

— Вы как раз вовремя. У вице-президента поехала крыша.

Майор включил звук.

— Мне жаль, мистер вице-президент, но наша система противоракетной обороны рассчитана на обнаружение теплового излучения, а не электромагнитных возмущений. Если эти ваши неопознанные объекты будут и дальше двигаться в сторону Азии, есть шанс засечь их с помощью наземного радара, однако для наших спутников они невидимы.

Отчаянье, застывшее в глазах Чейни, настораживало.

— Найдите их, майор. Организуйте все необходимые поиски. Немедленно сообщите мне, если вы их обнаружите.

Монитор погас, и майор Седио покачал головой.

— Вы бы поверили в это дерьмо? Мир на грани войны, а Чейни считает, что нас атакуют инопланетные монстры.

* * *

14 декабря 2012 года

Каменный лес Шилинь, провинция Юньнань, Южный Китай

5:45 (по пекинскому времени)

Провинция Юньнань вместе с Гуайчжоу составляет юго-западный регион Китайской Народной Республики. Изобилие озер, возносящиеся вертикально вверх скалы, густая листва деревьев, — мало еще какое место в Китае может порадовать таким разнообразием пейзажей.

Самый большой город провинции — Куньмин, столица Юньнань. В семидесяти милях к юго-востоку от города расположен его важнейший аттракцион для туристов — Каменный лес Луьнань, также известный как Каменный лес Шилинь. Площадью более сотни квадратных миль, он представляет собой множество причудливых каменных игл — гипсовых скал, достигающих в высоту тридцати метров. Тропинки ведут посетителей вдоль шеренг заостренных пиков,

через деревянные мостики, перекинутые через ручьи и вырубленные в камне проходы, пронизывающие весь этот удивительный пейзаж.

История происхождения камней уходит на двести восемьдесят миллионов лет назад, когда в процессе поднятия Гималаев гипсовое плато подвергалось эрозии, результатом которой стали причудливые спиралевидные образования. Поднятие гор растянулось на миллионы лет, что способствовало возникновению трещин и пустот, которые затем размывались дождем, создавая возвышающиеся пики и серовато-белые игольчатые скалы.

* * *

Еще не рассвело, когда пятидесятидвухлетняя Дженет Паркер и ее личный гид Кик-син прибыли к главным воротам парка. Проигнорировав предупреждение туристического бюро, где ей не рекомендовали поездку в Китай, эта решительная деловая женщина из Флориды настояла на посещении Каменного леса перед утренним вылетом из Куньмина.

Она последовала за гидом мимо пагоды и взошла на деревянный настил, который петлял, уводя посетителей в глубь карстовых гипсовых образований.

— погоди, Кик-син. Ты хочешь сказать, что вот ради этого мы ехали сюда целый час?

— Во тин будон...

— На английском, Кик-син, на английском.

— Я не понимаю, мисс Дженет. Это Каменный лес. Что вы хотите увидеть?

— Естественно, что-то более зрелищное. А здесь я вижу только мили камней.

Ее внимание привлек яркий янтарный проблеск.

— Постой-ка, что это?

Она указала на золотистый свет, вспыхивающий между гипсовых скал.

Кик-син зажмурился: свет его напугал.

— Я... я не знаю. Мисс Дженет, пожалуйста, что вы делать?

Дженет перелезла через низкий поручень.

- Я хочу посмотреть, что это.
- Мисс Дженет... мисс Дженет!
- Расслабься, я вернусь через минуту.

С фотоаппаратом в руке она спустилась вниз, протиснулась между двух скал и выругалась, оцарапав щиколотку об острый камень. Прокладывая себе путь между гипсовыми образованиями, она посмотрела вверх в поисках источника яркого света.

- Что это, черт возьми, такое?

Между двух гипсовых пиков сидело черное крылатое, похожее на насекомое существо около пятнадцати метров длиной. Не подавая признаков жизни, тварь опиралась на два раскаленных докрасна когтя, которые пронзали плавящийся под ними карст.

- Кик-син, иди сюда.

Дженет сделала еще одно фото, и в этот момент первые лучи солнца коснулись крыльев чудовища. Янтарные вспышки потускнели и замигали, учащаясь с каждой секундой.

- Эй, Кик-син, за что я вообще тебе плачу?

Беззвучная вспышка ярчайшего белого света мгновенно ослепила Дженет Паркер. Бизнес-леди успела почувствовать лишь резкую обжигающую вспышку, поскольку устройство чистого синтеза сгенерировало кипящий котел энергии, температура которой превышала температуру на поверхности Солнца. Кровь, кожа и ткани Дженет согрели во вспышке всепоглощающего пламени, наносекундой позже испарился скелет.

Огонь начал распространяться во все стороны со скоростью света. Цепная реакция прокатилась по Каменному лесу: жар испарял карстовую структуру почвы, выпуская на волю густые клубы токсичной двуокиси углерода; прижатые к поверхности арктическим воздухом ядовитые испарения понеслись вперед, словно газовое цунами.

Большая часть населения Куньмина мирно спала, когда невидимая смертоносная волна газа пронеслась над городом, словно знойный порыв ветра. Те, кто проснулся раньше всех, падали на колени, хватались за горло и пытались понять, почему мир вращается вокруг них. Спящие даже не поняли, что с ними происходит, — они задохнулись в своих постелях.

Несколько минут спустя каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок в Куньмине были мертвы.

* * *

Город Ленск, Республика Саха, Россия

5:47

Семнадцатилетний Павел Пшеничный взял топор у младшего брата Николая и вышел из трехкомнатной рубленой избы, оставляя первые следы на свежевывавшем снеге. Ледяной утренний ветер свистел в ушах. Он поправил шарф и неохотно потащился через занесенный снегом двор к поленнице.

Солнце еще не встало, однако, учитывая погоду, обычную для этого серого царства вечного холода, заметить это мог только местный житель. Павел смахнул снег с промерзлого широкого пня для колки дров, взял полено и поставил его на торец. С уханьем он занес и опустил топор — дерево под лезвием расколосось на щепки. Когда он потянулся за следующим поленом, яркая вспышка света заставила его посмотреть вверх.

На тускло подсвеченном рассветными лучами горизонте в туманной дымке виднелись кряжистые, покрытые снегом горы. Вдруг из-за облаков вырвалась добела раскаленная молния и рассыпалась меж скалистых вершин, укрытых растущими клубами тумана.

Секунду спустя раздался оглушительный удар грома, и земля под ногами вздрогнула.

Лавина?

Плотный туман скрыл от глаз Павла геологические разрушения. Все, что мог видеть подросток, — это катящееся на него серо-белое облако снега, увеличивающееся, мчащее с невероятной скоростью.

Он выронил топор и побежал.

— Николай! Лавина... лавина!

Ударная волна с силой ядерного взрыва сбила Павла с ног, втокнув его головой вперед в дверь избы со скоростью торнадо.

Прежде чем он успел ощутить боль, его дом сдуло ветром, словно карточный домик, и волна испепеляющего жара прокатилась по равнине, пожирая все на своем пути.

* * *

Чичен-Ица, полуостров Юкатан

22:56

Черный, покрытый пылью «шевроле»-пикап без заднего бампера пробирался через дикие джунгли, завывая мотором и скрипя всем корпусом, словно протестуя против того, что его заставляют прыгать по разбитой грунтовой дороге. У решетчатых ворот пикап завизжал и остановился.

Майкл Гэбриэл выскочил из машины, осмотрел стальную цепь, стягивающую створки ворот, и начал возиться со ржавым замком в свете фар.

Как только замок поддался и Мик снял цепь, Доминика пересела на место водителя. С хрустом включив первую передачу, она проехала в открытые ворота, затем вернулась на пассажирское место, уступая водительское Мику.

— Впечатляюще. Где ты научился взламывать замки?

— В одиночке. Хотя гораздо полезнее иметь при себе ключ.

— Откуда у тебя ключ?

— Мои друзья работают в службе парка. Довольно грустно осознавать, что коренные майя могут устроиться на работу только туда, где им придется подавать еду туристам и выметать чужой мусор из величайшего города их предков.

Доминика схватилась за приборную доску, когда Мик нажал на газ и автомобиль запрыгал по канавам в глубь парка.

— Ты уверен, что знаешь, куда ехать?

— Большая часть моего детства прошла в джунглях, окружающих Чичен-Ицу. Я знаю здешние дороги, словно линии на своей руке.

Свет фар высветил тупик в конце дороги.

Мик улыбнулся.

— Хотя с тех пор, конечно, прошло немало времени.

— Мик! — Доминика закрыла глаза и вцепилась в сиденье, когда он развернул машину и направил ее прямо в заросли, а по корпусу пикапа застучали тяжелые ветки. — Помедленнее! Ты что, собрался нас убить?

Машина выскочила из зарослей кустарника, каким-то чудом избежав сильного столкновения с нагромождением камней и ветвей. Они оказались на поляне, окруженной высокими деревьями, верхушки которых уходили в звездное небо. Мик ударил по тормозам.

— Конец дороги.

— Ты называешь это дорогой? — Он заглушил мотор. — Мик, скажи мне еще раз, почему...

— Ш-ш-ш. Слушай.

Но единственным звуком, который она различила, было урчание мотора.

— И что я должна услышать?

— Потерпи.

Постепенно мотор остыл, и снова стали слышны звуки ночных джунглей.

Доминика взглянула на Мика. Он сидел закрыв глаза, а на его угловатом лице застыло странное выражение блаженства.

— Ты в порядке?

— Да.

— О чем задумался?

— О своем детстве.

— Счастливые или грустные воспоминания?

— Одни из самых счастливых. Мы с мамой часто разбивали лагерь в этих лесах, я тогда был еще совсем ребенком. Она многому научила меня. Она рассказывала о природе и самом Юкатане, о том, как образовался этот полуостров, о его геологии, обо всем. Она была прекрасным учителем. Чем бы мы ни занимались, она умела сделать это занятие настоящим праздником.

Мик повернулся к ней; черные зрачки его глаз расширились и мерцали.

— А ты знаешь, что когда-то вся эта территория находилась под водой? Миллионы лет назад полуостров Юкатан находился на дне

тропического моря, а его поверхность была покрыта кораллами и морским илом. Эта часть морского дна состояла в основном из известняковых пород, а потом — бум! — космический корабль, или чем там была та штука, врезался в Землю. При столкновении расколосось известняковое дно, подняв волны высотой в полкилометра, последовало множество извержений, атмосферу заполнила пыль, которая помешала процессам фотосинтеза и уничтожила большинство живых организмов на планете. А полуостров Юкатан внезапно поднялся из воды, превратившись из морского дна в отрезок суши. Дождевая вода заполняла разломы и каверны известняка, размывала камень и в результате образовала огромный подземный лабиринт, который тянется подо всем полуостровом. Мама говорила, что под землей Юкатан больше всего напоминает огромный кусок швейцарского сыра.

Он откинулся на спинку кресла, невидящим взглядом уставившись на приборную доску.

— Во время последнего ледникового периода уровень воды опустился, поэтому сейчас пещеры под полуостровом уже не затоплены. Но там возникло огромное количество сталактитов, сталагмитов и других образованных карбонатом кальция карстовых формирований.

— Карстовых?

— Карст — это научное название пористой известняковой почвы. Весь Юкатан состоит из карста. Как бы то ни было, около четырнадцати тысяч лет назад лед растаял и уровень моря поднялся, снова затопив пещеры. На Юкатане нет наземных рек, вся вода на полуострове добывается из подземных пещер. В центральных областях есть пресные источники, однако чем ближе к побережью, тем более соленая в них вода. Иногда потолки подземных пещер проламываются, и тогда возникают карстовые воронки...

— Такие, как священный *дзонот*?

Мик улыбнулся.

— Ты использовала майяское название сенота, а я и не думал, что ты его знаешь.

— Моя бабушка была майя. Она рассказала мне, что *дзоноты* считались порталами в Подземный мир, в Шибальбу. Мик, вы с матерью... были очень близки, верно?

— До недавнего времени она была моим единственным другом.
Доминика сглотнула образовавшийся в горле комок.

— Когда мы были в заливе, ты начал рассказывать мне что-то о том, как она умирала. Мне показалось, ты злился на отца.

Тень неуверенности скользнула по его лицу.

— Нам действительно пора идти.

— Нет, подожди... Расскажи мне, что случилось. Возможно, я смогу тебе помочь. Если ты не доверишься мне, то кому тогда ты сможешь доверять?

Он наклонился вперед, почти лег на руль и уставился на облепленное разбившимися жучками ветровое стекло.

— Мне было двенадцать. Мы жили в двухкомнатной хибарке на краю Наска. Моя мать умирала, рак пожирал ее изнутри. Она уже не могла вынести ни облучения, ни химиотерапии. Она была слишком слаба, чтобы самой заботиться о себе. Юлиус не мог позволить себе нанять сиделку, поэтому, пока он работал в пустыне, я дежурил у ее постели. Мамины органы отказывали один за другим. Она лежала на кровати, сжавшись в комочек от невыносимой боли, а я расчесывал ей волосы и читал вслух. У нее были длинные темные волосы, совсем как у тебя. Потом я уже не мог их расчесывать: они выпадали целыми прядями и сбивались в колтун. — Одинокая слеза скатилась по его щеке. — Но ее ум по-прежнему оставался ясным, она была в сознании до самого конца. По утрам ей всегда становилось лучше, она могла поддерживать беседу, но после полудня и ближе к вечеру становилась вялой и безразличной, морфин не давал ей возможности сосредоточиться. Однажды вечером Юлиус пришел домой, вымотанный тремя сутками работы в пустыне. У мамы тогда выдался тяжелый день. Ей пришлось бороться с сильной лихорадкой и ужасной болью, а я был выжат до капли, поскольку за семьдесят два часа не мог даже толком поспать. Юлиус сел на край ее постели и молча смотрел на нее. В конце концов я пожелал ему спокойной ночи и закрыл за собой дверь, решив хоть немного отдохнуть.

Наверное, я отключился, как только моя голова коснулась подушки. Не знаю, долго ли я проспал, знаю только, что посреди ночи меня разбудил приглушенный плач. Я вскочил с постели и открыл дверь.

Мик закрыл глаза, слезы теперь катились беспрестанно.

— Что это было? — спросила Доминика. — Что ты увидел?

— Плакала моя мать. Юлиус склонился над ней и душил ее подушкой.

— О господи...

— А я просто стоял в дверях, все еще в полусне, и не понимал, что происходит. Спустя минуту или около того мама утихла. Только тогда Юлиус заметил открытую дверь. Он обернулся и посмотрел на меня с диким выражением лица. Затащил меня обратно в мою комнату, плача и бормоча что-то о том, что мама так страдала, что он не мог позволить ей мучиться снова и снова.

Мик раскачивался вперед и назад, глядя в ветровое стекло.

— Это снится тебе в кошмарах?

Он кивнул, потом стиснул кулаки и ударил по грязной приборной доске.

— Да кем себя считал этот старый козел, чтобы принимать *такие* решения? Именно я о ней заботился, я один о ней заботился, а вовсе не он!

Кулаки снова и снова колотили по приборной доске, выпуская так долго копившуюся злость. Выдохшись, Мик прижался лбом к рулевому колесу.

— Он ведь даже не спросил меня, Доминика. Он не дал мне шанса попрощаться с ней.

Доминика притянула его к себе, глядя по волосам. Он прижался лицом к ее груди. Слезы катились по ее щекам от осознания того, как он мучался, с детства лишившись шанса на нормальную жизнь, а часть взрослой жизни проведя в одиночном заключении. *Как после всего этого я смогу заставить себя вернуть его в клинику?*

Через несколько минут он успокоился, отстранился от нее и вытер глаза.

— Думаю, мне придется хорошо подумать над тем, что именно я должен своей семье.

— Тебе пришлось нелегко, но сейчас ведь все налаживается.

Мик хмыкнул.

— По-твоему это называется «налаживается»?

Она наклонилась к нему и поцеловала, сначала осторожно, затем придвинулась ближе, и их губы слились в поцелуе, языки сплелись, разжигая страсть. В возбуждении они срывали друг с друга одежду,

обмениваясь в темноте ласками, толкаясь в тесной кабине, где руль и рычаг переключения передач ограничивали их движения.

— Мик... подожди. Я так не могу, здесь совсем нет места.

Она положила голову ему на плечо, задыхаясь и чувствуя, как по лицу стекают капли пота.

— В следующий раз бери в аренду что-нибудь с задним сиденьем.

— Обещаю. — И он поцеловал ее в лоб.

Доминика задумчиво перебирала завитки волос на его затылке.

— Нам лучше выбраться отсюда, иначе мы опоздаем на встречу с твоими друзьями.

Они вышли из машины. Мик забрался в кузов и снял пристегнутые к обрешетке кислородные баллоны. Протянул один из них, уже оснащенный регулятором, Доминике, потом передал ей жилет.

— Ты когда-нибудь спускалась под воду ночью?

— Пару лет назад. А далеко отсюда до сенота?

— Около мили. Тебе будет удобнее, если прямо здесь наденешь баллон.

Она надела жилет и баллон на спину, затем забрала у спустившегося вниз Мика неопреновые костюмы. Мик застегнул собственный жилет, затем закинул сумку с оборудованием на плечо и взял в руки два запасных баллона с кислородом.

— Иди за мной.

Он направился в заросли, Доминика шла за ним. По едва различимой заросшей тропинке они прокладывали путь сквозь густую чащу, не обращая внимания на насекомых и шипы растений, которые впивались им в кожу. Растительность постепенно перешла в густой лес, болотистый грунт сменился камнями. Они взобрались на полутораметровый склон и замерли — над их головами раскинулось великолепное звездное небо.

Они стояли на широкой мощенной камнем дороге, *сакбе*, тысячи лет назад сложенной древними майя.

Мик опустил на землю кислородный баллон и принялся растирать затекшие плечи.

— Слева находится священный сенот, справа — пирамида Кукулькана. Ты в порядке?

— Чувствую себя вьючным мулом. Далеко еще?

— Двести метров. Пойдем.

Они зашагали налево и пять минут спустя уже стояли на краю крутого обрыва известнякового сенота, глядя на отражение луны в его темной воде.

Доминика посмотрела вниз. Пятнадцать метров отделяли край обрыва от поверхности источника. Сердце зачастило. *Какого черта я тут делаю?* Она повернулась и заметила, что из леса к ним приближаются пятеро немолодых темнокожих майя.

— Это наши друзья, — сказал Мик. — *X'Менес*, майяские мудрецы. Они хранят наследие братства *Ш'толь*, тайного общества, которое уцелело во время зверств инквизиции пять столетий назад. Они здесь, чтобы помочь нам.

Мик говорил с седоволосым майя на древнем языке, натягивая водолазный костюм. Остальные майя доставали из рюкзаков подводные фонари и разматывали длинную веревку.

Доминика отвернулась от них, стянула пропитанный потом халат и начала надевать водолазный костюм поверх закрытого купальника.

Мик обеспокоенно окликнул ее.

— Дом, это Оцелот, жрец майя. Оцелот говорит, что вчера в Чичен-Ице появился странный человек, который расспрашивал о нас. Высокий мускулистый американец с рыжеватыми волосами.

— Раймонд? Вот дерьмо...

— Дом, скажи мне честно. Ты...

— Мик, клянусь, с тех пор как я приехала, я не связывалась ни с Фолеттой, ни с Борджией, ни с кем другим.

— Брат Оцелота работает в парке охранником. Он сказал, что рыжий вошел в парк сегодня утром, но никто не видел, чтобы он уходил до закрытия. Так вот, эта сделка, которую ты заключила с Борджией... Полная чепуха. Ты получишь свою неприкосновенность только после того, как он сможет пнуть мой труп. Давай, нам пора идти.

Они проверили, работают ли баллоны и регуляторы, натянули жилеты и пояса и подошли к краю обрыва.

Мик натянул ласты и, крепко обхватив веревку, исчез за краем. Майя быстро разматывали трос и, когда убедились, что Мик благополучно достиг воды, протянули веревку Доминике.

Мик надел маску, поправил регулятор, потом включил фонарик и нырнул под воду. Видимость в шоколадно-коричневой, провонявшей водорослями воде была не более полуметра.

Доминика, повиснув на веревке, взглянула на далекую темную воду и почувствовала, как дрожат колени. *Почему я это делаю? Я что, тоже сошла с ума?* Ее ноги опустились в холодную воду, вокруг лодыжек заметались водоросли. Отпустив веревку, Доминика погрузилась в воду, почти задыхаясь от вони гниющих водорослей. Быстро опустив на лицо маску, она поправила регулятор и глубоко вдохнула, чтобы избавиться от мерзкого запаха.

Мик вынырнул на поверхность, в его волосах запутались нити водяных растений. Он протянул Доминике длинный желтый шнур, обвязанный вокруг его талии, и помог закрепить его на поясе.

— Там внизу невероятно темно. Не хочу, чтобы мы потерялись.

Она кивнула, убрала ото рта регулятор.

— Что именно ты собираешься там искать?

— Что-то вроде прохода в южной части сенота. Там должно быть что-то, ведущее к пирамиде.

— Но пирамида в миле отсюда. Мик? — Она смотрела, как он выпускает воздух из жилета и начинает погружаться. *Черт побери.* Доминика в последний раз взглянула вверх, на почти полную луну, закусила за губник и последовала за Миком вниз.

Как только ее лицо коснулось воды, Доминика учащенно задышала через за губник. Несколько секунд она плыла вслепую, чувство пространства покинуло ее. Она опустилась на шесть метров, обо что-то ударилась и в этот момент увидела отражение света его фонаря на стене сенота.

Мик шарил лучом по известняковой стене, густо поросшей водорослями. Фонариком он подал сигнал Доминике, чтобы она подплыла к нему и ножом срезала водоросли на стене справа от него.

Доминика достала нож из ножен на щиколотке и начала простукивать стену, постепенно опускаясь ниже. Десятью метрами ниже ее рука провалилась в метровую дыру, часы запутались в водорослях. Не в силах вырваться, она уперлась ластами в стену и напряглась, чтобы высвободиться. Из дыры на нее бросилась двухметровая мокасиновая змея, ударилась о маску и со скоростью света скрылась во тьме.

Большого ее нервы выдержать не могли. В панике она рванулась вверх, увлекая за собой Мика. Выскочив на поверхность, Доминика, задыхаясь и кашляя, сорвала с лица маску.

— Ты в порядке? Что случилось?

— Ты ничего не говорил про долбанных змей! Я ненавижу змей!

— Она тебя укусила?

— Нет, но с меня хватит. Это не погружение, это больше похоже на заплыв в жидком дерьме.

Дрожащими руками она отвязала веревку.

— Дом...

— Нет, Мик, с меня достаточно. Мои нервы на пределе, а от этой воды скоро начнется чесотка. Продолжай без меня. Давай, найди свой тайный проход или что ты там ищешь. Я подожду тебя наверху.

Мик обеспокоенно взглянул на нее, но все же нырнул.

— Эй, Оцелот! Спускай веревку. — Она смотрела вверх, ожидая, когда над краем колодца появятся майя.

Никого.

— Эй, ребята, вы меня слышите? Я сказала, бросайте сюда эту гребаную веревку!

— Добрый вечер, солнышко.

Доминику пробрала ледяная дрожь, когда над краем сенота появился Раймонд, а на резине ее костюма, чуть выше ямочки над ключицами, затанцевала красная точка лазерного прицела.

* * *

Белый дом, Вашингтон, округ Колумбия

Президент Меллер чувствовал себя так, словно только что пропустил сильный удар в живот. Он поднял глаза от рапорта министерства обороны и посмотрел на генерала Фекондо и Джеффри Гордона. Пульс гулко отдавался в висках. Президент ощущал такую слабость, что, не в силах удержать тело в вертикальном положении, грузно опустился на стул.

Пьер Борджия ворвался в Овальный кабинет; его здоровый глаз покраснел и сверкал ненавистью.

— Мы только что получили новые данные. Двадцать одна тысяча погибших в республике Саха. Два миллиона задохнулись в Куньмине. В Туркменистане уничтожен целый город. Пресса уже толпится у главного входа.

— Русские и китайцы очень быстро мобилизовались, — добавил генерал Фекондо. — Согласно официальному заявлению мобилизация является частью объявленных ранее противоракетных учений, однако количество групп и вооружения превышает все допустимые пределы.

Министр ВМС начал читать с экрана ноутбука.

— По последним данным спутникового наблюдения, замечены восемьдесят три атомные подлодки, в том числе новые российские разработки класса «Борей». Каждая подлодка оснащена восемнадцатью баллистическими ракетами SS-N-20. Добавьте к этому списку десятков китайских подлодок с другими типами баллистических ракет и...

— И не только подводных лодок, — вмешался генерал. — Все стратегические объекты обеих наций приведены в состояние полной боевой готовности. По данным «Даркстара», ракетносец «Петр Великий» покинул доки через двадцать минут после последнего взрыва. Его арсенал превышает две тысячи ядерных боеголовок — вот с чем нам с вами придется столкнуться.

— Господи! — Меллеру перехватило дыхание. Он сделал глубокий вдох. — Пьер, сколько еще ждать звонка от Совета безопасности?

— Десять минут, но Генеральный секретарь утверждает, что Грозный желает обратиться к парламенту и отказывается вести переговоры с нами. — Лицо Борджии покрыл пот. — Сэр, нам действительно необходимо переместить командование в Маунт-Уэзер. [38]

Меллер проигнорировал его слова. Он обернулся к видеокоммутатору с надписью «СТРАТКОМ».

— Генерал Дорошов, наш противоракетный щит выдержит первый массированный удар?

На мониторе появилось бледное лицо командующего ВВС США генерала Эрика Дорошова, начальника пункта стратегического командования.

— Сэр, щит способен перехватить несколько десятков ракет на высшей точке их траектории, но ничто в нашем защитном арсенале не рассчитано на массированную атаку. Большинство российских баллистических ракет, как запущенных с суши, так и подводных, запрограммированы на полет по более пологой траектории. Наши технологии просто не в состоянии с этим справиться.

Меллер с отвращением покачал головой.

— Двадцать гребаных миллиардов долларов — и за что?

Пьер Борджия взглянул на генерала Фекондо, тот кивнул.

— Мистер президент, у нас есть и другая возможность. Если мы уверены в том, что Грозный первым нанесет удар, есть смысл нанести упреждающий удар. Согласно последнему интегрированному плану боевых действий запуск тысячи восьмисот боеголовок позволит вывести из строя девяносто один процент всех российских и китайских наземных баз и...

— Нет! Я не войду в историю как президент США, начавший Третью мировую войну!

— Но упреждающий удар оправдывает нависшая над нами угроза, — произнес генерал Дорошов.

— Я ничем не могу оправдать убийство двух миллиардов людей, генерал. Мы попытаемся решить все при помощи дипломатии и будем только обороняться. — Президент оперся о край стола, потер виски. — Где вице-президент?

— По последним моим данным, он находится на борту «Буна».

— Возможно, стоит отправить за ним вертолет и перевезти Чейни на ближайшую базу FEMA?^[39] — предложил генерал Фекондо.

— Нет, — слишком быстро ответил Борджия. — Нет, вице-президент никогда не согласится сбежать от...

— Он все еще является представителем исполнительной власти.

— Это не имеет значения. Чейни не был включен в список подлежащих первоочередной эвакуации. В Маунт-Уэзер ограниченное количество комнат...

— Достаточно! — заорал президент.

В кабинет вошел Дик Пристас.

— Простите за опоздание, но перед Белым домом настоящий зоопарк. Вы видели, что там происходит? — Он включил канал Си-эн-эн.

Канал показывал тысячи перепуганных американцев, суетливо пытающихся погрузить свои вещи в и без того перегруженные автомобили. Репортер направил микрофон в лицо отца с тремя детьми.

— Я не знаю, какого черта здесь происходит. Россия заявила, что это мы взорвали те бомбы, наш президент говорит, что мы этого не делали. Я не знаю, кому верить, но я не верю ни Меллеру, ни Грозному. Мы сегодня уезжаем из города...

Камеры крупным планом показали столпившихся перед Белым домом пикетеров с плакатами, возвещавшими об апокалипсисе.

ВИКТОР ГРОЗНЫЙ — АНТИХРИСТ! ПОКАЙТЕСЬ! ГРЯДЕТ СТРАШНЫЙ СУД!

Последовали кадры с переполненными баптистскими молельнями, аэроснимки федеральных автострад, перегруженных автомобилями, движущимися бампер к бамперу. Один из грузовиков вынырнул из общего ряда, пытаясь обойти по обочине. В кузове грузовичка сидела целая семья — и все сжимали автоматы.

— Мистер президент. Совет безопасности на второй линии.

Меллер подошел к дальней стене, в которую были вмонтированы пять видеокommunikаторов защищенной линии. Второй слева экран ожил, разделившись на двенадцать квадратов, в каждом из которых появились изображения представителей Совета безопасности ООН. Блок, предназначенный представителю России, остался темным.

— Мистер Генеральный секретарь, господа консулы, я хотел бы снова заявить, что Соединенные Штаты не причастны ко взрывам «чистого синтеза». Однако у нас появился повод думать, что Иран может напасть на Израиль под прикрытием развязанной им войны США с Россией. Позвольте заверить вас, что мы желаем избежать войны, чего бы это нам ни стоило. Чтобы не осталось недоразумений; мы отдали приказ о выходе нашего флота из Оманского залива. Прошу вас проинформировать президента Грозного о том, что Соединенные Штаты ни в коем случае не станут наводить ракеты на Россию и ее соседей, однако мы не можем снять с себя обязательства перед Израилем.

— Совет передаст ему ваше сообщение. Храни вас Господь, мистер президент.

— Храни Господь всех нас, мистер Генеральный секретарь.

Меллер повернулся к Борджии.

- Где сейчас моя семья?
- Уже на пути к Маунт-Уэзер.
- Прекрасно, мы тоже можем двигаться. Генерал Фекондо?
- Да, сэр?
- Объявляйте положение DEFCON 1. [\[40\]](#)

* * *

Чичен-Ица

Мик опускался вдоль южной стенки сенота, внимательно осматривая и ощупывая ее поверхность, однако не заметил ничего необычного, кроме поросших растительностью известняковых блоков. На глубине десять метров угол склона резко изменился, отклонившись на сорок пять градусов.

Мик продолжал двигаться в направлении дна майяского колодца, темнота сомкнулась вокруг него, загустела, и только луч фонарика беспомощно пытался разогнать ее. На глубине двадцать пять метров он остановился, чтобы отдышаться: давление отдавалось в ушах почти непереносимой болью.

Тридцать два метра...

Южная стена снова выровнялась и далее шла вертикально. Мик продолжил спуск, погружаясь в непроглядно черную шахту и прекрасно понимая, что он не в том физическом состоянии, чтобы спускаться на самое дно.

Именно тогда он и заметил это — лучик света, горящий во тьме как значок «Выход» в темном кинотеатре.

Он сильнее заработал ногами, пульс бешено забился, когда он рассмотрел удивительный портал высотой метра три и шириной три с половиной. Луч его фонарика отражался от гладкой полированной поверхности белого металла.

В центре металлического листа был выгравирован сияющий красным канделябр с тремя ответвлениями. Мик ошеломленно застонал сквозь регулятор, узнав этот древний указатель.

Это был Трезубец Паракаса.

* * *

Блюмонт, Вирджиния

Грузовой вертолет с первой леди страны, ее тремя сыновьями и тремя конгрессменами высшего ранга на борту шел на запад над городом, стараясь придерживаться шоссе 601. Пилот уже видел мерцающие огни десятка зданий, обнесенных композитной оградой.

Это был Маунт-Уэзер, сверхсекретная военная база, расположенная в сорока шести милях от границы округа Колумбия. Учреждение на поверхности принадлежало Федеральному агентству по чрезвычайным ситуациям, здесь располагалось управление агентства, связанное переходами с полутора сотнями подземных убежищ, построенных в рамках американской программы «Непрерывность управления».

Тридцать пять гектаров построек были обнесены оградой и тщательно охранялись, однако настоящий секрет Маунт-Уэзер находился глубоко под землей. В толще гранитной горы был вырублен целый подземный город, оснащенный частными апартаментами и общежитиями, кафетериями и госпиталями, сооружениями для очистки воды и биологического обезвреживания отходов, электростанцией, системой общего транспортного сообщения, телевидения, даже подземным прудом. Хотя ни один из членов конгресса никогда не признавал, что ему известно о существовании этого заведения, множество представителей исполнительной власти являлись владельцами апартаментов в этой подземной столице «Непрерывности управления». Девять федеральных служб и пять федеральных агентств отвечали за содержание этого убежища. Тайное назначение и распределение мест в убежище для представителей власти происходило без ведома конгресса и без огласки. Пусть и не настолько большой, как российский комплекс в горе Ямантау, это кризисное убежище служило для той же цели — сберечь правительство Соединенных Штатов в случае ядерного конфликта.

Капитан ВВС Марк Девис уже двенадцать лет занимался техническими перевозками в Маунт-Уэзер. Несмотря на то что пилот национального ВКП управления ВС в чрезвычайной обстановке был

счастливым отцом четырех детей и зарабатывал больше чем достаточно для хорошей жизни, он так и не смог за все эти годы смириться с фактом, что его семья не включена в «белый список».

Девис заметил огни центра на горизонте. Стиснул зубы.

Там работало около 240 военных. Неужели их жизни важнее? А как насчет шестидесяти пяти членов «элиты» исполнительной власти? Если ядерная война все-таки начнется, кто будет виноват? Наверняка большая часть этих военных «экспертов». Так почему эти ублюдки должны выжить, а его семья — нет?

Русскому агенту не составило труда договориться с недовольным капитаном. Ключом к выживанию при ядерной войне оказались деньги. Девис потратил большую часть полученных средств на постройку своего собственного бункера в горах Блю Ридж, а остальные перевел в золото и бриллианты. Если ядерная война все-таки начнется, он может быть спокоен за будущее своей семьи. Если же нет, отложенные детям на колледж деньги сейчас были сохраннее, чем когда-либо.

Девис провел вертолет над площадкой, завис и начал опускаться. Два офицера в грузовом трамвайчике приблизились к площадке. Он отдал честь.

— Семь пассажиров и их багаж. Весь груз проверен.

Не дожидаясь ответа, Девис открыл грузовую дверь и помог первой леди выбраться из вертолета. Офицеры размещали пассажиров в трамвайчике, пока пилот занимался их багажом.

Немаркированный коричневый дипломат из искусственной кожи был третьим по счету. Девис повернул его ручку по часовой стрелке, следуя инструкциям русского агента, потом медленно вернул ручку в первоначальное положение.

Механизм активирован.

Пилот осторожно опустил дипломат в грузовую тележку и занялся остальным багажом.

* * *

Чичен-Ица, полуостров Юкатан

Мик заставлял себя подниматься медленнее, с трудом справляясь с охватившим его волнением. На глубине шесть метров он остановился, чтобы избавиться от переизбытка азота. В голове бешено роились мысли.

Как мне попасть внутрь? Там должен быть какой-то скрытый механизм, открывающий дверь. Мик проверил кислородный баллон. Воздуха оставалось на пятнадцать минут. *Хватай новый баллон и скорее возвращайся к двери.*

Мик снова начал подниматься и с удивлением увидел ноги Доминики, плавнодвигающиеся под поверхностью. Он подплыл поближе и вынырнул рядом с ней.

— Дом, почему ты...

Перепуганное выражение ее лица заставило его взглянуть вверх.

Над ними на краю обрыва сидел рыжеволосый охранник из клиники в Майами, довольно скалясь в их сторону. Красная точка лазерного прицела переместилась с шеи Доминики на Мика.

— А вот и моя драгоценная сучка. Что ж ты, скотина, заставляешь свою даму так долго ждать?

Мик осторожно приблизился к Доминике, нащупывая под жилетом свободный конец троса.

— Отпусти ее, урод. Дай ей уйти, и я не буду сопротивляться. Ты сможешь вернуть меня в Штаты в наручниках. Станешь настоящим героем...

— Не тот случай, ублюдок. Фолетта решил, что тебе нужен новый курс терапии. Называется «пуля в голову».

Мик нащупал заглушку жилета Доминики и быстро выпустил из него воздух.

— Сколько тебе заплатил Фолетта? — Он закрыл собой Доминику, точка прицела плясала на его костюме. — У меня в машине есть деньги. Спрятаны под сиденьем. Можешь забрать все, что там найдешь. Там что-то около десяти тысяч в золотых монетах.

Раймонд отвлекся от прицела.

— Врешь...

Мик схватил Доминику и рванул вниз и в сторону, под воду. Она забилась в его руках, стараясь вырваться. Грязная вода заливалась ей рот.

Пули бороздили воду вокруг них. Мик схватил свой регулятор и прижал ко рту Доминики, заставляя ее погружаться глубже. Доминика поперхнулась, выплюнула воду и наконец смогла вдохнуть. Она прижала к лицу залитую илом маску, потом быстро счистила с нее грязь и снова надела, прижав ко рту свой регулятор.

Мик выдохнул и с удовольствием наполнил легкие воздухом. Потом схватил Доминику за руку и нырнул еще глубже, почувствовав, как пуля задела его кислородный баллон.

Сердце Доминики колотилось с бешеной скоростью. На глубине пятнадцать метров она вытащила фонарик, чуть не уронила его, а Мик отчистил маску от ила и снова надел. Доминика в ужасе смотрела на него, не представляя, что делать дальше.

Мик обвязал конец троса ей вокруг пояса и указал вниз.

Она покачала головой: «нет».

Новая порция прошивших воду пуль положила конец спору.

Он схватил Доминику за руку и начал погружаться, увлекая ее за собой.

Волны паники захлестнули ее изнутри, когда тьма вокруг стала непроглядной. Мрак и тишина сомкнувшейся над ними водяной могилы сменились болью в ушах, сигнализирующей, что они погрузились очень глубоко и слишком быстро. *Что он делает? Развяжи трос, пока он не убил вас обоих.* Доминика принялась возиться с узлом.

Мик потянулся к ее руке, заставляя прекратить, погладил ее по руке, пытаясь успокоить, потом снова указал вниз и продолжил погружение.

Доминика резко выдохнула, избавившись от боли в ушах, и заработала ластами, чтобы догнать Мика. Склон известняковой стены резко пошел в сторону, превратившись в потолок над ее головой. От приступа клаустрофобии Доминика почувствовала, что теряет ориентацию в кромешной темноте и тишине.

Теперь она опускалась вниз, придерживаясь за вертикальную стену шахты. Датчик показывал, что они опустились на тридцать четыре метра; пульс колотился в висках, маска больно врезалась в лицо, а разум вопил от ужаса, желая только одного — поскорее выбраться отсюда.

Появление странного красного света ошеломило ее. Нырнув еще глубже, Доминика потрясенно заморгала, уставившись на сияющий рисунок. *О господи... он и вправду что-то нашел! Подожди-ка, я ведь уже видела раньше этот рисунок...*

Она смотрела, как Мик движется вдоль сияющей металлической поверхности, ощупывая края того, что могло оказаться дверью.

Вспомнила... Я видела этот рисунок в дневнике Юлиуса Гэбриэла...

Сердце Доминики билось все чаще, пульс отдавался болью в ушах. Из центра рисунка внезапно вырвались огромные воздушные пузыри, скрыв Мика из виду. В тот же миг страшная неведомая сила подхватила ее и поволокла к металлической двери, посреди которой образовалась темная дыра.

Сильным течением ее потащило вперед, в темноту. Доминика задергалась, пытаясь справиться с бешеным течением подводной реки, от которого с ее лица сорвало маску и закрутило вокруг шеи. Доминика выдохнула воду через нос и снова прижала обеими руками регулятор, вращаясь в чудовищном водовороте, возникшем на месте двери. Ей приходилось сражаться за каждый вдох.

Вдруг портал за ними закрылся, отрезая поток воды. Вращение прекратилось. Доминика очистила маску, снова надела ее и попыталась рассмотреть помещение, в котором оказалась.

Течение принесло их в подземную пещеру неземной красоты. Трубчатые светильники необъяснимого происхождения обрамляли сводчатые известняковые стены, рассыпаясь световыми пятнами зеленого, синего и желтого. Удивительная гроздь сталактитов спускалась с потолка к искрящимся кварцем сталагмитам, которые поднимались навстречу с пола пещеры. Вся пещера казалась диковинным каменным лесом, где каждый кристалл отражал неземной свет.

Она взглянула на Мика, ошарашенная, восхищенная, жаждущая засыпать его тысячей вопросов. Он покачал головой и показал на датчик, напоминая, что воздуха осталось только на пять минут. Доминика проверила свой баллон и с ужасом увидела, что ей осталось не больше пятнадцати минут жизни.

Волна ужаса прокатилась по ее телу. Клаустрофобия впивалась в нее с новой силой, напоминая Доминике, что та находится в замкнутой

подземной пещере, над ее головой каменный потолок, а единственный выход только что закрылся за ее спиной. Доминика оттолкнула Мика и рванулась обратно к порталу, отчаянно пытаясь открыть его.

Мик подтащил ее за спасательный трос и, схватив за запястья, указал на юг, туда, где ответвление пещеры переходило в темный тоннель. Потом сложил ладони в виде треугольника.

Кукулькан. Доминика задержала дыхание.

Мик схватил ее за руку и поплыл вперед. Вместе они пробирались по переходам подземного лабиринта, и, реагируя на их движения, вдоль стен зажигались все те же странные светильники, словно в стенах вмонтированы датчики движения. Над их головами высокий сводчатый потолок искрился тысячами сталактитов, а известняковые сталагмиты превращали лабиринт в галерею странных скульптур.

Мик почувствовал, как сдавило грудь. Они проплывали мимо светильника цвета индиго, расцветившего синими всполохами окружающие сталагмиты. Он проверил свой кислородный баллон, потом повернулся к Доминике и провел ладонью у горла.

У него закончился кислород. Она отдала ему второй регулятор, прикрепленный к ее поясу, потом проверила уровень своего баллона.

Восемь минут.

Восемь минут! По четыре минуты на каждого. Это безумие! Почему я пошла с ним к этому сеноту? Мне нужно было остаться в машине... мне нужно было остаться в Майами! Я же утону здесь, погибну, как Из.

Внезапно дно под ними исчезло, проход превратился в бездонный обрыв. Известняковые стены и потолок засияли розовым светом, освещая пещеру размером с баскетбольное поле.

Ты не утонешь, ты задохнешься. Думаю, это все же лучше, чем то, через что пришлось пройти Изу. Ты потеряешь сознание и просто упадешь в темноту. Ты ведь и вправду веришь в то, что существует рай?

Мик подтянул ее к себе, нетерпеливо указывая вперед. Она поплыла быстрее, молясь о том, чтобы он заметил выход. А потом увидела...

О нет... о господи... О боже, да нет же, нет!

Блюмонт, Вирджиния

Президентский вертолет находился в восемнадцати милях к северу от Лисбурга, штат Вирджиния, когда взорвалась бомба мощностью двадцать килотонн.

Президент и его окружение не могли видеть источника света, яркость которого в тысячу раз превышала яркость молнии. Они не могли ощутить чудовищный выброс жара, который уничтожил все внутренние строения в Маунт-Уэзер, испепелив первую леди, ее детей и всех остальных обитателей подземного убежища. Точно так же они не могли услышать грохот обвала миллионов тонн гранита, стали и бетона, когда гора сложилась, словно карточный домик.

Они увидели лишь яркий оранжевый язык пламени, от которого ночью стало светло словно днем, ощутили мощь ударной волны, с ревом пронесшейся над поверхностью, и заметили, как леса Вирджинии, над которыми прошла эта волна, превращаются в тлеющий ковер.

Пилот развернул вертолет и поспешил прочь, а президент Меллер вылетел от отчаянья, от зияющей пустоты на месте сердца, от волны обжигающей ярости, которая поднималась к горлу, грозя разрушить его сознание.

* * *

Чичен-Ица

Тридцать пять метров под основанием пирамиды Кукулькана

Доминика с широко раскрытыми глазами и бешено колотящимся сердцем смотрела на поразительную конструкцию, нависавшую над их головами. С известнякового потолка, пробиваясь сквозь каменный лес сталактитов, к ним опускался огромный, более двухсот метров в поперечнике, киль инопланетного корабля.

Доминика медленно вдохнула, пытаясь восстановить дыхание, и почувствовала, как под плотной резиной костюма по телу бегут мурашки.

Это нереально. Это не может быть правдой.

Золотистый металл гладкого корпуса корабля размером с линкор сверкал, словно отполированное зеркало. Мик взял ее за руку и увлек за собой вверх, к двум огромным конструкциям, установленным вдоль кормовой части корабля. Каждая из них не уступала размерами трехэтажному дому. Подплыв ближе, они заглянули внутрь одного из инопланетных двигателей. В свете фонарей им открылась закопченная, похожая на пчелиные соты трубчатая конструкция, по всей видимости, сопло корабля, не менее десяти метров в диаметре.

Мик протащил ее мимо чудовищного двигателя и поплыл к носу спрятанного в породе корабля.

Доминика дышала все чаще, ее тревожило то, что она никак не могла надыхаться. *О Боже, у нас заканчивается воздух.* Она дернула Мика за руку, ей перехватило дыхание, и пещера вдруг закружилась.

Мик увидел, что лицо Доминики побагровело. Он дал ей вдохнуть из своего загубника. Пока Доминика дышала, ему тоже сдавило грудь, легкие начало жечь от нехватки кислорода. Затем он выплюнул ее запасной загубник и отобрал у нее свой. Развернулся и поплыл так быстро, как мог, таща за собой Доминику на страховочном тросе. Он отчаянно шарил взглядом по кораблю, пытаясь отыскать хоть что-то похожее на вход.

Доминика волочилась за ним, казалось, она вот-вот потеряет сознание от удушья.

Собственные руки и ноги казались Мику налитыми свинцом. Он хрипел, не в состоянии сделать вдох, легкие горели. Доминика, охваченная паникой, слабо дергалась на другом конце веревки. У него разрывалось сердце, мысли растекались, не давая возможности сосредоточиться.

В полузабытьи он наконец увидел в пятидесяти ярдах впереди алый фонарь. С новыми силами Мик рванул к нему, мышцы горели, время словно остановилось.

Он заметил, что Доминика больше не вырывается — она повисла мертвым грузом.

Не останавливайся...

Подземный мир стал вращаться. Мик закусил загубник с такой силой, что десны начали кровоточить. Глотая теплую жидкость, он плыл к горящему символу Трезубца Паракаса.

Еще дюжина гребков...

Его руки отяжелели. Он перестал двигаться. Черные глаза выкатились из орбит.

Майкл Гэбриэл потерял сознание.

Течение подтащило два безжизненных тела к сияющей иридиевой панели трех метров в ширину, заставляя сработать древний датчик движения.

С шипением входной люк отъехал в сторону. Внутри отсека инопланетного корабля хлынула вода, увлекая за собой двух ныряльщиков.

ДНЕВНИК ЮЛИУСА ГЭБРИЭЛА

Что же за жалкое создание человек: рождаясь со страхом перед собственной невечностью, он обречен на протяжении всего своего жалкого существования бояться и избегать неведомого. Руководствуясь амбициями, он зачастую сам лишает себя даже тех немногих чудесных мгновений, которые ему преподносит судьба. Отвергая остальных, он усердствует в своих эгоистичных авантюрах, в поисках славы и богатства позволяя злу искушать себя и причиняя мучения тем, кого любит. Его жизнь, и без того хрупкая, всегда омрачена страхом смерти, страхом того, что он не в силах осознать.

Смерть — вот наш общий знаменатель. Все наши попытки и мечты, все наши надежды и стремления — все умирает вместе с нами и вместе с нами опускается в могилу. Вот так, обманывая себя, мы в эгоистичном одиночестве идем навстречу вечному сну, подменяя по-настоящему важные вещи тем, что не имеет значения, — и понимаем это лишь на пороге в вечность.

Мы, эмоциональные создания, молимся Господу, чье существование не доказано, наша отчаянная вера создана нами лишь для того, чтобы успокоить перепуганные неизбежностью смерти умы, убедить и успокоить тем, что есть существование и после смерти. Бог милосерден. Бог справедлив, говорим мы себе, как вдруг происходит нечто необъяснимое нашей верой — ребенок тонет в купальном бассейне, пьяный водитель убивает свою возлюбленную, болезнь оказывается неизлечимой.

Куда в таком случае исчезает наша вера? Кто может молиться Богу, укравшему у него ангела? Какой великий план может оправдать такую жестокость? Где милосердие того Бога, что отнял у меня Марию в расцвете наших жизней? Где справедливость этого Бога, заставившего ее страдать от невыносимой боли, приковавшего ее к постели до той поры, пока Он не дойдет в своем списке милосердия до ее измученной души?

А что насчет ее мужа? Кем я должен быть, чтобы позволить любимой так страдать?

С тяжелым сердцем я смотрел, как рак уносит Марию все дальше и дальше, к порогу небытия. В ту ночь, когда я рыдал на краю ее постели, она посмотрела на меня ввалившимися измученными глазами, а я взглянул на нее — взглянул на истерзанное существо, скорее мертвое, чем живое, существо, молившее меня о милосердии.

Что я мог сделать? Бог покинул ее, отказался прекратить эту бесконечную пытку. Я наклонился, дрожа, и поцеловал ее в последний раз, вознося молитву Богу, в которого уже не верил, но которого продолжал проклинать. Я прижимал подушку к лицу моей любимой, я слышал ее последний вздох. С этим вздохом умерла большая часть моей души.

Когда все было кончено, я обернулся и с ужасом увидел, что мой сын стоит в дверях и смотрит на меня темными ангельскими глазами, доставшимися ему от матери.

После того ужасного поступка, свидетелем которого стал мой мальчик, мог ли я найти слова, способные вернуть ребенку только что утраченное детство? Я был в замешательстве. Стоял там, полуголый и ослабевший, обманщик-отец, приговоривший своего ребенка к битве с осознанием того, что еще несколько минут назад казалось актом милосердия и сострадания.

Я беспомощно смотрел, как мой сын выскакивает из дома и бежит в ночь, чтобы справиться с охватившей его яростью.

Будь у меня оружие, я выстрелил бы себе в висок прямо там, в тот же миг. Вместо этого я упал на колени и зарыдал, проклиная Бога, всеупомяная имя Его.

Меньше чем за год жизнь нашей семьи превратилась в греческую трагедию. Был ли в том виновен Бог или он просто наблюдал за тем, как дьявольский кукольник превращает его падших ангелов в беспомощных марионеток?

Возможно, виновен был сам Люцифер, уверял я себя, ведь кто, кроме него, мог бы так мучить мою жену, а потом подстроить такое ужасное стечение обстоятельств? Верил ли я в дьявола? В тот момент — да, как верил в конце своего путешествия, когда нашел доказательство существования персонифицированного зла.

Как может нечто столь многогранное, как зло, быть цельной сущностью? Этот вопрос терзал мой измученный мозг, оттесняя осознание горя на второй план. Если Бог был цельной сущностью,

почему не быть таковым и дьяволу? Может ли добро существовать без уравнивающей его злобной половины? Может ли Бог существовать без дьявола? И кто на самом деле появился раньше — ведь именно страх перед злом лежит в основе любой религии?

Теологические вопросы помогли мне отвлечься. Страх и религия. Религия и страх. Эти два понятия исторически связаны и являются катализатором для самых ужасных зверств, совершенных человечеством.

Страх перед злом питает религию, религия питает ненависть, ненависть питает зло, а зло нагнетает страх меж человеческими массами. Все мы танцуем в этом замкнутом кругу под дудочку дьявола.

Я смотрел в небо, а мысли мои вращались вокруг майяского пророчества, вокруг того, было ли мое горе и моя утрата частью того вселенского концерта, который под дирижерскую палочку дьявола сопровождает путь человечества к краю бездны забвения.

И тогда новая догадка вспыхнула в моем мозгу. Возможно, Бог действительно существует, но он избрал долю наблюдателя, оставив нас жить по собственному разумению, позволив нам самим определять свою судьбу, чтобы зло имело возможность вмешаться, проверить нашу решимость — все это для того, чтобы удостовериться, достойны ли мы войти в Царство Господне.

Мария покинула меня, сорвавшись вниз с высочайшей точки своего полета. Возможно, за этим безумием скрыт подтекст, возможно, я слишком близко подобрался к правде, возможно, я действительно стоял на пути к спасению человечества и кто-то попытался меня остановить.

Проклиная дьявола, я смотрел на звезды, вытирал слезы и клялся душой моей возлюбленной, что ни рай, ни ад не остановят меня на пути к разгадке майяского пророчества.

Прошло двенадцать лет с тех пор, как я дал свою клятву. И теперь я сижу за кулисами, ожидая своего выхода на сцену, вношу последние правки в дневниковые записи и чувствую, как на лице непроизвольно складывается гримаса при мысли о моих циничных коллегах.

Но какой у меня выбор? Несмотря на все мои старания, некоторые части майяского пророчества до сих пор остаются загадкой, фрагментов мозаики не хватает и спасение человечества висит на

волоске. Подорванное здоровье заставило меня передать эстафетную палочку сыну, я вынужден сделать это гораздо раньше, чем рассчитывал. Мне сказали, что представлять меня публике будет Пьер Борджия. При известии о том, что я снова увижу его, в моем животе словно затанцевала стая бабочек. Возможно, долгие годы разлуки притупили его ярость. Возможно, он поймет, что на самом деле важно.

Я надеюсь на это, поскольку мне понадобится его поддержка, чтобы убедить остальных ученых. Если они прислушаются к моим доводам, если воспримут их без предубеждения, то факты могут убедить их встать на мою сторону. Если же нет, человечество будет приговорено к смерти, обречено погибнуть так же, как задолго до нас вымерли все динозавры.

Меня зовут на сцену, и я снова смотрю на Майкла. Он кивает, подбадривая меня, его темные глаза излучают понимание, острый ум — то же я привык видеть в глазах его матери. Рано простившись с детством, он стал замкнутым и отстраненным, и боюсь, что он затаил на меня злость, так и не простив мне того, что я сделал его сиротой. И все же я вижу его глубокий острый ум и чувство ответственности и молюсь лишь о том, чтобы Майкл смог пройти по дороге судьбы до самого конца, смог спасти себя и все человечество.

*Последняя выдержка из дневника Юлиуса
Гэбриэла.*

24 августа 2001 года

14 декабря 2012 года

*Командование аэрокосмической обороны Северной Америки
НОРАД, Колорадо*

Сердце майора Джозефа Ансинна чуть не выпрыгнуло из груди, когда раздался сигнал системы оповещения о ядерном нападении НОРАД. Десятки техников в ужасе уставились на огромный экран компьютерного терминала, который выдавал полученные данные:

БОЕВАЯ ТРЕВОГА! БОЕВАЯ ТРЕВОГА!
ОБНАРУЖЕН МАССИРОВАННЫЙ ЗАПУСК
БАЛЛИСТИЧЕСКИХ РАКЕТ
МЕСТО ЗАПУСКА: БАХТАР, ИРАН
ЦЕЛЬ: ИЗРАИЛЬ

ЦЕЛЬ: МЕГИДДО
КОЛИЧЕСТВО РАКЕТ: 2
ВРЕМЯ ПОРАЖЕНИЯ (МИН/СЕК): 4:12

ЦЕЛЬ: ТЕЛЬ-АВИВ
КОЛИЧЕСТВО РАКЕТ: 3
ВРЕМЯ ПОРАЖЕНИЯ (МИН/СЕК): 4:35

ЦЕЛЬ: ХАЙФА
КОЛИЧЕСТВО РАКЕТ: 4
ВРЕМЯ ПОРАЖЕНИЯ (МИН/СЕК): 5:38

ЦЕЛЬ: ГОЛАНСКИЕ ВЫСОТЫ
КОЛИЧЕСТВО РАКЕТ: 1
ВРЕМЯ ПОРАЖЕНИЯ (МИН/СЕК): 5:44

Данные немедленно были переданы из НОРАД полемому командованию США в Израиле и Персидском заливе. Секунду спустя майор Ансинн уже говорил по видеокому с министром обороны.

* * *

Оперативный пункт в бункере «Рейвен Рок», Мэриленд

Сверхсекретный комплекс, известный лишь по названию — «Рейвен Рок», — был своеобразным подземным аналогом Пентагона. Его центральным «нервным узлом» являлся оперативный пункт командования — круглая комната, напичканная разнообразнейшей электроникой, сконструированной по последнему слову техники, системой голосовых коммуникаций и обработки данных. Отсюда президент и его советники могли передавать приказы командованию стратегических сил ВС США (СТРАТКОМ), второму подземному «мозгу», который связывался напрямую со всеми стратегическими пунктами командования космическими спутниками, военно-воздушными силами, подлодками и ракетными установками по всему миру. Как и НОРАД, бункеры «Рейвен Рок» и «СТРАТКОМ» были изолированы от электромагнитных излучений во время ядерного взрыва, поэтому их хрупкой электронике ничто не угрожало.

Президент Меллер сидел на кожаном диване в отдельном кабинете, смотрел на свои дрожащие руки, пытаясь хотя бы на несколько минут совладать со свалившимся на него личным горем. Снаружи министр обороны Дик Пристас и генерал Фекондо переругивались с Пьером Борджия.

— У президента шок, — прошипел Пристас. — Пьер, как член совета министров ты должен действовать согласно протоколу и не настаивать.

— НОРАД засек гиперзвуковые крылатые ракеты «Русский Стелс», направленные на Аляску. Наши «Рапторы» уже готовы пойти на перехват. Но без кода запуска...

— Нет! — Меллер выскочил из кабинета. — Я все еще президент. Мистер Пристас, активируйте противоракетный щит. Секретарь Борджия, я хочу немедленно связаться с Виктором Грозным и

генералом Ксилиангом. И меня не интересует, как вы это устроите — можете лететь в Москву и за шиворот тащить Грозного к телефону, но извольте выполнить приказ немедленно!

— Да, сэр.

* * *

Пустыня Синай, Израиль

Грузовой самолет «Боинг 747–400F» заложил «восьмерку» в тринадцать тысяч километров над пустыней Синай. На вид стандартный самолет на самом деле был не обычным грузовиком. В бочкообразном корпусе «YAL-1» был скрыт сверхмощный противоракетный лазер передового эшелона базирования AVL — оружие, предназначенное для перехвата и уничтожения ракет класса «земля — воздух», крылатых и тактических баллистических ракет.

Майор Дэвид Адашек наблюдал, как творение компании «Локхид Мартин» и система инфракрасного поиска и слежения сканируют горизонт на северо-востоке.

На экране возникли десять целей.

— Поехали, ребята. Десять баллистических ракет с ядерными боеголовками чешут в нашу сторону. Расстояние между нами — три сотни километров, но оно быстро сокращается.

— Система наведения захватила цели, сэр. Все готово.

— Активируйте COIL. [\[41\]](#)

С ослепительной вспышкой мегаваттный химический лазер выдал ярко-оранжевый луч, который со скоростью света пронесся по ночному небу, превратив первую иранскую ракету в огненный шар.

В течение тридцати секунд оставшиеся девять ракет были уничтожены.

* * *

Космос

Гладкая черно-белая конструкция плавно переместилась на новую орбиту, скользя над Землей в космической пустоте. В отличие от дальней родственницы, «Венчур стар» компании «Локхид Мартин», корабля многоразового использования, проектирование и запуск которого сопровождались шумихой в прессе, этот корабль, известный как обычный SMV (возвращаемый спутник), непосредственные разработчики — северо-американская компания «Боинг» — никогда не предавали огласке. Разработанный в рамках программы стратегической оборонной инициативы (СОИ), объявленной президентом Рейганом, этот SMV был сконструирован исследовательской лабораторией ВВС США под патронатом командования воздушно-космических сил и, словно в насмешку, поднят в космос при помощи русского «Протона». Полностью автоматизированный беспилотный спутник мог оставаться в космосе около года, не нес никакого дополнительного груза и никогда не ремонтировался, не приближался к «Международной космической станции» и не представлял ни для кого ни малейшего интереса. SMV был создан с единственной целью — охотиться за вражескими спутниками и уничтожать их.

Внутри восьмиметрового корпуса спутника располагалась подвижная платформа, удерживающая сверхмощный фтористоводородный лазер и четырехметровый телескоп «Хьюджес».

Космический корабль определил свою первую цель — один из восемнадцати русских спутников, синхронно вращающихся вокруг земной орбиты на высоте 22 300 миль, который в данный момент находился над Северной Америкой.

SMV включил двигатель малой тяги, стабилизируя орбиту. Продолжая преследовать русский спутник, SMV открыл носовой люк, чтобы выдвинуть не отмеченную в конструкции пушку.

Система наведения «Локхид Мартин» засекла цель.

Накопив полную мощь заряда, лазер включился, и невидимый луч ударил в поверхность пятиметрового русского спутника. Тонкий слой внешней защиты начал плавиться, обнажая металлический корпус, который раскалился до оранжевого цвета. Чувствительная электроника, которой был напичкан спутник, моментально сторела. Внешние датчики и сенсоры расплавились и потекли, оставляя полосы раскаленного докрасна металла на обугливающих боках корпуса.

Энергия лазера достигла ячеек питания...

С яркой вспышкой исследовательский спутник взорвался, превратившись в комок искореженного металла, и сорвался с привычной орбиты.

Попав в поле притяжения Земли, металлические обломки, которые еще несколько секунд назад были российским спутником, вошли в атмосферу и превратились в огненный шар.

Маленький мальчик из Гренландии с удивлением посмотрел в ночное небо и радостно вскрикнул при виде неожиданного светового шоу. Закрыв глаза, он загадал желание на падающую звезду.

Носовой отсек SMV закрылся, маневренные двигатели включились, и, изменив орбиту, космический самолет направился к следующей цели.

* * *

Объект разработки и тестирования лазерных систем HELSTF

Уайт Сендз, Нью-Мексико

Огромное здание из бетона и стали, расположенное в отдаленной части южной пустыни Нью-Мексико, хоть и усиленно охранялось, со стороны ничем не отличалось от обычной обсерватории. Однако под раздвижным куполом объекта прятался не телескоп, а дуло зенитной установки на подвижной платформе, способной вращаться на 360° вокруг своей оси.

На самом деле орудие являлось самым мощным лазером на планете. Установка MIRACL, разработанная совместно группой перспективных исследований в рамках научной программы НАТО и израильским «RAFAEL», являлась химическим лазером, работающим на фтористом водороде, способном вести продолжительный обстрел, посылая лучи со скоростью света.

Работа лазера строилась на тех же принципах, по которым функционирует ракетный двигатель. Фтористый водород являлся окислителем этиленового топлива, которое, в свою очередь,

воздействовало на атомы фторида. При столкновении атомов дейтерия и гелия выделялась световая энергия, создающая лазерный луч размером три на двадцать один сантиметр. Тот же ключевой компонент, что использовался при постройке SMV, убийцы спутников — система наведения «Хьюджес», — фиксировал прицел на быстро движущейся цели, после чего мощный луч лазера прошивал атмосферу, сбивая даже находящиеся в космосе объекты.

Полковник Барбара Эсмедина, начальник проекта в Уайт Сендз, нетерпеливо притопывала, наблюдая, как команда техников заканчивает вводить координаты семи российских и четырех севернокорейских спутников глобальной системы наблюдения, которые двигались сейчас над Северной Америкой. Эсмедина, бывший администратор НАСА, работавшая еще с прототипом «Венчур стар», «Х-33», имела репутацию несдержанной, самоуверенной, упрямой и обычно не стесняющейся в выражениях защитницы и сторонницы мощных лазерных систем. Она дважды побывала замужем, дважды развелась и с тех пор прекратила попытки наладить личную жизнь, полностью посвятив себя любимому проекту — сооружению двенадцати систем MIRACL в тактически выверенных точках по всему побережью в качестве щита от межконтинентальных баллистических ракет.

Вот уже восемь лет Барбара Эсмедина вела персональную войну с министерством обороны, с того самого дня, когда правительство Ким Йонг Ила закончило разработку «Тэпходон-2» межконтинентальной баллистической ракеты, способной достичь западных берегов США. Несмотря на безупречную репутацию у руководства, ее считали опасно умной и слишком красивой для такого взрывного темперамента. По этой незамысловатой причине все ее попытки выбить из правительства фонды на финансирование проекта заканчивались неудачей. Даже учитывая предварительное лоббирование ее интересов, пять лет назад министерство обороны решило перевести финансирование в другое русло — на постройку нового CVN-78, перехватчика «Стеллс», который обошелся министерству в шесть миллиардов долларов. Барбара с отвращением помотала головой, вспоминая об этом. *Вот только этого нам и не хватало — белого слона за шесть миллиардов. Толку с него?*

— Полковник, все готово.

— Вовремя. Раздвигайте купол.

Гидравлика зашипела, убирая тяжелые железобетонные створки, и над головами техников засияло звездное небо.

— Купол убран, полковник. Лазер наведен. Все готово.

— Запускайте установку.

В мгновение ока установка озарилась кроваво-красным светом, выпуская в небеса раскаленный луч. Полковник Эсмедина и десяток техников неотрывно смотрели на компьютерный монитор, транслирующий координаты и состояние вражеских спутников. Изображение вспыхнуло.

— Первая цель уничтожена, полковник. Начинаем наводку на вторую цель.

Эсмедина, пряча улыбку, наблюдала за тем, как дуло установки меняет положение.

— Вот это, товарищ Грозный, и называется мордой об стол.

* * *

Под пирамидой Кукулькана, Чичен-Ица

Мик парил.

Он взглянул вниз, на два неподвижных тела, лежащие на странной решетке, заметил застывшие на посиневших под масками лицах гримасы боли и ужаса.

Он узнал эти тела, но не почувствовал ни боли, ни печали, лишь странную смесь блаженства и спокойствия, приправленного любопытством. Он обернулся и увидел тоннель света, манящий его вдаль. Не медля ни секунды, он вошел в этот тоннель, паря, как странная бескрылая птица.

Он ощутил чье-то присутствие, от которого веяло любовью и теплотой. Он не помнил этих ощущений с детства.

Мама?

Свет окутал его, согревая и утешая.

Тебе еще рано сюда, Майкл...

Раскаты грома прогрохотали в его ушах, и свет исчез.

* * *

Подступающая к горлу тошнота заставила Майкла выплюнуть регулятор. Он втянул носом воздух, глубоко вдохнул, потом сорвал с лица маску и перекатился на спину, глядя в сводчатый потолок и потирая ноющую грудь.

Мама?

Доминика...

Встав на четвереньки, он подполз к девушке, снял с нее маску, заметив, что регулятор уже давно выпал из ее рта. Проверив пульс, он надавил обеими руками на грудную клетку, заставляя ее выплюнуть жидкость, заполнившую желудок и легкие, и начал делать искусственное дыхание.

Давай же...

В его рот полилась вода. Он перевернул Доминику, снова нажал на живот, помогая избавиться от попавшей внутрь жидкости. Потом прочистил рот и начал снова.

Еще десяток вдохов.

Лицо Доминики порозовело. Она закашлялась, выплевывая воду, и открыла глаза.

* * *

Берингов пролив, у побережья Аляски

1:43 (по местному времени)

Семь «Рапторов F-22» производства компании «Локхид Мартин», самых совершенных в мире самолетов, со сверхзвуковой скоростью неслись в темном небе над Аляской. Размером с F-16 от носа до хвоста, эти объекты были не только невидимы для радаров, но и могли двигаться выше и быстрее, чем любой из существующих самолетов.

Майор Дэниэл Барбир потянулся в темной кабине, напрягая мускулы, чтобы стряхнуть сонливость. Восемь долгих часов и пять

перелетов с дозаправками прошло с тех пор, как ударная группа поднялась с базы ВВС Доббинса в Мариетте, штат Джорджия, и теперь лидер группы чувствовал, как затекло тело и ноют кости. Канадец достал из нагрудного кармана фотографию жены, дочери и четырехлетних близнецов, поцеловал их на удачу и снова сконцентрировался на разноцветных огоньках консоли.

Сенсорная система датчиков F-22 была разработана так, чтобы предоставить пилоту максимум необходимой информации, не перегружая его сознания. Определенные цвета и символы на экранах приборной панели позволяли пилоту проводить быструю рекогносцировку. «Раптор» был оснащен радарной установкой «Нортроп Грумман/Райтеон APG-77», настолько мощной, что пилот мог засечь, идентифицировать и уничтожить цель задолго до того, как враг поймет, что его обнаружили. В дополнение к радару, F-22 был оснащен еще двумя устройствами, абсолютно неактивными, не излучающими даже тепловых волн, которые позволяли самолету обходить все хитрости вражеских установок.

Первое устройство было разработано компаниями «Локхид» и «Сандерс» и представляло собой систему радиолокационного обнаружения ALR-94, датчики которой просвечивали поле боя, вычисляя любые сигналы, исходящие от вражеских объектов. После обнаружения врага радиолокационная система транслировала данные о размере и нахождении цели системе наведения усовершенствованных авиационных ракет класса «воздух — воздух», которая сразу же нацеливала ракеты на перехват. Вторая скрытая система, для краткости называемая адаптером, собирала информацию воздушной системы дальнего радиолокационного обнаружения и управления и транслировала пилоту F-22 данные о характеристиках и координатах цели.

Но даже сверхновые технологии не вселяли уверенности: у Барбира сводило живот от страха. Где-то далеко впереди находилась целая эскадра русских истребителей, несущих на борту ракеты с ядерными боеголовками. И хотя специально разработанный корпус «Раптора» невозможно засечь радаром, русские истребители были окутаны облаком плазмы, которое экранировало сигнал радара. Да и засечь врага не проще, чем засечь сам «Раптор».

— Железный Дровосек вызывает Белоснежку, ответьте, Белоснежка.

Барбир прижал ларингофон к горлу, отвечая базе ВВС Эльмендорфа.

— Слышу вас. Дровосек.

— Злая Ведьма (НОРАД) засекала наших гномиков. Отправляю вам координаты.

— Принял.

Барбир взглянул на центральный дисплей, засветившийся, как рождественская елка. Кодированный сигнал на секретной частоте вывел на дисплеи каждого из семи «Рапторов» данные о координатах их группы, местонахождении и численности противника.

Семь синих точек F-22 стояли плотной группой в углу экрана. Девять красных треугольников приближались к ним с северо-востока, двигаясь синхронно и держась низко над поверхностью воды.

Барбир коснулся рычага управления. Каждая из точек, изображавших противника, превратилась в белый кружок с номером, на обоих экранах наведения и обнаружения всех «Рапторов» появились проекции траектории ракет.

Под днищем и по бокам «Раптора» Барбира находились по два орудия. Нижние несли по четыре авиационные ракеты класса «воздух — воздух», «HAVE DASH II», средней дальности, оснащенные запрограммированными двигателями. Эти ракеты были способны пробить двухметровый слой железобетона с расстояния сто морских миль. Боковые орудия несли по одной авиационной ракете для воздушного боя AIM-9X «Сайдвиндер» совместного производства «Локхид Мартин» и «Хьюджес». Эти самонаводящиеся ракеты могли атаковать противника, преследуя его на виражах под углом девяносто градусов.

На визире, выведенном на внутреннюю поверхность щитка авиационного шлема Барбира, засветилось слово «Огонь!». Пилот нажал кнопку и перевел взгляд на тактический дисплей, следя за тем, как его F-22 перестраивается из внутреннего ряда во внешнее кольцо истребителей. Из этого положения «Раптор» мог атаковать противника, который был еще слишком далеко для ответного залпа.

Барбир прошептал:

— Приятного купания, сукины дети.

Пневмогидравлические зажимы по бокам «Раптора» раскрылись, выпуская ракеты, которые прежде удерживались под давлением сорок атмосфер. Система наведения уже через несколько секунд захватила цель, и «Сайдвиндеры» ушли к русской эскадре на скорости два километра в секунду.

F-22 сделал «бочку», уходя вниз, к морю.

* * *

Командир русской эскадрильи почувствовал, как сердце рванулось к горлу, когда система оповещения замерцала, а в уши ввинтился сигнал тревоги. По спине под костюмом заструился пот, когда он рванул истребитель в сторону, не в силах понять, откуда приближается опасность. Он взглянул на радар и вздрогнул от ужаса, видя, как один за другим самолеты его группы превращаются в шары пламени.

Сигнал тревоги завывал непрерывно, а на радаре по-прежнему было пусто. Пилот никак не мог взять в толк, каким же образом за несколько секунд он из охотника превратился в добычу.

Секунду спустя ракета класса «воздух — воздух» ударила в фюзеляж его истребителя, отправляя его на встречу с вечностью.

* * *

Под пирамидой Кукулькана, Чичен-Ица

Мик и Доминика, расстегнув водолазные костюмы и позволив их верхней части болтаться у пояса, босиком шли по коридору космического корабля.

В покоем на тоннель коридоре было жарко и сумрачно, единственный источник бледно-голубого света был где-то вдали. Пол, стены и потолок, возвышавшийся над ними на десять метров, были гладкими, сделанными из полированного материала, больше всего похожего на полупрозрачный полимер.

Мик остановился и прижался лицом к темной стене из инопланетного аналога стекла, пытаясь что-нибудь рассмотреть.

— Думаю, что-то есть за этими стенами, но стекло настолько темное, что я ничего не вижу. — Он повернулся к Доминике, которая ответила ему испуганным взглядом. — Ты в порядке?

— В порядке? — Она нервно улыбнулась, и Мик заметил, как дрожит ее нижняя губа. — Нет, не думаю. Я не была в *порядке* с того самого момента, как познакомилась с тобой.

Он взял ее за руку.

— Не бойся. Этот корабль принадлежал Кукулькану или как там еще себя называл тот гуманоид.

— И как мы отсюда выберемся?

— Корабль наверняка находится под пирамидой Кукулькана. Наверняка тут есть что-то вроде тайного прохода в храм. Мы найдем путь наружу, но сначала давай выясним, как предотвратить предсказанный им конец света.

Он повел ее вперед по коридору, в конце которого находилась огромная овальная комната. Закруглённые стены излучали бледно-голубое свечение. Купол в центре превращался в нечто вроде дымохода полутора метров в диаметре, который уходил вверх, теряясь в темноте.

Прямо под этим отверстием в центре зала стоял саркофаг из полированного коричневого гранита знакомого им обоим размера — два с половиной метра в длину, по метру в высоту и ширину. Когда они подошли ближе, на одной из граней саркофага появились красные светящиеся значки, которые по мере их приближения разгорались все ярче и ярче.

Глаза Мика расширились, когда он узнал в них ряды кроваво-красных иероглифов.

— Это послание, написанное на древнем языке киче майя.

— Ты можешь его перевести?

— Думаю, да. — Мик почувствовал, как заструился по венам адреналин. — Первая часть послания — это подпись автора, существа, имя которого можно интерпретировать как «страж».

— Просто читай, — прошептала Доминика.

— Я Страж, последний из Нефилим. Я не из этого мира, но мы с вами едины. Предки человечества были... нашими детьми. — Он остановился.

— Что? Продолжай.

— Мы... ваши предки.

— Я не понимаю. Кто такие Нефилим?

— В Библии они называются исполинами. В Книге Бытия упоминаются Нефилим, павшие ангелы, обладавшие великими знаниями. В апокрифе, найденном на берегу Мертвого моря, говорится, что Нефилим до Всемирного потопа могли вступать в связь с человеческими женщинами и их дети жили на Земле до последнего ледникового периода.

— Подожди, как это они могли скрещиваться с людьми? Дрянь какая.

— Я ничего не утверждаю, но если подумать, в этом есть смысл. Ты ведь слышала о пропавшей связке эволюционного процесса? Может быть, именно при скрещивании более развитого ДНК инопланетян с ДНК наших предков и возник homo sapiens, что позволило нашим предкам подняться сразу на несколько ступеней эволюционной лестницы.

Доминика помотала головой, совершенно сбита с толку.

— Я не могу сейчас об этом думать, ты просто читай.

Мик снова сконцентрировался на тексте послания.

— Лидеры Нефилим создали первые человеческие общества, оставили вам ключ к спасению, открыли вам глаза, позволив воспринять великую истину. Два мира, один народ связаны временем и пространством в единую силу, направленную против общего врага... Врага, поглотившего души наших предков. Врага, чье присутствие может вскоре поставить ваш мир на грань уничтожения.

— Эй, подожди-ка... Какого врага? Той штуки в заливе? Каким образом она могла поглотить души? Он что, говорит, что все мы скоро умрем?

— Дай мне дочитать, тут осталось совсем немного. — Мик вытер пот со лба и снова впился глазами в мерцающий красным светом текст.

— Я Кукулькан, учитель и наставник людей. Я Страж, последний из Нефилим. Стоя на пороге смерти, я готовлю свою душу к путешествию в мир духов. Я составил это послание и подготовил все для прибытия Первого Хун-Ахпу. Два мира, один народ, одна судьба. Только Первый Хун-Ахпу сможет закрыть космический портал прежде, чем наш враг придет в этот мир. Только Первый Хун-Ахпу сможет достичь Шибальбы и спасти души наших предков.

Мик замолчал.

— Ладно, Мик, и что все это должно означать? Я думала, что Первый Хун-Ахпу — это тот парень из мифа о сотворении мира, которому потом отрезали голову. Каким образом он должен теперь нам помочь? И что Страж имел в виду, когда говорил, что нужно закрыть космический портал? Мик? Эй, ты в порядке? Ты так побледнел...

Он опустил на пол, прислонившись спиной к гранитному саркофагу.

— Что случилось? Что с тобой?

— Просто дай мне отдышаться.

Она присела рядом, массируя его напряженные плечи.

— Прости. Ты в порядке?

Он кивнул, медленно и глубоко дыша.

— Это из-за послания?

Он снова кивнул.

— Но что не так? Скажи мне...

— Согласно тексту «Пополь Вух» Первый Хун-Ахпу умер много лет назад.

— И что нам теперь делать?

— Не знаю. Думаю, у нас большие проблемы.

* * *

*Северо-Американское командование аэрокосмической обороны
НОРАД, Колорадо*

23:01

Главнокомандующий НОРАД генерал Андре Моро медленно шел вдоль рядов радарных установок, центров связи, информационных мониторов. Ни один из техников не оглянулся на него, все внимание мужчин и женщин было приковано к компьютерным системам, все выкладывались на сто процентов, подхлестывая нервную систему кофеином и адреналином.

Моро взглянул на монитор, мерцающий буквами DEFCON-1, и почувствовал знакомый спазм. Степень боевой тревоги в ВС США долгие годы оставалась неизменной — DEFCON-5 — и всего за несколько часов, минуя промежуточные степени, сменилась на наивысшую, соответствующую прямой угрозе ядерного конфликта.

Моро закрыл глаза. Тридцать три года он служил в ВВС, занимаясь делами НОРАД, но никогда еще нервы генерала не были так напряжены. Он вспомнил те шесть минут чистейшего ужаса в ноябре 1979 года, когда на его наручных часах впервые засветилась надпись DEFCON-1. Позже НОРАД выяснил, что фальшивая тревога спровоцирована повреждением компьютерной ленты, однако все техники и операторы буквально встали на уши от известия, что СССР выпустил огромное количество межконтинентальных баллистических ракет в сторону США. Прежде чем недоразумение разрешилось, все было готово для ответного удара, и истребители ВВС оказались в воздухе до того, как наземные системы радаров успели сообщить о том, что человеческий фактор устроил им столь необычную внеплановую проверку.

Генерал снова открыл глаза. За минувшие годы было немало стрессовых ситуаций, но ни одна из них не выдерживала сравнения с безумием семьдесят девятого.

До сегодняшнего дня.

Боевая тревога прервала размышления генерала. Земля ушла у него из-под ног, когда на всех мониторах горы Шайенн замигало сообщение из его ночных кошмаров.

БОЕВАЯ ТРЕВОГА! БОЕВАЯ ТРЕВОГА!
ОБНАРУЖЕН МАССИРОВАННЫЙ ЗАПУСК
БАЛЛИСТИЧЕСКИХ РАКЕТ
БОЕВАЯ ТРЕВОГА! БОЕВАЯ ТРЕВОГА!
ОБНАРУЖЕН МАССИРОВАННЫЙ ЗАПУСК
БАЛЛИСТИЧЕСКИХ РАКЕТ

О господи...

— Системный анализ! Скорее!

Десяток техников с наушниками в ушах буквально зарылись носами в свои приборные панели, а безликий женский голос

компьютерной системы продолжал повторять: «БОЕВАЯ ТРЕВОГА!»

Генерал нетерпеливо хрустел пальцами, ожидая, пока операторы сопоставят данные, полученные из семи подведомственных центров НОРАД.

— Генерал, системный отчет готов!

— Генерал, спутники DSP^[42] идентифицировали и подтвердили четыре направления атаки. Вывожу данные на экран, сэр.

ОБНАРУЖЕНЫ АТАКУЮЩИЕ РАКЕТЫ:

Межконтинентальные баллистические ракеты: 2754

Баллистические ракеты подводного базирования: 86

ИДЕНТИФИЦИРОВАНЫ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ЗОНЫ ПОРАЖЕНИЯ:

Аляска (17)

Гавайи (23)

Континентальная часть США (2800)

АРКТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ:

17 межконтинентальных баллистических ракет

Расчетное время попадания: 18 мин. 08 с (база ВВС в Эльмендорфе)

ЗОНА ТИХОГО ОКЕАНА:

23 межконтинентальные баллистические ракеты

Расчетное время попадания: 28 мин. 47 с (Пёрл Харбор)

СЕВЕРНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ТИХОГО ОКЕАНА:

1167 межконтинентальных баллистических, 36 ракет подводного базирования

Расчетное время попадания: 39 мин. 13 с (Сиэтл)

АТЛАНТИКА:

1547 межконтинентальных баллистических, 50 ракет подводного базирования

Расчетное время попадания: 29 мин. 17 с (Вашингтон, округ Колумбия)

Генерал смотрел на монитор, на мгновение застыв в шоке, но уже в следующую секунду он схватил трубку экстренной связи с «Рейвен Рок» и «СТРАТКОМ».

* * *

Командный центр в бункере «Рейвен Рок», Мэриленд

2:04 по времени Восточного побережья

Президент Марк Меллер, закатав рукава рубашки, задыхался и обливался потом, хотя кондиционер работал на полную мощность. Вдоль одной из стен звуконепроницаемого кабинета шел ряд видеоэкранов, связывающих командный центр со «СТРАТКОМ». Меллер отвернулся от изображения генерала Дорошова, который закончил передавать коды запуска ядерных ракет главнокомандующему и взглянул на мрачное лицо министра обороны.

Президент тяжело поднялся из-за стола и упал на кожаный диван, не сводя глаз с монитора, беспомощно наблюдая за последними минутами существования Соединенных Штатов Америки.

Этого нет. Этого просто не может быть. Господи, пожалуйста, пусть я проснусь от этого кошмара рядом со своей женой...

Меллер в девятый раз за последние шесть минут нажал кнопку интеркома.

— Борджия?

— Сэр, я все еще пытаюсь. Администрация Грозного клянется, что не блокирует сигнал, но президент отказывается говорить с вами.

— Продолжай.

Мертвенно-бледный Дик Пристас отвернулся от монитора.

— Сэр, наши самолеты давно в воздухе. Может, хотя бы это заставит Грозного передумать.

— Когда наши ракеты достигнут России?

— Баллистические ракеты подводного базирования попадут в Москву из Берингова пролива через две минуты после первой волны

взрывов.

— То есть через две минуты после того, как все крупные города на восточном и западном побережье США будут стерты с лица Земли?

Меллер наклонился вперед, уже не пытаясь сдержать дрожь.

— Все наши приготовления, все тактики, все технологии... какого хрена происходит? Где и в чем мы ошиблись?

— Марк, это не мы нажали на кнопку, это *они* пустили мир под откос.

— Чейни был прав. Это безумие. — Меллер поднялся, его лицо пылало. — Черт тебя подери, Борджия, где этот гребаный Грозный?

К ним присоединился генерал Джозеф Фекондо, теперь его лицо приобрело оливково-зеленый оттенок.

— Командующие докладывают, что все типы ракет выпущены. Простите, мистер президент, но я вернусь в командный центр. Мой старший сын сейчас в Эрмендорфе. Они... Они сказали, что позволят мне попрощаться с ним по комму...

Какая-то женщина из персонала бункера протиснулась мимо Фекондо и протянула президенту телефакс.

— Сэр, Британия и Франция заявили, что их ракеты не поднимутся в воздух.

Глаза Дика Пристаса расширились.

— Франция! Может, их амбиции оказались куда круче, чем мы предполагали. Прекрасный план — взорвать пару бомб «чистого синтеза» в России и Китае, а потом наблюдать, как три величайшие страны мира уничтожают друг друга.

Борджия взглянул на Меллера.

— Это возможно.

— Сукины дети! — Меллер ударил кулаками по столу.

Вошел еще один референт.

— Мистер президент, вице-президент ожидает ответа на четвертой экстренной линии. Говорит, что это срочно.

Меллер включил монитор.

— Говори, только быстро, Эннис.

— Мистер президент, у нас появились данные, что три взрыва «чистого синтеза» спровоцированы инопланетным кораблем.

— Боже, Эннис, у меня нет времени на это...

На экране возникло лицо капитана Луза.

— Мистер президент, это правда. Мы сейчас транслируем вам снимки, полученные одним из наших «Хищников».

Изображение сменилось, на экране появилась гигантская вращающаяся воронка изумрудно-зеленого света. Весь персонал командного центра застыл, глядя на три темных объекта, поднимающиеся из глубин чудовищного водоворота.

— О господи, — прошептал ошарашенный Меллер. — Так это правда.

Борджия закричал со своего места:

— Сэр, линии 8,9 и 10. Я связался с Грозным, генералом Ксилиангом и Генеральным секретарем ООН!

Президент Меллер посмотрел на министра обороны.

— Они в это никогда не поверят. Господи, да я сам в это не верю...

— Тогда заставьте их поверить вам. Два миллиарда людей погибнут через семнадцать минут, и только вы с этими двумя ублюдками можете это предотвратить.

* * *

Под пирамидой Кукулькана, Чичен-Ица

Мик рассматривал гранитный саркофаг, потемневший после того, как погасло послание, оставив лишь россыпь красных точек на темной грани камня.

— Что это? — спросила Доминика.

— Цифры. Майяские цифры, от нуля до десяти.

— Может, нужна какая-то специальная комбинация или что-то вроде того? Ты не находил в руинах ничего похожего?

Глаза Мика просветлели.

— Скорее всего, это комбинация, заложенная в Великую пирамиду, храмы Ангкора и город Теотиуакан. Код прецессии — 4320.

Мик коснулся квадратного значка.

Майяская цифра изменила цвет: красное свечение сменил глубокий синий свет.

Обрадованный успехом, он коснулся цифр три и два, потом нажал похожий на глаз значок, обозначающий ноль. Каждая цифра засияла синим. И в ту же секунду внутри саркофага засиял ослепляющий голубой свет, отчего стал виден объект, заключенный внутри гранитной ванны.

Свечение медленно угасало, позволив им рассмотреть этот объект во всех деталях, а крышка саркофага исчезла.

Доминика едва сдержала крик.

Они смотрели на труп древнего гуманоида, облаченного в полуистлевшую белую тунику. Это был старик, которому на момент смерти было явно больше сотни лет. Иссушенная плоть казалась призрачно-бледной, длинные седые волосы и борода — тонкими и легкими как шелк. Голова, хотя и идеально пропорциональная, выглядела странно из-за чрезмерно вытянутого черепа, а рост этого древнего существа был не менее двух с половиной метров. Открытые глаза даже в смерти поражали своей небесной голубизной.

Они ошеломленно смотрели, как тело гуманоида начинает испаряться. Бледная кожа потемнела, стала серой и потом истлела. Обезвоженные внутренние органы рассыпались в прах по дну саркофага, обнажив темные кости скелета. Сами кости потемнели, стали угольно-черными, а потом в мгновение ока превратились в темный порошок.

Мик смотрел на засыпанную прахом белую тунику — все, что осталось от древнего хозяина саркофага.

— Господи... черт, это было жутко, — прошептала Доминика. — Это был Первый Хун-Ахпу?

— Нет, я... я думаю, что это был Кукулькан, то есть Страж. — Мик наклонился вперед, рассматривая внутренности гранитной коробки.

— Его череп... он был огромным.

— Угу, вытянутым. — Мик запрыгнул внутрь.

— Мик, ты с ума сошел? Какого черта тебе там понадобилось?

— Все в порядке.

— Нет, не в порядке! А если там снова появится тот свет?

— Я на это и надеюсь.

— Черт побери, Мик, не делай этого, ты меня пугаешь до смерти... — Она схватила его за руку, пытаясь вытащить из саркофага.

— Дом, прекрати. — Он взял ее руку и поцеловал ладонь. — Все будет хорошо...

— Ты не можешь этого знать.

— Дом, Первый Хун-Ахпу мертв. Если Страж оставил нам хоть какую-то возможность спастись, я должен этой возможностью воспользоваться.

— Ладно, давай тогда обобщем этот корабль. А в этой штуке ты можешь только нахвататься радиации, и тогда уж точно никого не спасешь.

— Это не радиация. Я знаю, что это прозвучит странно, но, по моему, тут портал.

— Портал? Какой портал?

— Не знаю, именно поэтому и хочу выяснить. Я люблю тебя...

— Мик, немедленно вылезай из этой чертовой штуки!

Он лег на спину. Как только его голова коснулась дна саркофага, неоновый-синий свет окутал его облаком какой-то энергии. Прежде чем Доминика смогла хоть что-то сказать, невидимая волна неведомой силы отбросила ее от саркофага прочь.

Сильно ударившись спиной, Доминика вскочила на ноги и бросилась обратно к гранитной коробке, прикрывая глаза рукой, поскольку свет стал невыносимо ярким.

Тело Мика исчезло в этом свете.

* * *

Командный центр в подземном бункере «Рейвен Рок», Мэриленд

2:19 по времени Восточного побережья

Президент Меллер и его советники, стиснув кулаки, смотрели на изображение Виктора Грозного. Бледность президента России подчеркивал черный свитер, поверх которого на массивной цепи висел огромный викторианский крест.

На другом экране возник пожилой и тоже мертвенно-бледный генерал Ксилианг. На экране справа появилось изображение

Генерального секретаря ООН.

— Генерал, президент Грозный, прошу вас выслушать меня, — начал Меллер. — Соединенные Штаты не несут ответственности за взрывы «чистого синтеза». Ни одна нация не несет за это ответственности! Позвольте мне доказать это, прежде чем вы уничтожите половину нашего мира!

— Покажите нам, — сказал Генеральный секретарь.

Виктор Грозный остался бесстрастным.

Меллер повернулся к Пристасу.

— Давайте. Транслируйте изображение.

Министр обороны включил трансляцию съемок «Буна».

У противоположной стены командного центра генерал Джозеф Фекондо молился вместе со своим сыном Адамом и двумя командирами ВВС с баз Эльмендорфа и Йельсена на Аляске.

На верхнем дисплее сияло:

ВРЕМЯ ДО СТОЛКНОВЕНИЯ: АЛЯСКА.

Истекали последние пять секунд.

Адам Фекондо и два полковника ВВС вскинули руки в салюте.

Генерал ответил им тем же и вытер слезы. Изображения сменились белым светом.

Меллер смотрел, как на главных экранах секретной линии изображение инопланетного корабля в водовороте сменяется лицами политических лидеров России и Китая.

— Что это за ерунда? — закричал генерал Ксилианг, лицо которого исказилось от злости.

Президент Меллер вытер пот, заливающий ему глаза.

— Два месяца назад наши ученые засекли инопланетный корабль на дне Мексиканского залива. Мы отослали вам его координаты. Воспользуйтесь своими спутниками и проверьте сами. Прошу вас, поймите, мы лишь несколько минут назад узнали, что взрывы спровоцировали те твари, что поднялись от остатков космического корабля.

Китайца передернуло.

— И вы хотите убедить нас при помощи голливудских спецэффектов?

— Генерал, запросите данные со спутников! Вы сами убедитесь в существовании этого объекта...

Грозный скривился и покачал головой.

— Конечно же, мы верим вам, господин президент. Именно поэтому, пока мы с вами говорим, в нашу сторону летят сотни ваших ракет с ядерными боеголовками.

— Виктор, мы не знали, клянусь тебе! Послушайте... у нас еще есть восемь минут, чтобы прекратить это безумие...

По лицу Генерального секретаря градом катился пот.

— Джентльмены, у нас меньше десяти минут. Уничтожьте ваши ракеты... немедленно!

— Давайте же, мистер президент, — рявкнул Грозный. — Покажите русским и китайцам свою сознательность, первым уничтожьте свои ракеты!

— Нет! — Фекондо бросился к ним через весь зал. — Не верьте этому сукину сыну!

Меллер обернулся, сверкнув глазами.

— Вы свободны, генерал.

— Не делайте этого! Не смейте!

— Уведите его отсюда!

Перепуганные члены парламента вывели обессилевшего генерала из комнаты.

Меллер повернулся к мониторам, на которых-отсчитывались минуты и секунды до взрывов.

9 МИНУТ 33 СЕКУНДЫ...

— Меньше часа назад термоядерное устройство детонировало в одном из наших подземных командных центров. Погибли три тысячи человек, в том числе моя жена и... — голос Меллера сорвался, — и мои сыновья. Чтобы прекратить это безумие. Грозный, я сделаю первый шаг. Я отдам приказ о самоликвидации ракет, но мы должны сделать это одновременно.

Грозный покачал головой, хмуро усмехнувшись.

— Держите нас за дураков? Ваше оружие «чистого синтеза» уничтожило два миллиона наших людей, а мы должны поверить, что это были не вы, а... кто там? Злобные пришельцы?

Генеральный секретарь ООН уставился на Меллера.

— Соединенные Штаты должны первыми сделать шаг к примирению.

Меллер повернулся к министру обороны.

— Министр Пристас, прикажите всем бомбардировщикам вернуться на базы. Отдайте приказ всем подлодкам и командующим зенитно-ракетными установками выслать код самоликвидации ушедших ракет. «АЛЬФА-ОМЕГА-ТРИ». Все баллистические ракеты должны быть уничтожены за пять минут до столкновения.

Президент развернулся к Грозному и генералу Ксилиангу.

— Соединенные Штаты сделали свой ход. Мы пытаемся остановить это безумие. Следующий ход за вами. Остановитесь. Уничтожьте свои ракеты. Дайте своим людям шанс выжить.

В комнате повисла напряженная тишина. Два десятка человек стояли за спиной президента Меллера и беспомощно смотрели на русского и китайского президентов, ожидая их ответа.

Грозный посмотрел вверх, его пронзительные голубые глаза резко контрастировали с ангельской наружностью.

— Дать нашим людям возможность выжить? Каждый день в России умирают от голода тысячи людей...

На экране мерцало:

7 МИНУТ ДО СТОЛКНОВЕНИЯ.

— Отмените атаку, и мы обсудим дотации...

— Дотации? — Грозный приблизил лицо к экрану. — Какой смысл в экономической поддержке, если вы продолжаете диктовать миру свои условия, потрясая оружием?

— Соединенные Штаты на протяжении двух десятилетий поддерживают экономику Российской Федерации! — закричал Борджия. — И ваши люди гибнут от голода из-за коррупции в ваших кругах власти, а вовсе не потому, что мы диктуем...

Президент сглотнул подступивший к горлу комок желчи. *Это ни к чему не приведет.* Он жестом подозвал одного из офицеров.

— Ваше оружие, сержант. Отдайте мне пистолет.

Меллер оттолкнул Борджию, оставшись перед экранами в одиночестве. Его лицо залила мертвенная бледность.

— Президент Грозный, генерал Ксилианг, выслушайте меня. Меньше чем через минуту все наши ракеты самоуничтожатся. Это даст вам еще две минуты на то, чтобы отменить атаку. Если вы этого не сделаете, мой заместитель отдаст приказ, и все типы наших баллистических ракет, все заряды до последнего полетят в вашу сторону. Мы сотрем с лица земли ваши страны, уничтожим ваши нации точно так же, как вы уничтожили нашу. Джентльмены, ради спасения нашего мира я умоляю вас, не позволяйте вашим предубеждениям продлить это безумие. Только что погибла моя семья, поэтому я понимаю всю горечь ваших утрат, но я уже доказал вам, что Соединенные Штаты не причастны к этим ядерным взрывам. Покажите миру, что у вас достаточно храбрости, чтобы остановить безумие. Дайте нам шанс разобраться с настоящим врагом.

Президент глубоко вздохнул.

— Я знаю, что вам сложно поверить в то, что мы вам показали. И чтобы убедить вас в том, что сейчас я не преследую никаких тайных мотивов, я могу предложить вам только это.

Президент Марк Ричард Меллер поднес к виску пистолет сорок пятого калибра и спустил курок.

* * *

Под пирамидой Кукулькана, Чичен-Ица

Сознание Майкла Гэбриэла поднималось вверх...

Сначала он парил над пирамидой Кукулькана, поднимаясь все выше и выше над ее квадратным основанием и зелеными джунглями полуострова Юкатан, глядя, как солнце целует голубые волны залива...

Еще чуть выше в стратосферу, и он рассмотрел весь полуостров Юкатан. Еще рывок — и вот уже западное полушарие раскинулось под ним, еще один — и вот он смотрит на весь земной шар...

Еще выше, в извечную тишину космоса...

Теперь он двигался быстрее. Земля превратилась в небольшой шарик с голубоватой точкой Луны у края. Следующий рывок — и

Земля исчезла из виду, сменившись яркой желтой звездой. Мик смотрел на крошечную удаляющуюся Солнечную систему.

Время и пространство сменялись с головокружительной скоростью, Мик заметил, как вращаются вокруг Солнца девять планет, как ускоряется их бег по орбитам...

Еще один скачок — и вот уже Солнце превратилось в светлую точку, затерявшуюся в океане звезд.

Скорость света — звезды проносятся мимо все быстрее, исчезая из виду, перед внутренним взглядом Мика появляются сияющие туманности из газа и пыли.

Последний скачок, и он теряет скорость, перед ним предстает спиральный звездный вихрь, настолько потрясающе прекрасный, что человеческий разум просто не в состоянии в полной мере воспринять его масштабы и величие.

С душевной дрожью Мик смотрел на Млечный Путь, сознавая свое полное ничтожество.

Господи... Как красиво...

Миллиарды звезд, миллионы миров, каждый из которых — часть общего космического организма, островки жизни, вращающиеся в бездонном океане космоса.

Мик парил над галактикой, поднимаясь все выше, пока его взгляд не остановился на черном сердце Млечного Пути — воронке невероятного водоворота сил притяжения, поглощающей межзвездный газ и пыль зияющим провалом черной дыры.

И вот в мгновение ока галактика сменила очертания, превратившись в абсолютно неизведанное, чуждое человеческому разуму четвертое измерение времени и пространства.

Черная дыра открыла сияющий изумрудный тоннель — разинутую под галактикой пасть, которая сокращалась, извивалась, вырываясь из нитей гравитационной паутины, — сети сосудов четвертого измерения, пронизывающих всю галактику Млечного Пути, как медленно вращающийся «ловец снов» никогда не касается крупных космических тел, однако каким-то образом изучает их.

Информация стала совсем чуждой и неприемлемой.

Мик потерял сознание.

Когда он вновь открыл глаза, под ним проплывали рукава спиральной галактики — созвездие, которое по мере приближения

проявлялось все четче. Еще один рывок принес его к трем звездам — звездам, сложившимся в знакомый узор.

Ал-Нитак, Ал-Нилам, Минтака... три звезды Пояса Ориона.

Он нырнул вперед, заметив, что его увлекает притяжение огромной планеты, поверхность которой переливается глубокими оттенками зеленого и голубого.

Шибальба. Это было как чужая мысль, словно кто-то прошептал в его сознании.

Одинокая луна двигалась вокруг чужого мира. Когда его сознание скользнуло мимо лунной поверхности, Мик заметил небольшой кораблик, движущийся от лунной станции к поверхности планеты.

Его полет снова ускорился.

Кораблик прошел верхние слои атмосферы и нырнул в облака, выпуская океаны чистой энергии. Серебристая зеркально-гладкая поверхность этого объекта отражала великолепный алый цвет чужого неба. На южном горизонте сиял тройной закат, сине-белая бинарная звезда Ал-Нитак первой погрузилась за небосвод, и ее исчезновение раскрасило океан в сияющие оттенки лавандового и бордового.

Мик восхищенно смотрел, как инопланетный кораблик несется над пурпурным морем. А потом заметил, куда тот направляется, — к огромному континенту невероятной красоты, южное побережье которого утопало в тропических джунглях, где скрывались великолепные водопады, горы, реки...

Приблизившись, он заметил сияющий как бриллиант город. Алебастровые пирамиды возвышались над джунглями, соединяясь между собой невесомыми ажурными мостами, сияющими под инопланетным небом. Под ними раскинулись тропические джунгли такой красоты, что райский сад, каким его представляли земляне, покраснел бы от стыда, будь у него такая возможность. Меж деревьев струились реки и сияющие водопады расплавленной серебристой энергии.

Не было видно ни машин, ни других движущихся приспособлений, однако в городе кипела жизнь. Десятки тысяч жителей — *homo sapiens*, но с вытянутыми черепами — двигались по улицам и мостам города, и в каждом их движении сквозила неземная радость и ощущение общности.

Несколько чудесных секунд сознание Мика купалось в этом ощущении всеобщей любви и взаимопонимания.

А потом произошло нечто ужасное.

Со стороны звезды Минтака появился клуб огня и заставил спокойный океан забурлить. Зловещие грязно-бурые и кроваво-красные облака пронеслись по темнеющему небу, а водоворот под ними разрастался до ужасающих размеров.

Мик увидел, как из центра водоворота начала сочиться свинцово-серая жижа; ядовитая субстанция затапливала берег, поднимаясь все выше и выше, пока не просочилась в город Нефилим.

Он ощутил некое демоническое присутствие.

Тьма, похожая на тень великого змея, спустилась на город; она ширилась и росла, покрывая мир, являвшийся отражением человеческого представления о рае. Перепуганные гуманоиды падали на землю, судорожно хватаясь за горло, их глаза превращались в пустые черные озерца без зрачков.

Это видение ошеломило его. И снова Мик потерял сознание.

И снова открыл глаза...

То, что когда-то было прекрасной цивилизацией, теперь превратилось в жуткий загон для скота, которым правила злобная сила. Зомби-Нефилим с безразлично-отсутствующими выражениями на лицах, с глазами, превратившимися в пустые черные дыры, неподвижно зависли в воздухе, а их поработанный разум манипулировал огромными иридиевыми платформами, которые по мановению невидимой руки укладывались в сферическую форму семи миль в диаметре. В том месте, где намечался центр будущего корабля — нервном центре диаметром в милю, — соединялись двадцать три огромные трубы.

Внутри этой сферы, движимая мириадами мысленных усилий инопланетян, парила девяностометровая платформа со скрытым в ней саркофагом. Мик сфокусировал внимание на этом объекте и тут же узнал его.

Комната Тескатлипоки...

Ледяная дрожь пронзила сознание Мика, когда его мысленный глаз отметил появление нового существа, поднимавшегося из вращающейся воронки шторма.

Это была змея, однако она не была похожа ни на одну из змей, которых ему приходилось когда-либо видеть. Ее злобная морда выдавала разум куда больший, чем положено родственным ей тварям, а ее глаза с вертикальными золотыми зрачками, окаймленными кроваво-красными радужками, казались продуктом технологий, а не творением природы. Череп змеи напоминал по форме и размеру гигантскую бетономешалку, а тело чудовища было длиннее четырех городских автобусов, составленных бампер к бамперу.

Состояние Мика, которое раньше было преимуществом, теперь вынуждало его смотреть прямо на жуткую змею, которая приближалась к городу Нефилимов. Челюсти чудовища раздвинулись, обнажая ряды угольно-черных зубов, острых как скальпели.

Из раскрытого рта змеи наружу шагнул... гуманоид.

По душе Мика словно скользнула смертная тень. Он не мог видеть лица вышедшего создания, тело и голова которого были покрыты черной материей, но он знал, что сейчас смотрит на чистое зло. Гуманоид двинулся к центральной рубке будущего корабля и поднял руку, указывая вперед. Из его ладони начал появляться темный объект размером с футбольный мяч.

Алые глаза змеи засияли, золотые зрачки исчезли. Ослепленное создание, загипнотизированное темным шаром, поползло за гуманоидом, закутанным в черное покрывало.

И чудовище *вошло* в огромный бассейн.

Мысленный глаз Мика двинулся в сторону от космического корабля странного создания, скользнул над поверхностью планеты. На ней не осталось ни следа тропических джунглей, не было водопадов. Рай погиб... На месте рая остались лишь тела — детские тела, покрытые толстым слоем серой смолянистой субстанции. Отчаянный вопль рвался наружу из его души. Дети Нефилим были живы и в то же время мертвы.

Мик приблизился к ним. Он заглянул в лицо одного из мальчиков. Запавшие глаза смотрели на него с болью нескончаемой агонии.

Мик потерял сознание.

И снова пришел в себя на орбите Шибальбы, а его душа содрогнулась при виде объекта, поднимающегося над планетой.

Сфера...

От поверхности Луны наперехват огромной сфере рванулся корабль, гладкий, сияющий золотистыми боками.

Уцелевшие Нефилим гнались за своим врагом, исчезнувшим в космическом пространстве.

* * *

Командный центр в подземном бункере «Рейвен Рок», Мэриленд

2:27 по времени Восточного побережья

Пьер Борджия стоял в луже крови, осколки черепа и кусочки мозга президента Меллера сползали по его рукаву.

Лицо генерала Ксилианга стало еще бледнее. Президент Китая обернулся к своему главнокомандующему.

— Активируйте код самоуничтожения.

Борджия повернулся к Виктору Грозному.

— Американские баллистические ракеты самоуничтожились. Генерал Ксилианг отдал приказ своим. У вас осталось четыре минуты...

Лицо Грозного было совершенно спокойным.

— Лучше умереть в бою, чем страдать в нищете. Чего мы добьемся, отменив атаку? Угроза ядерной войны растет с каждым годом, а наша страна становится все слабее. У этой войны будет очищающий эффект. Обе наши нации следует избавить от соблазна.

Экран потемнел.

В кабинет вошел Дик Пристас. Его бил озноб.

— Китайские ракеты самоликвидировались.

— Что с ракетами Грозного?

— Ни одна не взорвалась, и мы никак не можем связаться с вице-президентом. — Пристас повернулся к Борджии. — Это означает, что теперь вы исполняете его обязанности. У нас осталось три с половиной минуты до того, как несколько сотен ядерных боеголовок достигнут нашего берега.

— Гребаный русский ублюдок! — Борджия развернулся на каблуках, в его ушах эхом отдавались давние слова Пита Мабуса: «Что стране действительно нужно, так это сильный лидер, а не божий голубочек типа Чейни и его подручных».

— Свяжитесь со стратегическим командованием. Прикажите нашим силам подготовить все баллистические, межконтинентальные, ядерные — какие угодно! — ракеты нашего арсенала. Все до последней. Я хочу стереть с лица земли этого чокнутого ублюдка.

* * *

В саркофаге Стража

Мик открыл глаза, с удивлением обнаружив, что стоит на склоне холма и смотрит на огромные зеленые джунгли и далекий серебряный водопад, в струях которого танцевала радуга. Рядом с ним появился кто-то еще, но Мик не испугался.

Он смотрел в лицо высокому европеоиду. Длинные белые волосы и шелковистая борода развевались на ветру, ярко-голубые глаза гуманоида светились неземной мудростью и добротой.

— Страж... Я умер?

— Нет, но смерть — это не то, чего следует бояться, это всего лишь переход, путешествие из одного состояния сознания в иное. Ты, как и прежние Нефилим, — дети третьего измерения.

— Как те дети ваших предков, что остались на Шибальбе?

— Живы, но пребывают в стазисе, а их сознание обречено оставаться в чистилище. Только Первый Хун-Ахпу может освободить их от этой непосильной ноши.

— Я не понимаю. Страж, кто такой Первый Хун-Ахпу?

— Хун-Ахпу — это мессия, генетически созданный выжившими Нефилим из множества твоих предков. Только Хун-Ахпу может войти в портал Черной дороги и не позволить злу поработить твой мир. Только Первый Хун-

Ахпу будет достаточно силен, чтобы совершить путешествие сквозь время и пространство и освободить наших предков.

— Но ведь зло... Я думал, что оно уже на Земле... в заливе.

— Тескатлипока — это всего лишь один из низших повелителей Срединного мира. А создатель всего зла ждет на Шибальбе, готовится к переходу в ваш мир.

— Эти низшие повелители... они прибыли на Землю, чтобы поработить нас?

— Нет. Условия жизни на Земле им не подходят. Их изначальной целью была Венера. Выжившие Нефилим атаковали корабль Тескатлипоки, и он врезался в Землю. Система жизнеобеспечения уцелела, Тескатлипока впал в летаргию. А выжившие Нефилим остались на Земле, чтобы подготовить явление Хун-Ахпу и помочь твоим предкам достигнуть новых высот развития.

— Но это столкновение, оно же произошло шестьдесят пять миллионов лет назад. Как возможно...

— Время не во всех измерениях движется одинаково. Выжившие лидеры Нефилим — Осирис и Мерлин, Виракоча и Вишну, Кукулькан и Кетцалькоатль, — все они пребывали в летаргии. Их космический корабль оставался на орбите Земли, перехватывая сигналы из Шибальбы, которые транслировались один раз на каждый цикл прецессии. Лишь в течение последнего цикла твои сородичи достигли уровня развития, достаточного для того, чтобы принять наше наследие.

— Я не понимаю. Почему Нефилим позволили этому сигналу достигнуть Земли? Почему вы позволили Тескатлипоке проснуться?

— Явление Хун-Ахпу было генетически запрограммировано на время пробуждения Тескатлипоки. Шибальба Бе — это космический портал, который, открывшись, позволит нам путешествовать обратно во времени. Спасение наших сородичей связано с прибытием Хун-Ахпу. И его путешествие по Черной дороге в Шибальбу

— это единственная надежда на спасение душ оставшихся там Нефилим.

— А как же мои сородичи? Неужели человечество обречено на гибель?

— Судьба твоих сородичей еще не предрешена. Но зло уже пустило корни в вашем саду. Вирус, поразивший Срединный мир, крепнет с каждым днем, пока открывается космический портал. Даже сейчас, в тот самый миг, когда мы говорим с тобой, твои сородичи используют оружие массового поражения, чтобы уничтожить друг друга.

— Когда появится Хун-Ахпу?

— Возможно, скоро. А быть может — никогда.

— А что, если он так и не появится? Что я могу сделать для того, чтобы спасти человечество?

— Тескатлипока осваивается в твоем мире. Активация корабля Нефилим стала началом конца для твоего мира, хотя корабль и сможет остановить Тескатлипоку. Однако лишь уничтожение Шибальба Бе — Черной дороги — сможет спасти твой мир от пришествия великого зла.

— Но где находится Шибальба Бе? И как мне ее уничтожить?

— Шибальба Бе возникнет четыре Ахау три Канкин. И после того как она откроется, ее можно будет уничтожить изнутри. Но лишь Хун-Ахпу может выйти на Черную дорогу. Лишь Хун-Ахпу может вырвать корень зла из вашего сада.

* * *

Доминика сидела на полу, прислонившись спиной к саркофагу и положив голову на скрещенные на коленях руки. Она чувствовала себя испуганной и одинокой, а ее измученный мозг повторял одну и ту же мантру.

Это все нереально. Ничего этого просто не могло произойти. Все это просто часть шизофренического бреда...

— Заткнись! Заткнись! Заткнись!

Она вскочила на ноги.

— Прими тот факт, что ты все же оказалась здесь, и попытайся что-то с этим сделать. Найди выход... — Она обошла комнату, потом вернулась назад, разозлившись на себя.

— Нет, я нужна Мику Я должна ждать его здесь.

Она снова постучала по закрытой непонятным веществом крышке саркофага, с ужасом думая о том, что он мог задохнуться внутри.

— Мик, ты меня слышишь? Черт побери, Мик, ответь мне!

Сердце Доминики болело, по щекам стекали слезы.

Эгоистичная сучка, ты ведь даже не призналась, что любишь его. Хоть это ты могла для него сделать. И только от того, что ты сама себе не веришь, это чувство не исчезнет...

— О господи... — Она бессильно опустилась на пол, внезапно осознав, о чем сожалеет. *Я ведь люблю его. Я на самом деле его люблю.*

Она опять заколотила по крышке.

— Мик! Ты слышишь меня?

Столб голубого света отбросил ее в сторону, и крышка саркофага поднялась.

Доминика зажмурилась, не в состоянии выдержать яркого света, заполнившего всю комнату.

Она успела заметить лишь темную фигуру, поднимающуюся из саркофага. Это Мик, окутанный облаком инопланетной энергии, поднимался ей навстречу.

* * *

Мик парил в теплом море энергии, двигаясь к источнику света. Он мог ощущать каждый мускул, каждую клетку своего тела, пронизанную электричеством. Мик почувствовал, что падает вперед, как вдруг заметил Стража, протягивающего ему руку. Мик подал свою. Их ладони соприкоснулись.

* * *

Доминика прикрывала глаза ладонью от невыносимо яркого света. Сквозь пальцы она видела фигуру Мика, который вдруг протянул руку

вперед, словно хотел коснуться чего-то невидимого.

Вдруг волна энергии подхватила ее, словно волна прилива, приподняла над полом и заставила мозг откликнуться электрическим жужжанием. Доминика не удержалась и рухнула вниз, ее глаза удивленно расширились.

Мик парил над полом, правая рука все еще была вытянута вперед.

Раздался рев гидравлики, словно мириады механизмов пробуждались вокруг ото сна. Стены и потолок осветились яркими огнями — это ожили энергогенераторы инопланетного корабля. Доминика посмотрела вниз и заметила, что под поверхностью теперь уже прозрачного темного стекла находятся лабиринты кабелей и перемычек. Глубокий ревущий звук сменился тонкой вибрацией, болью отозвавшись в барабанных перепонках, — и в тот же миг волна голубого света вырвалась из стен и ударила в потолок, исчезая в покоем на дымоход отверстия.

* * *

Огромное количество электромагнитной энергии сконцентрировалось на пике антенны, спрятанной в центральной стене храма Кукулькана на вершине пирамиды. Пульсирующая электромагнитная волна прошла сквозь крышу и со скоростью света взмыла ввысь, после чего расплескалась в разные стороны.

Восточная часть волны достигла древнего города Теотиуакана, активируя подземную ретрансляционную станцию, спрятанную в полумиле под гигантской пирамидой Солнца. Проложив путь над Тихим океаном, волна энергии достигла Камбоджи, оживляя аналогичный передатчик, похороненный под храмом Ангкор Ват.

На востоке луч достиг гор Боливии. Пройдя сквозь поверхность земли, он отразился от длинной бездействовавшей до поры антенны, спрятанной под обсерваторией Каласасайи. Затем луч проник на юг, к Тиуанако; электромагнитная волна накрыла Южную Америку и пронеслась до Антарктики, активируя еще более древнюю антенну, спрятанную там до того, как полюс покрылся льдом.

Северо-восточная часть электромагнитного цунами пересекла Атлантику и достигла Англии. Мощь сигнала заставила огромные

сарсены Стоунхенджа задрожать, активируя инопланетную антенну, скрытую в холмах Солсбери. Отразившись от нее, электромагнитная волна разбудила еще одну антенну, скрытую глубоко в вечной мерзлоте за полярным кругом.

За несколько секунд накрыв всю планету, энергетическое поле замкнулось в финальной точке — ретрансляционной станции внутри Великой пирамиды в Гизе.

Волны энергии пронзили известняковые блоки и проникли в Камеру царя. Пройдя сквозь гранит, луч опустился ниже, активируя инопланетный аппарат, спрятанный под величайшей египетской пирамидой глубже, чем до сих пор осмеливались опускаться люди.

Глобальная решетка антенн была построена: сигнал заполнил собой атмосферу планеты, а инопланетный генератор подпитал всю эту систему энергией.

Мик упал на пол и потерял сознание.

* * *

***Командование ПВО Североамериканского континента НОРАД,
Штат Колорадо***

Сто семь техников НОРАД смотрели на компьютерную карту Северной Америки, над которой в реальном времени транслировались голограммы траекторий полутора тысяч русских ракет с ядерными и биологическими боеголовками. Большая часть персонала плакала, не скрывая слез, некоторые молились, некоторые сжимали в руках фотографии родных и любимых, которым оставалось лишь несколько минут до смерти. Многие, не в силах стоять, опустились на пол у своих рабочих мест и ждали, что произойдет нечто невообразимое.

Главнокомандующий Андре Моро, вытирая слезы, пытался отвлечься от мысли о звонке домой, сыну и дочери, оставшимся в Лос-Анджелесе. *Что я могу им сказать? Что я вообще сумею произнести? Что я люблю их? Что мне очень жаль?*

90 СЕКУНД ДО СТОЛКНОВЕНИЯ

В командном центре раздался вой, бесстрастный звук компьютерного голоса заставил генерала Моро обессиленно рухнуть на стул.

И тут, словно по волшебству, с гигантской карты начали исчезать ракеты.

РАКЕТЫ ПРОТИВНИКА УНИЧТОЖЕНЫ... РАКЕТЫ ПРОТИВНИКА УНИЧТОЖЕНЫ...

Крики и ликование. Моро поднял глаза. Счастливые техники кричали, прыгали, обнимались, плакали, волна эйфории захлестнула весь командный центр.

Моро с трудом поднялся на ноги, по его щекам текли слезы, а голос дрожал, когда он обратился к системным аналитикам.

Два ликующих оператора и главный техник обратили на него внимание.

— Все системы на связи!

— Что случилось с ракетами?

— Согласно полученным данным они просто самоуничтожились.

— Мне нужно подтверждение.

— Мы ждем подтверждение с баз Флориды и Сан-Диего, но волна электромагнитного излучения забила нам все каналы.

— Электромагнитный импульс? — В его голосе прозвучала нотка страха. — Но ведь если термоядерного взрыва не было, такому импульсу просто неоткуда взяться. Майор?

— Нет, сэр, взрыва не было. Все наши наземные базы передают, что не было ни одной детонации. Что бы ни стало причиной помех, это идет совсем от другого источника.

— От какого? Я хочу знать...

— Сэр, мы можем определить источник излучения, но на это уйдет много времени. А наши спутники, похоже, вышли из строя по той же причине.

— Генерал! — К нему обернулся обеспокоенный техник с недоумевающим выражением на лице. — Сэр, все наши ракеты тоже уничтожены.

— То есть самоликвидировались?

— Нет, сэр. Они именно уничтожены.

* * *

Командный центр в бункере «Рейвен Рок», Мэриленд

2:31 по времени Восточного побережья

Персонал подземного командного центра обнимался и плакал, человеческие эмоции били через край — радость чудесного спасения омрачало лишь сознание того, что президент Меллер мертв, как мертвы и все те, кто был на базах Аляски и Гавайев.

Пьер Борджия, генерал Фекондо и Дик Пристас сидели в частном кабинете президента, внимательно слушая отчет генерала Дорошова из «СТРАТКОМ».

— Так вот что я хочу донести до вашего сведенья, джентльмены. Все ракеты Грозного не были самоуничтожены. Именно электромагнитное поле неизвестного пока происхождения уничтожило ракеты Грозного, точно так же как и наши.

— Источник этого излучения обнаружен? — спросил Борджия.

— Пока нет, но где бы он ни находился, он уничтожил все наши спутники. Похоже, господа, мы все же разозлили Бога, и он накрыл планету толстым одеялом.

* * *

Под пирамидой Кукулькана

— Мик? Мик, ты меня слышишь? — Доминика положила его голову себе на колени, осторожно перебирая кудри. Она почувствовала, как он пошевелился. — Мик?

Он открыл глаза.

— Дом?

Она склонилась над ним, обнимая и целуя.

— Мик, гад ты такой, ты меня до смерти напугал!

— Что случилось?

— А ты не помнишь? Ты поднялся из этого саркофага как призрак отца мумии и каким-то образом активировал весь корабль.

Мик сел и оглянулся. За стеклом пульсировали жизнью инопланетные приборы непонятного назначения. Волны голубого электромагнитного излучения каждые несколько секунд проносились по стенам и исчезали в отверстиях сводчатого потолка.

— Это я сделал?

Доминика прервала его оцепенение поцелуем.

— Я люблю тебя.

Он улыбнулся.

— И я тебя люблю.

15 декабря 2012 года

На борту ракетносца «Бун», Мексиканский залив

Судья Верховного суда Симус Маккефри боролся с тошнотой, вызванной утренним перелетом. Он пересек палубу, следуя за лейтенантом по узким коридорам огромного корабля к залу совещаний.

За крошечным столом переговоров собрались вице-президент Эннис Чейни, генерал Джозеф Фекондо и капитан Луз.

Все поднялись, когда судья достал Библию. Он кивнул Чейни.

— Похоже, вам тоже не довелось сегодня выспаться. Вы готовы?

— Давайте покончим с этим. — Чейни положил левую руку на Библию и поднял правую. — Я, Эннис Уильям Чейни, торжественно клянусь, что буду добросовестно выполнять обязанности президента Соединенных Штатов и в полную меру своих сил буду поддерживать, охранять и защищать конституцию Соединенных Штатов, и да поможет мне Бог.

— И да поможет Господь всем нам.

Вошел лейтенант.

— Генерал Фекондо, команда десанта уже на борту. Вертолеты готовы подняться в воздух. Ждут только вас.

* * *

Пирамида Кукулькана, Чичен-Ица

Мик провел Доминику по узкому коридору, который заканчивался тупиком. Как только они приблизились, тайная дверь с шипением открылась, выпуская их в герметичную комнату.

— Здесь выход наружу.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. Просто я чувствую, что он здесь.

— Но ведь здесь ничего нет?

— Смотри. — Мик прижал ладони к темному ряду фигур на стене. Внезапно в металлической обшивке проступил контур огромной круглой двери.

— Господи... насколько я понимаю, это ты тоже делаешь непонятным тебе способом?

— Страж, скорее всего, поместил это знание в мое подсознание. Я понятия не имею, как он это сделал или зачем он это сделал.

Дверь открылась, и они увидели низкий коридор, выложенный известняковыми блоками. Мик осветил фонариком, и они шагнули наружу. Дверь космического корабля с шипением закрылась за их спинами.

Коридор оказался темным, с каким-то затхлым запахом. Луч фонарика в руке у Мика высвечивал узкие ступени винтовой лестницы из известняковых блоков, которая поднималась практически под прямым углом.

Мик обернулся и подал руку Доминике.

— Осторожнее, тут очень скользко.

До последнего лестничного пролета они добирались минут пятнадцать. Пролет упирался в металлический потолок.

— Ладно, а теперь что?

Прежде чем Мик смог ответить, двухметровая квадратная панель приподнялась с характерным для гидравлики звуком, и их обоих ослепил яркий солнечный день.

Мик выбрался наружу и помог Доминике. Подставляя лица солнечным лучам, они оба с удивлением обнаружили, что стоят в северном коридоре храма Кукулькана.

Металлическая панель, которую сверху маскировал толстый известняковый блок, опустилась на прежнее место, закрывая вход к космическому кораблю.

— Неудивительно, что мы раньше не могли найти проход, — прошептал Мик.

Доминика сделала шаг к выходу.

— Сейчас, наверное, около полудня, но в парке почему-то никого нет.

— Наверное, что-то произошло.

Они услышали шум лопастей и заметили, что с запада к пирамиде приближаются два военных вертолета.

— Мик, нам, наверное, лучше уйти.

* * *

Рыжеволосый лежал неподвижно, прильнув к лазерному прицелу винтовки. Вокруг него надежно сомкнулись джунгли. Сквозь прицел он заметил силуэты Мика Гэбриэла и девушки, вышедших на верхнюю платформу пирамиды. Раймонд снял винтовку с предохранителя, улыбнулся и навел прицел на сердце жертвы.

* * *

Пилот вертолета провел свою машину над Большой площадкой для игры в мяч.

— Господа, оно находится прямо под нами.

Чейни и генерал Фекондо уставились на черный крылатый объект, застывший практически в центре I-образной площадки древних майя.

— Господи... Это же один из тех аппаратов, которые генерировали взрывы «чистого синтеза».

— Почему же он не детонировал?

Над площадкой пронеслось эхо выстрела.

Чейни указал на пирамиду.

— Туда, быстрее!

* * *

Майкл лежал на спине, пытаясь вдохнуть. Кровь заливала его грудь, внутри все жгло огнем. Он смотрел в полуденное небо — тень Доминики закрывала его лицо от солнца — и чувствовал ее слезы на

своей щеке, видел, как, словно в замедленной съемке, шевелятся ее губы, а она пытается зажать его рану, но не слышал ничего, кроме собственного пульса.

Страж?

Закрой глаза...

И воцарился хаос...

Чудесное спасение на самом краю гибели в ядерном конфликте стран было принято с недоверчивым облегчением и радостью, однако испытанный страх быстро перерос в ярость. Как могли политические лидеры стран поставить свое эго выше интересов людей? Как они посмели толкнуть человечество на край гибели? Как они могли быть такими самоуверенными? И как люди могли оказаться настолько слепыми?

Ярость быстро переросла во вспышки жестокости. Два дня и две ночи по всему земному шару не было ничего, кроме хаоса и анархии. Правительственные здания были уничтожены, посольства США, России и Китая едва успели эвакуироваться; миллиарды людей по всей планете выходили на митинги в столицах своих стран, требуя перемен.

Чтобы не столкнуться с необходимостью отвечать жестокостью на жестокость, президент Чейни решил направить человеческую ярость в иное русло. Он обратил внимание рядовых американцев на подземные стратегические объекты и секретные бункеры, построенные на деньги честных налогоплательщиков, но предназначенные для спасения только элиты во время ядерного холокоста. Более сотни сверхсекретных объектов было уничтожено, чтобы дать выход ненависти народных масс.

Затем Чейни совместно с президентом ООН Меган Джексон предоставили людям законопроект, основанный на рекомендациях Национальной академии наук, комиссии Карнеги по предупреждению смертоносных конфликтов, а также адмирала Стенсфилда Тёрнера.^[43] Законопроект предписывал уничтожить все ядерное и биологическое оружие на планете. Любая страна, отказавшая подчиниться этому требованию, автоматически приговаривала себя ко вторжению военных сил ООН, а членам ее правительства выносился смертный приговор.

Повинуясь воле народных масс, все нации — члены ООН, за исключением Ирака и Северной Кореи, быстро согласились с выдвинутыми требованиями.

17 декабря Саддам Хусейн был замечен на улице Багдада и забит до смерти. Ким Йонг Ил покончил с собой два часа спустя.

Президент России Виктор Грозный подписал соглашение, затем публично обвинил Коммунистическую партию России в завышенном финансировании военных объектов на протяжении последних двадцати лет. После двух сотен публичных казней он убедил народ, что политические реформы будут быстрыми и четкими.

Поскольку никто не осмелился перечить ему, Грозный остался на посту, укрепив свою власть.

Утром семнадцатого декабря средства массовой информации наконец стало известно о таинственном излучении и о том, как оно повлияло на ход ядерного конфликта. Массы охватил религиозный ужас. Миллионы людей, охваченных страхом, собирались вместе, заполонив церкви, молельни и синагоги, ожидая явления Мессии и Второго пришествия Христа, и молились. Но вместо этого им были явлены признаки грядущего апокалипсиса.

Восемнадцатого декабря ветеран войны в Корее Джеймс Руф вернулся домой из церкви в сопровождении четырех сыновей с тележкой, груженной ящиком пива, и обнаружил на известняковом пруду за своим трейлером странное крылатое создание. Несколько часов спустя половина города Уайт Сульфур Спрингс в Западной Вирджинии собралась у пруда, чтобы рассмотреть неподвижную темную фигуру. Эту тварь защищало какое-то странное энергетическое поле, не позволяющее к ней прикоснуться.

В течение следующих суток были обнаружены еще двадцать девять таких же созданий, замерших в различных уголках земного шара. Вечером девятнадцатого декабря весь мир с восторгом и ужасом смотрел трансляцию с камер, следящих за огромным водоворотом в Мексиканском заливе. Из центра воронки возникли еще восемь таких тварей, и семь из них быстро исчезли в направлении Северного полушария. Два объекта были чуть позже обнаружены в юго-западном регионе Соединенных Штатов, еще два — во Флориде, по одному в Джорджии, Кентукки и Индиане. Последний объект направился на

восток, в сторону горного хребта, и угнездился прямо над телескопом Аресибо в Пуэрто-Рико.

Утром двадцатого декабря экзобиолог Марвин Теперман сообщил миру о том, что взрывы «чистого синтеза», ставшие причиной ядерного конфликта, на самом деле были инициированы объектами, вырвавшимися из инопланетного корабля на дне Мексиканского залива. Окрестив эти объекты «трутнями», экзобиолог высказал предположение, что они несли в себе ядерный заряд чистого синтеза, способный уничтожить тысячи квадратных миль земной поверхности. Теперман развил свою теорию, заявив, что переносимые «трутнями» бомбы наверняка срабатывают от солнечной энергии, чем и объясняется ночной полет этих созданий и то, что взрывы происходили только на рассвете. Каким-то образом странное излучение, транслируемое пирамидой Кукулькана, предотвратило срабатывание зарядов, и трутни не выполнили свою задачу.

Однако, если излучение ослабнет, предупредил Теперман, все трутни сдетонируют.

Началась массовая паника.

20 декабря 2012 года

Городская больница Мерида, полуостров Юкатан

Легкий порыв ветра проник сквозь закрытые занавески и коснулся его лица. Когда туман приступа лихорадки немного рассеялся, он услышал ангельский голос, повторяющий так хорошо знакомые ему слова:

Уже ушел? Я без тебя в аду.
Шли, мой любимый, каждый день известья.
Нет, каждый час. Нет, каждую минуту, —
Ведь для меня в минуте бездна дней.^[44]

Покачиваясь на волнах то уплывающего, то возвращающегося сознания, он заставил себя приоткрыть глаза, ровно настолько, чтобы увидеть ее, сидящую рядом, читающую ему книгу в мягком переплете.

О боже! Бедная моя душа
Худое чует. Видишься внизу там,
Как в пасти склепа. Бледен как мертвец.
Или меня обманывает зренье?

— *Бледна и ты. Пьет горе нашу кровь,* — проскрипел он в ответ.
— Мик!

Он открыл глаза и, когда она прижалась к нему щекой, почувствовал горячие слезы на ее лице. Острая боль пронзила его грудь, когда Доминика обняла его и прошептала:

— Я люблю тебя.

— И я люблю тебя. — Ему было сложно говорить, во рту пересохло.

Доминика поднесла к его губам стаканчик с водой, и Мик сделал пару глотков.

— Где...

— В городской больнице Мериды. Раймонд стрелял в тебя. Врачи сказали, что пуля остановилась в нескольких миллиметрах от сердца. Все говорили, что ты должен был умереть на месте.

Он вымученно улыбнулся и прошептал: «Над шрамами смеются только те, кто сам ни разу не изведal раны», а затем попытался сесть, но почувствовал такую боль, что тут же отказался от этой идеи и снова откинулся на подушку.

— Смеяться больше не буду.

— Мик, нам нужно поговорить. Столько всего произошло...

— Какое сегодня число?

— Двадцатое. Завтра день зимнего солнцестояния. Все перепуганы до смерти...

Дверь больничной палаты отворилась, появился врач-американец в сопровождении Энниса Чейни, медсестры-мексиканки и Марвина Тепермана. Мик заметил, что в коридоре остались вооруженные до зубов охранники.

Врач склонился над ним, проверил зрачки.

— С возвращением, мистер Гэбриэл. Как вы себя чувствуете?

— Больным. Голодным. И немного дезориентированным.

— Неудивительно. Вы пробыли в коме пять дней. Давайте-ка осмотрим вашу рану. — Врач начал снимать повязки. — Удивительно. Просто потрясающе. Я никогда не видел, чтобы раны заживали так быстро.

Чейни шагнул вперед.

— Он в состоянии говорить?

— Думаю, да. Сестра, его нужно переодеть, затем сменить капельницу и...

— Не сейчас, доктор, — прервал его Чейни. — Нам нужно несколько минут поговорить с мистером Гэбриэлом. Наедине.

— Конечно, мистер президент.

Мик проводил взглядом врача и медсестру. В поле зрения снова мелькнул охранник.

— Мистер президент? Похоже, со времени нашей последней встречи вы изрядно продвинулись по карьерной лестнице.

Тяжелый взгляд запавших глаз не изменился.

— Президент Меллер мертв. Пустил себе пулю в висок пять дней назад, чтобы заставить русских и китайцев уничтожить выпущенные в сторону США ракеты с ядерными боеголовками.

— Господи...

— Мир изрядно тебе задолжал. Что бы ты там ни активировал внутри майяской пирамиды, оно уничтожило все ракеты.

Мик закрыл глаза. *Господи, это произошло на самом деле. А я думал, что все это просто сон...*

Доминика сжала его ладонь.

— Это какой-то вид очень сильного электромагнитного излучения, — произнес Марвин. — Мы ничего подобного раньше не встречали. Сигнал все еще транслируется, и слава Богу, поскольку он не дает этим трутням взорваться...

— Трутням? — Мик открыл глаза. — Каким трутням?

Марвин вынул из своего дипломата пачку фотографий и протянул ее Мику.

— За прошедшие пять дней тридцать девять таких вот штукovin разлетелось и расселось по всему земному шару.

Мик смотрел на фотоснимок черной твари, напоминающей летучую мышь, которая, расправив крылья, вцепилась когтями в серую горную вершину.

— Я видел похожий объект: он поднимался из космического корабля со дна Мексиканского залива. — Он посмотрел на Доминику. — И вспомнил, где видел их раньше. Эти существа в полный размер изображены на плато Наска.

Марвин взглянул на Чейни, явно обескураженный.

— Этот снимок был сделан несколько дней назад на горном склоне возле телескопа Аресибо.

Чейни подтянул себе стул.

— Та тварь, которую ты видел поднимающейся от инопланетного корабля, приземлилась в Австралии и уничтожила большую часть равнины Нулларбор. Нам известно, что каждый такой объект является ядерной бомбой «чистого синтеза», взрыв которой способен уничтожить огромные площади земной поверхности. Шесть таких

трутней на протяжении двух последних недель взорвались в Азии, последние три уничтожили более двух миллионов человек в России и Китае.

— Господи... Эти взрывы и привели к ядерному конфликту?

Чейни кивнул.

— Как Марвин и сказал, еще тридцать восемь подобных созданий вырвалось из космического корабля и разлетелось по миру. До сих пор ни одно из них не взорвалось.

Мик вспомнил слова Стража.

Активация корабля Нефилим стала началом конца для твоего мира, хотя корабль и сможет остановить Тескатлипоку. Однако лишь уничтожение Шибальба Бе — Черной дороги — сможет спасти твой мир от пришествия великого зла.

— Мы составили список трутней, которые пока что не взорвались. Гэбриэл, ты меня слушаешь?

— А? Простите. Почему вы называете этих существ трутнями?

— Так их окрестили ученые. ВВС считает их своеобразным инопланетным аналогом наших беспилотных самолетов.

— И каждый трутень является крылатым аналогом ядерной бомбы «чистого синтеза», — пояснил Марвин. — Как и наши БЛА, они управляются из отдаленного центра при помощи какого-то радиосигнала...

— Из корабля под заливом?

— Да. Как только трутень приземляется в заранее определенной точке поверхности, радиосигнал прекращается и начинается подготовка ко взрыву. На хвосте этого создания находятся ряды странных датчиков — мы полагаем, сверхчувствительных солнечных батарей. В качестве катализатора и спускового механизма заряда используется солнечная энергия, поэтому с рассветом происходит взрыв.

— Это объясняет тот факт, что существа всегда появлялись на поверхности только по ночам, — добавил Чейни. — Семь трутней взорвались до появления сдерживающего их излучения, и все семь направились на запад после того, как поднялись из залива. Скорость полета трутней учитывала скорость вращения Земли, поэтому они оставались на неосвещенной стороне, пока не достигали намеченной цели.

— Вы сказали, что появилось тридцать девять трутней?
— Покажи ему список, Марвин.
Экзобиолог порылся в брифкейсе и достал оттуда распечатку.

ЦЕЛИ ТРУТНЕЙ

АВСТРАЛИЯ

Долина Нулларбор (взорван).

АЗИЯ

Малайзия (взорван); Ириан Джая (взорван); Папуа-Новая Гвинея (взорван); провинция Юньнань, Китай (взорван); бассейн реки Вилюй, Россия (взорван); горный хребет Кугитангтау, Туркменистан (взорван).

АФРИКА

Алжир, Ботсвана, Египет, Берег Слоновой Кости, Израиль, Ливия, Мадагаскар, Марокко (Атласские горы), Нигерия, Нигер, Саудовская Аравия, Судан, Тунис.

ЕВРОПА

Австрия, Босния-Герцеговина, Болгария, Хорватия, Греция, Венгрия, Ирландия, Италия, Испания.

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА

Канада: Монреаль;

Куба;

США: Аресибо (Пуэрто-Рико), Аппалачские горы, Колорадо, Флорида (центр и юго-восток), Джорджия, Кентукки, Индиана (юг), плато Озарк, Нью-Мексико, Техас (северо-восток).

ЮЖНАЯ АМЕРИКА

Сальвадор (Бразилия).

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА

Гондурас, Чичен-Ица (Юкатан).

Мик просмотрел список, зацепившись взглядом за последний пункт.

— Трутень приземлился в Чичен-Ице?

— Хватит этого идиотизма, — рыкнул Чейни. — Гэбриэл, мне нужны ответы. Пока ты тут валялся, мирно посапывая, мир сошел с ума. Религиозные фанатики объявили этих тварей вестниками апокалипсиса, который так и не состоялся в 2000 и 2001, что немало этих самых фанатиков расстроило. Мировая экономика на грани фола. Люди перепуганы, они готовятся к Армагеддону и молятся мессии. Люди закупают продукты и оружие и баррикадируются в домах. Нам пришлось объявить чрезвычайное положение. А то, что мы не в состоянии объяснить и предотвратить происходящее, больше всего пугает народные массы.

— До сих пор все попытки нейтрализовать трутней оказались безуспешными, — продолжил Марвин. — Эти создания окружены чем-то вроде силового поля, защищающего их от каких бы то ни было атак. Пока что излучение предотвращает их детонацию, но оно же поджарило все наши спутники. А самое странное — это тот способ, которым излучение транслируется в атмосферу. — Он достал блокнот. — Мы засекли ретрансляционные станции, связанные с глобальной сетью антенн. Ты ни за что не догадаешься...

— Великая пирамида в Гизе, Ангкор Ват и пирамида Солнца в Теотиуакане.

У экзобиолога отвисла челюсть.

Глаза Чейни буравили его, как два лазера.

— Откуда, черт возьми, тебе это известно? — Он посмотрел на Доминику. — Ты ему сказала?

— Она мне ничего не говорила, — ответил Мик, садясь на кровати. — Мои родители потратили десятки лет на исследование этих сооружений. В каждом из них есть нечто общее, не говоря уж о том, что все они были построены в ключевых точках земного шара и связаны с энергетической сетью Земли.

— Прости, но я немного не понял, — перебил его Марвин, делая пометки в блокноте. — Ты сказал «энергетической сетью Земли»?

— Наша планета — это не просто кусок камня, летящий сквозь пространство, Марвин, это живая гармоничная сфера, в магнитном сердечнике которой происходят процессы, сопровождающиеся выбросом энергии. Определенные места на поверхности планеты, в особенности возле экватора, — это готовые круги силы, активно излучающие магнитную, геотермальную и геофизическую энергию.

— Так эти древние строения... все они были построены в таких местах?

— Именно. И каждое из них строилось на основе глубокого понимания прецессии, математики и астрономии.

Марвин перестал писать.

— То есть сейчас мы наблюдаем за инопланетной сетью антенн, которые спрятаны под Стоунхенджем и городом Тиуанако. Еще две антенны находятся глубоко подо льдами Арктики и Антарктики.

Мик кивнул. *Карты Пири Рея. Страж наверняка построил там антенны до того, как полюса покрылись льдом.* Он взглянул на Доминику.

— Ты рассказала им о Нефилим?

— Все, что знала, а знаю я немногое.

— Более развитая раса гуманоидов? — Марвин покачал головой. — Это вроде как я здесь экзобиолог, но меня все эти вещи чертовски смущают.

— Марвин, создания, которых мы должны благодарить за это излучение, смогли создать систему ретрансляторов и антенн, которая просуществовала тысячи лет и до сих пор работает. Даже то, что эти устройства спрятаны под землей, не гарантировало их сохранности. Однако постройка прямо над ними таких чудес, как Стоунхендж или Великая пирамида, наводит на размышления. Даже у современного человека хватило мозгов не разрушать такие чудеса.

— Так что об излучении? — спросил Чейни. — Как долго оно сможет удерживать трутней от детонации?

В ушах Мика эхом отдалось воспоминание о словах Стража. *Шибальба Бе возникнет четыре Ахау три Канкин. И после того как она откроется, ее можно будет уничтожить изнутри. Но лишь Хун-Ахпу может выйти на Черную дорогу. Лишь Хун-Ахпу может выколоть корень зла из вашего сада.*

Мик почувствовал тошноту.

— С этим у нас проблема. Этот инопланетный корабль... он поднимется со дна завтра днем.

Глаза Марвина расширились.

— Откуда ты это знаешь?

— Это часть пророчества майя, созданного три тысячи лет назад. То существо, что находится в корабле... Мы должны его уничтожить. Нам нужно попасть внутрь.

— И как нам это сделать? — спросил Чейни.

— Не знаю, то есть... Наверное, так же, как попали внутрь мы с Дом. Через систему вентиляции. — Он снова почувствовал, что теряет сознание, и закрыл глаза.

Доминика дотронулась до его лба и поняла, что Мика лихорадит.

— С него достаточно, президент Чейни. Он уже сыграл свою роль в спасении мира, теперь ваша очередь.

— Наши ученые согласны с тобой, Гэбриэл. Они понимают, что нам необходимо уничтожить инопланетный корабль и положить конец угрозе взрывов. Я отдал приказ кораблю «Джон С. Стеннис» направиться в Мексиканский залив. Если этот аппарат действительно собирается взлететь завтра, мы уничтожим его с воды.

Чейни встал, собираясь выйти.

— Чрезвычайное собрание Совета безопасности ООН назначено сегодня на семь часов вечера на борту «Стенниса». Мы ожидаем представителей всех входящих в ООН государств и нескольких ведущих ученых со всего мира. Вы с Доминикой пойдете с нами. Мой помощник принесет вам подходящую одежду.

— Погодите, — остановила его Доминика. — Расскажи им о Борджии.

— Твой предполагаемый убийца навел нас прямо на Антонио Фолетту. Его признание содержало информацию о том, как Борджии удалось поместить тебя в клинику для душевнобольных одиннадцать лет назад. Он даже отдал нам кассету, на которой секретарь Штата дает ему задание тебя убить. — Президент грустно улыбнулся. — Как только все уладится, я прибью его задницу гвоздями к стенке. К тому же Доминика с матерью теперь сняты с крючка, а ты признан правоспособным и все выдвинутые против тебя обвинения сняты. Ты свободный человек, Гэбриэл, не более сумасшедший, чем все мы.

Доминика зашептала Мику на ухо:

— Ты слышал. Твой кошмар окончен. Больше никаких клиник, никаких палат-одиночек. Ты свободен. — Она взяла его за руку. — Мы можем всю нашу жизнь провести вместе.

* * *

На борту авианосца «Джон С. Стеннис»

6:43

Пока вертолет совершал посадку на площадку гигантской, площадью 1,8 гектара, верхней палубы авианосца «Джон С. Стеннис», Мик смотрел в окно. Здесь уже теснилось множество вертолетов.

Доминика сжала его ладонь.

— Ты в порядке? За все время полета ты ни слова не сказал.

— Извини.

— Тебя что-то тревожит. Что-то, о чем ты мне не говоришь.

— Я еще столько всего не понимаю — тех вещей, которые определяют разницу между живым и мертвым.

— Но ты уверен, что цепь Стражей была построена специально для предотвращения взрывов?

— Да.

— Тогда президент прав. Если мы уничтожим инопланетный корабль, мы покончим с угрозой.

— Хотелось бы, чтобы все оказалось так просто.

— А почему нет?

Они вышли из вертолета на серое губчатое покрытие палубы. Доминика указала на вооружение авианосца.

— Посмотри вокруг, Мик: этого оружия хватит, чтобы стереть с лица земли небольшую страну. — Она обняла его за талию и зашептала на ухо: — Пойми же, наконец. Ты — герой. Несмотря на все трудности, ты смог проникнуть в пирамиду и активировать защиту. Ты не только отстоял дело и доброе имя твоего отца, но и спас жизнь двух миллиардов человек. Самое время передохнуть. Отойди в сторону и позволь большим шишкам закончить работу.

Она страстно поцеловала его в губы.

Лейтенант провел их огромными надстройками на палубе авианосца, а затем по узкой лестнице на нижнюю палубу туда, где располагался ангар. Миновав посты охраны, они вошли в ангар, четверть которого была поспешно переоборудована в аудиторию. На титановой стене находилась огромная, шесть метров в высоту и двенадцать метров в ширину, компьютерная карта мира, под ней — подиум и три ряда столов со складывающимися креслами, расставленные полукругом, лицом к подиуму. На карте светились тридцать восемь красных точек и шесть синих, обозначая места высадки инопланетных летательных аппаратов.

Лейтенант провел их к зарезервированному столу слева. Несколько делегатов, по-видимому, узнали Мика: когда он проходил мимо, они показывали на него и кивали. Неуверенные аплодисменты быстро переросли в бурные овации.

Марвин Теперман уже сидел в кресле и, увидев Мика, улыбнулся.

— Ну хотя бы вырази им признательность.

Мик неловко помахал всем рукой и занял место рядом с экзобиологом, чувствуя себя не в своей тарелке. Президент ООН Меган Джексон подошла к нему и с улыбкой пожала руку.

— Для меня честь встретиться с вами, мистер Гэбриэл. Мы все в долгу перед вами. Можем ли мы что-нибудь для вас сделать?

— Вы можете объяснить мне, почему я нахожусь здесь. Я ведь далек от политики.

— Мы с президентом надеялись, что ваше присутствие разрядит обстановку. — Она указала на российскую делегацию. — Тот человек посередине — это Виктор Грозный. Осмелюсь сказать, большинство людей в этом зале предпочли бы видеть его мертвым. По сравнению с паранойей, охватившей сейчас Россию и США, холодная война — это просто семейный праздник.

Она по-матерински ему улыбнулась и прошла на свое место на подиуме.

— Пожалуй, уже пора начинать наше собрание.

Делегаты заняли свои места. Марвин вручил Доминике и Мику по паре небольших наушников. Сняв целлофановую обертку, они выбрали языком перевода английский и надели наушники.

— В первую очередь слово предоставляется профессору Натану Фаулеру, исполняющему обязанности директора исследовательского центра НАСА и главе международной группы ученых, занимающейся исследованием инопланетных аппаратов. Профессор?

На подиум поднялся веснушчатый седовласый мужчина лет семидесяти.

— Мадам президент, уважаемые делегаты, коллеги ученые. Сегодня я здесь, чтобы сообщить вам самую свежую информацию об инопланетных объектах. Взрывы, вызванные ими, уже привели к смерти более двух миллионов людей. Безусловно, трагедия имеет место, но доказательства, которые я собираюсь вам предоставить, четко указывают на то, что уничтожение нашего вида не является изначальной целью инопланетного разума. На самом деле значение, которое он придает нашему присутствию на этой планете, сравнимо со значением, придаваемым блохе собакой.

Зал наполнился шепотом.

— Наши ученые провели тщательный сравнительный анализ каждой из сорока пяти известных целей. Все эти места имеют одну общую черту — геологическое строение. Все они состоят из известняка. Говоря точнее, большинство из них представляют собой карст — уникальные известняковые образования с чрезвычайно высоким уровнем содержания карбоната кальция. Карстовые ландшафты составляют одну шестую часть всех ландшафтов нашей планеты. Они образовались более четырехсот миллионов лет назад, когда огромные количества карбоната кальция находились в виде отложений на морском дне.

— Профессор, с целью экономии времени...

— Конечно же, мадам президент. Просто я подумал, что причины высадки инопланетных аппаратов станут более ясны присутствующим, если я коротко объясню им важность роли известняка в жизненных процессах на нашей планете.

— Продолжайте, но поторопитесь.

— Карстовые образования и известняк в целом исполняют важнейшую функцию на планете — служат хранилищем карбоната кальция. Находящийся в карстовых породах карбонат кальция как губка впитывает двуокись углерода из атмосферы, способствуя регуляции и стабилизации кислородосодержащих слоев. На самом

деле количество двуокиси углерода, накопленной в осадочных породах, более чем в шестьсот раз превышает ее общее количество, содержащееся в атмосфере, воде и живых организмах.

Доминика посмотрела на Мика, заметив, что тот смертельно побледнел.

Директор НАСА достал дистанционную клавиатуру, связанную с компьютерной картой.

— Мадам президент, я собираюсь с помощью нашего компьютера смоделировать ситуацию, которая произойдет, если каждый из тридцати восьми оставшихся объектов одновременно спровоцирует взрыв. Пожалуйста, обратите внимание на показания атмосферной температуры и процентный состав двуокиси углерода в атмосфере.

Профессор ввел набор команд, делегация затихла. Внизу карты появились две надписи:

20.12.2012

СРЕДНИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ТЕМПЕРАТУРЫ ЗЕМНОЙ
ПОВЕРХНОСТИ: 70 градусов по Фаренгейту (21 градус по
Цельсию);

ПРОЦЕНТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ CO₂: 0,03%

Фаулер нажал следующую клавишу. Красные точки замигали в унисон, затем распустились ярко-белыми кружочками энергии. Через несколько секунд они потускнели и сменились плотными желто-оранжевыми клубами пыли, которые быстро расплзлись по близлежащим территориям, покрыв около трети земной поверхности.

20.12.2012 (Через десять часов после взрыва)

СРЕДНИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ТЕМПЕРАТУРЫ ЗЕМНОЙ
ПОВЕРХНОСТИ: 132 градуса по Фаренгейту (55,5 градуса
по Цельсию);

ПРОЦЕНТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ CO₂: 39,23%

Фаулер поправил очки.

— Тепловая энергия взрывов мгновенно испарит известняк, высвобождая токсичную в таких количествах двуокись углерода в атмосферу. Облако, которое вы сейчас наблюдаете, состоит из

углекислого газа, и его достаточно, чтобы убить все воздуходышащие организмы на нашей планете.

В зале загудели. Фаулер снова коснулся клавиатуры, а президент ООН призвала всех к порядку.

Карта сменилась. Теперь клубящиеся желтые облака затянули весь земной шар.

20.12.2022 (Через десять лет после взрыва)
СРЕДНИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ТЕМПЕРАТУРЫ ЗЕМНОЙ
ПОВЕРХНОСТИ: 230 градусов по Фаренгейту (100 градусов
по Цельсию);
ПРОЦЕНТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ CO₂: 47,85%
ПРОЦЕНТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ SO₂: 23,21%

Аудитория затихла.

— Здесь показано расчетное состояние окружающей среды через десять лет после предполагаемого взрыва. Мы наблюдаем катастрофические перестройки в атмосфере нашей планеты, начало парникового эффекта, аналогичное тому, что, по нашим предположениям, шестьсот миллионов лет назад формировал атмосферу Венеры. Когда-то Венера, родственная Земле планета, тоже обладала влажной атмосферой и горячими океанами. Скапливаясь в атмосфере, углекислота привела к возникновению парникового эффекта. Произошли множественные извержения вулканов, от чего парниковый эффект усилился выбросом в атмосферу сернистого ангидрида, а температура поверхности продолжала расти в замкнутой атмосферной камере. В итоге океаны Венеры испарились, заполнив атмосферу планеты. Какая-то их часть рассеялась в космосе, но остатки обволокли планету жидкой атмосферой.

— Профессор, со времени взрыва первых «трутней» уровень CO₂ претерпел какие-то заметные изменения?

— Да, мадам президент. Уровень углекислоты превысил норму в шесть раз, что в процентном соотношении...

— Достаточно! — Виктор Грозный поднялся с места, его суровое лицо покраснело от злости. — Я прибыл сюда, чтобы обсудить условия перемирия, а не для того, чтобы тратить время на сказки о пришельцах.

Президент ООН повысила голос, заглушая всеобщий ропот возмущения.

— Президент Грозный, вы сомневаетесь в существовании инопланетной угрозы?

— Меня проинформировали, что трутни больше не представляют угрозы, что это... это ваше излучение предотвращает их детонацию. Это правда, мистер Фаулер?

Фаулер казался испуганным.

— Но мы выяснили, что трутни не взорвутся до тех пор, пока излучение пирамиды остается на прежнем уровне интенсивности. Однако угроза все еще...

— Так почему мы именно сейчас тратим время на ее обсуждение? Я бы оставил это ученым. Насколько я понимаю, данное собрание инициировалось для решения политических вопросов. Несмотря на угрозу собственной жизни, я прибыл сюда по доброй воле, а ведь множество наших людей... наших граждан погибло во время этих взрывов. Смерть — это смерть, мадам президент, и не важно, что стало ее причиной — ядерный конфликт, асфиксия или голод. Позвольте мне совместно с Западом воспользоваться последними достижениями военных технологий и уничтожить этот инопланетный корабль. Пока мы с вами тратим время здесь, мой народ продолжает голодать. И нам следует сосредоточиться на том, как именно следует изменить картину мира...

— А кто вы такой, чтобы требовать изменений? — Поднялся генерал Фекондо. — Ваша политика изменений втянула Соединенные Штаты в ядерную войну. Запад ссудил вас миллиардами долларов, которых было достаточно, чтобы накормить голодных и восстановить вашу экономику, но вы потратили эти фонды на гонку вооружений...

Мик закрыл глаза, отрешившись от перепалки и обдумывая слова профессора Фаулера. Он вспомнил, как попал в камеру инопланетного корабля под заливом. Вспомнил рану на ноге.

Моя кровь казалась синей. Атмосфера в камере наверняка была заполнена углекислым газом.

Потом он вспомнил слова Стража... *Условия жизни на Земле им не подходят. Их изначальной целью была Венера. Они будут менять условия жизни на Земле, чтобы акклиматизироваться.*

— Вы обратились к нам за помощью, — продолжал Дик Пристас. — А вспомните, как быстро вы решились уничтожить ту руку, которую теперь просите накормить ваших людей!

— А был ли у нас выбор? — возразил Грозный. — Вы заставляете нас подписать стратегический проект разоружения, в то время как ваши ученые заняты поиском новых способов уничтожения. Что хорошего в мирных договорах, если Америка продолжает разрабатывать оружие куда более грозное, чем устаревшие модели ракет, которые вы с помпой уничтожили? — Грозный повернулся к собранию. — Да, Россия напала первой, но нас спровоцировали. Соединенные Штаты десятилетиями наращивали военную мощь. Наши информаторы донесли, что Америке осталось менее двух лет до завершения проекта бомбы «чистого синтеза». Двух лет! Если бы на нас не напали инопланетяне, это наверняка сделали бы Соединенные Штаты!

Комната снова взорвалась ропотом.

Грозный ткнул указательным пальцем в сторону Чейни.

— И вот я спрашиваю у нового президента Америки, чего он добивается на самом деле — мира или войны?

Чейни поднялся, ожидая, пока аудитория затихнет.

— Президент Грозный, в этой комнате нет никого, на чьих руках не было бы крови. Каждый из нас подавлен чувством вины и каждый напуган. Но Бога ради, ведь все мы могли погибнуть. И все равно продолжали вести себя как избалованные дети. Теперь же, если мы хотим сохранить человечество, следует отбросить старые предрассудки и раз и навсегда вырасти наконец из детских штанишек. — Президент шагнул вперед. — Я согласен, что изменения, кардинальные изменения жизненно необходимы. Человечество больше не может позволить себе заниматься саморазрушением. И мы не можем позволить себе считать старые обиды и строить, основываясь на них, новые предположения. Мы должны объединить наши экономические структуры — во имя мира. Президент Грозный, Соединенные Штаты протягивают вам оливковую ветвь. Примете ли вы ее?

По залу прокатилась волна оваций, когда Виктор Грозный подошел к Президенту США и обнял его.

Доминика поднялась, аплодируя со слезами на глазах, и только тогда заметила, что Мик уже приближается к сцене.

В зале повисла тишина.

Мик стоял перед собравшимися, в его мозгу созрело осознание апокалипсиса.

— Президент Чейни — мудрый человек. Тот, кто оставил мне послание, которым я хочу с вами поделиться, тоже был мудр. Именно он создал систему излучателей, которая спасла нас всех. Но пока наши нации обсуждают политические вопросы, излучение едва сдерживает попытки иного существа переделать наш мир по собственному разумению. Этому древнему существу не интересны вопросы войны и мира. Для нашего врага Земля является лишь инкубатором, а человечество — квартиросъемщиком двух миллионов лет от рода, которого пора убрать с дороги как нелепую помеху.

Будем мы едины или будем разъединены, не имеет ни малейшего значения. В любом случае завтрашний день станет днем Страшного суда. Откроется гигантский космический портал, который уничтожит все человечество. Его нужно уничтожить. Если нам не удастся этого сделать, ничто из сказанного в этой комнате не будет иметь значения. К закату зимнего солнцестояния, завтра вечером, все живое на нашей планете погибнет.

21 декабря 2012 года (четыре Ахау три Канкин)

На борту «Джона С. Стенниса»

0:47

Майкл Гэбриэл смотрел на темное море в маленький иллюминатор VIP-каюты. Источник изумрудного света был слишком далеко, чтобы его можно было заметить, авианосец ВВС стоял в двух милях к востоку от космического корабля, но присутствие злобного существа все равно ощущалось.

— Ты так и будешь всю ночь таращиться в этот иллюминатор? — Доминика, завернутая в банное полотенце, вышла из ванной. Она прижалась щекой к его груди, обняла его за талию.

Мик почувствовал жар ее обнаженного тела.

Ее пальцы погладили его грудь, спустились на живот, потом ниже.

Доминика заглянула в его темные глаза и прошептала:

— Займись со мной любовью.

Она поцеловала его, приподнявшись на цыпочки, исследуя языком его губы и рот, а Мик лихорадочно срывал с себя одежду. Несколько секунд они, обнаженные, просто прижимались друг к другу, как давние возлюбленные, встретившиеся после долгой разлуки, их сдерживаемые страхи, тревоги улетучились в тот самый миг, когда они коснулись друг друга. И в мире не осталось никого, кроме них двоих.

Мик осторожно опустил ее на кровать, целуя в шею. Доминика помогла ему, прогнулась и застонала от удовольствия, собирая губами капельки пота с его плеча. Когда он уткнулся лицом в ложбинку меж ее грудей, Доминика стала нежно перебирать завитки на его затылке.

3:32

Мик лежал, прикрывшись тонкой простыней, и правой рукой обнимал Доминику. Она спала, положив голову на его забинтованную грудь. Мик смотрел в потолок, снова и снова повторяя про себя слова Стража.

Шибальба Бе возникнет четыре Ахау три Канкин. И когда она откроется, ее можно будет уничтожить изнутри. Но лишь Хун-Ахпу может выйти на Черную дорогу. Лишь Хун-Ахпу может выполоть корень зла из вашего сада...

Доминика всхлипнула и перекатилась на бок. Мик накрыл ее простыней и закрыл глаза.

Иди ко мне, Майкл...

— А? — он рывком сел на кровати, чувствуя, как колотится сердце. Обескураженно осмотревшись по сторонам, он выглянул в иллюминатор, чувствуя, как по спине течет холодный пот.

Все в порядке, все в порядке, это был сон...

Мик снова лег, но не мог сомкнуть глаз. Он боялся, что тот пугающий голос вернется.

Прекрати! Ты сводишь себя сума.

Он слабо улыбнулся. *Одиннадцать лет в одиночке, и вот наконец когда я вышел, у меня поехала крыша.*

И закрыл глаза.

Почему ты боишься меня, Майкл?

— Ох, черт... — Он вскочил на ноги, как испуганный кот.

Ладно, постарайся успокоиться. Выйди на воздух. Прочисти себе мозги.

Он быстро оделся и выскользнул из каюты.

Двадцать минут спустя он вышел к мостику — открытому балкону над вертолетной площадкой. Ночной воздух приятно охлаждал, океанский бриз успокаивал. Мик зажал уши, когда ударный истребитель рванулся с палубы в ночное небо, и снова вспомнил Стража.

— Страж, кто такой Первый Хун-Ахпу?

— Хун-Ахпу — это мессия, генетически созданный выжившими Нефилим из множества твоих предков. Только

Хун-Ахпу может войти в портал Черной дороги и не позволить злу поработить твой мир. Только Первый Хун-Ахпу будет достаточно силен, чтобы совершить путешествие сквозь время и пространство и освободить наших предков.

— *Я чувствую тебя, Майкл. Ты уже близко...*

— Что?

— *Иди ко мне, Майкл. Не бойся меня. Иди к своему создателю.*

— Прекрати! Прекрати это! — Мик закрыл глаза и схватился руками за голову.

— Мик, ты в порядке?

— *Иди ко мне, сынок.*

— Пошел на хрен из моей головы! — Мик закачался вперед-назад, его глаза широко раскрылись от страха.

Марвин схватил его за плечи.

— Эй, ты в порядке?

— А? Ох, дерьмо. Я... Нет, не думаю, что я порядке. Похоже, я схожу с ума.

— Как и весь мир. Не мог заснуть?

— Нет. Марвин, тот трутень, что приземлился в Чичен-Ице... Ты знаешь, где именно он приземлился?

Экзобиолог достал из кармана небольшой блокнот.

— Подожди, сейчас посмотрю. Ага, Чичен-Ица. Трутень уселся прямо посреди майяской Большой площадки для игры в мяч. Точно в центре.

Мик почувствовал, как по спине пробежали мурашки.

— Точно в центре? Ты уверен?

— Да. А что не так?

— Нам нужен вертолет! Марвин, ты можешь достать нам вертолет?

— Вертолет? Зачем?

— Марвин, я не могу тебе этого объяснить, но мне нужно попасть в Чичен-Ицу. Немедленно!

* * *

Остров Санибел, западное побережье Флориды

5:12 по времени восточного побережья

Эдит Акслер стояла на пустом пляже, вглядываясь в серую линию горизонта, откуда к ней быстро приближалась моторная лодка. Ее племянник Харви помахал рукой и направил лодку к берегу.

— Были проблемы с находжением SOSUS?

— Не-а, — ответил он, осторожно передавая ей то, что осталось от огромного мотка оптоволоконного кабеля. — Микрофоны находились там, где ты и сказала, но после появления этой черной фигни нырять ночью стало страшновато.

Он выпрыгнул из лодки и пошел вслед за тетей к дверям лаборатории. Эдди сразу же включила систему SOSUS, а Харви подключил кабель к основной базе.

— Это поможет тебе прослушать все микрофоны залива? — спросил он.

— Да, это общая система. До тех пор пока кабели целы, мне ничто не мешает. Мы не сможем связываться с главным компьютером, но микрофоны и так настроены на ту штуку на дне залива возле полуострова Юкатан. Поэтому у нас без проблем получится прослушать ее без ведома властей.

Харви улыбнулся, закончив возиться с кабелем.

— Чувствую себя так, словно мы потихоньку пиратствуем.

* * *

Мексиканский залив

6:41

Эскадра ударных истребителей выстроилась вокруг цели, пилоты ждали первых лучей солнца. Под ними ударная группа судов во главе с

«Джоном С. Стеннисом» вышла на позиции, замкнув пятно зеленого излучения цепью в три мили по периметру.

В пятидесяти метрах под поверхностью воды в полной темноте двигалась атомная подводная лодка «Филадельфия SNN-690» класса «Лос-Анджелес». Капитан и команда ждали: их заданием было уничтожить любой объект, который поднимется из сияющей изумрудной дыры.

На борту авианосца «Джона С. Стенниса» кипела работа.

Батареи ракет «Томагавк» класса «земля — воздух» были направлены в небо над поверхностью зеленого светового пятна, готовые уничтожить любой объект в момент его появления над водой. Еще три «Хищника» поднялись в воздух, присоединившись к своим собратьям, курсирующим по периметру зоны поражения.

Шесть тысяч мужчин и женщин на борту плавучего города находились на грани нервного срыва: они читали новости и смотрели телевизионные сводки. Осведомленность об угрозе апокалипсиса, помноженная на часы изнурительных приготовлений, обессилила их, но страх и адреналин заставляли работать на износ.

Доминику Вазкез изматывал страх иного рода. Впервые в жизни она открыла свое сердце мужчине, впервые отпустила себя на свободу и отдалась без остатка. И теперь она металась по огромному кораблю, ощущая физическую боль в сердце от панических мыслей о том, что Мик бросил ее и она больше никогда его не увидит.

Доминика вошла в закрытую зону и попыталась проскочить мимо охранника, но лейтенант схватил ее за плечи. Она непроизвольно замахнулась, и заученный прием послал мужчину на свидание со стеной, завершившееся глухим ударом. Второй охранник заступил ей путь, когда Доминика шагнула к боевому информационному центру корабля.

— Пропустите меня! Мне нужно увидеть Чейни!

— Вам сюда нельзя, информационный центр — режимная зона.

— Мне нужно найти Мика... Вы мне руку сломаете!

Водонепроницаемая дверь распахнулась, вышли два офицера.

За их спинами она заметила президента.

— Президент Чейни!

Чейни развернулся от мониторов, на которые транслировалась информация с беспилотных летательных аппаратов.

— Все в порядке. Пропустите ее.

Доминика развернулась к охраннику и ударила его в грудь.

— И никогда больше не смей меня трогать, урод!

Она вошла в темную комнату — главный нервный узел гигантского военного механизма, до отказа забитый начальством всех уровней.

— Доминика...

— Где он? Вы ведь знаете, где он, верно? Вот и скажите мне. Куда вы его отправили?

Чейни отстранил ее.

— Гэбриэл рано утром потребовал вертолет. Пришел ко мне с этой просьбой. Это было его собственное решение.

— Куда он отправился?

— Он передал письмо для тебя. — Чейни достал сложенный вчетверо конверт из нагрудного кармана. Доминика быстро развернула письмо.

Дом, любимая...

Мне о многом хотелось бы с тобой поговорить, есть столько всего, что нужно объяснить тебе. Но я не могу. В моем сознании звучат два голоса, которые влекут меня в разные стороны. Я не знаю, реальны ли эти голоса или мой рассудок все-таки не выдержал...

Голос Стража говорит мне, что Хун-Ахпу появится, когда восстанет наш враг, и что только генетически предрасположенный к этому мессия может выйти на Черную дорогу. Проблема в том, что в «Пополь Вух» говорится о том, что Хун-Ахпу давным-давно умер, что его убили два Повелителя Срединного мира. Я не знаю, что это означает, ведь миф о сотворении мира был написан через много лет после смерти Кукулькана. Если Страж действительно был когда-то Кукульканом, то его Хун-Ахпу уже вошел в портал, ведущий на Черную дорогу, и потерпел поражение.

Враг Нефилим не может войти в наш мир, пока его атмосфера наполнена кислородом. Когда существо, скрывающееся на дне залива, поймет, что его трутни не взорвались, оно наверняка отправится к излучателю Стража

и попытается его уничтожить. Мы не можем позволить этому случиться.

Мой отец верил в то, что между Большой площадкой для игры в мяч и темным участком Млечного Пути существует связь. Как и пирамида Кукулькана, это поле ориентировано в строгом соответствии с расположением небесных тел. Сегодня в полночь темный участок пройдет точно над центром этой площадки. Их связь проявится. Портал между мирами уже открывается. Не спрашивай меня, откуда я это знаю, я просто чувствую.

Один из трутней приземлился точно в центре майяской Большой площадки в Чичен-Ице. У майя была традиция закапывать в центре таких полей специальный камень. Когда археологи достали центральный камень из поля Чичен-Ицы, мой отец был там. Перед смертью Юлиус сказал мне, что он украл этот камень и вернул на место. Он до последнего вздоха хранил этот секрет. Каким-то образом я понимаю, что этот камень будет мне необходим.

И я не думаю, что трутень мог без причины приземлиться именно в том месте. Возможно, наш враг знает что-то об этом камне и не хочет, чтобы он попал к нам в руки. Именно за этим камнем я и отправляюсь, — я хочу выяснить, почему мой отец считал его настолько важным.

Прости, что сбежал от тебя. Прошлая ночь была самым прекрасным из всего, что мне довелось пережить. И я не хочу, чтобы это была наша последняя ночь.

Я люблю тебя, всегда буду любить...

Мик.

Она невидящими глазами смотрела на письмо.

— Это... Это нечестно. Он что, считает, что я буду просто ждать его здесь? — Доминика зашагала к президенту. — Мне нужно попасть в Чичен-Ицу...

Лейтенант преградил ей путь.

— Сэр, там что-то происходит.

Люди столпились у мониторов. Доминика схватила Чейни за руку.

- Отвезите меня к нему. Вы передо мной в долгу.
- Доминика, он четко дал понять, что не хочет вас там видеть. Он заставил меня пообещать...
- Я нужна ему. Ему нужна моя помощь...
- Мы засекали сейсмическую активность, — перебил их техник. — Семь баллов по шкале Рихтера, интенсивность продолжает расти...
- Чейни положил руку на плечо Доминики.
- Послушай меня. Так или иначе, в первую очередь нам необходимо уничтожить этот инопланетный корабль, это ты понимаешь? С Миком все будет в порядке.
- Адмирал Гордон, вызывает капитан Кубит с «Филадельфии».

На борту атомной подлодки «Филадельфия»

Капитан Том Кубит пытался перекрикивать подводное землетрясение:

— Адмирал, вся поверхность морского дна покрылась разломами. Электромагнитная активность возрастает...

Оператор сонарной установки плотнее прижал наушники, чтобы лучше слышать.

— Шкипер, что-то поднимается из разлома, что-то огромное!

* * *

Мощнейший выброс электромагнитной энергии запульсировал под погребенным в глубинах морского дна иридиевым объектом, невидимая волна подняла огромный корабль с его ложа и понесла вверх, прочь из известнякового углубления, удерживавшего пришельца на протяжении шестидесяти пяти миллионов лет. Как гигантское пушечное ядро, гигантская масса иридия площадью около мили взломала морское дно и устремилась вверх. Обломки морского дна провалились в огромную каверну, до поры скрывавшую колоссальное инопланетное устройство. От обвала такого колоссального количества породы возникли сейсмические колебания по всей поверхности дна

Мексиканского залива и на части шельфа Кампече, равносильные землетрясению в девять баллов по шкале Рихтера. Инопланетный корабль вырвался из воды, породив серию разрушительных цунами, и гигантские смертоносные волны устремились к береговой линии.

На борту атомной подлодки «Филадельфия»

— Шкипер, инопланетный объект только что покинул морское дно...

— Орудия готовы, сэр, цель слишком большая, чтобы мы могли промахнуться.

Капитан Кубит схватился за поручень, когда субмарина внезапно завалилась на бок.

— Хелм, уводи корабль из центра сейсмической активности. Готовьтесь открыть огонь, первое и второе орудия к бою!

— Есть, сэр. Первое и второе орудия готовы.

— Произвести захват цели. Первое и второе орудия, огонь!

— Есть, сэр. Первое и второе орудия. Торпеды пошли.

— Десять секунд до поражения цели. Семь... шесть... пять...

На борту «Джона С. Стенниса»

— Адмирал, «Филадельфия» докладывает, что атаковала цель, но безуспешно. Объект защищен чем-то вроде силового поля и продолжает подъем.

Все прикипели к мониторам с данными БЛА. «Хищники», парящие в пятидесяти метрах над поверхностью моря, транслировали изображение огромных пузырей, рвущихся к поверхности.

— Вот оно!

Овальный объект вынырнул, словно огромный куполообразный айсберг, и закачался на волнах, то погружаясь, то снова всплывая, пока не стабилизировал свое положение на бурлящей поверхности воды. Камеры стали увеличивать объект, и на иридиевой поверхности все заметили зубчатые металлические выступы и выемки размером с небольшой кратер.

Датчики на борту «Филадельфии» продолжали транслировать на мониторы авианосца компьютерные изображения скрытой под водой поверхности. Доминика смотрела на трехмерное голографическое изображение — на двадцать три трубчатых отростка, которые находились теперь под днищем инопланетного корабля, и их размер позволил представить себе общий объем этого колоссального объекта.

— Свяжитесь с авиакрылом, — скомандовал адмирал. — Открыть огонь!

Дружный залп истребителей, и к объекту помчалось облако ракет «Сламмер». Но все ракеты взорвались в непосредственной близости от поверхности объекта, не причинив ему ни малейшего вреда. Лишь на миг над иридиевым островом появилось голубоватое энергетическое поле.

Адмирал Гордон громко выругался:

— Эта хреновина окружена силовым щитом, точно так же, как и трутни. Капитан Рамирез...

— Да, сэр.

— Прикажите ударным истребителям убраться из зоны поражения. И запускайте два «Томагавка». Посмотрим, насколько сильно это гребаное поле.

Доминика закрыла глаза, когда мощный звук выстрела прокатился по кораблю.

Система наведения «Томагавков» не работала — ее уничтожило излучение Стража, поэтому скорректировать траекторию ракет не представлялось возможным. Выпущенные вслепую боеголовки врезались в поверхность цели; двойная вспышка осветила все вокруг; столб огня взмыл к небу, на долю секунды обесточив камеры БЛА. Изображение исчезло.

Когда оно появилось вновь, стало ясно, что инопланетный корабль цел и невредим.

И тогда произошло нечто непредвиденное.

Камеры сфокусировались на движении, возникшем на поверхности объекта. Последовала зеленая вспышка. Когда увеличенное изображение центра объекта стабилизировалось, все увидели, как над иридиевым айсбергом формируется зеленая вращающаяся воронка неизвестной энергии.

В ее центре начал открываться проход внутрь инопланетного корабля. Это не было похоже на люк субмарины, эта технология вообще ни на что не была похожа. Слои иридия один за другим расступались под энергетической воронкой, втягивая ее внутрь.

Из сияющего водоворота появилось существо.

Гигантская тварь постепенно поднималась над воронкой. Сначала появилась голова. Камеры навели фокус, и наблюдатели ошеломленно уставились на «лицо» прищельца, — морду огромной змеи с продолговатым черепом размером с рекламный щит. Два кроваво-красных глаза светились изнутри, золотые зрачки рептилии сверкали, отражая отблеск восходящего солнца. Громадные челюсти раздвинулись, обнажая пару угольно-черных клыков не менее полутора метров в длину каждый, остальные зубы в змеиной пасти были поменьше, но казались острыми как бритва. Завершало диковинный облик змеиной пасти знакомое изумрудное сияние в глубине ее глотки.

Острая чешуя змеи царапала иридиевую поверхность корабля, туловище извивалось, выползая из воронки. Змея поднялась на хвосте, как атакующая кобра, и на несколько мгновений застыла, словно анализируя окружающую среду. А потом в мгновение ока нырнула в море.

Президент и главнокомандующий ошеломленно смотрели на опустевший экран.

— Господи... Неужели это реально?

Дрожащий связист выслушал входящее сообщение и повернулся к ним.

— Адмирал, «Филадельфия» докладывает, что инопланетянин движется в направлении полуострова Юкатан со скоростью... Господи... пятьдесят два узла... ^[45]

Чичен-Ица

Около двухсот тысяч фанатиков заполнили парковку и все подъезды к Чичен-Ице, крича и бросая камнями в тяжеловооруженную мексиканскую милицию. Они с трудом пробивались сквозь толпу ко входу в древний город майя.

Внутри парка их ожидали четыре танка Адамса, занявшие позиции у каждой из граней пирамиды Кукулькана. В джунглях, скрытые густой зеленью, ждали своего часа тяжеловооруженные «зеленые береты».

К западу от пирамиды Кукулькана находилась древняя Большая площадка для игры в мяч — огромный комплекс I-образной формы. Поле окружали известняковые стены. Восточную стену образовывал трехэтажный храм Ягуара, вход в который охраняли колонны в виде пернатых змей.

Вдоль северной границы Большой площадки шла ограда, которую именовали храмом Бородатого мудреца. На его фасаде был вырезан потрясающий барельеф, на котором Кукулькан выходил из пасти огромной пернатой змеи. По основанию ограды шел еще один барельеф, на котором двухголовый змей пожирал мертвое тело Кукулькана в тунике.

Высоко над землей в восточную и западную стены были вмонтированы каменные кольца — древние «баскетбольные корзины», расположенные вертикально. Игра в мяч, которую ольмеки превратили в ритуал, должна была символизировать битву добра и зла, сил света и сил тьмы. Две команды воинов соревновались между собой, пытаясь забросить каучуковый мяч в вертикальное кольцо, используя только локти, колени и лодыжки. Награда за победу, да и мотивация были просты: победители получали приз, проигравшие лишались головы.

Майкл Гэбриэл стоял в центре девяностопятиметрового травянистого поля, изучая тень «трутня», и отдавал приказы троице спецназовцам, а те, вооружившись лопатами и ломом, в двухметровом проломе пытались пробиться сквозь известняковую почву к тому месту, где смыкались когти «трутня».

От воздействия силового поля, окутывавшего инопланетный механизм, у Мика наэлектризовались волосы. Он обернулся: на площадку с южной стороны влетел джип. Генерал М. Уэйн Джексон сдвинул фуражку на затылок, пригладил короткие волосы и выпрыгнул из машины.

— Только что пришло сообщение. Инопланетный корабль поднялся на поверхность. Как ты и говорил.

— ВВС смогли его уничтожить?

— Нет. Эта штука защищена тем же силовым полем, что и вот этот чертов урод. Но это еще не все. Из корабля вышел пришелец...

— Пришелец? Как он выглядел? — Сердце Мика заколотилось с силой парового молота.

— Не знаю. Излучение пирамиды до сих пор глушит сигналы, поэтому я не все разобрал. Известно только, что эта тварь просто огромна и сейчас она быстро движется сюда.

Генерал опустил на корточки у края ямы.

— Капитан Кетчпол, вы и ваши люди нужны мне в другом месте.

— Есть, сэр.

— Генерал, но мы не можем сейчас бросить...

— Контейнер, который ты хочешь откопать, Гэбриэл, — это твоя проблема, а не наша. Мне нужны мои люди, все до единого, иначе мы не удержим периметр. Что ты вообще ищешь?

— Я уже сказал вам, это нечто вроде камня, круглый объект размером с футбольный мяч. Скорее всего, он находится прямо под когтями трутня.

Эй Джей Кетчпол выбрался из ямы, за ним показались двое спецназовцев, все покрытые толстым слоем белесой пыли.

Капитан открыл фляжку, сделал несколько глотков, прополоскал рот и сплюнул.

— Вот что я тебе скажу, Гэбриэл. Мы нашли что-то вроде металлического контейнера, но если мои люди попытаются его вынуть, тоннель попросту обрушится под весом трутня. Мы оставили там фонарик. Хочешь — спускайся и сам попробуй вытащить эту штуку, но я бы не советовал.

Военные забрались в джип.

— Предлагаю закончить с этим до того, как здесь начнется фейерверк, — заметил генерал.

Мик подождал, пока джип скроется из виду, затем быстро спустился по веревочной лестнице в пролом. С киркой в одной руке и фонариком в другой он пополз на четвереньках, прислушиваясь к звукам, доносившимся с поверхности.

Узкий тоннель тянулся в сторону на три с половиной метра и заканчивался глухой стеной, где сверху виднелись когти трутня, а между ними, в известняке, Мик увидел нижнюю часть иридиевого

контейнера, очень похожего на тот, который Мик вместе с отцом выкопали на плато Наска.

Мик начал осторожно освобождать контейнер из известняковой хватки, раскачивая его из стороны в сторону, как сразу ему на спину посыпалась известняковая крошка. Мик посмотрел вверх — по всему потолку змеилась трещина. Но он продолжал копать, понимая, что в любую минуту потолок может обрушиться и похоронить его под грудой камней.

Известняковая пыль продолжала сыпаться Мику на спину. Он отчаянно рванул контейнер на себя — и в ту же секунду часть потолка обвалилась. Мик едва успел отпрянуть — белая пыль застилала глаза — и быстро пополз по тоннелю назад. Потолок затрещал и с грохотом обвалился. «Трутень» весом в тонну провалился в тоннель.

Мик, покрытый пылью с головы до ног, с окровавленной левой рукой, в которой он сжимал металлический контейнер, успел выбраться из тоннеля. Отплевываясь и кашляя, он полез вверх по веревочной лестнице, упал на спину у края ямы и с удовольствием втянул в себя чистый воздух. Нащупав фляжку с водой, он ополоснул лицо, сделал несколько глотков и наконец осмотрел свою добычу.

Несколько минут он просто разглядывал изображение Трезубца Паракаса — подпись Стража, — затем собрался с духом и открыл контейнер.

— Ладно, Юлиус, посмотрим, что ты скрывал от меня все эти годы.

Он отложил крышку в сторону и достал из контейнера...

Это еще что такое?

Нефритовый камень, округлый и тяжелый, размером с человеческий череп, из которого торчала рукоять обсидианового ножа. Мик попытался вынуть его, но тот застрял намертво. На поверхности камня он заметил гравировки. Первая изображала эпическую битву бородача, представителя европеоидной расы, с огромной пернатой змеей, а за ней — силуэт человека, сжимающего в руках какой-то округлый предмет. Вторая была портретом майяского воина.

Мик уставился на выгравированное в камне лицо, чувствуя, как руки покрываются гусиной кожей.

О господи... Это же я...

Мексиканский залив

Вертолет Сикорского SH-60B «Морской ястреб» летел над белыми барашками волн на высоте пятнадцать метров во главе эскадры военных вертолетов. Гораздо выше шли истребители и группа БЛА, датчики которых были направлены вниз, на быстро движущуюся в миле от них цель, оставлявшую белую рябь.

Доминика смотрела в окно, туда, где в утренней дымке проступала береговая линия полуострова Юкатан.

Генерал Фекондо хлопнул по плечу второго пилота.

— Почему истребители прекратили огонь?

Пилот обернулся.

— Они доложили, что цель находится слишком глубоко и движется слишком быстро. Без системы самонаведения они не могут в нее попасть. Не волнуйтесь, генерал, скоро пришельцу придется выйти из моря. И тогда наши птички просто размажут его по поверхности.

Президент Чейни повернулся к Доминике: казалось, его лицо стало серым от усталости.

— Как ты себя чувствуешь?

— Мне сразу станет лучше, когда... — она запнулась, посмотрев на воду, которая словно рванулась им навстречу. — Эй, осторожней! Поднимите нас выше!

Волна цунами поднялась над морской гладью со скоростью, во много раз превышающей возможности истребителя. На мелководье волна-убийца замедлила свой бег, но взметнулась еще выше, словно сознательно хотела слизнуть вертолет, как надоедливую букашку.

— Черт... — Пилот крепко сжал штурвал, когда поток воздуха над гигантским цунами подцепил вертолет, как доску для серфинга.

Доминика вцепилась в спинку сиденья: «Сикорский» болтало из стороны в сторону. Несколько жутких мгновений вертолет балансировал на гребне волны, а потом смертоносное цунами высотой двадцать пять метров с оглушительным ревом обрушилось на берег, оставив вертолет в покое.

«Морской ястреб» выровнялся над уничтоженным ландшафтом, а пассажиры и команда ошеломленно наблюдали, как огромная волна катится в глубь побережья, сметая все на своем пути.

Оглушительный рев донесся сверху — к ним спускались истребители авиационного крыла.

— Генерал, они докладывают, что потеряли визуальный контакт с целью. Пришелец исчез.

— Попал в волну?

— Нет, сэр.

— Так куда же он мог деться? — заорал Чейни. — Эта гребаная штука слишком большая, чтобы просто так исчезнуть!

— Должно быть, он все еще в море, — сказал генерал. — Пошлите вертолеты проверить координаты его последнего местонахождения. Прогоните истребители над берегом. Нам нужно поймать эту штуку до того, как она выберется на берег.

Остров Санибел, западное побережье Флориды

Эдит Акслер проснулась от тревожного сигнала SOSUS и, подняв голову со стола, на котором уснула, потянулась к компьютерному терминалу за наушниками, надела их и прислушалась.

В этот миг в лабораторию вошел Харви и замер, наблюдая, как меняется выражение лица его тети.

— Тетя Эдди, вы в порядке?

Она бросила ему наушники и быстро включила сейсмограф.

Харви прислушался к скрипу писчика, мечущегося по бумажной ленте.

— Что за...

— Сильнейшее землетрясение под шельфом Кампече, — выдохнула Эдди, пытаясь унять сердцебиение. — Произошло меньше часа назад. Тот рокочущий звук, который ты слышишь, исходит от нескольких очень мощных волн цунами. Они зарождаются на мелководье вдоль шельфа западного побережья Флориды...

— Зарождаются?

— Они замедляют свой ход, попадая на мель, соединяются и начинают расти, а дойдя до берега, достигают максимальной высоты и силы. Они уничтожат все острова у побережья...

— Скоро?

— Думаю, минут через пятнадцать-двадцать. Я позвоню в береговую охрану и в мэрию, а ты свяжись с полицией и пригони сюда машину. Нужно выбираться отсюда к чертовой матери.

Над береговой линией Юкатана

Доминика наблюдала из своего иллюминатора, как гигантская волна цунами возвращается в море, увлекая за собой вырванные с корнем пальмы, обломки домов и трупы животных.

— Мистер президент, мы теряем время...

Чейни обернулся к ней.

— Но инопланетянин до сих пор где-то здесь.

— А что, если нет? Что, если он уже в Чичен-Ице, как Мик и предупреждал?

Теперь к ней повернулся и генерал Фекондо.

— Тридцать наших вертолетов патрулируют береговую линию Юкатана. Как только эта тварь покажется на поверхности...

— Подождите-ка... Мик говорил, что геологическое строение полуострова напоминает гигантскую губку. Там ведь целый лабиринт подземных пещер и каверн, которые наверняка соединяются с морем! Пришелец не покажется на поверхности, он будет двигаться под землей!

Остров Санибел

Эдди колотила в дверь подруги.

— Сюз, открывай немедленно!

Сью Рубен, до конца не проснувшись, открыла входную дверь.

— Эд, да что...

Эдди схватила ее за руку и потащила к машине.

— Эдди, господи, да что ты делаешь, я же в пижаме!

— Залезай. Быстрее! На нас идет цунами! — Харви нажал на газ, машину рвануло на бешеной скорости, и они вылетели из жилой зоны в сторону главной дороги.

— Цунами? Большое? А что будет с островом?

— Вертолеты береговой охраны разберутся с порядком на улицах и эвакуируют людей с побережья. По радио и телевидению уже десять минут передают сигнал тревоги и рассказывают о путях эвакуации. Разве ты не слышала сирен?

— Я сплю без слухового аппарата.

Харви ударил по тормозам, когда они приблизились к четырехполосному шоссе на выезде из города. Единственный мост, соединяющий остров Санибел с континентом, был битком забит машинами.

— Похоже, нам не проехать, — прокричал Харви сквозь вой сирен и гудки застрявших в пробке автомобилей.

Эдди взглянула на часы.

— Плохо. Нужно выбираться отсюда.

— Пешком? — Сью покачала головой. — Эд, до ближайшего бункера больше мили. А я в домашних тапочках...

Эдди рывком раскрыла дверь и вытащила подругу из машины. Харви подхватил тетю под свободную руку и повел пожилых женщин мимо забитого транспортом шоссе к противоположному краю моста.

Эдди заметила нескольких подростков, мчащихся прочь на мотороллерах, и прикрыла глаза рукой, чтобы рассмотреть, что там. Над побережьем острова Санибел из залива поднималась гигантская волна, а тем временем к берегу медленно шел красно-черный нефтяной танкер.

Сью Рубен оглянулась и недоверчиво спросила:

— Господи, неужели я не сплю?

Автомобильные гудки завывали с удвоенной силой, отчаявшиеся пассажиры выскакивали из машин, а сорокаметровая волна приближалась с бешеной скоростью. Вот она достигла танкера и завертела огромный корабль словно пушинку, переворачивая его снова и снова. Мост задрожал от грохота надвигающейся водной горы. Казалось, весь мир вздрогнул, когда невероятной силы удар обрушился на берег Санибела. Искалеченный танкер врезался в пятиэтажный дом, и рев погребального колокола заполнил воздух.

Эдди потащила подругу и племянника к пустотелой опоре моста. Харви открыл люк и втокнул их внутрь, захлопнув дверь за миг до того, как цунами обрушилось на острова Санибел и Каптиву, отчего

огромная приливная волна ударила в берег и заревела вокруг их убежища.

Харви прижался к закрытой двери, а Эдди опустила Сью на пол. Волна цунами пронеслась по мосту и накрыла их убежище.

Конструкция из бетона и стали застонала. Морская вода прибывала со всех сторон, заполняя прямоугольное плексигласовое помещение. Эдди, Харви и Сью прижались друг к другу, окутанные тьмой и холодной морской водой.

Рев цунами заполнил все вокруг, как сигнал приближающегося локомотива, мощь огромной волны заставляла опору моста трястись от основания до верха.

Вода накрыла их с головой. Эдди зажмурилась, ожидая смерти. Ее последняя мысль была об Изе — встретятся ли они снова?

И вдруг все просветлело.

Харви толкнул дверь.

Трое выживших выбрались наружу в схлынувшем потоке воды, откашливаясь и пытаясь отдышаться.

Вокруг них был метровый слой быстро движущейся воды.

Эдди обняла Сью, не давая ей упасть, помогая справиться с течением.

— Все в порядке?

Сью кивнула.

— Может, нам стоит вернуться?

— Нет, цунами будет накатывать еще несколько раз. Нужно бежать отсюда.

Взявшись за руки, они зашагали по затопленному мосту, как вдруг течение окружающей воды замедлилось и внезапно сменило направление, грозя сбить их с ног и утащить в море. Вцепившись в уцелевший шлагбаум, они молились о том, чтобы смерть прошла стороной и их не унесло в открытое море.

Чичен-Ица

Мик держал округлый объект двумя руками и смотрел на портрет древнего воина, борясь с ощущением, что смотрит в зеркало. Вдруг от порыва ветра в иридиевом сосуде что-то завибрировало.

Мик заглянул внутрь и с удивлением обнаружил кусок выцветшего картона.

Его руки задрожали, когда он заметил написанные знакомым почерком слова.

«Мой дорогой Майкл!

Если судьба привела тебя сюда, ты наверняка испытываешь ту же растерянность, что и мы с твоей матерью, когда в наши руки попал этот объект, впервые извлеченный на свет в 1981 году. Ты был совсем маленьким мальчиком, тебе только исполнилось четыре, и я... я оказался настолько глуп, что принял изображение этого воина за свой портрет. А потом твоя мама указала мне на то, что глаза изображенного воина гораздо темнее моих, и мы инстинктивно осознали, что на этом камне изображен ты.

Теперь ты знаешь, почему мы с твоей матерью не решились прервать поиски правды и почему лишили тебя нормального счастливого детства в Штатах. Тебя ждет великая судьба, Майкл, и мы, твои родители, должны были подготовить тебя к ней.

Спустя два десятилетия поисков я все еще не уверен в том, что знаю, для чего предназначен этот нефритовый объект. Подозреваю, что это некий вид оружия, оставленный нам самим Кукульканом, однако мне не удалось обнаружить никаких подсказок относительно его работы и назначения. Я узнал лишь, что обсидиановому ножу, погруженному в этот камень, более тысячи лет и раньше он мог использоваться в качестве церемониального оружия, которым вырезали сердца тех, кого приносили в жертву. Я могу лишь надеяться, что к зимнему солнцестоянию 2012 года ты выяснишь все остальное.

Я молю Бога помочь тебе в твоём предназначении, каким бы оно ни было, и молюсь о том, что когда-нибудь ты все же найдешь в своем сердце достаточно сил, чтобы простить мне все то, что я сделал.

Твой любящий отец

Ю.Г.»

Мик снова и снова перечитывал письмо, а его сознание сражалось с мыслью о том, что все происходящее — правда.

Этого не может быть! Мне нужны ответы!

Он поднялся, бросил письмо и контейнер обратно в яму, прижал к груди нефритовый череп и побежал через опустевшее поле к западной грани пирамиды Кукулькана.

Вытирая со лба испарину и остатки известняковой пыли, мокрый от пота, он достиг вершины и вошел в северный коридор, который соединялся с гидравлическим шлюзом Стража.

Словно опознав его, сегмент пола поднялся, открывая проход на винтовую лестницу, смутно освещенную красным излучением межзвездного корабля.

Мик нырнул в открывшийся проход и сбегал вниз по лестнице.

У обшивки корабля он прижал кровотокающую ладонь к светящемуся Трезубцу Паракаса, и перед ним открылся внутренний отсек, приглашая внутрь.

— Страж, поговори со мной. — Он вбежал в главную комнату, активировал саркофаг. Как только крышка отъехала в сторону, он нырнул внутрь и, закрыв глаза, услышал, как саркофаг закрылся и заработал.

Перед ним открылся сияющий тоннель. Мик позволил своему сознанию скользнуть внутрь.

И снова обнаружил себя парящим над райским тропическим ландшафтом, почувствовал рядом чье-то присутствие.

— Страж, скажи, ведь я избран? Именно я ваш генетически запрограммированный мессия?

— Ты один из Избранных, никто иной не мог бы попасть в мой корабль. Ты Хун-Ахпу. Ты единственный, кто смог дойти настолько далеко.

— И где же все остальные?

— На протяжении последнего цикла прецессии мы вырастили несколько поколений Хун-Ахпу.

Мик покачал головой, не в состоянии принять то знание, которое Страж пытался внушить ему.

— Прости. Я все еще не могу в это поверить...

— Хун-Ахпу обладают особым восприятием. Они запрограммированы предчувствовать явление бога смерти. Доверься своим инстинктам, Майкл. Ведь ты чувствуешь его присутствие?

— Да... да, я МОГУ его чувствовать. И оно становится все сильнее. Все это время я... я и в самом деле думал, что схожу сума. Страж, ответь, я... Я действительно Первый Хун-Ахпу?

— Нет.

— Человечество в опасности! Я чувствую, как приближается зло. Страж, что-то пошло не так. Это присутствие... оно знает меня!

— Майкл, ты не первый избранный. Давным-давно, во время прошлого цикла прецессии, другой Хун-Ахпу путешествовал по Черной дороге. Когда портал открылся, в него шагнули два помощника бога смерти и вошли в Срединный мир. Они явились с Шибальбы и уничтожили твоего предшественника. Нефилим смогли закрыть портал до того, как бог смерти попытался войти в него, но было слишком поздно, урон уже был нанесен. Зло пустило корни в вашем саду.

— А эти два его помощника — они всегда были здесь? Они влияли на человечество?

— Да. И ожидали, когда космический портал снова откроется. Именно поэтому Нефилим остались на Земле, чтобы подготовить человечество к последней битве.

— Но я не справлюсь с ними в одиночку. А как же легендарные близнецы? Хун-Ахпу и Шбаланке? Согласно «Пополь Вух»...

— Нет! Легенда о героях-близнецах — это та часть пророчества Нефилим, которая может никогда не стать правдой. Рождение и судьба близнецов зависят от того,

сможет ли Первый Хун-Ахпу совершить путешествие в Шибальбу.

— Я не понимаю... А что, если он никогда...

— Тебе и не нужно это понимать. Портал открывается, бог смерти приближается. Майкл, на этот раз мы, Нефилим, не сможем закрыть Черную дорогу. Выживание твоего вида зависит только от тебя.

— И что мне теперь делать? Как мне этого добиться? Страж, мне необходима помощь...

— Я не могу тебе помочь. Два помощника бога смерти становятся сильнее и сильнее. Они могут читать твои мысли. Если я сейчас подскажу тебе что-либо, наша битва будет проиграна.

— Ты говоришь загадками. Как я...

— Ты должен войти в Шибальба Бе.

— Но где находится Шибальба Бе? В том космическом корабле под заливом? Мне придется вернуться туда и попасть внутрь?

— Шибальба Бе сама к тебе придет. Воспользуйся своим оружием, чтобы уничтожить Тескатлипоку, затем выходи на Черную дорогу. Два повелителя Нижнего мира выйдут тебе навстречу и бросят вызов. Они захотят помешать тебе закрыть космический портал прежде, чем прибудет Он.

— А если я закрою портал?

— Тогда два повелителя Нижнего мира исчезнут с лица земли, позволив человечеству эволюционировать. Если ты одержишь победу, тебя будут ожидать две судьбы. Если ты проиграешь, оба наши народа умрут.

— Что ты имеешь в виду, говоря о двух судьбах?

— Когда придет время, ты все узнаешь.

— А как же Доминика? Страж, я люблю ее. Я не хочу ее терять.

— Не позволяй ей войти в Шибальба Бе.

При двух метрах роста и ста тридцати килограммах веса подполковник Майк Минг-Динг Слейер был самым рослым среди «зеленых беретов», когда-либо носивших униформу отряда «коммандос». Этот американец с хриплым голосом, в роду у которого были китайцы и ирландцы, бывший профессиональный игрок в американский футбол, теперь представлял собой чудо медицинских технологий, поскольку в его теле практически не осталось ни одного органа, который бы не прооперировали, не заменили или восстановили. Минг-Динг славился крутым нравом и привычкой пинать все, что под ногу попадет, когда ему не хватало слов или когда его колено или плечо выскакивали из сустава.

Член отряда «коммандос» вытер пот с верхней губы, пока его не учуяли москиты. *Три гребаных часа нам приходится вытаскивать трусы у себя из задницы в этих долбанных мексиканских джунглях.*

Минг-Динг уже давно созрел для того, чтобы что-нибудь пнуть.

В левом ухе раздался треск помех. Подполковник настроил коммуникатор.

— Слушаю, генерал.

— Спутниковая система наблюдения засекала возмущение электромагнитного поля, источник которого направляется к вам с севера. Предположительно это пришелец, который движется по подземным кавернам и может вынырнуть на поверхность из источника.

— Принято, генерал. Мы более чем готовы.

Офигенно вовремя. Минг-Динг отдал взводу приказ занять позиции по периметру карстового колодца. Каждый солдат был вооружен новой моделью ПИБСО (перспективного индивидуального боевого стрелкового оружия), самой смертоносной версией пулемета, существовавшей в мире на данный момент.

Устройство весом шесть с половиной килограммов имело два ствола: один стрелял очередями обычных патронов калибра 5,56, а второй — снарядами повышенной мощности, которые могли взрываться избирательно — во время попадания или с короткой задержкой — перед, за или над намеченной целью. Зона поражения ПИБСО составляла ровно тысячу метров, встроенная компьютерная система наведения при помощи лазерного дальномера сама

рассчитывала время взрыва снаряда. Помимо всего прочего, пулемет был оснащен прибором ночного видения и встроенной видеокамерой с шестикратным увеличением, которая транслировала изображение по зашифрованному каналу на браслет «коммандос». Это устройство позволяло солдату использовать оружие, не попадая в поле зрения противника.

Сержант «Рыжий Пес» Маккормик подошел к подполковнику, и они вдвоем уставились на поверхность пруда.

— Ну и где этот долбаный пришелец?

— Закон Мерфи номер шестнадцать, специальная сноска для военных: если ты в безопасности и вне поля зрения, не забудь громко сообщить об этом противнику.

Земля задрожала, по поверхности воды пробежала рябь.

— Кажется, я малость поторопился. — Минг-Динг подал сигнал, и его люди попятнулись от воронки, края которой дрожали все сильнее.

Рыжий Пес уставился на озеро сквозь лазерный прицел.

Давай, уродец, тащи сюда свою задницу.

Земля тряслась с такой силой, что десантники с трудом держались на ногах.

Дальняя стена карстовой воронки обвалилась, и на «зеленые береты» хлынул дождь из кусков известняка и грязной воды.

Из сенота показалась голова пришельца, и Минг-Динг почувствовал, как мышцы свело от страха.

— Ах ты сукин... Огонь! Огонь!

Шквальный огонь «коммандос» обрушился на пришельца.

Но пули не долетали до него. Щит чистой энергии, видимый только при соприкосновении со снарядами, окутывал гигантскую змею, словно вторая кожа. Некоторые пули просто рикошетили от этого силового поля, другие испарялись при соприкосновении.

— Какого хрена? — Минг-Динг с ужасом и недоумением смотрел, как его взвод продолжает уже бесполезный огонь.

Инопланетное создание проскользнуло мимо «коммандос», не обратив на них ни малейшего внимания, и по древней дороге майя сквозь джунгли направилось к пирамиде.

Минг-Динг включил передатчик.

— Генерал, огневой контакт с пришельцем... оказался безрезультатным. Наши пули на него не действуют, сэр, они просто

растворяются в воздухе или рикошетят, даже не коснувшись этой твари.

* * *

Мик услышал эхо приближающегося вертолета и выскочил из укрытия в пирамиде. На миг он застыл, оставаясь в тени северного коридора храма, и внимательно наблюдал за тем, как военный вертолет приземляется на площадку у западной грани пирамиды.

Он заметил ее: она шла за президентом и двумя военными.
Доминика!

Майкл...

Мик вскрикнул. Он увидел его. Что-то приближалось — что-то невероятно злобное!

Существо приближалось, ломая на своем пути деревья вдоль древней дороги.

Четыре танка Абрамса, стоявшие у подножия пирамиды, встали в ряд у северной грани, наводя прицел на древнюю майяскую сакбе.

Глаза Мика расширились, сердце бешено стучало.

Над верхушками деревьев показалась огромная голова пришельца с красными глазами, мерцавшими под полуденным солнцем словно рубины.

Тескатлипока...

Танки открыли огонь: четыре снаряда сто двадцатого калибра одновременно ушли к цели. Но ни столкновения, ни взрыва не произошло. Достигнув тела пришельца, снаряды коротко вспыхнули и просто растворились в воздухе.

Тело гигантской змеи накрыли танки. На несколько секунд «Абрамсы» исчезли в силовом поле пришельца, а потом снова показались в виде неузнаваемо искореженных титановых пластин.

Давно забытое воспоминание обожгло Мика. Сознание продолжало бороться, но генетическая память оказалась сильнее. *Это создание... оно существует сразу в нескольких измерениях!*

Пернатый змей начал подниматься по северной лестнице, демонически сверкая глазами. Золотистые вертикальные зрачки,

раньше утопавшие в этом красном свете, внезапно расширились и засияли, словно адские печи.

Вход в Шибальба Бе — пасть огромной змеи. Страж сказал, что Шибальба Бе сама придет ко мне.

— Господи, этот пришелец *и есть* Черная дорога!

Змея застыла на краю платформы. Не обращая внимания на Мика, она разинула пасть, и меж ее клыков он увидел сгусток изумрудной энергии.

С громким шипением известняковые стены храма засияли тысячами огоньков и начали испаряться.

Мик попятился от волны жара и присел под тремя верхними ступенями северной лестницы.

Спустя несколько мгновений жар утих. Все, что осталось от храма на вершине пирамиды, — это поднимающаяся, словно флагшток, пятиметровая иридиевая антенна, ранее скрытая во внутренней стене храма.

Излучение! Эта тварь хочет взорвать своих трутней!

Внезапно все мысли отступили, и теперь Миком руководил только древний инстинкт выживания. Из кончиков его пальцев заструились нервные импульсы, оживившие нефритовый камень, который он машинально продолжал сжимать. Древний объект запульсировал энергией.

Пришелец замер, в кроваво-красных глазах от золотых зрачков не осталось и следа. Змей невидящими глазами смотрел на нефритовый шар, словно загипнотизированный его силой.

Сердце Мика грохотало, как паровой молот, руки дрожали от потока энергии, пронизывающего все его тело.

Ослепший змей не сводил с него глаз.

Мик зажмурился, пытаясь сохранить остатки самообладания. *Уведи эту тварь от излучателя.* Держа древний шар на вытянутой руке, Мик начал спускаться по северной лестнице, осторожно, шаг за шагом, чтобы не сорваться с крутых ступенек. Змей, словно на невидимой привязи, потянулся за ним.

Доминика шагнула к нему... но остановилась, глядя на Мика расширившимися от шока глазами.

— О господи... О. Мой. Чертов. Бог.

— Дом. — Мик остановился рядом с ней. — Дом, тебе нельзя здесь находиться!

Чейни, генерал Фекондо и двое командующих неподвижно стояли у одной из каменных змеиных голов, не в силах осознать того, что происходит прямо у них на глазах.

— Доминика! — Свободной рукой Мик потряс ее за плечо, выводя из ступора.

— О боже... — Она схватила его за руку, пытаясь оттащить в сторону от пришельца. — Пойдем...

— Нет, подожди. Дом, помнишь, что я тебе говорил? Помнишь, что в «Пополь Вух» символизировало портал, ведущий к Черной дороге?

Она посмотрела на него, потом на ужасного пришельца.

— О нет. О господи, нет...

— Дом, пернатый змей *сам* является порталом Черной дороги...

— Нет...

— А я — Первый из Хун-Ахпу.

Майкл...

Майкл чувствовал, как тело покрывается гусиной кожей.

Она смотрела на него полными страха глазами; по лицу катились слезы, которые сдувал ветер.

— Ты ведь собираешься пожертвовать собой, верно?

— Дом...

— Точно так же, как майя раньше...

— Доминика, послушай меня! Мне придется это сделать...

— Нет! — Она схватила его за руку.

Я иду к тебе, Майкл. Я чувствую твой страх...

— Я не позволю тебе этого сделать! Мик, я люблю тебя...

— И я тебя люблю. Но прошу, пожалуйста, если ты хочешь еще когда-нибудь меня увидеть, уйди сейчас. Уйди, Дом, уходи немедленно! — Мик повернулся к Чейни. — Уведите ее отсюда! Быстро!

Доминика кричала и вырывалась, но генерал Фекондо и двое военных затащили ее в вертолет.

Чейни подошел к Мику, не сводя глаз с пришельца.

— Я должен справиться с этим в одиночку. Чейни, что бы ни случилось, держите Доминику подальше отсюда.

— Даю слово. А теперь окажи нам всем услугу и убей эту тварь. — Чейни попятился, затем забрался в вертолет, который через минуту поднялся в воздух.

Мика бил озноб, он опустился на одно колено, чувствуя, что теряет самообладание.

Яркий свет нефритового шара потускнел.

Инопланетная змея замотала огромной головой, и в ее глазах снова появились золотистые зрачки — вертикальные щели, которые продолжали расширяться. Еще два глаза возникли в черепе по бокам и уставились на Мика, а тот буквально похолодел, заметив, что сияние его оружия постепенно угасает.

Плохо дело...

Тескатлипока отклонился назад, поднимаясь на хвосте, и заревел, словно демонстрируя, что заклятие Мика больше не может сдержать его.

Четыре злобных зрачка уставились на него, словно впервые заметив. Челюсти змеи распахнулись. С верхних клыков потекла раскаленная черная жидкость, капли которой падали на известняковые ступени и разъедали их.

По телу Мика пронеслась волна адреналина. Он остался один. Ему негде было спрятаться, и не осталось никакой надежды... кроме обсидианового ножа, ручку которого он принялся лихорадочно сжимать.

Черное лезвие выскользнуло из камня... и внезапно в сознании Мика запылало древнее знание.

Тескатлипока разинул челюсти, обнажая еще одну пару клыков, и с невероятной скоростью бросился к Хун-Ахпу.

Словно ярко-синяя молния с верхушки антенны сорвалась вспышка энергии и настигла змею в прыжке. Окутанная сияющим излучением тварь забилась в агонии, по длинному телу побежали волны изумрудной энергии, острая чешуя поднималась и опускалась в ритмичных спазмах.

Мик неподвижно стоял перед жутким созданием, закрыв глаза и полностью сконцентрировавшись на излучении Стража, которое он набросил, словно сеть, на тело своего противника.

Содрогаясь от ярости, Тескатлипока испустил жуткий вопль, звуковая волна от которого пронеслась по площади, обрушив колонны

храма Воинов. Мик поднял над головой нефритовый камень, прислушиваясь к своим новоприобретенным инстинктам Хун-Ахпу. Его оружие бешено пульсировало, излучая белые волны энергии, которые обжигали ему руки.

Он открыл глаза и размахнулся — бросил камень прямо в раскрытую пасть пришельца.

Вспышка энергии была ослепительной, как рождение сверхновой звезды.

Тескатлипока забился в судорогах, словно через его тело пропустили миллионы ватт электричества.

Мик упал на колени, ослабляя излучение.

Безжизненное инопланетное создание скатилось по ступеням северной лестницы, когда-то сияющие глаза стали тускло-серыми, открытая пасть застыла между двумя известняковыми колоннами, изображающими пернатых змей. Разинутая пасть пришельца обрамляла северную лестницу, как диковинный переплет.

Мик, дрожа всем телом, упал на спину и попытался вдохнуть хоть немного спасительного воздуха.

Доминика, сидевшая лицом к иллюминатору, закричала от радости и крепко обняла сидевшего рядом Чейни.

— Ну ладно, ладно. Опускайте машину, лейтенант. Юная леди жаждет увидеть своего рыцаря.

Генерал Фекондо, прижимающий рацию к уху, пытался расслышать хоть что-то сквозь радостные вопли команды.

— Повторите, адмирал.

Голос адмирала Гордона заскрипел в наушнике:

— Инопланетный корабль все еще окружен силовым полем. Вы уничтожили эту тварь, но источник энергии все еще активен.

Мик лежал на спине с закрытыми глазами, ощущая камни и траву под собой, а его измученный мозг пытался восстановить ту связь, при помощи которой он раньше смог активировать излучатель Стража.

Он разочарованно поднялся и сел. *Я Хун-Ахпу, но я не Первый. Я не могу достичь Черной дороги. Я не могу закрыть портал.* Он обернулся и увидел взвод тяжело вооруженных «коммандос», выбирающихся из джунглей.

Минг-Динг Слейер рывком поднял его на ноги.

— Сукин ты сын, Гэбриэл, как ты умудрился это сделать?

— Хотел бы я знать!

«Коммандос» выпустили по несколько очередей в неподвижную голову змея, но пули по-прежнему испарялись, не долетая до цели.

Майкл...

Он посмотрел вверх... и замер. Этот голос звучал как-то иначе, он был ему знаком. И он казался утешающим.

Мик закрыл глаза, стараясь очистить сознание, погрузиться в его глубины и достичь источника этого голоса. Он погружался все глубже, сквозь слои страха и замешательства, и наконец достиг святая святых подсознания. Это ощущение было похоже на летнее купание в чистой реке.

Отбрось свои страхи, Хун-Ахну. Открой портал и ступай на Черную дорогу. Повелители Нижнего мира выйдут навстречу и бросят тебе вызов. Они попытаются помешать тебе, не дать закрыть космический портал, по которому должен будет пройти бог смерти. Если ты не справишься, оба наши народа погибнут.

Мик открыл глаза, сфокусировав взгляд на голове Тескатлипоки.

Антенна Стража выдала сияющий голубым электрическим светом луч энергии, который окутал безжизненную голову змея.

Челюсти зашевелились, заставив перепуганных «коммандос» попятиться и непроизвольно открыть огонь по мертвой твари.

Мик закрыл глаза и сконцентрировался. Челюсти прищельца раскрылись невероятно широко, открывая ряды острых черных зубов и невероятно длинные черные клыки.

Из глотки змея появилась вторая голова точно такой же формы, но немного поменьше.

Мик продолжал жмуриться, заставляя себя добиться предельной концентрации.

Третья, последняя голова появилась из пасти второй, челюсти распахнулись и замерли.

И возникла Черная дорога.

Это был столб вращающейся энергии, космическая червоточина, соединяющая пространство и время, пронизывающая тело гигантской змеи и теряющаяся в бесконечности, уходящая в темное небо сияющей полосой зеленого света.

«Коммандос» бросили оружие. Минг-Динг упал на колени, словно взглянув в лицо Господа.

Где-то справа от Мика приземлился президентский вертолет.

Мик смотрел на открывшийся портал, проверяя свою решимость, чтобы отбросить страх.

— Мик!

Доминика выпрыгнула из вертолета.

Не позволяй ей коснуться Черной дороги.

— Чейни, убери ее отсюда!

Президент схватил девушку за руку.

— Отпустите меня! Мик, что ты делаешь...

Он посмотрел на нее, чувствуя, как сжимается сердце. *Иди... Иди туда, немедленно, пока она не побежала за тобой!*

— Доминика, прости. Я люблю тебя.

Сжимая в правой руке обсидиановый нож, он обернулся, перешагнув через нижний ряд зубов и вошел в пасть огромной змеи.

21 декабря 2012 года

Четыре Ахау три Канкин

Челюсти рептилии сомкнулись за ним, и третья голова втянулась в пасть второй.

Мик стоял в абсолютной темноте, чувствуя, как бешено колотится сердце. Внезапно его потащило вперед с ошеломляющей скоростью, хотя он не сделал ни шага. Внутренности скрутило, он ощутил тошноту от перегрузки. Он закрыл глаза, борясь с тошнотой, и прижал к груди обсидиановый нож.

Свет.

Мик открыл глаза, отвратительные ощущения отступили. Он уже не в пасти огромной змеи, теперь он стоял посреди Большой площадки для игры в мяч, со всех сторон окруженной тоннелем вращающейся энергии.

Все вокруг казалось странным, словно Мик смотрел на мир сквозь фиолетовые очки. За гранью вращающегося энергетического поля простиралось лавандовое небо, на нем сияли миллионы звезд, каждая из которых казалась калейдоскопом энергетических лучей, пронизывающих Вселенную. Прямо над его головой находился темный участок Млечного Пути, энергетическая рябь проносилась по его поверхности, как волны удивительной реки в бордовом пространстве космоса.

Он шагнул вперед, и окружающие его предметы смазались, словно он двигался быстрее, чем мог воспринять человеческий глаз.

Я попал в другое измерение.

В ста метрах от него, в конце Площадки, прямо под храмом Бородатого мудреца, находилась еще одна змеиная пасть. Из нее навстречу Мику шагнула закутанная в плащ фигура.

Он вздрогнул, чувствуя, как волны адреналина подхлестывают страх, и крепче сжал рукоять кинжала.

Существо приблизилось к нему. Тяжелые складки накидки, полностью скрывавшие руки, взмыли вверх, к капюшону, и отбросили его, открывая лицо...

Глаза Мика расширились от удивления, а мышцы ног превратились в желе. Он упал на колени, переполненный эмоциями и полностью выбитый из колеи; в мозгу роились тысячи мыслей, однако ни одной он не мог бы сейчас сформулировать.

Мария Гэбриэл посмотрела на сына и улыбнулась.

Она снова была молодой красивой женщиной, которой недавно исполнилось тридцать. Никаких признаков рака, никакой мертвенной бледности — только легкий румянец на прекрасном лице. Тяжелые вьющиеся волосы спускались на плечи, а ее черные глаза излучали материнскую любовь.

— Майкл.

— Нет... ты не можешь... это не может быть правдой... — В горле застрял ком.

Она погладила его по щеке.

— Но я настоящая, Майкл. Я так по тебе соскучилась.

— Господи. Я тоже скучал. — Он схватил ее ладонь, прижал к лицу. — Мама... но как?

— Ты еще многого не понимаешь. Наши представления о жизни, метаморфозы, которые происходят после смерти, — это лишь переходный период из одного состояния сознания в другое. Избавившись от плоти, мы переходим на новый уровень существования.

— Но почему ты здесь? Что это за место?

— Это портал, связующее звено двух миров. Меня послали сюда, чтобы я стала твоим проводником, Майкл. Ты так запутался, сынок, ты верил только Нефилим... А все, что они тебе говорили, было ложью. Они врали нам, Майкл, все время врали! Открытие портала — это Второе пришествие. А Нефилим — это зло, которое боится уничтожения. Дух Шибальбы движется сквозь космос. Он достигнет Земли и принесет человечеству мир и любовь. Таково предназначение людей, Мик, их — и твое.

— Я... Я не понимаю.

Она улыбнулась, убрала со лба прядь волос.

— Ты первый из Хун-Ахпу, Первоотец. Ты проводник, в котором соединились наследия двух миров.

Мария грациозно подняла руку, указывая на противоположный край Площадки. Еще одна фигура возникла в пасти змеи. На этот раз в белом плаще.

— И тебя ждет Изначальная Мать.

От удивления он раскрыл рот. Это была Доминика!

Мария остановила его.

— Подожди. Будь осторожней, Майкл. Она еще не пришла в себя, не привыкла к новому состоянию.

— Что ты имеешь в виду?

Мария взяла Доминику за руку. Глаза девушки были широко открыты, но пусты, как у новорожденного ягненка. И все же ее красота потрясала.

— Она не смогла жить без тебя.

— Она умерла?

— Покончила с собой.

Мик вскрикнул, когда мать осторожно убрала с виска Доминики прядь волос, открывая пулевое отверстие.

— О Боже...

Рана заживала на глазах.

— Ее судьба тесно переплелась с твоей. Она твоя Ева, ты ее Адам. И ваши души станут источником нового мира на Земле, нового понимания духовности.

Он наблюдал, как постепенно лицо Доминики обретает осмысленное выражение.

— Мик? — Она широко улыбнулась и бросилась в его объятия, крепко обхватив его руками.

Мик обнял ее, чувствуя, как любовь переполняет его душу.

И тут в его голове снова зазвучал тоненький голосок, требующий немедленно найти объяснение всему происходящему.

— Подожди... Что ты имеешь в виду, говоря «наши души»? Я что, тоже мертв?

— Нет, милый, пока нет. — Мария указала на обсидиановый нож.

— Ты должен принести себя в жертву — жертву, искупающую все грехи, — чтобы спасти человечество от гибели.

Мик уставился на нож, его руки задрожали.

— Но почему? Почему я должен умереть?

— Иначе нельзя, Майкл. Есть множество вещей, которые ты пока не в силах осознать. — Мария снова коснулась его щеки. — Я знаю, что тебе страшно. Но все будет хорошо. Это лишь мгновенная боль, необходимая для освобождения от пут физической оболочки, вот и все. А затем — вечный покой.

Доминика поцеловала его в щеку.

— Я люблю тебя, Мик. Теперь я все понимаю. И я чувствую тебя всем сердцем. Мы предназначены друг другу.

Он коснулся острого лезвия, на пальце выступила капелька крови.

Кровь была синей!

Воспоминание о комнате Тескатлипоки сменили слова Стража. Это был едва слышимый шепот из подсознания: *«Два повелителя Нижнего мира выйдут тебе навстречу и бросят вызов...»*

— Мик, ты в порядке? — Доминика прижалась к нему, обеспокоенно заглядывая в глаза. Он крепче сжал пальцы на рукояти ножа. — Я люблю тебя.

— И я тебя люблю.

Она обняла его, потерлась носом о его шею.

— Я пожертвовала земной жизнью, потому что не могла оставаться там без тебя. Думаю, мы с тобой и вправду родственные души.

Родственные души? Он обернулся к Марии.

— Где мой отец?

— На пути сюда из Шибальбы.

— Юлиус в Шибальбе?

Неуверенность, промелькнувшая на ее лице, быстро исчезла.

— Юлиус сейчас в другой реальности. Ты должен умереть, чтобы снова встретиться с ним.

— Но я ведь вижу тебя. И я вижу Доминику.

— Доминика — твоя Изначальная Мать, а я твой проводник. Но как только ты придешь к нам, сможешь увидеть всех...

Он вспомнил, как его отец прижимал подушку к лицу умирающей матери, и поднял нож, рассматривая лезвие.

— Мама, Юлиус действительно любил тебя, верно?

— Да.

— И он всегда говорил, что вы с ним родственные души.

— Как и мы, — вставила Доминика.

Мик не обратил на ее слова внимания, фокусируясь на своей догадке.

— То, что он сделал, уничтожило его душу. Он страдал до конца своих дней.

— Да, я знаю.

— А я был таким эгоистом... Я никогда не задумывался о том, что он сделал и почему. — Мик посмотрел матери в глаза. — Папа так любил тебя, что предпочел страдать до конца своих дней, каждый миг, каждую секунду, лишь бы избавить тебя от мучений. И не покончил с собой. Он остался. Ради меня.

Он развернулся к Доминике, прижал ее к себе, погладил по щеке.

— Теперь я понимаю. То, что сделал мой отец — убил родную душу, — он сделал ради нее, чтобы избавить ее от страданий. Он выбрал самый трудный путь, принесся себя в жертву.

Мик прижал кончик ножа к своей груди, взглянул на небо. Эмоции, которые он так долго сдерживал, вырвались наружу.

— Папа, я тебя люблю! Услышь меня, пап! Я люблю тебя — и я тебя прощаю!

Он встретился глазами с Доминикой, пытаясь заглянуть ей в душу

Его грудь, содрогавшуюся от рыданий, сжало в тиски от ярости, и на шее выступили вены.

— Я Хун-Ахпу, и я знаю, кто вы такие!

Молниеносным ударом Мик вогнал нож в горло Доминики, сбивая ее с ног и заваливая на спину. Черная жидкость растеклась по лезвию, когда он провернул нож, вонзив его поглубже.

Существо в его руках корчилось в агонии, хрюкало, стонало, его кожа потемнела, стала темно-коричневой и начала разлагаться на глазах.

С воинственным кличем Майкл дернул нож, отделяя голову врага от тела, а тем временем тварь, притворявшаяся его матерью, зашипела. Ее золотистые вертикальные зрачки красных глаз испепеляли ненавистью, клыкастый рот превратился в черную дыру.

Мик ударил существо ножом, целясь в сердце. Плоть стекла с лица Марии, обнажая демоническую маску. Долю секунды спустя существо рассыпалось в прах.

Доминика закричала, когда пернатый змей прямо у нее на глазах растворился в воздухе, схватилась за сердце и рухнула на землю прежде, чем Чейни успел подхватить ее.

На борту «Джона С. Стенниса»

Адмирал Джеффри Гордон навел бинокль на инопланетный корабль.

— Последняя ракета достигла цели! Силовое поле исчезло, продолжайте огонь!

Еще две крылатые ракеты «Томагавк» врезались в иридиевый купол, когда адмирал наблюдал, как инопланетный корабль исчезает с лица земли.

Майяская площадка исчезла.

Майкл Гэбриэл стоял в изумрудном водовороте энергии, вокруг него с невероятной скоростью вращались стенки светового тоннеля. Он чувствовал, как небесно-голубая энергия Стража струится по его телу, обволакивает его силовым щитом, защищая от разрушительной мощи космической червоточины.

Слева от него в стене тоннеля находился портал, ведущий к северной грани пирамиды. Он видел Доминику. Та лежала на нижних ступенях и плакала.

Справа от него тоже был портал. В его центральной точке виднелся белый огонек, все остальное тонуло в космической черноте.

Его обдало прохладой, отчего он почувствовал, как успокаиваются взвинченные нервы.

— *Страж, я добился успеха?*

— *Да, Хун-Ахпу. Два повелителя Нижнего мира мертвы. Портал закрывается, и бог смерти лишился прохода в ваш мир.*

Мик заметил, что портал слева от него постепенно сужается.

— *Человечеству больше ничто не угрожает?*

— *Да. И настало время сделать выбор. Ты можешь остаться Майклом Гэбриэлом или продолжить путешествие к Шибальбе, чтобы выполнить свое предназначение Хун-Ахпу, освободить страдающие души нашего народа.*

Нефилим...

Мик вспомнил перепуганные лица детей Шибальбы, души которых навеки застряли в чистилище.

Такие напуганные... такие одинокие...

Шестьдесят пять миллионов лет назад выжившие Нефилим сделали свой выбор и остались на Земле, чтобы спасти будущее неизвестных им существ, чтобы спасти души своих сородичей... если только созданный ими генетический мессия решит быть благодарным.

Мик снова посмотрел на Доминику. Он так хотел обнять ее, утешить. От мысли о другой жизни его, казалось, захлестнули чувства, которых он был с детства лишен. Любовь... Семья... Дети... И долгая счастливая жизнь. Окруженный любовью и заботой Доминики, он никогда больше не будет просыпаться с криком среди ночи в холодной бетонной клетке, не будет чувствовать себя таким одиноким...

Таким пустым.

Искупительная жертва...

Ты наделен свободой выбора, Майкл. Решай скорее.

Его сердце рвалось к Доминике, но он повернулся направо — и прыгнул.

* * *

Он летел по волнистому тоннелю чистой энергии и за его окрашенными во все цвета спектра стенами видел звезды, пролетающие мимо, словно трассирующие пули.

Мик оглянулся назад, на Землю: голубой шарик уже исчез из виду, оставалась лишь смыкающаяся материя червоточины. За его спиной смыкалась тьма...

Растущая пустота разрывала его душу в клочья.

— *Добро пожаловать, Хун-Ахпу. Ты на месте.*

— *Мне будет не хватать ее, Страж.*

— *Она жива и здорова, в ее утробе зреет наше наследие, и ее судьба навечно связана с твоей.*

Белый свет впереди мерцал и переливался.

— *Шибальба...*

Внезапная волна тревоги холодными, словно мертвыми пальцами коснулась его сознания.

— *Что же я натворил? Страж, прошу тебя, позволь мне вернуться!*

— *Слишком поздно. Не бойся, Майкл, мы никогда не покинем тебя. Ты выбрал самую лучшую, самую почетную судьбу. Ты принес себя в жертву, заплатив за ошибки прошлого. Благодаря тебе человечество сможет эволюционировать. А теперь закрой глаза и*

*отдыхай, пока мы подготовим тебя ко встрече с тем, что ждет
внизу. Тебя ожидает зло, — его квинтэссенция.*

ЭПИЛОГ

3 января 2013 года

Белый дом, Вашингтон, округ Колумбия

Президент Эннис Чейни поднял глаза на главу администрации Кэтрин Глисон, с улыбкой поприветствовавшую его.

— Доброе утро.

Он улыбнулся в ответ.

— Доброе утро. Еще один прекрасный день нашей жизни. Все готово для пресс-конференции?

— Да, сэр. И сцена украшена двумя коврами из живых цветов — так китайцы выразили вам свою благодарность.

— Прекрасно. Остальные гости уже прибыли?

— Да, сэр, они ждут вас в коридоре.

Когда раздался сигнал видеокома, секретарь штата Пьер Борджия поправлял галстук. Взглянув на часы, он решил ответить на звонок и включил монитор.

С плоского экрана ему улыбались Джозеф Рэндольф-старший и поставщик министерства обороны Питер Мабус.

— А вот и он. Счастливчик Пьер.

— Мы очень гордимся тобой, сынок.

Борджия убавил громкость.

— Джентльмены, решение еще не принято. Официально Чейни до сих пор не предложил мне пост вице-президента, хотя перед пресс-конференцией у нас назначена встреча.

— Поверь, сынок, мои источники не ошибаются, так что решение уже принято. — Рэндольф провел ладонью по седым волосам. — Как думаешь, Пит? Стоит нам дать Пьеру несколько месяцев на обустройство нового кабинета или лучше сразу нажать на кнопку, которая выкинет Чейни из города?

— Промежуточных выборов, думаю, будет достаточно.

Стук в дверь заставил Борджию подпрыгнуть от неожиданного выброса адреналина.

— Это наверняка Чейни. Я свяжусь с вами позже.

Борджия выключил видеоконференцию, и в кабинет вошел президент.

— Доброе утро, Пьер. Все готово к пресс-конференции?

— Да, сэр.

— Отлично. Да, кстати, прежде чем отправиться в Розовый сад, ^[46] я хотел бы познакомиться тебя вот с этими джентльменами. — Чейни открыл дверь, и в кабинет вошли двое мужчин в темных костюмах, а за ними — двое вооруженных полицейских.

— Это специальный агент ФБР Дэвид Тирни.

— Мистер Борджия, я прибыл с ордером на ваш арест...

Борджия только и успел открыть рот в изумлении, как двое полицейских защелкнули на его руках наручники.

— Что за чушь?

— По обвинению в подготовке заказного убийства. Вы имеете право хранить молчание...

— Но это безумие!

Запавшие черные глаза сверкнули недоброй усмешкой.

— Агент Тирни, Мика Гэбриэла продержали в заключении почти двенадцать лет. Как вы думаете, на сколько мы сможем засадить в тюрьму бывшего секретаря штата?

Тирни улыбнулся.

— О, думаю, что мы побьем этот рекорд.

Полицейские поволокли брыкающегося и вопящего Борджию прочь из кабинета.

Чейни улыбнулся и крикнул им вслед:

— А теперь проведите его мимо трибуны, так, чтобы пресса сняла его со стороны здорового глаза! Дадим им пару прекрасных снимков.

21 марта 2013 года

«Бока Ратон», Флорида

Черный лимузин выехал с шоссе 441 и направился к Западному медицинскому центру «Бока Ратон». На заднем сиденье Доминика Вазкез держала за руку Эдит Акслер и смотрела сводку новостей на крошечном экране телевизора.

— Таким образом, и археологи, и астрономы не в состоянии объяснить, почему впервые за несколько тысяч лет в день весеннего равноденствия на северной грани пирамиды Кукулькана не появилась тень змеи. С вами была Элисон Кьерас, новости «Седьмого канала», репортаж из Чичен-Ицы.

Эдди выключила телевизор, когда лимузин выруливал на стоянку перед медицинским центром. Телохранитель открыл заднюю дверцу и помог Доминике и ее матери выйти из автомобиля.

— Ты сегодня какая-то уж очень довольная.

Доминика улыбнулась.

— Я его чувствую.

— Кого чувствуешь?

— Мика. Он жив. И не спрашивай меня, откуда я это знаю, просто я чувствую его присутствие.

Эдит повела ее ко входу в госпиталь, решив, что лучше ни о чем не спрашивать.

* * *

Доминика лежала на диагностическом столе, глядя на монитор, а врач водила ультразвуковым сканером по округлившему животу. Эдди держала ее за руку, вслушиваясь в едва слышимый звук сердцебиения, который транслировал монитор.

— Вот тут у нас одна головка... а вот и вторая. Похоже, все просто замечательно. — Врач вытерла салфеткой гель с ее кожи. — Ну что, миссис Гэбриэл, хотите ли вы узнать пол будущих близнецов?

Доминика со слезами на глазах обернулась к Эдит.

— Я и так знаю, доктор. Я знаю...

notes

Примечания

1

«Fighting Blue Hens» — «Синие бойцовские курицы» (*англ.*).

2

Такл — блокирующий полузащитник (в американском футболе).

3

Учреждение для реабилитации отбывших наказание заключенных, вылечившихся наркоманов, алкоголиков, психически больных.

4

Невроз переноса — ситуация, когда в ходе лечения психоанализом у больного развивается всепоглощающий интерес к аналитику.

«Зипрекса» — антипсихотический препарат (атипичный антипсихотик) с широким фармакологическим спектром влияния на ряд рецепторных систем.

6

Теодор Роберт Банди — известный американский серийный убийца.

Ольмеки — племя, упоминавшееся в ацтекских исторических хрониках.

К'ук'улькан — одно из верховных божеств в мифологии майя. Считался богом ветра и дождей, основателем царских династий и крупных городов.

У. Шекспир, «Ромео и Джульетта», перевод О. Сороки. — М. Аграф, 2001.

Пураны — древнеиндийские тексты, написанные на санскрите. В основном это писания послеведического периода, в которых представлена история Вселенной от ее сотворения до разрушения, генеалогия царей, героев и дев, а также изложена индуистская философия и космология.

Здесь и далее — «Плутон-Койпер экспресс».

Проект SETI — (англ. SETI — Search for Extraterrestrial Intelligence) — проект, посвященный поискам внеземных цивилизаций.

Проект «СЕРЕНДИП» — система многоканальных приемников, которые прослушивают космическое пространство не на одной частоте, а сразу на нескольких миллионах частот, перекрывающих широкий диапазон радиоволн.

Е.Т. — персонаж фильма Стивена Спилберга «Инопланетянин».

Судафед — лекарственный препарат, используемый при заболеваниях верхних дыхательных путей.

Американская комедия (2000), ремейк фильма 50-х *Three stooges*.

VLA — массив из 27 радиотелескопов в штате Нью-Мексико, США.

Законы Джима Кроу (*англ.* Jim Crow laws) — неофициальное широко распространенное название законов о расовой сегрегации в некоторых штатах США.

19

2204,44 градуса Цельсия.

Ракета «Silkworm» соединяет в себе квантовые технологии и боевую часть, способную поразить даже хорошо защищенные цели. Ракета чаще всего используется для атаки тяжелых истребителей.

Один из наиболее влиятельных в научных кругах и известных широкой общественности физиков-теоретиков нашего времени.

Что случилось, сеньор? (*исп.*).

Не говорю (*исп.*).

Будь добра, приведи врача (*исп.*).

Испанское ругательство, в данном случае более крепкий эквивалент слов «ах ты чертова зараза!».

Геостационарный эксплуатационный спутник наблюдения за окружающей средой.

У. Шекспир, «Ромео и Джульетта», перевод Д.Л. Михаловского. —
Спб, «Кристалл», 2001.

Луизианский купол, Супердоум Нового Орлеана — крытый стадион вместимостью 72 000 человек, расположенный в городе Новый Орлеан.

Михаил Барышников — российский и американский артист балета, балетмейстер.

Мемориал Джорджа Вашингтона был создан по образу и подобию классического египетского обелиска.

Эрих фон Дэникен — швейцарский писатель и кинорежиссер, уфолог. Часто выступает с лекциями на тему пребывания в прошлом на Земле инопланетных космонавтов, публикует книги, снимает фильмы. Его книги переведены на 28 языков.

Light Airborne Multipurpose System — легкая авиационная многоцелевая система.

Профессиональный реслер, партнер Арнольда Шварценеггера по фильму «Хищник» Джесс Вентура был избран в 1998 году на пост губернатора штата Миннесота.

Сент-Хеленс — активный стратовулкан, расположенный в округе Скамания штата Вашингтон.

35

343,33 градуса Цельсия.

Понял, друг? (*исп.*).

Командование ПВО Североамериканского континента.

Маунт-Уэзер — крайне секретное подземное убежище в часе езды от Вашингтона.

FEMA — Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям.

DEFCON 1 соответствует началу открытого крупномасштабного военного конфликта.

COIL (chemical oxygen iodine laser) — химический лазер мегаваттной мощности.

Космическая система наблюдения и предупреждения о ракетных пусках.

Адмирал Стэнсфилд Тёрнер с 1977 по 1981 год был директором Центрального разведывательного управления США, затем стал активным сторонником ядерного разоружения.

У. Шекспир, «Ромео и Джульетта», перевод О. Сороки.

Узел — единица скорости, используемая в навигации, равна 1,87 км в час.

Небольшая лужайка в Белом доме, куда выходит кабинет президента.